

ХЭЛ ВОН

В ПОСТЕЛИ
С
ВРАГОМ

CoRpus

ХЭЛ ВОН
В ПОСТЕЛИ

ВРАГОМ
ТАЙНАЯ ВОЙНА
КОКО ШАНЕЛЬ

CoRpus

ТАЙНАЯ ВОЙНА
КОКО ШАНЕЛЬ

В сенсационной книге, основанной на архивных материалах, лишь недавно ставших доступными для исследователя, американский писатель-документалист Хэл Вон раскрывает подробности сотрудничества легендарной Кoko Шанель со спецслужбами Третьего рейха во время Второй мировой войны. Проверенные факты позволяют полностью восстановить эту драматическую историю: как и почему королева моды XX века стала агентом германского абвера.

В изложении Хэла Вона жизнь Шанель во время войны выглядит столь динамично и душераздирающе, что невольно вспоминаются "Бесславные ублюдки" Тарантино. Эта книга так же незабываема.

SAN FRANCISCO CHRONICLE

Вон так живо воссоздает образ своей героини, что становится ясно, почему суровый критик Андре Мальро писал: "В истории Франции XX века останутся три имени — де Голль, Пикассо и Шанель".

THE DAILY BEAST

Традиционное представление о Шанель в корне меняется: икона стиля уступает место живой целеустремленной женщине, которая принимала трудные решения, шла на компромиссы, лгала, сотрудничала с оккупантами и изворачивалась всеми мыслимыми способами, лишь бы выжить и уберечь своих близких.

THE WASHINGTON POST

В ПОСТЕЛИ
С
ВРАГОМ

HAL VAUGHAN

SLEEPING WITH
THE ENEMY
COCO CHANEL'S
SECRET WAR

ХЭЛ ВОН

В ПОСТЕЛИ
С ВРАГОМ
ТАЙНАЯ ВОЙНА
КОКО ШАНЕЛЬ

Перевод с английского

Александра Кабисова, Никиты Михайлина

издательство **астрель**

УДК 687(092)

ББК 85.126

В73

This translation is published by arrangement with ALFRED A. KNOPF, an imprint of THE KNOPF DOUBLEDAY PUBLISHING GROUP, a division of RANDOM HOUSE, INC.

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Вон, Хэл.

В73 В постели с врагом. Тайная война Коко Шанель / ХЭЛ ВОН; пер. с англ. А. КАВИСОВА, Н. МИХАЙЛИНА. — Москва : Астрель : CORPUS, 2012. — 480 с.

ISBN 978-5-271-45452-3 (ООО "Издательство Астрель")

Легендарная Габриэль (Коко) Шанель — фигура столь притягательная, а слухи и сплетни, по сей день окружающие ее жизнь, столь скандальны и загадочны, что биографы, кажется, готовы писать о ней вечно. Однако работа американского писателя-документалиста Хэла Вона ставит точку в главном вопросе, четко, подробно и доказательно объясняя, когда и каким образом осуществилось пресловутое сотрудничество Шанель с нацистским режимом. Исследование это основано на материалах множества архивов во Франции, Германии, Италии, Польше, Великобритании и США, значительная часть которых до недавнего времени оставалась засекреченной.

Хэл Вон, родившийся в 1928 году, успел за свою долгую жизнь побывать журналистом, продюсером документальных фильмов, военным, дипломатом и разведчиком. Он служил в армии США во время Второй мировой и Корейской войн и неоднократно участвовал в секретных миссиях ЦРУ — неудивительно, что его творчество лишено романтического флера и построено на неоспоримых фактах. С беспощадной объективностью он превращает икону обратно в человека и заново создает портрет великой женщины: гениальной, расчетливой, щедрой, циничной, милосердной, непредсказуемой, в равной степени верной и вероломной.

УДК 687(092)

ББК 85.126

ISBN 978-5-271-45452-3 (ООО "Издательство Астрель")

- © 2011 by Hal Vaughan
- © R. Y. Horst; courtesy of Staley / Wise Gallery, фотография на обложке
- © Н. Михайлин, перевод на русский язык, главы 1–5, 2012
- © А. Кависов, перевод на русский язык, главы 6–12, 2012
- © А. Бондаренко, оформление, 2012
- © ООО "Издательство Астрель", 2012
- Издательство CORPUS ®

Оглавление

<i>Пролог</i>	11
ГЛАВА 1. Метаморфоза: Габриэль становится Коко	20
ГЛАВА 2. Запах женщины	31
ГЛАВА 3. Золотой герцог	73
ГЛАВА 4. Голливудский дивертисмент	117
ГЛАВА 5. Прощай, Поль; здравствуй, Шпатц	132
ГЛАВА 6. А потом пришла война	165
ГЛАВА 7. Париж оккупирован, Шанель — беженка . .	208
ГЛАВА 8. Динклагге встречается с Гитлером; Шанель становится агентом абвера	242
ГЛАВА 9. Шах и мат Вертхаймеров	256

ГЛАВА 10. По заданию Гиммлера	271
ГЛАВА 11. Везение Коко	309
ГЛАВА 12. Возвращение Коко	348
<i>Эпилог</i>	<i>373</i>
<i>Слова благодарности</i>	<i>377</i>
<i>Список иллюстраций</i>	<i>380</i>
<i>Примечания</i>	<i>385</i>
<i>Библиография</i>	<i>439</i>
<i>Именной указатель</i>	<i>465</i>

Книга посвящается тем французам
и француженкам, которые, несмотря
на нацистское иго, не стали
коллаборационистами.
А также, как всегда, — Фуонг

*Твой рассказ
Я жажду слышать: верно, увлечет он
Наш слух.*
ШЕКСПИР, "Буря"¹

¹ Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.

Пролог

Звезда ее не меркнет с годами, она — единственный до сих пор действующий вулкан во всей Оверни... самая блестящая, самая пылкая, самая великолепная и невыносимая женщина всех времен.

Не успела Габриэль Шанель упокоиться в дизайнерском склепе на кладбище швейцарской Лозанны, как из Парижа пришли вести о том, что первая леди Франции (жена президента Жоржа Помпиду и большая поклонница Шанель) готовит к открытию в октябре 1972 года официальную выставку, посвященную жизни и творчеству Шанель во французской столице. Незадолго до этого легендарная Геба Дорси, редактор раздела моды в *International Herald Tribune*, сообщила, что “мероприятие в честь Шанель”, вероятно, отменят совсем или, по меньшей мере, перенесут на неопределенный срок. По ее словам, издатель журнала *Paris Match* Пьер Галант готовил к публикации шокирующие материалы из архивов французской контрразведки. Дорси утверждала, что во время немецкой оккупации Парижа Шанель имела связь с бароном Гансом Гюнтером фон Динклагге — “опасным агентом немецкой разведки, а также, вполне возможно, агентом гестапо”.

Шанель — французский эталон хорошего вкуса — в постели с нацистским шпионом, а то и с ненавистным гестаповцем? Французы, а тем паче французские евреи, прошедшие через тяготы борьбы в рядах Сопротивления и ужасы немецких концентрационных лагерей, считали всех коллаборационистов отбросами, достойными безграничного презрения. Не секрет, что в кругах парижской высокой моды годами ходили слухи о том, что во время оккупации Шанель сожительствовала с неким любовником из Германии по прозвищу Шпатц — “Воробей” по-немецки — в шикарном отеле “Риц”, куда также съезжались потешить себя швейцарским качеством обслуживания нацистские бонзы вроде Германа Геринга или Йозефа Геббельса. Но гестапо? Разве не Шанель одевала мадам Помпиду? Разве не ее чествовали в Елисейском дворце? Как могла икона французского общества пустить к себе в постель “немецкого шпиона”? В это просто невозможно было поверить. Даже несмотря на то, что десятки тысяч других “сотрудничавших” французов и француженок, в свое время добровольно деливших с немецкими офицерами все — вплоть до постели, — так и остались безнаказанными. К 1972 году позор их предательства все еще не был смыт до конца. Любимая связь Шанель длилась более десяти лет, и этот факт даже побудил одного из обозревателей задаться вопросом: а в самом ли деле она “придавала большое значение политике, или, быть может, ей просто хотелось любить и быть любимой, и не важно, кто что исповедует”?

Трудно было представить худший момент для переноса национальных чествований Шанель. Вдобавок ко всему, американский издатель Альфред А. Кнопф опубликовал книгу историка Роберта О. Пэкстона “Вишистская Франция: старая гвардия и новый порядок 1940–1944 гг.”. Этот труд, посвященный вишистскому режиму

маршала Филиппа Петена, затмил абсолютно все французские исторические работы на ту же тему, к крайней досаде и разочарованию их авторов, которые были биты на собственном поле. Опираясь исключительно на материалы немецких архивов — ведь правительство Франции закрыло доступ к архивам вишистским, — Пэкстон в своей книге доказывал, что сотрудничество Петена с некоторыми представителями когорты убежденных нацистов из высших эшелонов носило скорее добровольный, нежели принудительный характер.

Учитывая предстоящие уже в следующем году выборы и в условиях, когда представителям Дома Шанель то и дело приходилось отбиваться от сыпавшихся в адрес его основательницы обвинений в связях с гестапо, правительству Помпиду не оставалось ничего другого, кроме как отложить организацию торжеств в честь Шанель в долгий ящик. В то же самое время Пьер Галант готовился опубликовать в Париже и Нью-Йорке новую биографию Шанель, которая грозила раскрыть новые нелицеприятные подробности ее сотрудничества с нацистами. Как утверждал автор, в прошлом боец Сопротивления, а теперь — муж английской актрисы Оливии де Хэвилленд, все сенсационные сведения ему удалось добыть в архивах французской контрразведки.

Книгу еще не успели сдать в печать, а о ней уже говорил весь Париж. Узнав о готовящейся публикации, лауреатка Гонкуровской премии Эдмонда Шарль-Ру была вне себя. Она объявила изложенные Галантом факты чепухой: “[Динклагге] не имел никакого отношения к гестапо”. Шпатца и Шанель, настаивала она, не связывало ничего, кроме любви и дружбы (сама мадам Шарль-Ру как раз тоже работала над биографией Шанель и определенно не имела доступа к источникам Галанта).

По мнению автора более ранней биографии Шанель Марселя Эдриха, Шпатц был обычным бонвиваном, “большим охотником до вкусной еды, хорошего вина, сигар и красивой одежды... благодаря Шанель он мог ни в чем себе не отказывать... он дожидался ее в салоне... целовал ей ручку и мурлыкал “как нам сегодня спалось?”... а тот факт, что между собой они общались по-английски, давал ей право заявлять: “Никакой он не немец — его мать была англичанкой”.

Когда в сентябре 1972 года корреспондентка *Women's Wear Daily* — нью-йоркской газеты о женской моде — спросила у Шарль-Ру: “Правда ли, что Шанель — величайшая из всех кутюрье Парижа — на самом деле была агентом гестапо?”, писательница ответила так: “[Динклагге] не работал в гестапо. Он был связан полномочиями [в Париже] и участвовал в передаче некоторых сведений. Да, у него была грязная работа. Но нужно помнить о том, что тогда шла война, а его, к несчастью, утوراзило родиться немцем”. Лишь годы спустя Шарль-Ру узнала, что Шанель вместе с адвокатом Рене де Шамбрюном подтасовывали факты, чтобы ввести ее в заблуждение.

Освобождение Парижа началось в августе 1944 года с кровавых уличных боев между немецкими войсками и отрядами грязных, оборванных бойцов Французских внутренних сил (FFI) — нерегулярных подразделений генерала Шарля де Голля (Шанель презрительно называла их “фифи”). С ними плечом к плечу сражались коммунисты — Франтирёры и партизаны (FTP), а также офицеры полиции в штатском. Некоторые из бойцов Сопротивления имели в своем распоряжении только легкое полицейское оружие, другие были вооружены старыми револьверами и винтовками времен Первой мировой, кто-то успел запастись коктейлями Молотова и трофейным оружием,

снятым с мертвых бошей. Нередко в рядах уличных бойцов встречались студенты в простых сандалиях и с закатанными на худых руках рукавами. Единственной формой им служили наручные повязки со знаком французской полиции или аббревиатурами FFI или FTP.

В последние недели августа на помощь восставшим подоспели экипированные американским оружием бойцы армии “Свободной Франции” под командованием генерала Леклерка (военный псевдоним Филиппа де Отклока), после чего немецкий гарнизон сложил оружие. Наконец-то Париж был освобожден, спустя четыре года подчас жестокой оккупации. Все ужасы арестов, пыток и концентрационных лагерей остались в прошлом. По всему городу радостно звонили колокола, гудели клаксоны, люди танцевали прямо на улицах. Теперь вся Франция, за исключением Эльзаса, Лотарингии и еще нескольких областей, была в руках солдат “Свободной Франции” генерала де Голля.

В последние дни августа народом овладела жажда мести. Давали о себе знать четыре года скрытого страха, стыда, притеснений и унижений. Разгневанная толпа разлилась по улицам и площадям французских городов. Жертвами сведения личных счетов без разбору становились виновные и невинные. Повсюду избивали и убивали подозреваемых в коллаборационизме с нацистами. По улицам с позором гнали “горизонтальных коллаборационисток” — женщин и девушек, спавших с оккупантами. Некоторых из них клеймили свастикой, других обрывали налысо. “Коллабов” из числа гражданских — даже врачей, лечивших бошей, — расстреливали без суда и следствия. Кому-то из “изменников родины” посчастливилось попасть за решетку, где они могли дожидаться суда, не опасаясь за свою жизнь. В конечном итоге

органам временного правительства при поддержке солдат генерала де Голля удалось положить конец этой кровавой междоусобице.

Имя Шанель — модного кумира XX века — тоже значилось в черном списке мести. Сами французы называли творившийся по всей стране самосуд *épuration* — очищением, искуплением израненной Франции в память о многочисленных жертвах нацистской оккупации.

Не прошло и нескольких дней с момента, когда Париж покинул последний немецкий солдат, а Шанель уже вовсю раздавала флаконы *Chanel № 5* солдатам американским. Потом “фифи” арестовали и ее. Рассвирепевшие студенты притащили ее на допрос в штаб FFI.

Однако в дело через британского посла при временном правительстве де Голля Даффа Купера вмешался сам Уинстон Черчилль; несколько часов — и она снова была на свободе. Спустя несколько дней она бежала в швейцарскую Лозанну, где к ней присоединился Динклагге, который в свои сорок восемь все еще был очень привлекателен. Самой Шанель шел шестьдесят второй год.

Правительство де Голля не замедлило издать указ ведомства министерства юстиции об организации специальных комиссий по расследованию дел о сотрудничестве с нацистским режимом (уголовная статья по нормам французского законодательства). Первыми судили главу вишистской республики Филиппа Петена и его премьер-министра Пьера Лавалья. Обоих признали виновными и приговорили к высшей мере. Петена де Голль пощадил из-за его преклонного возраста, но Лаваль был расстрелян.

Всего за период послевоенного “очищения” через армейское и гражданское судебные ведомства прошли 160 287 подобных дел. В результате к смерти были приговорены 7037 человек, однако из них были действительно

расстреляны всего около 1500. Для остальных высшую меру заменили тюремным заключением.

С момента Освобождения минуло уже почти два года, а французский суд только выпустил “срочный” ордер на выдачу Шанель властям Франции. 16 апреля 1946 года судья Роже Серр приказал полиции и пограничной службе доставить ее в Париж для допроса. Через месяц он инициировал расследование ее деятельности во время войны. Однако внимание Серра к Шанель привлекла отнюдь не ее связь с Динкляге. Скорее его заинтересовала возможная связь Шанель с немецкой военной разведкой, а главное — с предателем Франции бароном Луи де Вофреланом. По данным французской полиции, во время войны барон не только приворовывал государственные средства, но и являлся немецким шпионом, которому, если верить абверовской картотеке, был присвоен статус *V-Mann*, что на языке сокращений гестапо и других германских разведслужб означало “доверенный агент”.

Серр, в свои сорок восемь имея за плечами более чем двадцатилетний опыт судебной работы, допрашивал Вофрелана долгие месяцы. Кроме того, от офицеров французской разведки ему стало известно об имевшем место сотрудничестве Вофрелана и Шанель с немецкими военными. Постепенно, шаг за шагом, дотошный следователь докапывался до подробностей и обстоятельств вербовки Шанель немецкой разведслужбой и ее последующего сотрудничества с Вофреланом — в частности, их совместных поездок в Мадрид в 1941 году по заданию абвера.

В ходе допроса и дачи свидетельских показаний Шанель настаивала на том, что все истории Вофрелана были чистой воды “фантазиями”. Однако данные судебных и полицейских протоколов свидетельствуют об обрат-

ном: в то время как летом 1941 года бойцы Сопротивления сражались с немцами, Шанель добровольно согласилась работать на абвер в качестве агента. В скрупулезном пятидесятистраничном отчете буквально по минутам расписывается, каким образом лейтенант Герман Нибур (он же доктор Анри Нойбауэр — немецкий агент) сначала завербовал Шанель и барона Луи де Вофрелана Пискатори (в дальнейшем — агента F-7117), а затем летом 1941 года отправил их в Испанию для выполнения шпионской миссии. Задачей Вофрелана было находить людей, готовых за деньги или же под соответствующим давлением шпионить в пользу нацистской Германии. В свою очередь Шанель, которая лично знала британского посла в Испании сэра Сэмюэля Хора благодаря своим связям с герцогом Вестминстерским Хью Гросвенором, должна была обеспечивать Вофрелану прикрытие.

Вряд ли судья Серр имел представление о действительных масштабах и глубине сотрудничества Шанель с нацистскими властями. Маловероятно, что к нему в руки могли попасть датированные 1944 годом отчеты британской разведки с показаниями абверовского агента-перебежчика графа Йозефа фон Ледебур-Вихельна. Из показаний Ледебура следует, что в 1943 году Шанель вместе с бароном фон Динклагге ездила в разбомбленный Берлин и предлагала свою помощь в качестве агента и посредника рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру. Кроме того, если верить Ледебуру, после визита в Берлин Шанель предприняла повторную поездку в Мадрид по заданию эсэсовского генерала Вальтера Шелленберга, который возглавлял разведывательную службу в ведомстве Гиммлера. Серр и предположить не мог, что Динклагге состоял на службе в немецкой разведке с самого конца Первой мировой войны и проходил в абвере под кодовым номером F-8680.

Пролог

Скорее всего, судья Серр также не мог знать правду о тесном сотрудничестве Шанель с нацистами в период оккупации Парижа в качестве агента, состоявшего на содержании у ведомства Вальтера Шелленберга. Равно как не знал он и о том, что Динкляге работал на абвер и гестапо во Франции и Швейцарии как до войны, так и позднее — в оккупированном немцами Париже.

Глава 1

МЕТАМОРФОЗА: ГАБРИЭЛЬ СТАНОВИТСЯ КОКО

*Если вам случилось родиться без крыльев, не нужно мешать им пробиваться...
Всегда вставайте пораньше и усердно трудитесь. Это не больно: ваш ум будет все время занят, а тело активно...*

КОКО ШАНЕЛЬ

Габриэль Шанель, будущее воплощение французского шика, родилась в богадельне в Пэиде-ла-Луар знойным августовским вечером 1883 года. Крайняя нищета вынудила ее родителей, крестьян, живших на опушке каштановой рощи в предгорьях Севенн, податься в коробейники. В свидетельстве о рождении ее записали как “Шаснель”. Вполне возможно, что это описка служащего, однако, вероятнее всего, таким было старое написание ее фамилии, которое позднее поменяли на более благозвучное (впоследствии эта исчезнувшая “с” вызовет изрядную путаницу в полицейских документах).

Ее мать, Жанна Деволь, после рождения Шанель развелась с первым мужем, чтобы через несколько

лет связать себя узами брака с отцом девочки Альбером Шанелем. На протяжении двенадцати лет, вплоть до смерти Жанны, семейство Шанель с детьми — тремя дочерьми, Джулией-Бертой, Габриэль и Антуанеттой; и двумя сыновьями, Альфонсом и Люсьеном, — жило где придется и колесило в повозке, груженной товаром, с рынка на рынок.

Когда в 1895 году Жанна умерла в возрасте тридцати трех лет, Альбер отправил сыновей наемными рабочими на ферму, а двенадцатилетнюю Габриэль вместе с сестрами — в окрестности Корреза, что в центральной Франции. Здесь, в церковном приюте, основанном Этьеном д'Обазином в двенадцатом веке, девочки прислуживали монахиням.

Многие годы спустя, вспоминая о тяжелой жизни в приюте, Шанель напишет: «С самого раннего детства я была убеждена, что у меня отняли все и что я фактически мертва. Я знала это в свои двенадцать лет. В жизни случается, что умираешь не раз».

Никто из биографов Шанель не писал о том, как двенадцатилетней девочке жилось в приюте. В разговорах она никогда не вспоминала о служении в монастыре и годах, проведенных под гнетом католической дисциплины, — годах изнурительного труда и лишений. В то время католическая доктрина делала особый упор на кару за грехи и их искупление. Хорошо известно также, что на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков католические учреждения наставляли своих адептов в ненависти и презрении к евреям, и в этом отношении приют д'Обазина не был исключением.

Не стала исключением и его воспитанница Шанель, от которой позднее нередко можно было услышать антисемитские высказывания. Известный французский писатель и главный редактор модного журнала *Marie Claire* Марсель Эдрих вспоминал о разговоре с Шанель по поводу своей свеженизданной книги “И сотворил Моисей Господа”. Шанель спросила Гейдриха: “Почему Моисей? Кому сейчас интересны все эти истории древности? Или вы надеетесь, что они понравятся евреям? Евреи не станут покупать вашу книгу!” Когда же разговор коснулся модных бутиков, появившихся в Париже один за другим как грибы, Шанель заявила: “Единственные, кого я боюсь, — так это евреи и китайцы; в первую очередь — евреи”. Как отмечает Эдрих, “Шанель не просто дурно отзывалась о евреях — ее антисемитизм был неистовым, старомодным и подчас выходил за все мыслимые рамки приличия”. Будучи человеком своей эпохи, она, как и многие другие, придерживалась заученной догмы: кто, как не евреи, распял Иисуса?

Христианская догматика веками настаивала на том, что именно евреи убили Христа. Начиная со Средних веков, в Европе было принято считать, что “евреи не к добру”. Для них было закрыто большинство профессий, их не принимали в гильдии и торговые корпорации. Во времена Шекспира евреев изгнали из Англии как людей низшего сорта. Единственным достойным еврея занятием считался сбор налогов, что, в свою очередь, никак не способствовало проявлению теплых чувств со стороны бед-

ных крестьянских семейств, подобных семейству самой Шанель. Чуть позднее нацисты, а вместе с ними и гораздо менее фанатично настроенные европейцы искренне поверили в реальность иудео-большевистского заговора и винили евреев в том, что те, по их мнению, собственно, и придумали большевизм.

Когда Габриэль исполнилось восемнадцать, ее поместили в католический пансион для девиц в Мулене. В то время во Франции еще вовсю шли дебаты по поводу скандального дела Дрейфуса, почти на десять лет расколовшего общественное мнение. Нашумевшая история началась в 1894 году с ареста Альфреда Дрейфуса — молодого французского капитана артиллерии эльзасско-еврейского происхождения, которого судили по ложному обвинению в государственной измене. Осужденного Дрейфуса отправили на каторжные работы на Чертов остров во Французской Гвиане, однако впоследствии его дело пересмотрели, и в конечном итоге в 1906 году он был оправдан. Дрейфуса восстановили в чине майора, и он с честью служил в рядах французской армии во время Первой мировой войны, после чего вышел в отставку в 1919 году в чине подполковника.

Дело Дрейфуса распалило и обнажило антисемитские страсти, подогреваемые католической церковью и ее союзниками — монархистами и националистами. Девичьи годы Шанель в приюте, а затем в пансионе также пришлось на время “разгара антисемитизма” в католических кругах Мулена. Популярная в то время ежедневная прокатолическая газета

La Croix (“Крест”) буквально ополчилась на евреев. Типичным выразителем тогдашней церковной позиции был священник отец дю Лак, который своими речами вдохновлял Эдуара Дрюмона — публициста антисемитского толка, автора *La France juive* (“Еврейской Франции”), также известного своим лозунгом “Франция для французов”. Эхо этой идеи и по сей день отдается во французской политике, в особенности в кампаниях Жан-Мари Ле Пена и его дочери Марин, которая теперь возглавляет влиятельный ультраправый Национальный фронт.

Шанель не могла не испытать на себе влияния пропагандистской кампании католической церкви против офицера Дрейфуса. Позднее сила ее страха перед евреями и ненависти к ним поражала и коробила даже тех, кто и сам был не чужд более мягких форм антисемитизма.

В двадцать лет Габриэль отправили работать швеей. В свободное время она пела в кафе, которое посещали по большей части офицеры-кавалеристы. Здесь она и стала “Коко” — так называлась одна из песенок, которую она исполняла, хотя не исключено, что прозвище это получилось от сокращенного французского *cocotte* — кокотки или, иными словами, содержанки.

Ее жгучие черные глаза, необычная внешность и миниатюрная, почти детская, точеная фигурка покорили сердце богатого кавалерийского офицера в отставке Этьена Бальзана. Шанель оставила нитки

и иголки, кафешное кокетство и жизнь, обреченную на вечную рутину. В двадцать три она стала любовницей Бальзана и поселилась в его замке при конном подворье близ Компьена, что в семидесяти пяти километрах от Парижа. Среди густых компьенских лесов, испещренных прудами, болотами и вересковыми пустошами, Шанель вместе со своим любовником и его друзьями каталась верхом на лошадях из конюшни Бальзана по некогда королевским охотничьим тропам.

Бальзан, родом из богатой семьи текстильных промышленников, шивших форму для французской армии, уделял Шанель много времени, благодаря чему она быстро освоила технику верховой езды, причем как в женском, так и в мужском седле. Он также научил ее управлять конюшнями. На фотографиях видна безупречная посадка Шанель в седле. На одном из снимков она с заплетенными под шляпой-котелком волосами горделиво и уверенно восседает на прекрасном гнедом охотничьем скакуне. Любовь к лошадям и умение кататься верхом пригодятся ей многими годами позже, когда она будет охотиться с герцогом Вестминстерским Хью Гросвенором по прозвищу Бендор и его друзьями, в том числе с Уинстоном Черчиллем и его сыном Рэндольфом.

Жизнь Шанель переменилась буквально за несколько месяцев. Достаточно взглянуть на ее снимки того времени: Шанель верхом; в объятиях элегантного Леона де Лаборда и ловящая на себе взгляд

ПРИТВОРНАЯ СЦЕНА РЕВНОСТИ. Слева направо: Бой Кэйпел в атласном кимоно замахивается на Леона де Лаборда, который закрывает от него сонную Шанель в халате (1908 г.).

Этьена Бальзана; с одетым в шелковое кимоно Артуром Кэйпелом (вскоре они станут любовниками), который в шутку замахивается увесистой тростью на Лаборда в пижаме, а тот как бы защищает Шанель от нападения ревнивца. На другом снимке Шанель похожа на маленькую девочку, только что из постели. Пряди черных как уголь волос спадают ей на плечи и рассыпаются по складкам белого халата. А вот она тем же летом 1912 года в тонкой пижаме за завтраком. С ней за столом Кэйпел, Лаборд, Габриэль Дорзиа, Бальзан, Люсьен Энро и Жанна Лери.

В 1908 году Шанель влюбилась в Артура Кэйпела — друга и товарища Бальзана по охотничьим

Артур "Бой" Кэйпел. Рядом с ним Шанель
верхом на лошади. Снимок сделан в замке
Бальзана Шато-Руайо в Компьенском лесу.
В 1908 году у них начнется роман, который
продлится 11 лет.

выездам. Друзья называли его "Бой". Он был красив, богат, горяч и принадлежал к английской аристократии. В том же 1908 году Бой устроил Шанель на квартире в Париже и помог ей открыть салон дамских шляпок. Пусть Бальзан потерял любовницу — их у него всегда было немало, — зато их дружба с Шанель продолжалась всю жизнь.

Шанель во власти Боя Кэйпела.
Иллюстрация Сема (псевдоним
французского художника
Жоржа Гурса), 1910 г.

Теперь Бой Кэйпел и Шанель зажили душа в душу. Кэйпел великодушно устроил племянника своей любовницы Андре Паласса учиться в одну из лучших закрытых школ в Англии после того, как мать мальчика — старшая сестра Шанель Джулия-Берта — покончила с собой. Позднее, когда Шанель стала заниматься модной женской одеждой, Кэйпел неизменно давал ей деньги на открытие новых бутиков в Париже, Довиле и Биаррице.

С 1914 по 1918-й, в годы Великой войны, Шанель жила в апартаментах с видом на Сену и бульвар Трокадеро. Впереди ее ждет огромное состояние. Вскоре на нее работают уже не менее трех сотен портних, которые создают под ее руководством линию платьев из джерси. Чуть позже она открывает свой знаменитый парижский бутик рядом с Вандомской площадью на рю Камбон, 31. Здесь берет свое начало Дом Шанель, которому суждено стать образцом французского стиля, изысканности и утонченности в одежде. По мере процветания дела Шанель создает *les Tissus Chanel* для выпуска и продажи высококачественных тканей.

На протяжении одиннадцати лет Шанель наслаждалась любовью и дружбой Боя Кэйпела, но низкое происхождение не позволяло ей стать женой англичанина-аристократа со связями в высшем обществе. В 1918 году Бой женился на дочери английского лорда, однако это не стало препятствием для их любовной связи с Шанель. А потом Бой погиб в дорожной аварии, возвращаясь под Рождество к жене и недавно родившемуся ребенку. Его смерть опустошила Шанель. Вдобавок она еще и узнала, что была у него не единственной пассией. В феврале 1920 года лондонская "Таймс" поведала всему миру о том, какими крупными суммами Кэйпел одарил Шанель и еще одну свою любовницу — итальянскую графиню — по завещанию. Сломленная предательством любимого и одновременно тоской по нему, Шанель надолго погрузилась в пучину мучительной скорби. Спустя двадцать пять лет, находясь в швейцарском изгнании, Шанель как-то признается

Хэл Вон. В постели с врагом

своему другу и биографу Полю Морану: “Его смерть стала для меня ужасным ударом. Потеряв Кэйпела, я потеряла все. Признаться честно, то, что было дальше, нельзя назвать счастливой жизнью”.

Глава 2

ЗАПАХ ЖЕНЩИНЫ

У женщины, которая не пользуется духами, нет будущего.

Поль ВАЛЕРИ

Марию Софию Ольгу Зинаиду Годабску — или попросту Мисю в парижских богемных кругах, — точно так же, как и Шанель, в десять лет отдали в приют. С раннего детства она восхищалась своей игрой на пианино композиторов Ференца Листа и Габриэля Форе. Суровые монастырские наставницы со временем сделали из нее настоящего виртуоза. “Всеобщее пренебрежение научило Мисю независимости, а постоянное одиночество — смелости”.

В 18 лет Мися сбежала от несчастливой и тягостной жизни в приюте в викторианский Лондон, где сменила несколько любовников, каждый из которых был много старше ее. В конце концов она решила воссоединиться с семьей в Бельгии и, едва ей исполнилось двадцать, стала богатой наследницей после смерти дядюшки. Год спустя Мися вышла замуж за двадцатипятилетнего Таде Натансона. Молодая

пара переехала жить в Париж, где красота Миси в сочетании с ее вольными манерами “надменной бунтарки” быстро открыла ей доступ в круги легкомысленной столичной богемы рубежа веков. Следующие несколько лет протекали для нее в ветреной атмосфере диалогов и речей, полных “трех-пяти буквенных выражений”, и флирта с некоторыми из наиболее ярких парижских талантов. По словам Марселя Пруста, она была соблазнительна и эффектна, как русский балет. Вскоре Мися с мужем присоединились к неконвенциональной по тем временам группе художников и артистов. Она стала излюбленной натурщицей Вюяра, Боннара, Тулуз-Лотрека и Ренуара. Каждый из них создал множество ее портретов. Сегодня портреты Миси за пианино, за столом, в театре можно найти в крупнейших музеях мира. Влекомая любовью к сцене, Мися вступила в мир театра и балета, где близко сошлась с балетмейстером Сержем (Сергеем) Дягилевым. Биографы Миси описывают ее как “воцарившуюся подле него (Дягилева) возвышенную розу русского балета”.

Знакомство с Мисей позволяло войти в избранный круг внутри послевоенной элиты Парижа. Однако реальная Мися отнюдь не являлась принцессой из романа Пруста. Сменив трех мужей, она в разное время была то мадам Таде Натансон, то мадам Альфред Эдвардс (получив фамилию баснословно богатого бизнесмена и известного копрофила, который заставил Натансона отдать ему Мисю в счет долгов), то, наконец, женой испанского художника Хосе-Марии Серта.

Это лицо попадет на портреты
многих всемирно известных
французских художников:
Мися Годабска, 1905 г.

Шанель с Мисей познакомились на званом ужине у знаменитой актрисы театра “Комеди Франсез” Сесиль Сорель. Годы спустя в своих неопубликованных мемуарах Мися так писала об их первой встрече:

[Меня] привлекла черноволосая молодая дама... Она не говорила ни слова, но излучала неотразимый шарм... все обращались к ней “мадемуазель Шанель”. Она была бесконечно грациозна... я вслух восхитилась чудесным меховым мантио, что было на ней, — и она тут же прелестно и непринужденно накинула мех мне на плечи, сказав, что раз так, то она с радостью дарит его мне... Этот

Игорь Стравинский и Вацлав Нижинский
на премьере балета Дягилева "Петрушка"
в Парижском театре "Дю Шатле", 1911 г.

милый жест с ее стороны буквально околдовал меня, и я не могла больше думать ни о ком, кроме нее. На следующий день я зашла в ее бутик на рю Камбон, и там две женщины стояли и говорили о ней, называя ее "Коко"... это прозвище покорило меня... все внутри упало... было такое впечатление, будто

моего идола разбили об стенку. Как же можно величать кого-то настолько исключительного подобным вульгарным прозвищем? [Неожиданно] вошла та самая женщина, о которой я со вчерашнего вечера только и думала... часы понеслись вперед, как в сказке... в основном говорила я, она едва проронила пару слов. Теперь мысль о расставании с ней казалась невыносимой... вечером того же дня мы с Сертом ужинали у нее на квартире... среди бесчисленных коромандельских ширм мы обнаружили Боя Кэйпела.

Серта возмущала моя страстная увлеченность новой подругой. И действительно, ранее такого за мной не водилось... Потом [после смерти Боя Кэйпела] Коко настолько сильно и глубоко переживала [потерю], что была на грани неврастения; я отчаянно пыталась придумать какой-нибудь способ отвлечь ее... Следующим летом мы с Сертом увезли ее в Венецию.

Какая-то искра проскочила между двумя прекрасными женщинами. Как сказали бы французы, Габриэль Шанель и Мися Серт “зацепились атомами друг за друга”. Так вспоминала о Мисе Шанель: “Я всегда оставалась для Миси загадкой — и потому всегда была ей интересна. У нее был редкий талант нравиться женщинам и художникам. Она была и остается для Парижа богиней Кали — одновременным олицетворением разрушения и созидания”.

Биографы Миси Артур Голд и Роберт Фицдейл описали, как, по их мнению, она воспринимала Шанель в те ранние годы их интимной дружбы.

Наряды Шанель отличала изысканная простота — в них состоятельные дамы смотрелись почти как бедные горожанки, — и именно на этом Шанель зарабатывала свои миллионы. Ее гений, великодушие, ее безумие в сочетании с холодным расчетливым умом, ее маниакальная тяга к разрушению — все это интриговало и одновременно приводило всех в смятение.

С годами дружба Миси и Шанель то угасала, то вспыхивала с новой силой, однако, несмотря ни на что, они всегда держались вместе, объединенные бесчисленными общими тайнами, в числе которых был и морфий: подруги употребляли его временами как средство от отчаяния и депрессии.

Мир привилегированной аристократии уходил в прошлое, а Шанель стала символом новой эпохи. В тридцать пять она принялась за создание Коко — женщины “бурных двадцатых”. Шанель запустила линию дорогой, но предельно скромной повседневной одежды: шерстяные дорожные костюмы со строгими блузками, спортивные платья и туфли на низких каблуках.

Страницы журналов пестрели фотографиями ее творений. Америка открыла для себя Шанель именно благодаря джерси. К 1918 году Шанель могла себе позволить выложить триста тысяч золотых франков

Мися. 1910 г.

за шикарную виллу в Биаррице, которая станет главной резиденцией ее компании на юге Франции. Уже в 1915 году журнал *Harper's Bazaar* безапелляционно заявлял: “Безнадежно отстала от моды та женщина, у которой в гардеробе нет хотя бы одной вещи от Шанель... В этом сезоне имя Шанель на устах у каждой покупательницы”.

Если на устах у издателей модных журналов было имя Шанель, то на уме у союзников (англичан, французов, итальянцев и иже с ними) была победа над бо-

шами. В марте 1917 года президент США Вудро Вильсон был избран на второй срок и уже в апреле заставил Конгресс объявить войну Германии. Пока “тедди” — так французы называли янки — под началом “Черного Джека” Першинга пересекали океан, состоятельные парижанки мчались в Довиль и Биарриц, где осаждали бутики Шанель в поисках чего бы примерить.

Между тем Европу потрясло одно важное событие за другим. Октябрьская революция 1917 года привела к власти большевиков во главе с Лениным и Троцким; Турция капитулировала перед союзниками, а в Германии немцы умирали от голода. В 1918 году союзники вместе с американцами остановили весеннее кайзеровское наступление на Западном фронте. 11 ноября 1918 года Австро-Венгрия и Германия подписали капитуляцию. Так закончилась Первая мировая война.

Пока демобилизованные немецкие части расползались обратно по домам, в Париже хлопали пробки от шампанского. Шанель носила “широкие, невероятно шикарные шерстяные платья, простые, как форма курсистки”. По городу она разъезжала исключительно на лимузине “роллс-ройс” с водителем. А тем временем покупательницы в ее бутиках выкладывали по семь тысяч франков за платье (что на сегодняшние деньги составило бы порядка трех тысяч шестисот долларов).

Однако по финансовым учреждениям Европы уже начинал бродить призрак инфляции. Проще говоря, если в 1914 году буханка хлеба стоила в Германии, в пересчете на доллары, 13 центов, то в 1919 году — уже вдвое дороже. Потом цена еще удвоилась, затем

утроилась и стала совершенно невообразимой. Экономика Германии срывалась в пропасть.

В двух тысячах миль от Парижа двое немецких офицеров пробирались домой с фронта. Одного из них звали барон Ганс Гюнтер фон Динклаге, другого — Теодор Момм. Оба они служили офицерами в элитном Ганноверском полку королевских улан и, как и миллионы других немецких и австрийских солдат, стремились начать новую жизнь после четырех лет войны. Будучи офицерами-кавалеристами, двое друзей сражались бок о бок на Восточном фронте — сначала верхом, потом в кровавой грязи окопов в качестве “кавалерийских штыков”. По возвращении с востока их ждала поверженная родина в пучине политического хаоса. В России к власти пришли большевики, а на немецкой военно-морской базе в Вильгельмсхафене вспыхнуло восстание красных матросов, которое быстро распространилось по стране. В сложившейся обстановке кайзер Вильгельм II был вынужден отречься от престола. Вдобавок после четырехлетней английской морской блокады повсюду свирепствовал голод.

В июне 1919 года новоявленная Веймарская республика согласилась с условиями Версальского мира, продиктованными Британией, Францией, Италией и Соединенными Штатами. Немцы видели главную причину обрушившихся на страну финансово-экономических бед в навязанных им по договору репарациях. Пройдет совсем немного времени, и к вла-

ЛЕЙТЕНАНТ ГАНС ГЮНТЕР ФОН ДИНКЛАГЕ (В ЦЕНТРЕ) С ТОВАРИЩАМИ-ОФИЦЕРАМИ НА РУССКОМ ФРОНТЕ, ОКОЛО 1917 Г.

сти в униженной поражением и жаждущей бывшего величия Германии придет Адольф Гитлер, и Версальский договор будет разорван. “Народ, вечно раздираемый внутренними противоречиями, народ ни в чем не уверенный, недовольный, обозленный и обиженный. Народ, который жаждет избавиться от бремени индивидуального выбора и самоопределения. Они мечтают лишь о том, чтобы кто-то другой принимал за них ответственные решения”.

Теодор Момм происходил из семьи состоятельных фабрикантов-текстильщиков. До войны им принадлежало несколько фабрик в Германии и Бельгии. Вернувшись к мирной жизни в начале 1919 года, Теодор взялся за дела фирмы в Баварии. Со временем его

предприятия в Германии, Голландии и Италии вновь начали процветать. После прихода к власти Гитлера Момм присоединился к нацистам, вступив в национал-социалистическую партию Германии (НСДАП), и в 1938 году стал членом общества поддержки (то есть попросту спонсором) “охранных отрядов” СС.

Аристократ и офицер в третьем поколении Динклагэ поступил на службу в немецкую военную разведку. Его дед, подполковник Георг Карл, был ветераном Франко-прусской войны 1870–1871 годов. В те далекие годы германская армия разгромила в пух и прах войска Наполеона III и аннексировала Эльзас-Лотарингию. Вместе с отцом Германом (который служил в чине майора все в том же полку королевских улан) Динклагэ сражался с союзниками на русском фронте. Мать Динклагэ, Лорри Валерия Эмили, будучи родом из Англии, приходилась сестрой немецкому адмиралу Уильяму Куттеру. Семейно Динклагэ роднил со многими немцами в целом и в первую очередь с немецким офицерством германский дух “народничества”, то есть, иными словами, дух воинствующего расистского национализма, усиленный и закреплённый травмой неудачной войны 1914–1918 годов.

После того как в России вместе с семьёй был казнён царь Николай II, в Берлине сформировалась Революционно-коммунистическая партия Германии. Динклагэ вступил в ряды фрайкора — ультраправой офицерской организации по борьбе с коммунистами. В 1919 году члены фрайкора убили интеллектуального лидера немецких коммунистов Розу Люксембург.

Позднее Герман Геринг назовет их “первыми солдатами Третьего рейха”. Годы спустя, когда Генрих Гиммлер возглавит СС при Гитлере, он также будет превозносить заслуги фрайкора, говоря о духовном единстве его членов с офицерами СС.

В соответствии с данными французской контрразведки, где-то после 1919 года Динклагге был завербован военной разведкой Веймарской республики и значился в ее архивах как агент № F-8680. Парламентский режим в Германии продержится до прихода к власти нацистов в 1933 году. Новое правительство положило конец республике.

Динклагге идеально подходил на роль секретного агента военной разведки. Он свободно владел английским и французским, отличался безупречностью манер в духе “старой школы”, мог цинично пользоваться приобретенными связями, умел нравиться мужчинам, легко соблазнял женщин и быстро вербовал информаторов и агентов из числа тех и других. Голубоглазый блондин среднего роста (173 см), благородной внешности, обходительный и изысканный в манерах, по натуре общительный, Шпатц Динклагге знал, как понравиться всем, кто его окружал. Однако он никогда не был плеейбоем арийского типа, каким его нередко пытаются изобразить биографы. В Берлине в нем развили все качества, необходимые шпиону: изобретательность, наблюдательность, невозмутимость, чуткость, чувствительность и способность сливаться

с окружением. Так он и играл свою партию: склонял нужных ему людей к измене и выводил у них стратегические и тактические секреты, полезные разведывательным ведомствам немецкой армии и флота.

Несмотря на свою шпионскую деятельность в предвоенной Франции, а позднее в Польше и Швейцарии, Динклагге ничем особо не рисковал. Являясь сотрудником немецкого консульства, он был надежно укрыт плащом дипломатического иммунитета. Самое худшее, что могло его ожидать в мирное время, — это экстрадиция. Но ни французы, ни швейцарцы не видели в том для себя никакой пользы, так как не хотели раздувать лишний дипломатический скандал с и без того заносчивым нацистским режимом.

Зимой и весной 1919/1920 года Шанель была зачарована великолепием Венеции. Опутанная сетью извилистых каналов и бульваров, ведущих к грандиозным, залитым солнцем площадям, Венеция оставалась волшебным городом круглый год. Мися и Хосе-Мария Серт позднее вспоминали, как Шанель молилась и плакала от печали и унижения при мысли о том, что она была не единственным предметом обожания Боя Кэй-пела. Несомненно, итальянская графиня, узнав о кончине любимого, тоже была безутешна. Изабель Фимайер писала о том, как Шанель молилась под куполом старой церкви семнадцатого века Санта-Мария-де-ла-Салюте под пристальными взглядами пятерых святых кисти Тициана, мерцающими в свете тысячи свечей.

На смену зиме пришла весна, и Шанель начала возвращаться к жизни. Под обаянием весенней Венеции и шуток Серта Шанель избавилась от гнета темных мыслей, которые так долго ею владели.

В вихре послевоенной мирной жизни автомобиль стал доступной игрушкой для богачей и новой угрозой для пешеходов. Президенту Вудро Вильсону вручили Нобелевскую премию Мира; в США вступил в действие сухой закон, и орды состоятельных американцев хлынули в Париж; в Италии на политическую сцену выступил Бенито Муссолини, а на востоке советская революция выпустила на свободу вирус коммунизма, который теперь надвигался на Европу, угрожая раз и навсегда покончить с высшим и средним классом. Тем временем маленького роста человек с усиками торчком лечил глаза, пострадавшие от английской газовой атаки под Ипром, в немецком военном госпитале в Померании. Его звали Адольф Гитлер.

Париж был эпицентром послевоенного культурного взрыва. Здесь вовсю бурлила эпоха, которую французы называли *les années folles* — “безумными годами”, Скотт Фицджеральд — “веком джаза”, а Гертруда Стайн и Эрнест Хемингуэй — “эпохой потерянного поколения”. Биограф Шанель Пьер Галант так писал об этом времени: “То были сумасшедшие годы, когда художники и люди искусства всех мастей жаждали славы и признания, а на улице жизнерадостная толпа выживших среди ужасов величайшей

войны в восторженной одержимости гонялась за удовольствиями”.

К 1920 году Париж стал Меккой для тех, кто писал, рисовал, ваял и сочинял музыку. Художники, музыканты, композиторы и писатели со всего света стекались в этот ликующий город. Они мечтали причаститься новой эры и жизни, переполненной радостью, развлечениями и новым искусством. Парижское общество собиралось в кофейнях, ателье, на вечеринках и украшало их блестящими разговорами, музыкой и огнем творчества. Город “позабыл о черных годах”. Коренные парижане вкупе с переселенцами вроде Хемингуэя страстно желали чего-то нового. Эта потребность ощущалась в живописи, скульптуре, литературе и в дискурсе в целом. Начинали свое восхождение звезды Пикассо, Модильяни, Брака и Мари Лорансен. Ле Корбюзье предлагал по-новому взглянуть на архитектуру, Равель и Стравинский — на музыку, Дягилев и Нижинский — на пластику танца, Жид, Кокто, Мориак — на литературу. Под знаком джаза и бесшабашного веселья “безумных лет” зарождались массовая индустрия, радио и популярный спорт. Гудели автомобили. Время отбивало чечетку. В воздухе плыл запах утопии. Богатые европейцы жили во власти прогресса и экстравагантного, раскрепощенного индивидуализма. Деньги нетерпеливо звенели в карманах буржуа, желая быть скорее потраченными. Хемингуэй выпивал и ужинал в ресторанах на Монмартре и Монпарнасе с другом и соратом по перу Генри Миллером, который, как и он,

переселился в Париж, чтобы впитать атмосферу города и попытаться запечатлеть вереницу ярких моментов в торопливых набросках для романов. В 1921 году в Париж прибыла и чета Фицджеральдов, однако им здесь быстро наскучило. Они так и не выучили французский и едва могли связать на нем пару слов. В октябре 1921 года Зельда и Скотт отправились домой, желая, чтобы их ребенок родился в Америке. Пара вернулась во Францию в апреле 1924 года. Через год, когда был опубликован “Великий Гэтсби”, семья обосновалась в Париже. Здесь в мае 1925 года они встретятся с Эрнестом Хемингуэем.

Кому-то двадцатые принесли радость, а кому-то — ужас и горести. Для Шанель они начались с семейной трагедии. Младшая сестра написала из Канады. В письме Антуанетта горько жаловалась на свой брак. Она вышла замуж за канадского красавца-офицера, не подозревая, что тот увезет ее из Франции в нищую глухомань в окрестностях Онтарио. Шанель обожала хрупкую и обаятельную Антуанетту, которая в свое время помогала ей открывать бутики. Но теперь сестра молила ее прислать денег на обратный билет до Парижа. Очевидно, Антуанетта и в самом деле была несчастна, однако Шанель в ответном письме велела ей оставаться с мужем.

Вместо этого Антуанетта бежала из дома с молодым симпатичным аргентинцем, а ведь именно этого человека Шанель как-то рекомендовала новой канадской семье Антуанетты, зная его еще по Парижу. Молодая чета приняла его в дом, а потом, в 1920-м, Ан-

ШАНЕЛЬ, 1920 г. В ЭТОМ ГОДУ ЕЕ СЕСТРА АНТУАНЕТТА УМЕРЛА ОТ ИСПАНКИ.

туанетта бежала с ним в Буэнос-Айрес, где подхватила испанку (унесшую в общей сложности более 50 миллионов жизней по всему миру) и умерла в том же году.

Вернувшись с Мисей из Венеции, Шанель вскоре стала локомотивом моды “века джаза”, который перевернул устоявшиеся представления о женской одежде. Она стремилась превратить женщин из напудренных предметов роскоши в гибких красавиц с точеными фигурками, подчеркнутыми простотой ее маленьких черных платьиц и мягкими изгибами пушистых боа. Шанель стала маяком женской эмансипации — свободы зарабатывать сколько вздумается, свободы любить кого вздумается и жить как вздумается, без всякой мужской указки, “освободившись от предрассудков

и не пренебрегая гомосексуальными интрижками". Она предлагала девушкам простые платья с короткими рукавами или вообще без них в сочетании с чулками, спущенными ниже колен. *Mademoiselle, Femina, Minerva* и другие французские и американские журналы мод горячо приветствовали ее творения: "Шанель выпускает изумительный спортивный костюм цвета темной зелени... Леди Феллоуз восхищает "Риц" платьем из шелка-сырца от Шанель... Шанель выпускает черное платье из тюля... Вечерний наряд от Шанель: белое узкое платье из атласа и плащ с вышитым и бисерным узором". Критика подчас тоже не отставала от восторгов и похвал: "В мире больше не осталось женщин... одни только мальчики от Шанель".

Страницы *Harper's Bazaar* пестрели фотографиями Шанель. Вот она купается в жемчугах (подаренных великим князем Дмитрием Павловичем) в короткой темной тунике и плиссированной юбке. Здесь она в черной шелковой пижаме — прикусывает жемчужное ожерелье. А вот она в окружении любимой экзотики — коромандельских ширм, кожи, шелка, атласа, под охраной бронзового льва — голова откинута, перебирает чувственными губами жемчужины.

Шанель по-прежнему не упускала случая обзавестись новым поклонником. В числе ее фаворитов Игорь Стравинский, Пабло Пикассо, великий князь Дмитрий Павлович и Пьер Реверди — человек, которого Шанель будет любить всю свою жизнь. Как жаль, что судьба ни разу не сводила Шанель с папашей Хемингуэем. Ее острые ногти вполне мог-

ли бы припустить непомерно раздутое самомнение этого мачо. Однако при всей своей независимости и неумейной творческой энергии Шанель нуждалась в постоянной любви и обожании — чтобы рядом с ней был мужчина. Она постоянно искала любви и не находила в ней удовлетворения. “В любом возрасте не быть любимой — значит быть отвергнутой” — гласит один из ее афоризмов.

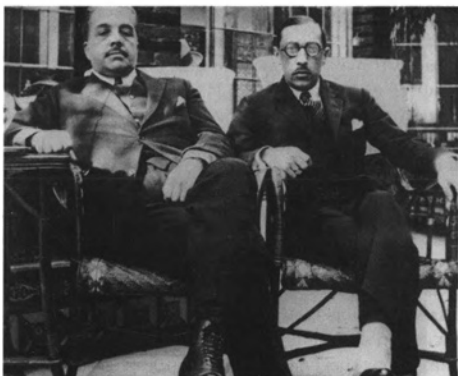
Мися Серт отзывалась о своей подруге как о живой загадке: “Она навязывала богатым особам дорогую простоту... и делала на этом миллионы. Гений Шанель вкупе с ее щедростью, убийственным сарказмом, страстной тягой к разрушению и имиджем девушки, пробившейся из низов, — все это интриговало и одновременно отпугивало окружающих”.

Как бы то ни было, Париж был покорен гениальностью ее новой женской моды, балетных и театральных костюмов, декораций и украшений. В стремлении к новизне во всем, Шанель создала новый тип женщины, доселе невиданный на подмостках парижской жизни.

Она в совершенстве овладела искусством преодолевать социальные барьеры, и это ее умение приводило парижан в восторг. “Я росла бездомной сиротой, лишенной тепла родительской любви... благодаря одиночеству во мне развилось чувство превосходства над другими; жестокая действительность придала мне сил, научила гордости. Я обрела волю к победе и жажду величия... и когда жизнь преподносила мне непринужденное очарование дружбы Стравинского

или Пикассо, я вовсе не чувствовала, что недостойна этого. Почему? Потому что я знала, что только с такими людьми можно добиться успеха". Таков был образ, который создавала для себя Шанель, легенда, в которую все вокруг должны были верить, — образ бесстрашной Марианны, бросившей вызов злой судьбе, чтобы пробиться к славе, богатству, власти и признанию в кругах элиты.

К началу двадцатых Шанель была уже не просто знаменитой предпринимательницей, но всеми уважаемой покровительницей искусств. Она финансировала балет "Весна священная", поставленный Сергеем Дягилевым, и приютила у себя в Бель-Респиро (своем новом доме в парижском пригороде Гарш) семью русского композитора и пианиста Игоря Стравинского. Шанель продолжала кокетничать с Мисей на ее новой квартире в двух шагах от Елисейских полей, а в перерывах с удовольствием флиртовала со Стравинским. Подруги вместе отделали шикарную квартиру на рю Фобур-Сент-Оноре в "бежевых, белых и шоколадно-коричневых тонах". Шанель также превратила свою художественную студию с садиком, выходящим на авеню Габриэль, в центр культурной жизни Парижа. Это был гигантский шаг вперед по сравнению с теми днями, когда она была всего лишь девочкой на первых ролях в домашних постановках Этьена Бальзана. На ее званых вечерах, обедах и ужинах собирались сливки Парижа — художники, аристократы, а иногда и знаменитые представители столичного полусвета. Приглашенная публика нередко начинала

СЕРГЕЙ ДЯГИЛЕВ С ИГОРЕМ СТРАВИНСКИМ (1882—1971) В СЕВИЛЬЕ
В ПЕРИОД ИХ СОВМЕСТНОЙ РАБОТЫ В "РУССКОМ БАЛЕТЕ". 1923 Г.

вечер с обильных возлияний в *Boeuf sur le Toit* ("Быке на крыше") — ночном заведении, располагавшемся на рю Буасси-д'Англез на правом берегу Сены, буквально в нескольких сотнях метров от резиденции Шанель. С самого открытия в 1922 году это место славилось самой маленькой в Париже сценой, но вместе с тем "самой большой концентрацией выдающихся личностей на квадратный метр площади". "Бык" стал своего рода Меккой для парижской творческой элиты, "местом, где люди протягивали друг другу руки, чтобы поздороваться, и при этом смотрели друг другу за спины, чтобы увидеть, кто появится следующим... и где

блестящие остроты лились обильнее, чем шампанское: “Нам один коктейль и два Кокто, пожалуйста”. Потом Шанель и ее окружение отправлялись ужинать к ней домой или танцевать к графу де Бомону. “На таких вечерах вспыхивали и угасали романы между художниками, артистами и миллионерами (настоящими и не очень). Крутом все пили, танцевали и любили”. Часть романов выпадала и на долю Шанель — супруги Серт и Бомон, Стравинский, Пикассо, Кокто, Дягилев и, конечно, Пьер Реверди — голодный поэт-модернист, которым так восхищались Жан Кокто, Макс Жакоб, Хуан Грис, Брак и Модильяни. Новые друзья Шанель ценили ее за “талант, чувство юмора и живой ум... и минималистский подход к моде, который был близок к их абстрактным идеям в искусстве”.

В период между 1921 и 1926 годами у Шанель то вспыхивал, то угасал роман с Реверди. Со временем их отношения переросли в крепкую дружбу, которая продолжалась без малого 40 лет. Коко нередко служила для поэта источником вдохновения: “Знаешь ли ты, моя дорогая Шанель, как в тенях отражается свет; в этих тенях я лелею нежное чувство к тебе. П.”.

Но возвышенный эстет Реверди, этот поэт для поэтов, который зачаровывал Шанель фразами вроде “Что стало бы с нашими мечтами, если бы все вокруг были счастливы?”, не мог выносить приземленного мира повседневности, в котором она обитала. 30 мая 1926 года он сжег на глазах у друзей несколько своих рукописей и уехал жить в маленький домик возле бенедиктинского аббатства в Солеме.

ФРАНЦУЗСКИЙ ПОЭТ, ДРАМАТУРГ И РЕЖИССЕР ЖАН КОКТО (в центре). Рядом с ним (слева направо) Лидия Соколова (урожденная Хильда Мюннингс), английский танцор и балетмейстер Антон Долин, Леон Войцеховский и Бронислава Нижинская после английской премьеры "Голубого экспресса" в лондонском театре "Колизей". Костюмы выполнены в мастерских Шанель.

Здесь он прожил следующие тридцать лет своей жизни вместе с женой Генриеттой.

Шанель любила его, а он любил ее. Биограф Эдмонда Шарль-Ру считала, что Реверди, который в том же году принял католичество, уехал в доб-

ровольное изгнание, чтобы обрести вдохновение и Бога. Их разлука с Шанель была неизбежна.

Поначалу Шанель страдала, но постепенно смирилась с судьбой. Все же Реверди не был потерян для нее безвозвратно. Время от времени он продолжал бывать в Париже, где они могли видеться.

За долгие годы дружбы Шанель вселила в него уверенность в творческих способностях и, кроме того, немало помогла ему материально. Помогала она очень щедро и тактично: Шанель тайком покупала рукописи Реверди и поддерживала его деньгами через издателей. Несмотря на свой оглушительный успех, Шанель не избежала влияния мрачного мировоззрения Реверди, его черных кошмаров, которые затрагивали глубоко запрятанные с детства меланхолические струны ее души. Ведь Реверди, сам родом из семьи виноградаря, был, как никто, близок к ней по происхождению. По-видимому, даже его новый полумонашеский образ жизни так никогда и не оборвал до конца их связи.

Если Реверди временами бывал недоступен, то этого никак нельзя было сказать о привлекательном великом князе Дмитрие Павловиче из России. В 1916 году он впал в немилость при дворе своего старшего кузена, императора Николая II. Николай был не в восторге, когда узнал, что на свет выплыла история гомосексуальной связи между двадцатидвухлетним гвардейцем Дмитрием Павловичем и другим его очаровательным кузеном с ярко выраженными би-

и транссексуальными наклонностями, князем Феликсом Юсуповым (к тому же Дмитрий помогал князю Феликсу в убийстве Григория Распутина, чье безграничное влияние на императрицу всерьез беспокоило многих как при дворе, так и в Думе). Стоило начаться Первой мировой войне, как Дмитрия сразу же сослали на Персидский фронт и, как потом выяснилось, тем самым оказали ему большую услугу. Это спасло его от ужасов большевистской революции 1917 года и, вполне возможно, от расстрела. В конечном итоге Дмитрий бежал во Францию, не прихватив с собой практически ничего, кроме коллекции драгоценностей, в которой, помимо прочего, числились и великолепные нити жемчуга. Некоторые из них позднее украсили шею Шанель, послужив началом ее нового творения — линии драгоценных аксессуаров.

Во Франции высокий, элегантный и склонный к алкоголизму претендент на российский престол скорбел по казненной семье Романовых вместе с другими русскими изгнанниками. Однако Дмитрий по-прежнему был временами не чужд веселья и радостей жизни. Шанель соблазнилась его шармом, приятной внешностью, зелеными глазами и длинными романовскими ногами. Именно этого ей и хотелось после напряженных отношений с Реверди и короткого романа со Стравинским.

Когда в конце двадцатых годов в личной жизни Шанель появился великий князь, весь Париж только и говорил, что о начале ее “славянского периода”. В честь своего нового любовника Шанель мечтала вы-

пустить линию аутентичной русской одежды. Для этого она обратилась за помощью к сестре Дмитрия великой княгине Марии и ее связям среди иммигранток, ранее состоявших при императорском дворе. Бывшие фрейлины императрицы взялись вышивать для нее нитью и бисером за гораздо меньшие деньги, чем требовали за подобную работу французские мастерицы. Им удавались потрясающие узоры из вышивки и меха, подобные тем, что украшали пальто Шанель с соболиной опушкой на фотографии в журнале *Vogue* за 1920 год.

Желая расширить славянскую коллекцию, Шанель добавила к ней несколько невиданных доселе штрихов: украшенные жемчугами платья в русско-крестьянском стиле — некоторые даже с квадратным воротом и рукавами по локоть, — восточную вышивку, вязаные шляпы-колпаки из синели и конечно же потрясающие складчатые вечерние платья с вкраплениями хрусталя и бурого угля. Тем же, кто предпочитал нечто более классическое, Шанель предлагала линию современной одежды: вязаные шерстяные вещи, платья из высококачественного французского муслина, тюль для повседневной носки и ламе или кружево с металлическим блеском для вечерних выходов. Как и предыдущая коллекция из джерси, “русский стиль” от Шанель имел большой успех. Продажи были так велики, что вскоре в мастерских под чутким надзором Шанель уже трудились без малого пятьдесят русских портних, не считая закройщиц и прочих специалистов.

Великий князь преподнес Шанель нечто гораздо более ценное, нежели несколько нитей жемчуга.

Точно так же, как ранее английские вязаные свитера Боя Кэйпела подвигли Шанель перенести те же узоры и ткани на женские платья, Дмитрий Павлович помог ей создать русско-славянскую модную коллекцию, но главное — он открыл для нее мир парфюмерии.

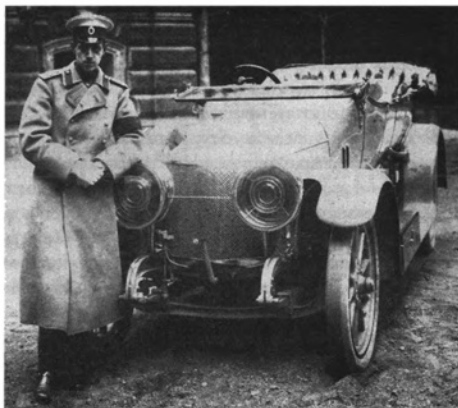
Во время Первой мировой войны женщины не знали иных средств личной гигиены, кроме бабушкиного щелочного мыла. Позднее в обиход вошли цветочные экстракты роз, фиалок, апельсиновых бутонов, жасмина или же ароматы животного происхождения. Наиболее утонченные представительницы женского пола сбрызгивали тела цветочными аэрозолями. Среди мужчин популярностью пользовалась туалетная вода *Bay Rum* или *Roger & Gallet*, щедрые порции которой маскировали неприятные запахи. И вот поползли слухи о том, что Шанель собирается выпустить “таинственную, чудесную и невероятную *eau Chanel*”. Согласно парижским сплетням, секрет этих духов хранило в пятнадцатом веке знаменитое флорентийское семейство Медичи. Женщины верили, что ароматная жидкость продлевает молодость кожи, в то время как мужчины обрабатывали ей порезы от бритвы.

К этому времени молодое поколение французских модниц уже вовсю ходило в маленьких черных платьях, шерстяных кофтах и коротких плисовых юбках от Шанель. Так что же мешало добавить к этим модным вещам новый аромат? Умастить изящную шейку, запястье или впадинку ключицы каплей драгоценного аромата значило источать сладкий запах успеха. Как подмечал поэт Поль Валери, “у женщины,

которая не пользуется духами, нет будущего". Духи были неотъемлемой частью дорогостоящего арсенала парижских прелестниц.

При содействии Дмитрия и его русского друга-химика Шанель начала разрабатывать духи, которым суждено было стать частью культуры межвоенных лет, своего рода ароматической эмблемой для *les garçonnnes* — эмансипированных девушек-андрогинов, которые танцевали танго и чарльстон, иногда покуривали опиум и стремились проникнуться искусством Кокто и Пикассо. Они любили стричься "под мальчика", носить мужские жилетки и галстуки, а также платья косого покроя без рукавов, но зато с бахромой и шокирующим разрезом до колен. В дополнение к этому образу буквально напрашивался аромат, который бы хорошо сочетался с быстрыми машинами, спортом, путешествиями и чарльстоном.

Новое предприятие Шанель началось с того, что Дмитрий познакомил ее со своим другом, иммигрантом из России по имени Эрнест Бо, который до революции был официальным парфюмером императорской семьи. С началом революции 1917 года москвич Бо бежал из Санкт-Петербурга, чтобы сражаться с красными. Он вступил в ряды белогвардейцев и высадился в составе Белых армий на Крайнем Севере вблизи полярного круга, где солнце светило в полночь, а от рек и озер поднимался освежающий аромат. Во Франции он быстро завоевал признание как химик и специалист по созданию экзотических духов. Кроме того, Бо экспериментировал с синте-

Великий князь Дмитрий — один из любовников Шанель, который помог ей наладить выпуск духов CHANEL № 5. 1910 г.

тическими компонентами, усиливающими свойства натуральных ароматических смесей. В своей лаборатории, располагавшейся в признанном центре мировой парфюмерии Грассе, что на юге Франции, Ботворил свою магию под чутким руководством разборчивой в тонких запахах Шанель. Он утверждал, что способен заключить в пробирку всю свежесть солнечного арктического дня.

Шанель находила все современные ей духи в экстравагантных бутылочках, состоявшие из экстрактов

роз, фиалок и бутонов апельсинового дерева, чересчур банальными. Она требовала от Бо новых духов, в которых было бы самое главное — аромат, способный пробуждать женское начало. Гению Бо оставалось только добавить синтетических компонентов, способных усилить и укрепить натуральный букет запахов для того, чтобы аромат держался на коже длительное время в противоположность естественным аналогам.

В 1921 году Бо представил Шанель ряд составов, пронумерованных от 1 до 5 и от 20 до 24. Поначалу она остановила свой выбор на 22. Однако именно номер 5 привел ее в неподдельный восторг, и Шанель решила представить его в 1921 году вместе со своей коллекцией одежды. Его-то она и назовет *Chanel № 5*.

До сих пор секретом точной формулы *Chanel № 5* владеет лишь горстка избранных. Известно только, что она крайне сложна. В состав этих духов входили (и входят по сей день) около восьмидесяти ингредиентов; самым важным из них является экстракт цветов жасмина, который растет исключительно в окрестностях Грасса.

Шанель отказалась от идеи барочных флаконов с цветами и фигурками купидонов, в которых продавались духи ее конкурентов. Вместо этого вместилищем *Chanel № 5* стал простой кубический флакон в стиле современного минимализма.

Само название духов — “счастливая пятерка” Шанель — было не менее революционным, чем их упаковка. В нем слышались отголоски коварного обаяния пяти ликов индуизма или пяти виде-

ний Будды (впоследствии Шанель не уставала вновь и вновь играть с числом “пять”. Так, она стала неизменно представлять свои новые модные коллекции 5 февраля и 5 августа каждого года).

Занимаясь продвижением новой марки, Шанель с истинно крестьянской расчетливостью пользовалась силой сплетен. Начала она с того, что стала приглашать друзей пообедать с ней в шикарном ресторане неподалеку от Грасса. Здесь она тайком брызгала духами проходящих мимо ее стола гостей, отчего те, в свою очередь, выражали радостное удивление. Довольная произведенным эффектом, Шанель вернулась в Париж и потихоньку взялась за дело. Она ничего не стала анонсировать в прессе. Шанель лишь пользовалась духами сама и разбрызгивала их в примерочных своих бутиков, одновременно распространяя небольшое количество флаконов среди избранных знакомых из высшего общества. Вскоре о ее новых духах говорил весь Париж.

Только теперь Шанель разрешила Бо запустить № 5 в производство. “Успех превзошел наши самые смелые ожидания, — вспоминала Мися Серт. — Будто нам достался выигрышный лотерейный билет”. И вот, выработанный Бо состав — духи для настоящих женщин — поместили во флакон в стиле ар-деко с номером 5 и зеркально соединенными буквами “С” на лицевой стороне и 5 мая 1921 года выпустили в продажу в бутике Шанель на rue Cambon. Совместному детищу Бо и Шанель суждено было пережить все превратности Великой депрессии и Второй ми-

РЕКЛАМА С ФЛАКОНОМ ДУХОВ CHANEL
N° 5. СЕМ, 1921 г. В 1959 ГОДУ ФЛАКОН
ПОПОЛНИЛ ЧИСЛО ЭКСПОНАТОВ
МУЗЕЯ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА
В НЬЮ-ЙОРКЕ.

ровой войны. Именно об этих духах будут с детства мечтать наши бабушки и мамы, чтобы потом вырасти и выложить за них целые состояния.

Следующие три года Шанель, пользуясь поддержкой великого князя Дмитрия, успешно продвигала N° 5 как новую марку элитных духов. Вскоре она поняла, что для удовлетворения растущего спроса на духи необходимо расширять производство.

Воскресным утром ранней весной 1923 года Шанель собралась провести день на ипподроме Лонг-

шан, что в Булонском лесу близ живописной излучины Сены у западных окраин Парижа. По воскресеньям это было одним из излюбленных мест для парижской публики, где можно было понаблюдать за “пони”, скачущими по овальной арене, и подкрепиться хорошим обедом, предварительно поставив на лошадь из конюшни какого-нибудь “джентльмена”.

Однако на сей раз ее привело сюда отнюдь не желание понаблюдать за скачками. Гораздо больше ее интересовал Пьер Вертхаймер и его деньги. Их встречу организовал Теофиль Бадер благодаря своим связям в мире “больших людей”. Будучи главным воротилой французской розничной торговли и владельцем “Галери Лафайет” — крупнейшего торгового центра в Париже, — Бадер хотел обеспечить себе постоянные поставки продукции из лаборатории Бо в количествах достаточных, чтобы удовлетворить растущий покупательский спрос. “Ваши духи заслуживают гораздо более широкого рынка. Я хочу, чтобы вы встретились с владельцем марки *Boirjois* Пьером Вертхаймером. Во Франции у него есть для вас большая фабрика и подходящая торговая сеть”, — советовал он Шанель. (Правда, неизвестно, сообщил ли ей при этом Бадер, что сам является партнером Вертхаймера.)

По рассказам очевидцев, разговор Шанель с Пьером Вертхаймером был коротким и исключительно по делу. “Так вы хотите производить мои духи и продавать их?” — спросила Шанель. “Почему бы и нет? — ответил он. — Но если вы хотите, чтобы

они и дальше выпускались под маркой Шанель, мы тоже входим в дело”.

После оформления всех необходимых бумаг компания Шанель преобразилась и получила название *Les Parfums Chanel, S. A.* с правом использования формул и секретов Бо для производства духов. Взамен Шанель получила кресло президента нового предприятия и пакет из двухсот акций стоимостью в 500 французских франков каждая, что составляло 10 процентов от общего уставного капитала. Кроме того, она имела право на 10 процентов капитала всех компаний, занимавшихся производством ее духов за пределами Франции. По условиям договора львиная доля остального капитала — 70 процентов выпущенных акций — отходила клану Вертхаймеров, которые отныне управляли производством и распространением духов по всему миру из главного офиса корпорации в Нью-Йорке. Посредники Бадера (Адольф Дрейфус и Макс Грюмбах) получали оставшиеся 20 процентов акций. Остается лишь догадываться, знала ли Шанель о том, насколько солидные комиссионные заработал Бадер на организации этой сделки.

На самом деле беспечность, с которой Шанель пошла на сделку с Вертхаймерами (а ведь она полностью доверила оформление бумаг их юристу), граничила с полнейшим коммерческим дилетантизмом. Вполне вероятно, что после безнадёжных отношений с Реверди и недавнего расставания с великим князем Дмитрием она была слишком подавлена, чтобы придавать этому большое значение. К тому же в период

ПЬЕР ВЕРТХАЙМЕР, младший из братьев
ВЕРТХАЙМЕРОВ, 1928 г. В 1924 году ВЕРТХАЙМЕРЫ
выкупили контрольный пакет акций
компании Шанель по производству духов.

между 1923 и 1937 годами Шанель была захвачена бурным вихрем театральной деятельности. Мадемуазель Балет — как ее называли многие в то время — направила всю свою творческую энергию на создание костюмов для балетов “Голубой экспресс”, “Орфей”, “Царь Эдип” и других театральных постановок Сергея Дягилева и Вацлава Нижинского. Ее костюмы придавали особую пикантность и изящество откровенной и сексуально раскованной хореографии “Го-

лубого экспреса”, где танцоры играли с гендерными стереотипами, гомосексуальностью и гермафродитизмом, а женские персонажи наделялись мужеподобными чертами. То была открытая демонстрация авангардистской извращенности, и Шанель конечно же с восторгом принимала участие в процессе.

К концу двадцатых годов благодаря производственным возможностям, коммерческим навыкам и отлаженной торговой сети Вертхаймеров, аромат *Chanel № 5* снискал мировое признание — и нигде его не встречали так бурно, как по другую сторону Атлантики. Этим духам суждено было стать самым прибыльным и долгосрочным предприятием в ошеломительной карьере Шанель. Доходы от продаж с годами неизменно росли и в итоге сделали ее и Вертхаймеров баснословно богатыми. Однако лишь с наступлением мирового кризиса и началом Второй мировой войны Шанель полностью осознала всю полноту выгоды нового дела, равно как и обилие подводных камней в финансовых взаимоотношениях с Вертхаймерами. Разве могла она вообразить, какую золотую жилу откроет перед ней *Chanel № 5*, когда подписывала с Вертхаймерами договор о партнерстве?

Так кем же были эти Вертхаймеры?

Поражение Франции от немецких войск во время Франко-прусской войны разделило еврейскую семью Вертхаймеров. Эмиль остался в родном Эльзасе, ставшем теперь частью Второго рейха, в то время как его братья Жюльен и Эрнест оказались в числе тех 15 процентов эльзасцев, которые после войны предпо-

Поэт Пьер Реверди, 1940 г. Шанель питала к нему глубокое чувство. Их дружба продолжалась более пятидесяти лет.

чили французское гражданство. Однако из трех братьев именно Эмиль проявил деловую хватку. В 1889 году он создал товарищество “Э. Вертхаймер и Ко” и вместе с братом Жюльеном приобрел контрольный пакет акций компании “А. Буржуа и Ко”, занимавшейся производством дамской пудры, мыла и другой косметики известной по всему миру марки *Boisjouis*. К ним в собственность также отошла косметическая фабрика в Пантене по соседству с парижскими скотобойнями

Ла-Виллет, которые многие тогда называли “городом крови”. По мрачной иронии судьбы во время оккупации Парижа именно с сортировочной станции в Пантене нацисты эшелонами отправляли в Германию на верную смерть тысячи мужчин, женщин и детей.

Затем братья вместе с другими французскими евреями начали вкладывать деньги в “Галери Лафайет”. Стараниями Теофиля Бадера этот обширный универмаг, сперва появившийся на парижском бульваре Осман, очень скоро обрстет многочисленными филиалами по всей Франции. На их шикарных прилавках уютно разместится косметическая продукция от *Boitjouis*.

Шанель никак нельзя было отнести к породе прозорливых бизнес-леди. Сама идея торговли, контрактов и сделок “нагоняла на нее смертельную скуку”. Всю жизнь ее отношения с пронырливым и деловитым Пьером Вертхаймером хаотично перетекали от любви к ненависти и обратно. Временами ей казалось, что ее попросту эксплуатируют. В такие моменты она любила сетовать: “Он надул меня...” Но тут же добавляла своим характерным шепотком: “Дорогуша Пьер”. И впрямь, не прошло и четырех лет с тех пор, как Вертхаймеры подписали договор с темпераментной кутюрье, как для дальнейшего общения с ней им понадобился адвокат — во избежание конфликта интересов.

Как бы то ни было, но некогда нищая воспитанница приюта Сердца Христова обрела в лице сорокаоднолетнего Поля и тридцатишестилетнего Пьера

Вертхаймеров настоящую золотую жилу. Ведь за пятнадцать лет с 1905 по 1920 год им удалось подписать около сотни партнерских соглашений на распространение и продажу своей продукции по всему миру.

Хотя славы и богатства ей теперь было не занимать, Шанель еще только предстояло быть признанной в верхних эшелонах французского общества и “помазанной” как ровня английским особам голубых кровей. Она по-прежнему оставалась персоной, чья сексуальная неразборчивость делала ее недостойной приличного общества, даже несмотря на прочно закрепившийся за ней с 1910-х годов статус “женщины, которая устроила революцию во французской моде”. Но Пьера Вертхаймера ничуть не смущали ее амурные искания, хотя он и был в курсе всех витавших вокруг нее слухов. На самом деле Пьер был влюблен в Габриэль Шанель, которая все еще была неотразима и в свои сорок четыре выглядела лет на десять моложе. Невзирая на все их ссоры, судебные баталии и проблемы, которые последуют в будущем, Пьер будет любить Шанель до конца своих дней. В итоге именно он станет ее спасителем.

В конце 1924 — начале 1925 годов Шанель отправилась на рождественские праздники в Монако в сопровождении Сары Гертруды Аркрайт Бейт. Сару, которую все звали Верой, в детстве бросила мать. Она вырос-

ла в приемной семье Маргарет Кембридж, маркизы Кембриджской и дочери герцога Вестминстерского, который, в свою очередь, приходился родственником его величеству Эдуарду VII и сэру Уинстону Черчиллю. Таким образом, Вера с детства обзавелась солидными связями при английском дворе. Ее красота, безупречная кожа, точеная фигурка и хорошие связи — все это привлекло внимание Шанель. Высший свет Лондона ценил Веру как никого другого... В пору ранней молодости ее осаждали толпы поклонников. Под руку с ней прошли целые вереницы разнообразных Арчи, Гарольдов, Уинстонов и Даффов. Коко наняла тридцатипятилетнюю любимицу английской аристократии как специалиста по связям с общественностью, дабы та представляла Дом Шанель в кругах лондонской и парижской элиты.

Под Рождество и в новогодние праздники на Лазурном берегу царило кипучее оживление. Богатая публика с континента мешалась здесь с английской элитой — Черчиллями и Гросвенорами, которые купались в неслыханной роскоши и в целебных водах Монте-Карло, Довиля и Биаррица на гребне бума 1920-х годов. Пьеру и Полю Вертхаймерам больше по душе были скачки в Трембле, Эскоте и Лонгшане. Для них этот год стал особенно удачным: стоицей окупилась их вложения в компанию Феликса Амио (фирму национализировало правительство Франции, что принесло братьям неожиданный доход в 14 миллионов франков). Как ни удивительно, тот же самый Амио, который в будущем станет

их партнером по бизнесу, спасет состояние Вертхаймеров в грядущие годы лихолетья.

Годом ранее, в 1923-м, Адольф Гитлер организовал знаменитый Пивной путч в Мюнхене. Попытка переворота провалилась, Гитлера арестовали, судили по обвинению в государственной измене и приговорили к пяти годам тюремного заключения с возможностью условно-досрочного освобождения через девять месяцев.

Из камеры номер 7 Ландсбергской тюрьмы Гитлер диктовал своим последователям развернутый, наполовину биографический, наполовину политический трактат. Книга “Майн Кампф” Адольфа Гитлера рассказывала о его “четырёх с половиной годах [борьбы] против трусости, глупости и лжи”. Первый том, изданный в 1925 году, стал библией НСДАП, провозглашавшей националистические, антисемитские и антикоммунистические принципы. В том же году Гитлер реорганизовал нацистскую партию. Его речи, в которых нередко проблескивала искра гениальности, воодушевляли миллионы немцев и австрийцев, включая разочарованных ветеранов Первой мировой войны. В следующем году Йозеф Геббельс будет назначен гауляйтером Берлина...

В то время как Франция и Британия весело отмечали рождественские праздники 1924 года, Веймарскую республику раздирали хаос и гиперинфляция. После того как в мгновение ока сгорели все частные сбережения, в стране начались широкомасштабные волнения. В 1919 году американский доллар стоил

5,2 немецких марки. К декабрю 1924 года за доллар давали уже 4,2 триллиона марок. Стоимость буханки хлеба подскочила до невероятных 429 миллиардов. Килограмм свежего масла можно было купить за 6 триллионов. Люди требовали ежедневной выдачи зарплаты, поскольку инфляция каждый день превращала их заработки в ничто. Тысячи людей оказались на улице. Немецкая культура рушилась, погребая под собой средний класс.

Глава 3

ЗОЛОТОЙ ГЕРЦОГ

*Мадемуазель — это всегда больше, чем
знатная дама; мадемуазель — это месье.*

ФРАНЦУЗСКИЙ VOGUE,
март 2009

Их роман начался с того, что на рождественские праздники в 1923 году Вера Бейт решила поиграть в купидона. Она стала упрашивать Шанель, чтобы та составила ей компанию на ужине у приятеля ее детских лет — герцога Вестминстерского. Ужин намечался на его яхте, пришвартованной в бухте Монте-Карло (если верить словам одного биографа, герцог щедро заплатил Вере за организацию этого знакомства). Шанель пренебрегала приглашением до тех пор, пока к ней не пожаловал ее друг великий князь Дмитрий. Ему удалось приструнить строптивницу: “Лично я бы не прочь погостить на яхте”. Несколько дней спустя Вера с Дмитрием уже тащили за собой Шанель, возможно упиравшуюся только для виду, на катер, который должен был перевезти их на клипер “Летучее облако”. В преддверии Рождества судно,

изначально построенное в стиле пиратского корабля семнадцатого века, сверкало праздничными огнями.

Под звуки цыганских скрипок, нанятых по случаю праздника, герцог водил Шанель по надраенным палубам белого дуба и показывал свой четырехмачтовый клипер с белоснежными парусами. Внизу были каюты, обстановкой напоминавшие маленький английский коттедж: переборки, обшитые дубом и сосной, мебель времен правления королевы Анны, драпировка и занавеси из тканей ручной отделки. Стены надстройки украшала коллекция дорогой живописи и оттисков. Интерьер вполне соответствовал Бендору, урожденному сэру Хью Ричарду Артуру Гросвенору. Широкоплечий, шести футов ростом, Бендор был героем войны, страстным наездником, охотником за трофейными головами кабанов и оленей и просто обворожительным хозяином с безупречными манерами и весьма солидным достатком. Медленно, но верно герцог прокладывал себе путь к сердцу Шанель.

Несложно представить, чем именно так привлекала Бендора Шанель, изящная миниатюрная брюнетка с беспощадным чувством юмора и острым язычком. В свои сорок два она виртуозно играла в сексуальную девчонку-сорванца, покоряя всех вокруг своей утонченной простотой. Шанель могла дать сто очков вперед сонму напыщенных английских леди и простых содержанок, на которых Бендор годами оттачивал свой шарм.

За великолепным ужином, продолжившимся танцами в кабаре Монте-Карло, Бендор открыл для себя

женщину, которая властно притягивала к себе внимание всех мужчин вокруг, — то вдруг вспышка ярости, ее ноздри раздуваются, хрипловатый голос едва не срывается на крик, то неожиданно злость утихает, растворяясь в усталом благодушии. Под влиянием сиюминутного настроения Шанель беспрестанно меняла маски: котенок, женщина-вамп, а нередко и мегера. Бендор просто не мог устоять перед ней. Шанель описывала его как “человека огромной щедрости и обаяния, какого нередко можно встретить среди благовоспитанных англичан, по крайней мере до тех пор, пока те не сходят на французский берег. В присутствии дам — сама изысканность, заядлый охотник и отъявленный хулиган в их отсутствие... а иначе как бы ему удалось заполучить меня, да еще и на целых десять лет”.

Тем временем Шанель всю трудилась над костюмами для “Голубого экспресса” — танцевальной оперетты “Русских балетов” Дягилева на либретто Жана Кокто, премьеры которой вот-вот должна была состояться. На фоне богатого рождественского убранства Бендор и его гости на “Летучем облаке” наверняка спорили о том, каким именно будет голубой экспресс Кокто. В сюжете новой оперы было все, что так нравилось герцогу, ведь он был без ума и от Парижа, и от Ривьеры. Спустя несколько месяцев он посмотрит балет и будет восхищен костюмами от Шанель.

Реальный прототип поезда принадлежал французской железнодорожной компании. На нем представители британской и французской элиты могли бежать с холодных, мрачных и сырых улиц Парижа

и Лондона к залитому солнечным светом Лазурному берегу. Сценарий Кокто был переполнен курортными романами, всевозможными жиголо и их многочисленными пассиями. Благодаря Шанель вся эта публика щеголяла перед зрителем в пляжных и теннисных костюмах, костюмах для гребли, гольфах и полосатых свитерах. Действие разворачивалось под музыку Дариуса Мийо на фоне пляжных декораций Анри Лорана. Занавес был выполнен самим Пабло Пикассо. В целом вся постановка была направлена на погружение зрителя в атмосферу современного искусства и безудержного веселья.

Но вот праздники подошли к концу. Шанель и Вера вернулись в Париж, чтобы закончить подготовку весенней коллекции и костюмов для “Голубого экспресса”. На Бендора у Коко совершенно не было времени — по крайней мере, в этом она уверяла Веру, которая все еще пыталась выступать в роли сводни. Бендор же по-прежнему настойчиво обхаживал Шанель, заваливая ее любовными посланиями из Итон-холла — своего обширного загородного поместья в деревне Эклстоун близ Честера. Письма доставляли его лакеи вместе с полными корзинами клубники, весенних крокусов, гардений и орхидей, собранных рукой самого герцога в теплицах и садах Итон-холла. Он щедро одаривал ее даже свежим шотландским лососем, пойманным в его владениях, который доставлялся в Париж по воздуху.

Вскоре после свидания с Бендором в Монте-Карло — и несмотря на все его дальнобойные ухажива-

ния за Шанель — Вера организовала ей встречу с привлекательным, голубоглазым, почти женоподобным другом герцога принцем Уэльским Эдуардом (который, кстати, тоже доводился Вере кузеном). В канун Страстной пятницы у них состоялось свидание в шикарном парижском ресторане “У Анри” возле казино “Коллекционер”, что прямо за зданием Парижской оперы. Их имена значились в списке гостей на знаменательном званом ужине, который устраивали маркиз Мельхиор де Полиньяк с женой Ниной Кросби. И вновь Шанель была в ударе. Эдуард — в кругу родных и близких просто Дэвид или Банни — был покорен обаянием Шанель и уже после первой встречи умолял, чтобы она называла его Дэвидом.

На следующий день, за несколько часов до очередного званого ужина, на котором ждали их обоих, Дэвид заехал к Шанель на коктейль-аперитив. Как утверждала много лет спустя Диана Вриланд, главный редактор журнала *Vogue*, в тот вечер принц Уэльский и Шанель, “страстная, целеустремленная и отчаянно независимая, тур-де-форс во плоти”, провели несколько незабываемых часов наедине друг с другом.

Однако Бендор не сдавался. Герцог привык одерживать верх даже в борьбе с самым опытным соперником, поэтому несколько недель спустя он тоже прибыл в Париж. Дело было вечером, на дворе стояла ранняя весна. Кто-то позвонил в дверь. Дворецкий Шанель по имени Жозеф открыл и увидел посыльного, лицо которого скрывалось за огромным

букетом. По легенде, слуга полез в карман за монетой со словами “поставь сюда”, а когда вновь поднял глаза, чтобы наградить доставщика чаевыми, — перед ним стоял герцог Вестминстерский собственной персоной. Вскоре после случившегося принц Уэльский (вне всяких сомнений, под давлением Бендора) навестил Шанель в ее квартире на рю Фобур-Сент-Оноре и уговаривал уступить герцогу.

У Шанель все еще оставались сомнения относительно Бендора. В разговоре с леди Ией Эбди она как-то обмолвилась: “Герцог меня пугает”. Шанель прекрасно знала о его многочисленных сексуальных эскападах, в то время как сама она стремилась к равноправию в любовных отношениях. “Я не из тех женщин, которые одновременно являются собственностью нескольких мужчин”.

Вера Бейт познакомила Шанель с кругом высшей английской аристократии, в котором вблизи монарших особ вращались принц Уэльский Эдуард, Уинстон Черчилль и другие великосветские львы, вхожие в Букингемский дворец. Шанель и Бендор — два совершенно разных человека, два противоположных полюса — стояли на пороге своего любовного приключения, которому суждено было продлиться целых пять лет. В Шанель было “что-то от Золушки.. немного флирта.. вот уже почти попалась, и вдруг — фьють! — словно растворилась в воздухе”. А Бендор был настоящим “флибустьером в поисках приключений.. человеком, который любил своих женщин, но больше всего любил любить”.

Шанель прекрасно понимала, что поговаривают о ней злые языки в традиционных слоях французского общества. В ней видели “бывшую кокотку”, которая, оставаясь на содержании у великого князя Дмитрия, параллельно развлекалась с французскими политиками, принцем Уэльским, а также, если верить полицейским отчетам, с Гарольдом Хармсвортом, лордом Ротермером (он владел лондонской *Daily Mail* вместе со своим братом Альфредом). Как-то раз Шанель с сарказмом заметила: “Мне всегда хотелось иметь свой гарем, но из трех своих ухажеров — принца Уэльского, великого князя Дмитрия и герцога Вестминстера — я в итоге выбрала самого простого по происхождению [Бендора], потому что именно с ним чувствовала себя защищенной”.

Ранней весной 1924 года Бендор с Шанель тайком проскользнули на борт “Летучего облака”, когда судно стояло пришвартованным в Бискайском заливе, в гавани Байонны. Вот что писала Шанель об их первых днях вместе: “У него была яхта — самое лучшее средство, чтобы сбежать ото всех на самой заре нового романа. Сначала вы оба чувствуете себя неловко, потом, бывает, немного ссоритесь, но если все складывается не лучшим образом, то всегда можно зайти в порт”. Должно быть, поначалу Шанель была совершенно очарована тем волшебным миром, который творил для нее Бендор. Когда их яхта достигла Средиземного моря, на борт доставили оркестр из Монте-Карло, который играл для них каждый вечер. Бендор очень любил танцевать. Он осыпал Шанель

Леди Данн с Шанель и Жиго, 1926 г.

драгоценными подарками. Позже Шанель признавалась одной близкой подруге: “Я любила его или думала, что люблю, что, впрочем, почти одно и то же”.

Конечно же невероятное богатство Бендора весьма украшало его в глазах Шанель. Будучи кузеном Георга V, он единолично владел Итон-холлом — помещьем площадью около одиннадцати тысяч акров, где легионы садовников круглый год растили для него розы, гвоздики, орхидеи и экзотические фрукты и овощи. К поместью вела ветка железной дороги. У Бен-

дора был даже свой собственный поезд, возивший его из Итон-холла в Лондон, где ему принадлежали Гросвенор-хаус (позднее сданный в аренду посольству США) и Бурдон-хаус. Помимо этого он владел несколькими доходными участками в районе Кенсингтонских садов и обширными поместьями в Канаде и Австралии.

Для морских путешествий в его распоряжении были переоборудованный военный корабль “Катти Сарк” и просторная яхта “Летучее облако”. У него было все: конюшни, охотничьи домики в Шотландии и Франции, “бентли” и “роллс-ройсы”. В семейной сокровищнице герцога в числе прочих драгоценностей хранились вестминстерская королевская тиара и знаменитые бриллианты Аркот.

Бендор, как и друг всей его жизни Уинстон Черчилль, родился и жил в мире, где британского аристократа почитали кем-то вроде полубога. Как и другие наследники из богатых семей земельной аристократии, он жил в полной уверенности, что рожден для того, чтобы править величайшей империей всех времен и народов.

Приятель Бендора описывал его как “человека жизнерадостного, словно щенок ньюфаундленда, с ярко выраженной склонностью к буйным развлечениям вроде спорта, лошадей, мощных моторов и женщин. Он определенно создан для стремительной и насыщенной жизни, его силе и здоровью можно только завидовать”. По мнению Черчилля, Бендор “достиг совершенства в искусстве охоты и прекрасно

разбирался в повадках дичи... отважный товарищ на войне и на охоте... он крайне редко давал волю чувствам и не любил публичных выступлений; это был человек глубокого ума, редкой мудрости и рассудительности. Я всегда высоко ценил его мнение”.

Одна французская дама характеризовала Бендора как “чистейшей воды викторианца, одержимого своим оружием, охотой, джемперами, скаковыми лошадьми и гончими — что же до англичанок, то их делом, по его мнению, было рожать детей и угождать своим мужьям... человека, который мог забавы ради, вооружившись хронометром, уронить завернутый в бумажку кусочек сахара в чашку горячего кофе и увлеченно следить, за сколько секунд тот успеет раствориться... человека, который любил украдкой положить бриллиант под подушку к любовнице... человека, способного жестоко обойтись с женщиной”.

Каковы бы ни были взгляды Шанель на большевизм до 1925 года, Бендор быстро убедил ее в том, что коммунизм есть абсолютное зло, а также сильно укрепил в ней неприязнь к евреям. Его передергивало при одном упоминании слова “марксизм”. Ко всему прочему он был ярким гомофобом. Когда его зять, гомосексуалист, будучи лидером либеральной партии, начал выступать в защиту тред-юнионов, Бендор рассказал о его нетрадиционной ориентации королю Георгу V. Тем самым он разрушил и политическую карьеру зятя, и брак сестры.

Впрочем, по части гомофобии Шанель ничуть не уступала Бендору. Как-то зимой 1946 года, находясь

в изгнании в швейцарском Сент-Морице, она якобы сказала Полю Морану следующее: “Гомосексуалисты? Разве не они вечно вертятся вокруг женщин — “ты моя красотуля, малышка, мой ангел”, — не переставая при этом затягивать у тех на шее петлю лести? Сколько раз на моей памяти эти извращенцы ломали девушкам жизнь: разводы, скандалы, наркотики... Они на что угодно пойдут, лишь бы избавиться от конкурентки и выместить на женщине свою злобу. Все содомиты хотят быть женщинами — но что за мерзкие женщины из них выходят! Просто прелесть!”

После того как летом 1924 года Бендор оформил официальный развод с Вайолет Роули, он привез Шанель к себе в Итон-холл. Здесь у них начался сезон вечеринок, теннисных партий, верховых выездов по английской сельской глубинке и ленивых прогулок по аллеям прекрасных парков. Если во Франции осень — самая пора для охоты, то в Шотландии это время ловить лосося. Фотографии этого периода рисуют Шанель в самых разнообразных эпизодах: вместе с Бендором, с широкой улыбкой на лице (ей сорок один, ему — сорок семь). В свитере “фер-айл” собственной модели — она, похоже, не сомневается в своей способности очаровать всех величайших английских лордов и леди, вместе взятых. На другом снимке авторства родоначальника американской модной фотографии барона Адольфа Гейн де Мейера Шанель позирует перед объективом в изысканном жемчужном ожерелье

БЕНДОР (герцог Вестминстерский) и Шанель на Большом Национальном ипподроме, май 1924 г. Бендор и Шанель провели вместе пять лет, после чего остались друзьями на всю жизнь. Оба были известны своими прогерманскими настроениями и ненавистью к коммунистам и евреям.

(очередной подарок от Бендора). *Vogue* демонстрирует ее в классическом костюме из джерси и кардигане. Точеную шею обвивают длинные нити жемчуга. Редкий кадр: Шанель с сигаретой — от этой привычки она так и не смогла избавиться (“беспрестанно” кури-

ла “Кэмел”, за исключением лишь тех случаев, когда их в принципе негде было достать). На другом снимке Шанель с Верой Бейт только вернулись с рыбалки: на них мешковатые штаны и теплые твидовые жакеты. Подруги глядят гончую. Шанель сжимает в руке удочку с насаженной на крючок пробкой вместо чехла. А вот великолепный снимок, датированный ноябрем 1929 года, где Шанель опирается на руку Уинстона Черчилля во время охоты в окрестностях Итон-холла.

Бендор с Шанель часто ездили в Париж — в основном на приемы и в оперу. После того как герцог был замечен на репетиции “Голубого экспресса”, корреспондент светской хроники газеты *The Star* написал в октябрьском номере за 1924 год: “Слухи о том, с кем герцог хочет связать свое будущее, будоражат общество... когда стало известно о его разладе с герцогиней, высказывалось мнение, что ее место займет некая привлекательная молодая особа из прославленной семьи... Теперь же есть некоторые основания полагать, что новой избранницей герцога может стать умная и очаровательная француженка — владелица очень престижного предприятия модной одежды в Париже”.

Герцог добился того, чего хотел, и не отказывал Шанель абсолютно ни в чем. “Настоящая жизнь началась для меня с Вестминстера, — призналась она как-то раз в минуту откровения. — Наконец-то я нашла плечо, на которое могла опереться... он не ведал самого слова “снобизм”. И был воплощением непринужденной простоты”. Тринадцать лет назад Шанель каталась верхом по тропинкам компьенских

Улыбающаяся Шанель (слева) в компании Веры Бейт (позднее Веры Ломбарди) после рыбалки в шотландском поместье Бендора, 1925 г. Позже Вера поведаёт Уинстону Черчиллю о том, как в свое время разоблачила Шанель перед британскими спецслужбами в Мадриде, выдав ее как нацистского агента.

лесов с Этьеном Бальзаном, у которого три года подряд прожила в содержанках в Шато-Руайо. Теперь же Коко жила на положении неофициальной любовницы в Итон-холле. Рядом почти всегда была Вера Бейт, которая охотно помогала Шанель разбираться в особенностях английских характера и этикета. Однако

С сэром Уинстоном Черчиллем на охоте в поместье герцога Вестминстера. Итон-холл, начало зимы 1929 г. Они будут дружить всю жизнь.

Шанель в свойственной ей манере приучила всех вокруг говорить по-французски — включая даже Бендора с его ужасным акцентом, — а сама тем временем тайком засела за английский.

Жизнь с Бендором, по крайней мере в первое время, была одним бесконечным праздником. Они устраивали королевские котильоны, на которые нередко собиралось по пятьдесят — шестьдесят человек. На этих вечерах музыканты в красных мундирах и лакированных мягких туфлях играли далеко за полночь. Вокруг денно и ночью суетились целые батальоны слуг, лакеев, горничных, поваров, кухарок, са-

Шанель в охотничьем костюме рядом с Уинстоном Черчиллем и его сыном Рэндольфом. 1928 г., Франция.

Черчилль дружил с Шанель и восхищался ею на протяжении почти тридцати лет; по мнению некоторых историков, после освобождения Парижа в 1944 году именно Черчилль спас Шанель от суда за сотрудничество с оккупантами.

довников, охотничьей и спортивной прислуги — все для удовольствия гостей. Никому из приглашенных в Итон-холл не приходилось и пальцем пошевелить. За поместьем с его пятьюдесятью четырьмя спальнями, конюшнями и семнадцатью “роллс-ройсами” приглядывал строгий и внушительный дворецкий по имени Перси Смит. Он отвечал как за прислугу,

так и за сам особняк с развешанными по стенам многочисленными полотнами кисти Рубенса, Рафаэля, Рембрандта, Хальса, Веласкеса и Гойи.

Шанель разделяла страсть Бендора к лошадям, охоте, рыбалке, яхтам и веселым вечеринкам. В безудержной погоне за удовольствиями Шанель и герцог Вестминстер не обращали внимания на рабочие стачки середины и конца двадцатых годов. Мало волновало их и наступление Великой депрессии 1930-х, ведь все это было так скучно. Что ни говори, а Шанель теперь принадлежала к привилегированному классу. Для нее с герцогом и их окружения музыка продолжала играть по-прежнему. Им всегда были рады на вечерах в сверхшикарном клубе “Эмбасси”, где играл оркестр Эмброуза, а метрдотель Луиджи всегда держал зарезервированным специально для них столик с видом на балкон и резную деревянную лестницу.

Для Шанель сказка продолжилась и в 1928 году, когда она вместе с Черчиллем охотилась в угодьях Вестминстера в Мимизане, что к югу от Бордо. Фотограф лондонской *Daily Mail* запечатлел Черчилля, который в то время был канцлером Казначейства, с сыном Рэндольфом. С ними Шанель в теплом пальто, шляпе-котелке и со стеклом в руках. Она стоит между двумя Черчиллями, как королева, в окружении охотничьей своры биглей. Под снимком на газетной вырезке рукой Шанель написано: “Что за прелестная фотография... в вашей шляпе не хватает пера. *Daily Mail*, 11 января 1928 года”. Черчилль тоже упоминает об этом событии в письме к своей жене Клементине:

Приехала знаменитая Шанель, и я проникся глубочайшей симпатией к этой талантливой и достойной во всех смыслах особе. Пожалуй, Бенни [Бендору] еще ни разу не приходилось иметь дело со столь яркой и сильной женщиной. Вчера: сначала без устали скачет на охоте, потом едет на автомобиле в Париж, а сегодня уже с увлечением перекраивает одежду в окружении несметной армии манекенов. В трехнедельный срок ей нужно довести до ума 200 моделей. И при этом все до последней выкройки или шва она проверяет лично. А ведь некоторые наряды приходится перекраивать раз по десять. Рядом с ней неизменно Вера Бейт, урожденная Аркрайт, — ее поверенная? Наверяд ли. Быть может, одна из ее адъютантш? Нет. «Она просто тут, и все».

В другом письме к Клементине из Стек-лодж в Шотландии Черчилль писал:

Шанель живет здесь на положении Вайолет [второй жены Бендора]... рыбачит целый день напролет и уже наловила штук пятьдесят лососей (некоторые весом по 24 фунта). Замечательная женщина — прекрасная и сильная во всех своих проявлениях. Ей вполне по плечу управлять мужчиной, да что там — империей. Бенни в прекрасном расположении духа и, думается, безмерно счастлив от того, что наконец сумел найти себе ровню. Гармония между ними держится на равновесии сил.

Черчилль, явно плененный очарованием Шанель, был совершенно прав. Она успевала поиграть, покататься верхом, порыбачить, удовлетворить страстного Бендора, а после этого еще вернуться к своим манекенам и создать какой-нибудь восхитительный по своей простоте и сексуальности наряд вроде маленького черного платья, которым так бурно восторгались ценители моды. К примеру, модный дизайнер и автор книги о жизни Шанель Дженет Уоллак писала: “ [Шанель] создавала элегантные интерьеры, элегантные наряды, в которых сочетались удобство, роскошь и шик; и еще она умела заводить невероятное количество друзей. Ее интересовало все, начиная со спорта и заканчивая высокоинтеллектуальными беседами. По [ее] словам, она даже прочитала все книги из своей библиотеки”. Подводя итог, Уоллак заключала: “Она была быстра умом, остра на язык и обладала чувством юмора, которое не могли не оценить по достоинству даже самые искушенные собеседники”.

Шанель обладала удивительной способностью использовать для своих целей всех и вся вокруг. И сейчас она продолжала изобретать одежду и стиль жизни, которые бы соответствовали лоску герцога Вестминстерского. Однако ее карьера и амбиции не позволяли паре часто бывать вместе. Бендор тосковал по Шанель, когда та целиком отдавалась работе. Как писала ее подруга леди Ия Эбди, “в ее жизни было только две настоящих любви... к себе самой... и к своему модному детищу... что же до остального,

то это были всего лишь минутные увлечения, слабости, интрижки и любовь по расчету”.

Мадемуазель прекрасно понимала, что слова Бендора “я хочу заботиться о тебе” на самом деле означают “будь со мной и только со мной”. Бендор очень переживал, что Шанель часто не бывает рядом, и умолял Веру, чтобы та помогла ему удержать ее в Лондоне. Он рассчитывал, что Шанель откроет бутик в Лондоне и станет активно им заниматься, благодаря чему всегда будет от него на расстоянии вытянутой руки.

Лондонский Дом Шанель действительно имел моментальный и оглушительный успех. Его постоянной клиентурой стала целая толпа благородных английских леди и светских львиц всех мастей во главе с будущей королевой Англии герцогиней Йоркской. Имя Шанель не сходило с уст лондонской публики. Из своих ателье в Париже Шанель привезла элегантный ток: идеальное дополнение к одному из ее пресловутых черных платьев с длинными рукавами из черного крепдешина.

Именно этому лондонскому периоду мир также обязан самым ранним вариантом классического шерстяного костюма от Шанель: кардиган, пуловерный верх на низком поясе и плиссированная юбка. Любые вещи, попадавшие на глаза — от бендоровских твидовых костюмов и моряцких кепок до жилетов, которые носили его лакеи, — служили пищей для ее дизайнерской мысли. Сама же отважная изобретательница ходила в расклешенных брюках и водолазках, которые добавляли ее образу

простоты и сексуальности. На одном из снимков, сделанных в ее романтическом убежище на вилле *La Pausa*, Шанель предстает с улыбкой на лице в компании дога по кличке Жиго (этого пса подарил ей Бендор; в переводе с французского кличка означает “баранья нога”); ее талия прихвачена декоративным поясом.

Несмотря на то что у Бендора с Шанель изредка случались размолвки, он не прекращал осыпать ее всевозможными подарками, начиная с драгоценных камней и произведений искусства и заканчивая домом в Мейфэре и пятью акрами земли на курорте Рокбрюн-Кап-Мартен, расположенном между Ментоном и Монте-Карло. Бендор купил этот участок в 1928 году за 1,8 миллиона франков (сегодня эта сумма равнялась бы 3 миллионам долларов), а затем, 9 февраля 1929 года, отписал его по дарственной в пользу Шанель. Здесь, на вершине горы Рокбрюн, они выстроили *La Pausa* — их виллу мечты (когда в 1929 году вилла была закончена, суммарные вложения в нее составили 6 миллионов франков или 12 миллионов долларов в пересчете на курс 2010 года).

Итак, преображение Шанель завершилось. Разменяв свой пятый десяток, она успела пройти путь от бездомной сиротки без гроша в кармане до содержанки и в итоге превратилась в сказочную принцессу средних лет.

Единственный сын герцога умер в 1909 году в возрасте четырех лет, поэтому Бендор отчаянно нуждался в наследнике. Еще в 1926 году он начал настаивать, чтобы Шанель бросила заниматься делами и карьерой и стала его постоянной спутницей. Крайне маловероятно, однако, что он всерьез видел Шанель в роли жены, герцогини и матери наследника титула. Кроме того, шансы Шанель родить ребенка — в ее-то возрасте, за сорок, — стремились к нулю. Позднее она откроет причину своего безбрачия немецкой журналистке: “Я полагаю, это все из-за работы. Ни один из двоих моих любимых не понимал этого. Они оба были богаты, и им даже в голову не могла прийти мысль о том, что женщине, пусть даже и богатой женщине, может хотеться работать. Я бы ни за что на свете не оставила Дом Шанель, ведь он был моим детищем. Я создавала его с нуля. Как-то раз я сказала герцогу Вестминстеру: “К чему нам жениться? Мы и так вместе... нас и так все принимают”. Мне никогда не хотелось обременять мужчину сильнее, чем это делает птичка, сидящая у него на плече”.

По словам друзей, Шанель не понимала, даже несколько побаивалась детей и не знала, как с ними общаться. Тем не менее вдвоем с Боем Кэйпелом они фактически усыновили племянника Шанель Андре Паласса и отправили его учиться в одну из лучших английских школ-пансионов. Позднее она станет любящей тетушкой и будет нянчить старшую дочь Андре Габриэль Паласс по прозвищу Крошка (имя свое девочка получила в честь Шанель).

Ни Бендор, ни Шанель никогда особенно не стремились к браку. Чтобышний раз подчеркнуть свою независимость, Шанель вернула Бендору (через секретаря) нетронутой его чековую книжку со словами: “Я за все платила сама”. Она упорно отказывалась от роли содержанки.

Как-то Бендор пригласил к себе на рыбалку в Шотландию знаменитую венскую красавицу и спортсменку, принцессу Штефани фон Гогенлоэ. В ответ на это Шанель возобновила парижский роман со своим бывшим любовником — поэтом Пьером Реверди, — что, в свою очередь, до крайности разъярило ревнивого Бендора. Он объявил, что “Шанель сошла с ума”, и принялся забрасывать ее бесчисленными письмами и посланиями. Ее ответом было: “Все, что мне нужно, — это букетик полевых цветов, собранных твоей рукой”. И герцог немедленно начал осыпать ее цветами, под листьями которых неизменно прятались драгоценности.

Богачка Штефани вряд ли могла составить конкуренцию Шанель. В жилах венской принцессы текла еврейская кровь, тогда как Бендор славился непримиримым антисемитизмом. Однажды в разговоре он даже позволил себе отозваться о британской королевской семье как об “этих евреях”, ошибочно полагая, что супруг королевы Виктории принц Альберт Саксен-Кобург-Готский имеет еврейские корни. После очередной порции виски он несколько раз повторил в присутствии Ротшильда: “Не выношу этих проклятых евреев”. По иронии судьбы, несколькими года-

ми позже, стоило только нацистам прийти к власти в Германии, как Штефани тут же стала для Гитлера его “дорогой принцессой”. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер сумел решить для нее щекотливый “еврейский вопрос”, по случаю произведя ее в “почетные арийки”. С 1932 года она работала агентом нацистской разведки в Лондоне и выступала посредником между британскими пронацистски настроенными кликами и некоторыми влиятельными лицами из светских и политических кругов Лондона. В число последних входили Бендор, принц Уэльский, владелец лондонской *Daily Mail* лорд Ротермер, леди Марго Эсквит, леди Этель Сноуден и леди Эдит Лондондерри. В 1937 году благодаря деятельному участию Штефани состоялись встречи Гитлера с Эдвардом Вудом, лордом Галифаксом, а также с герцогом Виндзорским и его невестой, разведенной американкой Уоллис Симпсон, ради которой тот в свое время отказался от английской короны. Все они питали неистовую ненависть к коммунизму и Советам и открыто ратовали за объединение с нацистской Германией перед лицом неизбежной, по их мнению, угрозы нашествия коммунистических орд.

Сказочный роман герцога и Шанель медленно, но неуклонно приближался к своему завершению. Шанель слишком дорожила свободой. Каждый раз, когда ее вечные поиски настоящей любви, уже, казалось, готовы были увенчаться успехом, эта любовь становилась несбыточной. На сей раз несбыточной любовь

оказалась потому, что Шанель всю жизнь считала себя хозяйкой своей судьбы и за пять лет, которые она провела с Бендором, ей успел порядком наскучить его образ жизни. В свою очередь Бендор тоже несколько поостыл к Шанель. Он все чаще стал избегать общества ее заумных друзей из парижской богемы. Тонкие шутки и ремарки, которыми Дягилев любил обмениваться с Кокто и своим любовником Сержем Лифарем, были явно выше его понимания. Помимо прочего, у них с Шанель все чаще случались скандалы по поводу его сторонних любовных интрижек. Но, несмотря на все это, герцог продолжал держаться за нее с упорством настоящего эгоцентрика. В конечном счете Черчиллю пришлось напомнить Бендору о его королевских обязательствах — то есть о том, что ему по-прежнему нужно обзавестись наследником, тогда как Шанель дорога к английскому двору заказана.

Шанель с Бендором, очевидно, и не подозревали, что все это время французская контрразведка следила за каждым их шагом. В частности, в одном из донесений сообщалось следующее:

Герцог часто бывает во Франции, где нередко посещает Шато-де-Вулсак (Мимизан, Ланд). В Париже герцог гостит у Шанель. Некогда дама легкого поведения, [Шанель] имеет обширные связи в политических и дипломатических кругах. Также герцог Вестминстер проявляет повышенный интерес

СЕРЖ ЛИФАРЬ В РОЛИ ВЕСТРИСА И МАРИ-
ЛАУРА ДЕ НОЗЬ НА БАЛУ В ЧЕСТЬ
ТРЕХСОТЛЕТИЯ РАСИНА У ГРАФА ДЕ БОМОНА,
ИЮНЬ 1939 Г. ТАНЦОР ОДЕТ В КОСТЮМ
ОТ ШАНЕЛЬ. ЛИФАРЬ БЫЛ ОДНИМ ИЗ ЛЮБИМЫХ
БАЛЕТМЕЙСТЕРОВ ШЕФА ЛЮФТВАФФЕ ГЕРМАНА
ГЕРИНГА. ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПАРИЖА
НАПУГАННЫЙ ЛИФАРЬ ПРЯТАЛСЯ ОТ БОЙЦОВ
СОПРОТИВЛЕНИЯ В ГАРДЕРОБНОЙ У ШАНЕЛЬ
В ЕЕ КВАРТИРЕ НА РЮ КАМБОН.

к “маленьким ручкам” [так Шанель называла порт-
них, которые шили платья, кофты и другую оде-
жду по ее эскизам и выкройкам] из модного Дома
Шанель. Прошлым летом некоторые [из работниц
Шанель] ездили на выходные в Шато-де-Вулсак,

где жили в поистине королевских условиях. Такое повторяется уже не первый год.

В 1929 году Вера Бейт развелась с мужем-американцем, вскоре после чего вновь вышла замуж — за итальянского кавалерийского офицера Альберто Ломбарди. Отныне она являлась гражданкой Италии. Французская контрразведка не замедлила установить слежку за новоиспеченной четой. В отчетах подробно фиксировалось все, начиная от их перемещений и содержания телефонных разговоров и заканчивая подробностями и перипетиями их отношений с Бендором и Шанель. В 1930 году Вера неожиданно покинула Шанель и перешла работать в конкурирующий дом высокой моды Молине. Затем она столь же неожиданно переехала в Рим вместе с мужем, который к этому времени дослужился до чина полковника. Во Втором бюро подозревали, что он работает на итальянскую военную разведку.

Шли годы. Бендор продолжал свои амурные завоевания, однако желание обладать Шанель по-прежнему не покидало его. Позднее Шанель заявляла: «Мне никогда не хотелось его заполучить. Если ты знатен и при этом богат — даже чересчур богат, — то ты — желанная добыча, вроде зайца или лисицы. И тогда лучше охотник, чем в Англии, не сыскать нигде: все эти английские леди только и делают, что охотятся. Что же до меня, то мне вообще несвойственно думать в подобном ключе: вот

подходящий мужчина: сейчас я его... дайте только ружье!”

Летом 1929 года их отношения подошли к логическому завершению. Бендор уговорил Шанель и Мисю Серт присоединиться к нему на борту “Летучего облака”. Какая, должно быть, злая ирония крылась в разительном контрасте между величественным и экстравагантным судном с его командой из сорока человек, массивной мебелью и огромными кроватями с балдахинами, с одной стороны, и двумя саркастически настроенными подругами, прибывшими сюда напрямик из Парижа (эдакой парочкой хихикающих и слегка одурманенных наркотиками озорных бесенят), — с другой. Внезапно, как гром среди ясного неба, на голову веселой компании обрушилась телеграмма из Венеции с вестью о том, что Дягилев лежит при смерти.

Стоило “Летучему облаку” добраться до венецианской гавани, как Мися с Шанель стремглав помчались в “Гранд-Отель-де-Бан” в Лидо, где обнаружили тяжело больного Дягилева под опекой его танцоров и любовников Бориса Кохно и Сержа Лифаря. Дягилев страшился надвигающейся смерти. Своим визитом подругам удалось немного подбодрить его. Оставив Мисю у постели умирающего, Шанель вернулась на яхту к Бендору. Мися стала просить знакомого католического священника исповедовать Дягилева. Поначалу священник отказывался творить обряд над православным, однако в итоге ему пришлось сдаться под напором неистовой Миси. Дягилева — этой страстной натуры, будто сошед-

шей со страниц романа Достоевского, волшебника балетного искусства, открывшего миру великие имена Михаила Фокина, Нижинского, Леонида Мясина и Джорджа Баланчина, — не стало.

Мися была сокрушена горем. Позднее она писала: “Вместе с ним умерла часть меня самой”. Для Лифаря и Кохно смерть наставника тоже стала страшным ударом. Оба были на грани отчаяния. Предчувствуя недоброе, Шанель вернулась в Венецию, где помогла Мисе устроить мессу и похороны. Мися, Шанель, Лифарь и Кохно стояли одетые во все белое в гондоле с гробом Дягилева и провожали его в последний путь по каналам Венеции к почетному месту упокоения на острове Сан-Микеле.

После похорон Бендор настаивал, чтобы Шанель вернулась к нему на шхуну, но любовь уже ушла вслед за давно иссякшей страстью. Бендор был не в силах бороться со своей природой. Инстинкт охотника толкал его на завоевания все новых женщин. Шанель больше не могла этого выносить. Их ссорам не было конца. Вот история, которая, вполне возможно, принадлежит к разряду легенд о Шанель, однако же вполне здесь уместна в качестве трогательного прощального аккорда. Будто бы герцог в который уже раз ссорится с Шанель на борту “Летучего облака”, стоящего на якоре вблизи Вильфранша на Лазурном берегу. Рассерженный герцог отправляется на берег, но вскоре после этого (если верить легенде) возвращается к Шанель с изумрудом умопомрачительной красоты. В мягком свете луны он украдкой кладет ка-

мень в руку Шанель, но та молча разжимает пальцы, и бесценный изумруд падает в море.

После романа с самым крупным богачом Соединенного Королевства Шанель ненадолго вернулась к Пьеру Реверди — своему гонимому поэту средиземноморского берега. Не исключено, что в отношениях со смуглым, черноволосым Реверди Шанель подсознательно искала отцовской любви, которой ей практически не досталось в детстве. В отличие от герцога, Реверди был ей ровней, ведь он тоже происходил из крестьян. Когда ему наскучило жить у Шанель на рю Фобур-Сент-Оноре, она тут же подыскала для него поблизости квартиру-студию. Но Реверди все равно не давался в руки. Вскоре он опять сбежал в Солем, однако лишь для того, чтобы спустя несколько недель вновь ненадолго вернуться к Шанель и кутежам в компании Кокто, Макса Жакоба (еврейского поэта-католика), Блеза Сандрара, Леже и Брака.

Отныне Реверди предпочитал друзьям Шанель общество американских джазовых музыкантов, прочно обосновавшихся в Париже. Шанель с презрением отзывалась о подобном времяпрепровождении: “Дурная еда, дурное пиво и толпа идиотов, которые из раза в раз повторяют одни и те же истории”. Она редко составляла компанию Реверди на его ночных гулянках и вообще предпочитала ложиться пораньше, чтобы на следующий день ни свет ни заря приниматься за работу.

В конце концов Шанель удалось вытащить Реверди в *La Pausa*. Она надеялась, что смена климата вкупе с красотой средиземноморских видов вернет свежесть их отношениям.

Как раз тогда, во время их совместных наездов в *La Pausa*, Реверди помогал Шанель составлять ее знаменитые афоризмы, которые много лет спустя будут опубликованы в *Vogue*. До этого она уже писала статьи для парижских женских журналов *Le Miroir du monde* ("Зеркало мира"), *Les Femmes et le sport* ("Женщины и спорт") и *Le Nouveaux Luxe* ("Новый люкс"). Теперь, когда Шанель было за сорок, ей всерьез захотелось опробовать перо — точно так же, как в пору ранней молодости она мечтала петь и играть на пианино. Среди ее изречений были такие: "Наш дом — наша тюрьма; наша свобода — в его украшении", "К некрасивой внешности можно привыкнуть, к пренебрежительному отношению — никогда", "Принимать неблагодарность — вот настоящая щедрость". Своим слогом они напоминали выверенные поэтические экстракты самого Реверди.

По возвращении в Париж атмосфера богатства и роскоши, которой дышала Шанель, все так же завораживала и вместе с тем отталкивала Реверди. Парижскую элиту он терпеть не мог, однако деньги у Шанель принимал охотно и, судя по всему, любил шокировать ее, внезапно врываясь на богатые приемы, а затем вдруг исчезая так же неожиданно, как появился. В конце концов, при всей своей любви к Реверди, Шанель осознала, что он никогда

не сможет найти себе места в ее мире. Верные друзья и временами любовники, они решили, что пора им все-таки расстаться. На прощание он подарил Шанель несколько трогательных строк: “Я люблю тебя и покидаю/ отправляюсь дальше в дорогу/ может, встретимся как-нибудь снова/ поговорим о былых временах/ потом ты вернешься ко мне/ и станем вместе смеяться”. (Много лет спустя Реверди, воевавший во время немецкой оккупации в партизанских отрядах, лично арестует при освобождении Парижа барона Вофрелана, который в годы войны тесно сотрудничал с Шанель, и отправит его за решетку по обвинению в коллаборационизме.)

В кругах парижской элиты очередная размолвка Шанель с Реверди не имела такого сильного резонанса, как ее недавний разрыв с Бендором, когда “немытая крестьянка из глухой деревни отказалась стать женой герцога Вестминстера”. Но ведь Шанель с детства мечтала бежать от серых приютских будней. Благодаря годам тяжелого труда, врожденному вкусу, силе своего женского обаяния и упрямому, бунтарскому нраву Шанель удалось сбросить лохмотья бедности и выбиться в мир драгоценностей, шелков и атласа — в мир знаменитостей и несметных богатств. К моменту расставания с Бендором она уже настолько прочно успела обосноваться на красной ковровой дорожке, что вполне могла обойтись без него. “Нельзя, чтобы о тебе забывали. Нужно всегда быть в экипаже — в том самом экипаже, в котором едут люди, чьи имена не сходят с уст. Нужно

сидеть на почетном месте впереди всех и изо всех сил держаться, чтобы никто не выкинул”.

Бендор нашел новую любовь. Весной 1930 года он привез к Шанель в Париж свою невесту Лилию Понсонби, дочь королевского казначея, которая по возрасту годилась в дочери ему самому. Остается только гадать, проявлял ли Бендор намеренную жестокость или просто не слишком заботился о чувствах Лилии. Как бы там ни было, Бендор настоял, чтобы Шанель поговорила с Лилией и оценила, насколько та ему подходит. Пока герцог бродил в окрестностях столь знакомого ему дома на рю Фобур-Сент-Оноре, элегантная и утонченная Шанель в темно-синем костюме, белой блузе и бесчисленных украшениях принимала у себя гостью, которая на ее фоне чувствовала себя “неуклюжей и безвкусно одетой”. Вот как Лилия вспоминала о Шанель:

Низенькая, смуглая, обезьяноподобная... прямо-таки воплощение собственного стиля... увешанная всевозможными ожерельями и браслетами, которые бренчали при каждом ее движении. Она сидела в большом кресле посреди роскошной гостиной, эффектно возвышаясь на фоне двух больших коромандельских ширм. Чувствуя себя не в своей тарелке, я примостилась на стул у ее ног... Сомневаюсь, что мой твидовый костюм выдержал испытание. Чтобы как-то прервать неловкое молчание, я рассказала ей о том, как миссис Джордж Кеппел подарила мне на Рождество

ожерелье ее марки. Она тут же попросила меня описать его.

“Нет, — холодно заключила она, — это ожерелье определенно не имеет никакого отношения к моему учреждению”.

Как утверждают некоторые из биографов, через несколько дней после венчания Бендор приезжал еще раз повидаться с Шанель.

Осенью 1929 года в США обрушилась фондовая биржа. Вскоре американские зарубежные инвестиции с пугающей стремительностью обесценились на 26 миллиардов долларов. В Америке, Великобритании и на континенте огромные состояния превращались в ничто. В Германии политические убийства, массовые забастовки, гиперинфляция и страх перед большевизмом открыли дорогу к власти партии нацистов во главе с Гитлером. Опасаясь Гитлера и возможной немецкой агрессии, французы начали возводить линию Мажино вдоль франко-германской границы.

Великий князь Дмитрий женился на богатой молодой американке из Нью-Йорка, в то время как Бендор в свои пятьдесят все еще нуждался в наследнике. Несмотря на это, Бендор временами возобновлял интимные отношения с Шанель, продолжая идти на поводу у своей похотливой и невожатанной “охотничьей” натуры.

После Черного вторника на Уолл-стрит 29 октября 1929 года вся американская промышленность и торговля погрузилась в пучину Великой депрессии. Вслед за Соединенными Штатами, с прекращением потока заокеанских кредитов и вложений в германскую экономику, настал черед Веймарской республики. Во Франции тоже давали о себе знать первые признаки грядущих экономических потрясений.

Теперь Динклаге с женой Максимилианой (друзья звали ее Кэтси), наполовину еврейкой, много времени проводили на залитом солнцем Лазурном берегу. Чете Динклаге оставалось только благодарить судьбу за столь удачное назначение во Францию, которое спасло их от воцарившихся в Берлине разрухи и хаоса.

Завидная доля выпала Динклаге в тот момент, когда в Германии без работы и средств к существованию прозябали 6 миллионов его соотечественников. Во многом ему помогла родословная — как-никак он происходил из семьи потомственных военных. И все же главным его козырем стало добытое за десять лет агентурной работы под прикрытием дружеское расположение генерала Вальтера фон Браухича, которого Гитлер позднее назначит главнокомандующим немецкой армии — вермахта.

Легенда-прикрытие, представлявшая Динклаге жизнерадостным, солнцелюбивым теннисистом и иногда свободным немецким торговцем, работала прекрасно уже в силу того, что он безупречно владел английским и французским. Вдобавок наличие красивой и кокетливой жены с примесью еврейской

крови позволяло ему без труда смешаться с растущей как на дрожжах массой беженцев и эмигрантов из Германии. В муниципальных архивах Санари-сюр-Мер хранится допуск на проживание, выданный местной полицейской префектурой целому ряду граждан Италии и Германии, в числе которых значится и Максимилиана фон Динклагге. Помимо прочих, среди временных резидентов оказались также Томас Манн, Олдос Хаксли и английская писательница Сибил Бедфорд (которая, кстати, имела немецкие корни и приходилась Кэпси сводной сестрой). С течением времени все больше немецких и еврейских интеллектуалов стекалось в Санари в поисках укрытия от разгула гитлеровских “коричневых рубашек”.

В Санари — в этом райском уголке Средиземноморья — чета Динклагге жила в свое удовольствие, наслаждаясь солнцем, лакомясь свежепойманной рыбой и местным вином. Как писала Марта Фейхтвангер, которая в начале тридцатых жила здесь вместе с другими экспатриантами из Германии, “мы жили у моря. С прибрежных скал открывался вид на глубокие голубые лагуны, а вдалеке виднелся остров. Неподалеку был клочок частного пляжа... размером с платок. По уступам скал гнездились густые кусты тимьяна, шалфея и розмарина. В воздухе разливался их пьянящий аромат...”

Тишину и покой в Санари-сюр-Мер нарушали лишь звон металлических шаров, которыми местные жители и приезжие играли в петанк, да доносимый ветром с моря шелест волн. Любому, кто приезжал в эту райскую гавань, были с гарантией обеспечены солн-

МАКСИМИЛИАНА ФОН ШЕНЕБЕК — “Кэси” —
ЖЕНА БАРОНА ФОН ДИНКЛАГЕ. ФОТО 1930-Х
ГОДОВ. КАК РАЗ В ЭТО ВРЕМЯ ОНА ШПИОНИЛА
В ПОЛЬЗУ ГЕРМАНИИ В ОКРЕСТНОСТЯХ
ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ БАЗЫ В ТУЛОНЕ.

це, серфинг, веселье и хорошие душевные разговоры, одобренные превосходным местным вином, — и все это всего в нескольких километрах от гавани Тулона, где располагалась штаб-квартира французских ВМС и стояла на якоре средиземноморская эскадра. Именно корабли и штаб французского флота станут для Динклаге основной заботой на ближайшие несколько лет; деньги на операции будут поступать к нему через

курьеров германского посольства прямоком из казны немецкой военной разведки. Финансы текли в карман агентам и продажным чиновникам, чтобы те могли в обмен на информацию наслаждаться богатой жизнью. Берлинское начальство Шпатца и Кэтси платило им за организацию шпионских операций и тайной агентурной сети, члены которой под воздействием шантажа или подкупа выводывали конфиденциальные данные о военно-морской базе в Тулоне, где хранились секретные карты и коды. Обосновавшись в Санари и получив необходимую информацию о тулонской базе и находящихся в ней военных судах, Шпатц и Кэтси занялись поисками потенциальных объектов для вербовки — тех, кто по тем или иным причинам был готов пойти на предательство родной страны.

Динклагге были далеко не первыми агентами, которых абвер в преддверии войны забросил во Францию. В частности, в службе безопасности при министерстве внутренних дел Франции знали о том, что восемью годами ранее в страну прибыли трое агентов немецкой военной разведки: герр фон Бринкман, граф фон Бреннкендорф и майор Ролль (имена в документах не значатся). У каждого из них при себе имелась сумма в 500 тысяч французских франков. Согласно источнику из высшего командования польской армии, в число их задач входили организация шпионской сети в Париже, вербовка агентов из числа высокопоставленных французских офицеров и добыча информации о деталях стратегического плана на случай войны с Германией. Найти

в архивах какие-либо записи, свидетельствующие о поимке этих шпионов, так и не удалось.

Динклагге идеально подходил на роль руководителя операциями абвера на Лазурном берегу. Для этой работы Берлину требовался человек с безупречными рекомендациями и родословной, а Динклагге как-никак был офицером в третьем поколении — его отец и прадед верой и правдой служили Германии в двух войнах. Его мать Лорри была родом из Англии. Ее брат, дядя Динклагге, служил в германском флоте в чине адмирала. Динклагге с детства рос в среде, где почитались ценности старой Европы. С 1914 по 1918 год он закалял свой дух в окопах Первой мировой на Восточном фронте. В ином месте и в иное время Динклагге был бы прекрасным кандидатом на место в ЦРУ или британской секретной службе MI6.

Максимилиана была еврейкой по матери, и это очень помогало ей носить маску антифашистки, которая служила отличным прикрытием во Франции. По части связей и рекомендаций у нее тоже все было в порядке. Сохранилась немецкая реестровая запись, датированная 1929 годом, в которой сообщается о том, что в 1927 году Динклагге сочетался узами брака с Максимилианой — дочерью еврейки и немецкого аристократа, армейского подполковника. Далее в документе сообщается, что в 1929 году Динклагге ушел в отставку в чине майора, однако это была легенда, придуманная его абверовским начальством в Берлине. На самом деле Динклагге всего лишь сменил форму офицера-кавалериста на гражданский костюм

секретного агента. Тем временем в преддверии Второй мировой войны французская контрразведка докладывала: “Динклагге, также известный как Шпатц... с 1920 года офицер немецкой военно-разведывательной службы *Abwehr*”.

Французской службе безопасности и Второму бюро понадобилось немало времени, чтобы вскрыть реальные масштабы шпионской деятельности Динклагге на Лазурном берегу. В секретном досье 1934 года под названием “Подозреваемые немцы в Санари” сообщается о том, что Динклагге (в то время — немецкий атташе в Париже) проводил тайные операции на юге Франции, “совершая частые переезды с виллы на виллу в пределах курортной деревни Санари-сюр-Мер в 13 километрах от Тулона, постоянно, однако, проживая на вилле *Petite Casa*. Далее в досье указывается, что “чета Динклагге неизменно держала за собой эту виллу, даже будучи в отъезде”.

Стремясь обеспечить себе дополнительное прикрытие, супруги Динклагге вели интенсивную светскую жизнь. Они завели дружбу с соседями, среди которых были писатель-пацифист Олдос Хаксли и его жена Мария. Сводная сестра Кэтси Сибил Бедфорд описывает в своих дневниках за 1932 год, как они вместе с Кэтси и Динклагге играли в казино и выезжали на пикники в компании Олдоса и Марии Хаксли: “Бывало, на закате мы с четой Хаксли устраивались на пляже или в оливковой роще, а иногда у обрыва... и лакомились жареным зайцем, цветами цукини, запивая все это кувшинами ледяного

пунша, который Олдос готовил нам из белого вина, рома и лимона”.

К числу друзей четы Динклаг в Санари принадлежали флотский штабной офицер Шарль Котон и его невеста Алида (Лия) Саломон (еврейка по происхождению). Котон писал о Санари как об “уютной маленькой гавани, куда стекались художники, скульпторы и поэты и где постоянно царила насыщенная творческая атмосфера”. Неизменными местами встреч служили два местных кафе: “Мы любили танцевать в “Мартине”, а беседовать — в “Наутике”. Позднее Котон так писал о своем знакомстве с Динклаг: “Барона все кругом привычно звали Шпатцем. Он был прекрасным теннисистом, и мы сыграли с ним немало партий. Насколько мне было известно тогда, покинуть Германию их с женой вынудили расистские порядки нового режима — ведь Максимилиана была еврейкой... Уж не знаю, правда это или нет, но в Санари ходили слухи о том, что на самом деле он немецкий шпион и живет здесь, потому как отсюда рукой подать до порта Тулон. Что же до меня, то со мной он на военные темы не заговаривал ни разу”.

Эта бесхитростная отговорка Котона была чистой воды ложью. Уже в 1933 году за ним установили слежку. Во французской контрразведке подозревали, что на самом деле морской офицер мог быть завербованным агентом Динклаг на военной базе в Тулоне. Позднее эти подозрения подтвердились, когда выяснилось, что Котон неоднократно ездил в Тулон и Париж по поручениям Динклаг.

ЛЕЙТЕНАНТ ФРАНЦУЗСКОГО ФЛОТА ШАРЛЬ
КОТОН С ЖЕНОЙ АЛИДОЙ (ЛИЕЙ), СЕРЕДИНА
1930-Х. СУПРУГИ КОТОН БЫЛИ СВЯЗАНЫ
С АБВЕРОВСКОЙ АГЕНТУРНОЙ СЕТЬЮ, КОТОРУЮ
ДИНКЛАГЕ ОРГАНИЗОВАЛ ДЛЯ ДОБЫЧИ СВЕДЕНИЙ
О ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ БАЗЕ В ТУЛОНЕ.

В 1930 году берлинское начальство на время отозвало Динклагге из Санари для работы в немецком посольстве в Варшаве. Там он свел знакомство с коллегой из французского посольства Бернаром дю Плесси. Писательница Франсин дю Плесси Грей — дочь Бернара и его жены Татьяны — вспоминала, как ее родители подружились с Динклагге в Варшаве. Плесси Грей

пишет, что отец с матерью отзывались о Динклагге как об “очаровательном молодом человеке на должности временно исполняющего обязанности посла в немецком посольстве”. Однако в посольских архивах нет никаких свидетельств того, что Динклагге был назначен временно исполняющим обязанности посла — так в дипломатических кругах называют служащего, который замещает посла, пока тот отсутствует.

Тем не менее нет никаких сомнений в том, что весь 1931 год Динклагге проработал в Варшаве. За блеском дипломатических приемов и балов скрывался город, раздираемый заговорами и интригами, которые плелись на фоне растущего экономического кризиса. Положение ухудшалось с каждым днем: закрылся австрийский “Кредит-анштальт”, потом немецкий “Данат-банк”, а за ним и все остальные банки Германии. Финансовый кризис резко сместил вправо баланс политических сил в Польше. Не последнюю роль в этом процессе сыграл и генерал Юзеф Пилсудский. В Германии 1931 года смещение политических симпатий в сторону ультраправых позиций было еще более заметным. Здесь финансовую поддержку нацистской партии Адольфа Гитлера, насчитывавшей на тот момент в своих рядах всего восемьсот членов, решили оказать мультимиллионеры Альфред Гутенберг, Эмиль Кирдорф, Фриц Тиссен и Курт фон Шрёдер.

В 1932 году Франклин Делано Рузвельт стал тридцать вторым президентом Соединенных Штатов.

В том же году Динклагэ оставил дипломатическую должность в Варшаве и вернулся к тайной деятельности в Санари, где все это время его дожидалась Кэпси.

Совсем скоро Шанель должно было исполниться пятьдесят. Будучи дамой средних лет, она в полной мере сохраняла свое обаяние, соблазнительную женственность и амбиции и “повсюду привлекала к себе людей искусства”. Для Франции наступили тяжелые времена. Богатые американцы превратились в вымирающий вид. На Лазурном берегу число роскошных отелей сократилось на четверть. Однако, несмотря ни на что, в период с 1931 по 1935 год Дом Шанель по-прежнему процветал: если в 1931 году его штат насчитывал 2440 сотрудниц, то к 1935 году их число выросло до 4000, а суммарное количество платьев, проданных в Европе, на Ближнем Востоке и в Америке, достигло 28 тысяч. В Британии марка Шанель приобрела популярность благодаря новым моделям вечерних платьев из хлопка. Здешних модниц особенно привлекали пике, кружева, тонкая кисея и новаторские застежки-молнии.

На очереди была Америка.

Глава 4

ГОЛЛИВУДСКИЙ ДИВЕРТИСМЕНТ

Господь производит звезды, а я их продюсирую.

Сэмюэль Голдвин

Однажды летним днем 1930 года в Монте-Карло великий князь Дмитрий Павлович представил Шанель Сэмюэлю Голдвину, который хотел нарядить в ее костюмы своих кинозвезд Джоан Блонделл, Мэдж Эванс и Глорию Суонсон. На пике кризиса американской экономики, когда в стране насчитывалось 13 миллионов безработных, он готов был предложить ей миллион долларов (около 14 миллионов по современному курсу) за несколько недель работы в Голливуде. Предложение Голдвина поступило в тот самый момент, когда все ведущие американские, французские и немецкие журналы мод в один голос превозносили коллекции от Шанель, причем *Vogue* обратился, ни больше ни меньше, к услугам четырех ведущих модных фотографов — Сесиля Битона, Эдварда Штайхена, Хорста и Гойнинген-Гюне — специаль-

но для того, чтобы представить ее творения на своих страницах.

Лучшего момента, чтобы покинуть Париж и попробовать себя на новом поприще, нельзя было и представить. Главная конкурентка Шанель Эльза Скьяпарелли выставляла напоказ свои наряды на Вандомской площади, под самым носом у Коко — в буквальном смысле, за углом от ателье Шанель на rue Cambon. “Итальянская чародейка” норовила “подрезать ей крылья... внезапным потоком экстравагантной фантазии и сюрреализма 1930-х годов”. Современная живопись, скульптура и фотография задавали тон моде, и Скьяпарелли стремилась соответствовать и держать марку. В сотрудничестве с Сальвадором Дали она создавала сюрреалистические свитера и фетровые шляпки.

Голливуд обещал стать крепким орешком, но поездка в Америку могла отвлечь Шанель от Парижа и неотступной тени Скьяпарелли. К тому же она была полностью уверена в себе и своем таланте. В конце концов, разве не Шанель была ведущим модельером одежды и украшений, а также творцом “самых покупаемых в мире духов”. Именно она “освободила женщин из плена вычурных туалетов и шляпок... и одела их в спортивные костюмы из шерсти, полосатые кофты и пляжные пижамы, позаимствованные, по ее собственным словам, из гардероба Бендора и других ее мужчин”.

Однако модная индустрия буксовала в условиях экономического кризиса в Европе, а Голдвин пред-

лагал Шанель не просто деньги. Этот гений пиара был способен приоткрыть для Дома Шанель дорогу к американскому рынку готовой одежды — само собой, под другими ярлыками.

Позднее Шанель отзывалась о Голливуде как о “столице дурного вкуса”. Для нее это было все равно что затянувшийся вечер в “Фоли-Бержер”. “Здесь принято считать, что для того, чтобы быть прекрасными, девушкам достаточно вырядиться в перья. И еще здесь все должно быть “супер” — суперсекс, суперпроизводство. В результате все становится одинаковым. И вульгарным”. Однако, как ни крути, весомый миллион вкупе с отлично налаженными связями Голдвина были для нее идеальной приманкой.

Несмотря на откровенную неприязнь к евреям, Шанель решила попробовать вести дела с Голдвином (урожденным Шмуэлем Гельбфишем, выходцем из варшавского гетто). Один из биографов описывает, как Голдвин всеми силами старался держать евреев подальше от Шанель. Шанель тоже не перегибала палку, даже несколько скорректировала свое мнение: “Есть *уоиринз* [пренебрежительное прозвище для евреев во Франции], но есть и замечательные еврей-израэлиты...”

Снимавшиеся в огромном количестве “звуковики” быстро устаревали, не успевая за быстрой сменой модных тенденций. Юбки до колен и унисекс моментально вышли из моды и уступили место длинным облегающим платьям — по крайней мере, так всем казалось тогда. “Все то, что в прошлом году смотрелось

так свежо, теперь кажется старомодным. Более уместными стали длинные юбки и завышенные талии". Что-то должно было измениться. Мастер экранного образа Голдвин задумал новую голливудскую грезу. Он собирался нарядить своих звезд в платья от Шанель, чтобы "женщины [в зрительном зале] могли увидеть в наших фильмах последний писк парижской моды".

Шанель решила взять с собой в Голливуд и Марию Софию Годебску, Мисю — свою стареющую подругу родом из Польши, — хотя бы ради того, чтобы очаровать Голдвина родной польской речью. К тому же Мисе самой не мешало развеяться. В конце разгульных и фривольных двадцатых с ней случился неприятный скандал. Вместе с мужем Хосе-Марией Сертом она влюбилась в очаровательную девятнадцатилетнюю грузинскую княжну и начинающую скульпторшу по имени Русудан Мдивани, или попросту Руси. Невероятно красивая и властная Руси бежала вместе со своими родителями в Париж, где начала изучать искусство и стала объектом воздыханий пятидесятипятилетнего Хосе. Не избежала стрелы купидона и Мися, которая тоже поддалась очарованию юной прелестницы. По Парижу поползли сплетни: "Неразлучное трио... грязная троица... они дурманят ее наркотиками и пользуются ей...". "Чета Серт в плену у татарской красоты" Руси. Шанель предупредила своих друзей, что они играют с огнем. Тем не менее Хосе-Мария продолжал делить ложе с Руси с молча-

ливого согласия Миси. И вот Париж уже вовсю обсуждал интимные подробности отношений Руси и Миси с одной стороны и Миси и Шанель — с другой. О последних биографы пишут следующее: “Коко и Мися столь часто вместе появлялись на публике, их отношения были столь интенсивны, что окружающие считали, будто между ними есть любовная связь”.

Гомо- и гетеросексуальные связи были обычным делом в компании Шанель, равно как и употребление морфия, кокаина и других наркотиков. Супруги Серт, Кокто со своим новым любовником киноактером Жаном Марэ, Серж Лифарь, Этьен де Бомон, художник Кристиан Берар, художник и издатель Поль Ириб — все они злоупотребляли теми или иными веществами. К 1935 году сама Шанель тоже приобрела зависимость от успокоительных на основе морфия. Будучи непостоянной и капризной от природы, Шанель, с одной стороны, платила врачам, чтобы те избавили Кокто от наркозависимости, а с другой — называла его “снобом и педерастической, который всю жизнь только и делал, что обворовывал людей”.

Хосе-Мария Серт развелся с Мисей после гражданского судебного процесса, несмотря на то что оба были ревностными католиками. Пожилой Хосе сбежал с двадцатидвухлетней Руси, предварительно расписавшись с ней в Гааге. Сердце Миси было разбито.

В 1931 году Шанель взяла ее с собой на борт парохода “Европа” компании *Norddeutsche Lloyd* и повез-

ла в Новый Свет навстречу голдвиновским звездным фанфарам в окружении батальона моделей, ассистенток и портних. Отплыв из Кале, роскошный лайнер описал внушительную океанскую дугу на скорости 27,5 узла и спустя пять дней прибыл в Нью-Йорк. В пассажирской декларации вместо 1883-го годом ее рождения значился 1889. Каким-то образом Шанель удалось сбросить шесть лет жизни. Она и позже будет нередко привирать насчет своего возраста.

В роскошных апартаментах отеля “Пьер” с видом на Центральный парк и Пятую авеню Шанель общалась с прессой “не как живая кинозвезда, но как прозорливая бизнес-леди”, — отмечала *New York Times*. В простом шерстяном розово-красном костюме спортивного кроя и белой вязаной блузке с типичными для Шанель пикейными воротником и манжетами, эта “миниатюрная, очаровательная, коротко стриженная брюнетка убеждала [через переводчика] репортеров в том, что скоро длинные волосы снова будут в моде. Стоит лишь некоторым прозорливым дамам отпустить волосы, как остальные последуют их примеру”.

Шанель с присущими ей хитринкой и французским шармом ненавязчиво предлагала публике свою линию украшений: “Длинные нити жемчуга вились вокруг ее горла, а на запястье красовался браслет из разноцветных полудрагоценных камней. Она так любит украшения, говорила Шанель, выразительно жестикулируя... С повседневной одеждой она носит много украшений, но в сочетании с вечерним платьем их должно быть минимум”.

В глазах репортера *New York Times* Шанель выглядела “несколько смущенной от такого количества журналистов и представителей принимающей стороны, толпившихся в ее номере”. Однако то было скорее не смущение, а недомогание. Ее мучил грипп, однако это не мешало ей украдкой обрызгивать гостей и репортеров из маленького пульверизатора совершенно новыми духами, которым будто бы еще не было дано названия или (что вероятнее) номера. Шанель поведала гостям, что никогда не ходит в кино, что настоящий парфюм должен таить в себе загадку и что нет ничего отвратительнее, чем надушенный мужчина. Потом она без всяких пояснений заявила: “Толубые духи — для блондинок”.

Вскоре Шанель отправилась на Западное побережье. Голдвин подготовил все для ее триумфального приезда в Голливуд. Специальный белый вагон умчал ее в солнечную Калифорнию, где ее ждал торжественный прием на перроне в Лос-Анджелесе с Гретой Гарбо, которая чмокнула ее в щечку, а вслед за тем — вечеринка на студии, куда на встречу с ней съехались главные звезды Голливуда. Под залпы фотовспышек Шанель ворковала и обменивалась приветственными поцелуями с Эрихом фон Штрогеймом, Клодетт Кольбер и Кэтрин Хепбёрн, которая на тот момент снималась в “Маленьких женщинах”. Фон мероприятию создавал гигантский помост с тремя тысячами зрителей.

Возможно, в глазах Шанель все это выглядело чересчур помпезным и скучным, но зато охотники за сенсациями рыдали от восторга. Один из биогра-

С Иной Клэр — в период, когда Шанель шила костюмы для голливудских звезд Голдвина; 1931 г.

фов Шанель, издатель журнала *Paris Match* Пьер Галант описывал, как они пробовали настоящее французское шампанское, икру и при этом “смеялись над французскими шутками и тарасились на парижские манекены”. Пресса запестрела приторными репортажами, посвященными Шанель, ее свите и знакомству с Гарбо: “Встреча двух королей” — надрывались заголовки. Пока полька Мися ублажала подобострастного Сэма Голдвина, называя его Мамочкой, Шанель постигала, как устроен Голливуд. Как писал Галант, “актеры первых ролей должны были быть понятливыми и почтительными — иначе могли оказаться на улице вместе с миллионами безработных американцев. На студиях требовалось неукоснительное соблюдение кодек-

Глория Суонсон в костюме
от Шанель (кадр из фильма 1931 г.
"Сегодня вечером или никогда").

Роберт Грейг и Глория Суонсон в платье от Шанель
(кадр из фильма "Сегодня вечером или никогда").

Поль Ириб (в дальнем углу справа) в 1924 г.;
в то время — режиссер голливудской комедии
CHANGING HUSBANDS. Ириб и Шанель стали
любовниками в 1931 г., когда их связывало
деловое сотрудничество. Он заведовал Le Témoin,
изданием с правым уклоном, где печатались его
потрясающие иллюстрации. Ириб умер в 1935 г.,
в разгар своих отношений с Шанель.

са строгой морали и хорошего тона: разводы были под запретом, а знаменитостей фотографировали на полосы газет исключительно в простых интерьерах, в церкви или у пастора". Голливуд предъявлял свое кредо: "Актер должен быть силен, как полицейский, чист, как бойскаут, и скромн, как квакер". Однако, как ни старались студийные детективы навязать

свои правила хорошего поведения, за всей этой лицемерной мишурой скрывался разгульный образ жизни с шумными попойками, оргиями и наркотиками”.

Коко смаковала закулисную механику кинематографа, восхищаясь огромными павильонами звукозаписи, техникой освещения и макияжа. Она придумывала наряды, а ее работницы одевали в них актеров, точно так же, как некогда оперных и балетных прим в Париже. Ассистентки без устали трудились над созданием великолепия, которое съемочная группа затем переносила на экран. Шанель свое дело знала, равно как знала она и свои рамки. “Я никогда не была швеей; я восхищаюсь людьми, которые умеют шить; сама я этому так и не научилась — только пальцы иголками исколола”.

Шанель надеялась привить Голливуду свои жесткие и высокие стандарты, однако корреспондент лондонской *Sunday Express* писала, что ее любимый “костюм-пижама” — это “такой дурной тон, что истинная леди скорее умрет, чем его наденет”. И тем не менее в начале картины 1931 года “Сегодня вечером или никогда” (третий по счету голливудский фильм с костюмами от Шанель) мы видим Глорию Суонсон именно в этом наряде. В свою очередь Шанель и ее персонал восхищались работой голливудских костюмеров, хотя и находили их вкусы чересчур вульгарными. С самого начала было очевидно, что голливудское приключение Шанель обречено на провал. Вот что она позднее рассказывала своему биографу Шарль-Ру: “Голливуд был совершенно ин-

фантилен по своей атмосфере: как-то раз нас принимал один знаменитый актер, который в честь нашего приезда выкрасил в голубой все деревья у себя в саду... Меня это просто повеселило, а вот Мися обиделась. Эрих фон Штрогейм — одинокий пруссак посреди еврейского Голливуда — впечатлил меня только своим маниакальным желанием как угодно отомстить “низшей расе”. И действительно, для всех этих евреев из Центральной Европы он был сущим кошмаром во плоти”.

В конечном итоге блеск софитов и роскошных фасадов, вкусы голливудских набобов и их актерской свиты, постоянные склоки див серебристого экрана — все это показалось Шанель слишком приземленным и безвкусным. Ее узкие приталенные шерстяные пиджаки смотрелись в этих условиях недостаточно эффектно. Ее видению образа не доставало той вызывающей сексуальности, с помощью которой режиссеры стремились привлечь зрителя. Сдержанно элегантные костюмы от Шанель выглядели на экране слишком невзрачно. “Мне нравятся только фильмы про копов”, — скромно отмечала сама Коко. Ее костюмы привлекли мало внимания, а фильмы, для которых она работала, не имели особого успеха.

Перед отплытием во Францию Шанель вернулась в Нью-Йорк. Здесь, в огромном городе, ей удалось немного развеяться. Она встретилась с двумя главными законодательницами американской

Мила Парели (справа) и Нора Грегор
в фильме "Правила игры". Шанель
работала над костюмами для этого
кинематографического шедевра
Жана Ренуара.

моды — главными редакторами журналов *Harper's Bazaar* и *Vogue*, Кэрмел Сноу и Маргарет Кейс (эти две женщины еще долгие годы будут диктовать американкам, что им носить).

Но Шанель хотелось большего. Она наведлась и в *Saks* на Пятой авеню, и в *Lord and Taylor*, и в *Bloomingsdale's*, и в *Macy's*. Однако больше все-

Слева направо: Мэдж Эванс, Ина Клэр и Джоан Блонделл
в фильме *THE GREEKS HAD A WORD FOR THEM*. Шанель работала
над костюмами актрис.

го ее поразил флагман индустрии готовой одежды, нью-йоркский *S. Klein On the Square*, что на манхэттенской Юнион-сквер.

Здесь Шанель открыла для себя кляйновскую систему самообслуживания, когда женщины всех профессий и мастей примеряли платья одно за другим в окружении чавкающих жвачкой ассистенток и предупреждающих надписей вроде “ВЕЩИ НЕ ВОРОВАТЬ! ЗА ВАМИ СЛЕДЯТ НАШИ ДЕТЕКТИВЫ!” или “НЕ ЛЕПИТЕ ЖВАЧКУ НА РАКОВИНУ!”.

Америка преподнесла ей сюрприз. Шанель обнаружила здесь тысячи платьев, скроенных по фран-

цузскому образцу, — только материалы были другими. Местные воротилы копировали модели и не скупились на рекламу, в результате чего получали солидный доход. Шанель навсегда запомнила этот урок по технике массовых продаж.

Проведя в Америке от силы месяц, Шанель отплыла домой на океанском лайнере “Париж” с целой толпой американцев, среди которых была мать Франклина Рузвельта. Так подошло к концу короткое голливудское приключение Коко, оставив по себе смешанное кисло-сладкое послевкусие. Ее банковский счет пополнился круглой суммой, а репортеры дали ей неплохую фору перед конкурентами на американском рынке — даже вопреки далеко не блестящему голливудскому турне. Если оставить в стороне всю сопутствующую помпу и шумиху в прессе, то Шанель успела поработать над гардеробами Глории Суонсон в голдвиновском фильме *Tonight or Never* (“Сегодня вечером или никогда”), девочек из ансамбля *The Goldwin Girls* в комедийном мюзикле *Palmy Days* (“Счастливые дни”), а также Ины Клэр, Джоан Блонделл и Мэдж Эванс, исполнивших главные роли в комедии *The Greeks Had a Word for Them* (“Греки называли таких...”). *New Yorker* сообщал, что Шанель уехала из Голливуда “поджав губки”. Если верить изданию, голливудские магнаты сочли, что костюмам Шанель недостает откровенности. “Шанель может заставить женщину выглядеть дамой”, но “Голливуду нужно, чтобы женщина смотрелась как две дамы”.

Глава 5

ПРОЩАЙ, ПОЛЬ; ЗДРАВСТВУЙ, ШПАТЦ

*И боролся с дьяволом
Что имел надежды и отчаянья личину...*

Т.С. Элиот,
«Пепельная среда»¹

Вернувшись из Голливуда, Шанель жаждала немедленной смены декораций и потому сразу же отправилась окунуться в светскую жизнь аристократического Лондона. Все еще находившийся во власти ее чар Бендор безвозмездно предоставил ей особняк XVIII века с девятью спальнями, лепными карнизами и стенными сосновыми панелями на Одли-стрит, 9. Отсюда Шанель могла развивать свое дело в Соединенном Королевстве. Он также потратил более восьми тысяч фунтов стерлингов на то, чтобы привести внутреннее убранство дома в соответствие с ее вкусами. Кроме того, он отдал в ее распоряжение особняк на Гросвенор-сквер, 39, для выставки нарядов

¹ Перевод С. Степанова.

с целью сбора средств на нужды Британского Королевского легиона. Ежедневно посмотреть на платья от Шанель приходили не менее пяти-шести сотен лондонцев, и это при том, что ни одно из них не продавалось. Она была желанной гостьей в доме у Черчиллей, куда ее нередко приглашал обходительный Рэндольф, который также сопровождал ее на открытии благотворительной выставки.

Начинал сказываться возраст. Лицо Шанель потеряло девичью свежесть, шея высохла. Причиной тому были постоянная напряженная работа, бесконечные сигареты и неумолимость времени. Глаза Шанель слегка косили, но из тщеславия она никогда не носила очков на публике (лишь на редком снимке Роджера Шелла тридцатых годов мы видим, как Шанель сквозь очки наблюдает за одним из своих модных показов со ступеней бутика на рю Камбон). И все же, по словам иконы стиля Дианы Вриланд, в тридцатые годы “широкое лицо Шанель, с таким необычным, как у бычка, носиком и чуть впалыми румяными щеками, сверкало темным золотом”. Кто бы что ни говорил о ее внешности, Шанель была королевой и наслаждалась своей властью, не стесняясь в словах и колкостях: “Я ведь скромница. Скромные люди всегда говорят без умолку, потому что не выносят тишины. Я готова сказать любую глупость, только бы в воздухе не висела тишина. Я болтаю, болтаю о том о сем, не оставляя тишине ни шанса. Болтаю страстно. Я знаю, что порой бываю невыносима”.

С годами Шанель не потеряла вкус к деньгам. В 1931 году Дженет Флэннер отметила в очерке на страницах журнала *New Yorker*, что “каждый год [Шанель] пытается превзойти не только конкурентов, но и саму себя... В прошлом году ее официальный *chiffre d'affaires* [оборот] составил сто миллионов долларов [60 миллионов долларов по современному курсу]”. Как пишет Флэннер, подсчитать хотя бы приблизительно величину накопленного Шанель состояния оказалось не так просто, “поскольку она благоразумно никогда не говорит о нем, не дает интервью и не раскрывает карты. Кроме того, Шанель распределила свои средства по нескольким банкам в разных странах. Однако по слухам из лондонского Сити, она располагает капиталом примерно в три миллиона фунтов [230 миллионов долларов в пересчете на современный курс], что для Франции, а тем более для женщины — поистине огромная сумма”.

Пожалуй, за неимением точных цифр, лучше всего о размерах ее состояния можно судить по высказыванию, приписываемому банкирам Ротшильда, которым в свое время хватило прозорливости извлечь выгоду даже из битвы при Ватерлоо. “Мадемуазель Шанель, — якобы заметили они как-то со всей серьезностью, — умеет обеспечить себе надежные двадцать процентов”.

Шанель не умела считать без помощи пальцев, но была уверена в том, что братья Вертхаймеры нагревают руки на ее доле прибыли с продажи духов. Она все больше

сожалела о договоре, заключенном в 1924 году, по условиям которого Вертхаймеры получили управление компанией по производству духов и косметики *Société des Parfums Chanel*. На протяжении следующих двадцати пяти лет она только и твердила: “Я кое-что подписала в 1924-м. И меня надули”. Бухгалтеры пытались уверить ее в том, что счета компании в полном порядке и скудные дивиденды — это следствие солидных затрат на раскрутку мирового бренда *Chanel № 5*, а отнюдь не мошенничества. Однако она была убеждена в том, что ее грабят бандиты — еврейские бандиты.

Чтобы справиться с Вертхаймерами, Шанель наняла молодого франко-американского адвоката Рене де Шамбрюна. Являясь прямым потомком Лафайетов, Шамбрюн имел двойное гражданство. В 1930 году по просьбе Шанель он инициировал серию судебных исков против Вертхаймеров. То была жалкая попытка вернуть парфюмерную компанию изначальной владелице. Процессы тянулись годами, и в итоге Шанель их проиграла. Целых пятнадцать лет, в том числе во время Второй мировой, Шамбрюн будет другом и бессменным поверенным Шанель во всех судебных делах. Именно этот человек, которого позже обвинят в сотрудничестве с нацистами, сыграет ключевую роль в отношениях Шанель с захватчиками в период немецкой оккупации.

Творческая жилка Шанель никогда не давала забыть о себе. Оставив твидовые костюмы, спортивный

Сюзанна и Отто Авец с Рене Шамбрюном (в центре)
после посещения Пьера Лавала в Версальском
госпитале, где министр оправлялся от последствий
неудавшегося покушения.

стиль и облик *à la garçonne*, Шанель перешла на женственные вечерние платья. Теперь она появлялась на роскошных светских приемах в воздушных нарядах из тюля и кружев. Не обращая внимания на всеобщий экономический кризис, Шанель выпустила коллекцию бижутерии, поддавшись очарованию драгоценных подарков от Бендора. Коллекция вышла в свет благодаря хорошему вкусу Этьена де Бомона, герцога Фулько дела Вердура, мастерству парижских ювелиров и изобретательности самой Шанель.

За несколько лет до того представитель высших кругов французской аристократии Бомон приглашал ее на свои пышные приемы, однако некоторые из присутствовавших там светских дам смотрели на нее свысока. Позднее Шанель так отзывалась о них в разговоре с художницей Мари Лорансен: “Все эти дамочки голубых кровей задирали передо мной нос, но придет время, и они будут ползать у моих ног”. Но на самом деле за насмешками Шанель скрывалась зависть.

Вскоре Бомон и Фулько делла Вердура запустили линию ослепительной бижутерии от Шанель. Из закровов были извлечены на свет сверкающие подарки ее бывших любовников. Драгоценные камни вынули из старых оправ и использовали для оформления новой коллекции. Так, например, появилась копия старинного русского ожерелья из нитей жемчуга, оттененная медальоном из искусственного бриллианта в форме звезды; соцветия из сапфирово-голубого стекла и бирюзовых запонок на золоченых цепочках; браслеты белой или черной эмали, инкрустированные искусственными драгоценными камнями из стекла; а также индийские манишки, украшенные декоративными красными ульями, шариками и листьями зеленого стекла и жемчугами, похожими на редкие рубины и изумруды с подарка Бендора. Коллекция имела оглушительный успех. Теперь Шанель следующим образом наставляла великосветских дам: “Что может быть отвратительнее, чем разгуливать с миллионами на шее, чтобы все видели, как вы

богаты? Лично я предпочитаю исключительно бижутерию... потому что в ней есть вызов". После успеха аксессуаров для одежды она предложила публике линию бриллиантовых брошей, ожерелий, браслетов и заколок. На сей раз из настоящих бриллиантов.

В 1933 году основатель и лидер немецкой нацистской партии Адольф Гитлер стал канцлером Германии. Он сразу же принялся укреплять свою власть, продвигая на ключевые государственные посты преданных членов НСДАП, благодаря чему уже в марте мог считать себя единоличным диктатором. В соответствии с указаниями фюрера Герман Геринг сформировал службу секретной полиции нацистов — гестапо и, чуть позднее, люфтваффе — ВВС новой Германии. Следующим по значимости человеком стал тридцатишестилетний “безжалостный книгосжигатель и гонитель евреев” Йозеф Геббельс — главный пропагандист нацистской партии. Геббельс получил пост рейхсминистра народного просвещения и пропаганды, что дало ему безграничную власть над всеми средствами массовой коммуникации в стране, включая радио, прессу и кино.

В начале 1935 года Гитлер назначил адмирала Вильгельма Канариса главой абвера — немецкой военной разведки. Канарис охотно сотрудничал с нацистскими бонзами. Именно он первым предложил в обязательном порядке “метить” евреев желтой звездой Давида на одежде. Позднее абвер был погло-

щен гитлеровским СС под руководством Вальтера Шелленберга.

В числе первых указов Геббельса было назначение абверовского шпиона барона Ганса Гюнтера фон Динклагге “специальным атташе” в посольство Германии в Париже. Действуя под прикрытием дипломатического иммунитета, Динклагге начал плести во Франции подпольную шпионско-пропагандистскую сеть. Он сохранил статус дипломата вплоть до конца Второй мировой войны.

Французские полиция и разведка знали о делах Динклагге и начиная с 1919 года собирали досье на агента абвера F-8680, который с 1929 года шпионил на Ривьере. В их рапортах говорится о том, как по возвращении из Варшавы Динклагге присоединился к Кэтси, чтобы, используя двойную силу их шарма и обаяния, вербовать новых агентов в военно-морских ведомствах французского Тулона и тунисской Бизерты. К 1932 году Динклагге обосновались на вилле *La Petite Casa* в Санари-сюр-Мер.

Так решилась написать о притягательной силе Динклагге двоюродная сестра Кэтси Сибил Бедфорд: “Обаяние Шпатца Динклагге было непринужденным... и его красота одинаково покоряла как мужчин, так и женщин”. Вскоре Кэтси соблазнила французского морского офицера Шарля Котона, с которым Шпатц играл в теннис, и втянула его в длительный роман. Позднее она также положила глаз на морского инженера Пьера Гайяра, который стал поставлять Динклагге секретные сведения с военно-морской базы

на мысе Кап-Блан в Тунисе. Двое офицеров флота стали основой средиземноморской шпионской сети Динклагге, кроме того, Котон ездил от него с секретными курьерскими поручениями между Санарисюр-Мер, Тулоном и Парижем.

В октябре 1933 года, после прихода к власти Гитлера, Динклагге приступил к официальной службе в посольстве Германии. Теперь он разъезжал на двухместном родстере “крайслер” и жил вместе с Кэтси в престижном районе Парижа. Для Динклагге началось новое приключение. Его штаб-квартира располагалась теперь в здании немецкого посольства на рю Гюисманс. Под прикрытием дипломатической работы он продолжил кампанию черной пропаганды и шпионажа на деньги Берлина. Посольство предоставляло прямой и защищенный от утечек канал связи с берлинским начальством, а дипломатическая курьерская служба исправно доставляла в центр объемистые отчеты и сводки, которые должен переправлять на родину каждый уважающий себя шпион. Динклагге быстро обжился в новой обстановке. Не прошло и нескольких недель с момента его переезда в Париж, как из Берлина к нему прибыли два грузовика с мебелью. К чете Динклагге присоединилась и их немецкая горничная Люси Браун (тоже агент абвера). Ее снабдили французским удостоверением личности, из которого следовало, что она работает прислугой у аккредитованного дипломата в немецком посольстве.

Французская разведка внимательно следила за изменениями в жизненном укладе четы Динкляге. Действительно, две роскошные квартиры в самых дорогих и престижных районах Парижа плохо вязались с амплуа австрийского беженца, к которому нередко прибегал Динкляге. В 1934 году спецотдел министерства внутренних дел Франции определил Динкляге как нацистского пропагандиста, на которого работали агенты под прикрытием из немецкого туристического бюро на авеню дель-Опера. Динкляге также помогал немецким инженерам устраиваться на французские заводы и получал от них сведения о французской промышленности.

К 1934 году нацистская машина в Берлине издавала директивы о сотрудничестве отделов абвера с гестапо и СС. Чете Динкляге и подобным им агентам абвера предписывалось поддерживать тесную связь со всеми нацистскими организациями, вовлеченными в шпионскую и контрразведывательную деятельность. Конечная директива о межведомственном сотрудничестве секретной полиции и военной разведки требовала от агентов абвера завербовать и подготовить людей, способных добывать разведданные для гестапо. Частью программы консолидации было требование к проживающим за рубежом гражданам рейха вступать в нацистские ячейки, которое передавалось им через местные консульства. С именем Динкляге, которого французская контрразведка называла «координатором немецкой тайной полиции», связано также появление первой нацистской ячейки во Франции. Раз в неделю

КРАСАВЕЦ БАРОН ФОН ДИНКЛАГЕ ВОЗЛЕ ПОСОЛЬСТВА ГЕРМАНИИ
В ПАРИЖЕ, КУДА ЕГО ОТПРАВИЛО РАБОТАТЬ ГЕСТАПО; 1935 г.

в девять часов вечера его группа собиралась по адресу бульвар Малерб, 53. В 1934 году горничная Динклагэ Люси Браун была записана в эту группу под номером 239 (всего ячейка насчитывала 441 человека).

К этому времени французская военная контр-разведка (Второе бюро) уже располагала объемным досье на чету Динклагэ. В организацию поступала информация о привычках, образе жизни и тайной стороне деятельности супружеской пары в Санари-сюр-Мер. «Жена Динклагэ Максимилиана — дочь германского кавалерийского полковника в отставке фон Шёнебека и Мелани Хертц. Супружеская пара проживает по адресу рю Перголез, 64, выплачивая

за аренду дома по 18 тысяч франков [19 тысяч долларов по курсу 2010 года] ежемесячно”. Отчет изобилует разнообразными деталями: “Динклагге постоянно ездит по стране; жена часто появляется на вилле *La Petite Casa*. В Париже чету в любое время дня и ночи посещают Шарль Котон и Жорж Гайяр”, поскольку Динклагге “постоянно ищут общества французских военно-морских офицеров”.

Французские власти решили помешать деятельности Динклагге. Вместо того чтобы злить Гитлера высылкой аккредитованной семьи немецких дипломатов по обвинению в шпионаже, французская контрразведка обратилась в прессу. 27 ноября 1934 года телеграфное агентство *Inter Press* выпустило сенсационный материал о шпионской деятельности Динклагге. Статья вышла в печать почти одновременно с речью Уинстона Черчилля в парламенте об угрозе со стороны созданного Герингом люфтваффе. Следующая новостная сводка *Inter Press* гласила: “Титлеровский агент в Париже барон фон Динклагге смещен с должности... его же коллеги, сотрудники немецкого посольства, обвиняют его в связи с немецкой секретной полицией... в настоящее время он руководит тайными операциями в Тунисе [который в то время находился под французским мандатом]. Динклагге близко знаком с управляющим имуществом флотских подразделений, базирующихся в тунисской Бизерте. Котон часто бывает в Париже. 16–17 ноября [1934 года] Котон был замечен заходящим в дом Динклагге с тремя кейсами, которые, по его словам, принадлежали чете Динклагге... Несколько-

ми днями позже лакей-вьетнамец, служащий у Жоржа Гайяра — тоже друга Динклагге, — принес домой к Динклагге коробку с ключами от кейсов; по возвращении домой чета Динклагге забрала два кейса и уехала с ними [предположительно в Лондон]”. Выяснилось, что французский офицер Пьер Гайяр был одним из любовников Максимилианы. В сводке также указывались имена других членов шпионской сети Динклагге во Франции: мадам Криста фон Боденхаузен (у нее в любовниках тоже был один французский морской офицер), немецкий газетчик Ханк и знаменитый нацистский посол в вишистской Франции времен оккупации Круг фон Нидда. Кроме того, в число агентов Динклагге входил сотрудник Генерального консульства Германии Эрнест Деникс. Наконец, в сводке утверждалось, что “немецкое туристическое бюро в доме №50 по авеню дель-Опера в Париже подозревается в действиях, наносящих ущерб национальным интересам Франции”, — этим официальным эвфемизмом принято было обозначать шпионаж.

В 1934 году Шанель поселилась в номере отеля “Риц” с камином, который топился дровами, и аскетической спальней. В то время “Риц” был синонимом хорошего вкуса, утонченности, комфорта и славился разнообразием прекрасной французской кухни. Окна номера выходили на Вандомскую площадь, а за углом на рю Камбон у Шанель была четырехкомнатная квартира, которую она устроила себе прямо

над мастерской по пошиву платьев. Интерьер украшали ее любимые коромандельские ширмы — в память о Бое Кэйпеле, — хрустальные подсвечники, столики в восточном стиле и пара бронзовых животных. Выйдя с черного хода “Рица”, Шанель могла перейти через улицу и попасть прямо к себе в салон, что позволяло ей миновать бутик презренной Скъяпарелли на Вандомской площади.

Шанель была влюблена в смутлого и привлекательного баска примерно ее лет. Это был иллюстратор и дизайнер Поль Ириб — человек исключительного таланта. Урожденный Поль Ирибарнегарай добился успеха в Голливуде как режиссер фильмов и арт-директор Сесила Б. Демиля. Во Франции он стал популярен благодаря эротическим книжным иллюстрациям в манере Поля Пуаре. Шанель привлекали его дерзкий ум и многочисленные таланты. И действительно, он писал статьи и делал иллюстрации для журнала *Vogue*, был дизайнером тканей, мебели и ковров, создавал интерьеры для богатых клиентов.

На деньги Шанель Ириб возродил новостной ежемесячник *Le Temoin* (“Очевидец”), превратив его в ультранационалистический еженедельник. По словам одного из биографов, Ириб принадлежал к элитарной прослойке буржуа и был одержим маниакальной ксенофобией. У любого, кто почитает его статьи в *Le Temoin*, неизбежно сложится впечатление, что Франция во все времена являлась жертвой масштабного международного заговора. И все же голос этого журнала звучал лишь легким эхом французской

фашистской и антисемитской прессы, выступавшей в поддержку местных штурмовиков-“капюшонов” и подобных им групп, которые уже вовсю наводили свои порядки в Германии и Италии. По мнению биографа Шарль-Ру, сам факт финансового участия Шанель в журнальном детище Ириба означал, что ее политические взгляды, ранее совершенно индифферентные, теперь смещались в сторону модели будущего, к которой стремился Ириб, и в то же время смешивались с комплексом идей и предрассудков, бытовавших в изначально родной для нее крестьянско-католической среде. В номере за 24 февраля 1933 года Ириб поместил карикатуру, на которой обнаженная Шанель во фригийской шапочке изображала бездыханную Марианну в объятиях злобных уродцев с характерными еврейскими чертами. Франция, писал Ириб в *Le Temoin*, окружена заговором врагов “внутренних”, имя которым “Самуил” и “Леви”, и “иностраннных” вроде Леона Блюма, “жидомасонской мафии” и СССР с его “красными ордами”. Однако сколь бы радикальными ни были политические взгляды Ириба, художественное мастерство исполнения иллюстраций в *Le Temoin* не может не восхищать.

Ранее никто не пытался просвещать Шанель в области политики, и в ответ она тоже пустила Ириба в свою профессию и согласилась разделить с ним ту власть, которую всегда так ревностно берегла для себя одной. Шанель вновь была “счастлива” в любви. Ириб стал ее главным поверенным, ее “рыцарем”. Шанель даже попросила его помочь Рене

Шамбрюну с делом Вертхаймеров. По городу гуляли слухи о намечающейся женитьбе.

В августе 1935 года Шанель с Ирибом пригласили к себе в *La Pausa* целую толпу гостей. Фотографии запечатлели прекрасный летний вечер — один из тех вечеров на Ривьере, когда легкий бриз веет с прибрежных холмов и, смешиваясь с соленым средиземноморским воздухом, образует пьянящую атмосферу. Гости на вилле смотрелись так, будто только что сошли со страниц модного журнала с новыми коллекциями сезона: эспадрильи, французские матросские тенниски в горизонтальную полоску и нарочито простые штаны из джерси. Идея была позаимствована у герцога Вестминстерского и его команды с “Летучего облака”. Сам “невероятно занимательный демон” (по выражению французского писателя Колета), Ириб прибыл на виллу прямиком из Парижа.

Сутки спустя великолепным сентябрьским вечером Шанель отдыхала под сенью древнего оливкового дерева. Легкий бриз слегка колыхал листву над ее головой. Она наблюдала, как Поль Ириб на ее корте играет дружескую партию в теннис, и восхищалась его ловкостью и атлетизмом. И вдруг весь мир для нее рухнул. Ириб неожиданно побелел и упал на газон прямо у нее на глазах. Некоторое время спустя она с ужасом смотрела, как его тело уносят с корта на носилках. Поль Ириб, еще один “мужчина ее жизни”, который, вне сомнений, должен был жениться на ней (о чем уже давно сплетничали газеты), умер. Шанель была “опустошена горем”.

С приходом Гитлера к власти нацисты развернули яростную кампанию гонений на евреев. В 1935 году Поль Ириб — любовник Шанель, который, как и она, был ярким антисемитом, — опубликовал в *Le Témoin* карикатуру, на которой изображена Марианна без сознания (символизирующая Францию) с узнаваемыми чертами Шанель. Гитлер прижимает ухо к ее груди, пытаясь услышать, бьется ли сердце. Из-за его спины за сценой наблюдают люди с гипертрофированными еврейскими чертами. Подпись внизу гласит: «Подождите, она еще жива». Деньги на издание журнала Ириб брал у Шанель.

Последовала долгая зима скорби. С того злосчастного дня и до самой смерти она неизменно колола себе перед сном дозу морфиносодержащего успокоительного. «Мне это нужно, чтобы держаться», — гово-

рила она. Как и после гибели Боя Кэйпела много лет назад, Шанель погрузилась в пустоту и стала прибегать к седативным средствам, чтобы успокоить нервы.

Внучатая племянница Шанель Габриэль Паласс Лабрюни вспоминала английскую песенку, которую ее тетушка, приехав как-то летом на виллу *La Pausa*, часто напевала с сильным французским акцентом. Там были такие слова: “Сердце любимой моей словно камень... пусть не живое, но все же мое... До конца своих дней буду помнить ее”. По мнению мадам Лабрюни, эти печальные строки звучали лейтмотивом всей жизни Шанель.

Коко утратила энергию и бодрость. Вместе с Ирибом она потеряла эмоциональную увлеченность творчеством. Для нее наступали годы печали и сожалений. Она не чаяла выбраться из вихря парижской карусели. Лондон всегда был для нее прибежищем. Здесь вместе с Рэндольфом Черчиллем она отправилась смотреть ежегодные скачки в Аскот. Слова Шанель цитировала *Daily Mail*: “Ваша королева прекрасно справляется с очень сложной задачей. В эпоху, когда по всему миру одна странная, экстравагантная — и далеко не всегда удачная — мода сменяет другую, ей удается подчеркивать королевскую грацию и достоинство, одеваясь консервативно, но отнюдь не старомодно”.

К лету 1934 года стало казаться, что нет силы, способной сдержать кампанию гитлеровского террора. В Австрии нацистами был убит канцлер Энгельберт

Дольфус, в Берлине и Баварии Гитлер лично руководил кровавой расправой над головорезами Эрнста Рема в коричневых рубашках, которые теперь стали для него политической угрозой. Чтобы отпраздновать достижение Гитлером абсолютной власти, его приспешники собрали двести тысяч нацистских партийных работников, вооруженных двадцатью одной тысячей флагов, на грандиозный съезд в Нюрнберге. Неистовая толпа внимала крику фюрера: “Мы сильны и станем еще сильнее!”

В том же году Гитлер обратил свой взор на короля Югославии Александра, который некогда получил образование в Швейцарии, отличался либеральными антифашистскими взглядами и был верным союзником Франции, а значит — досадным препятствием, мешавшим претворению в жизнь гитлеровского великого плана захвата Европы. Летом 1934 года в Югославию приехал Динклаге. Агенты французского Второго бюро проследили его путь до Белграда. Не прошло и трех месяцев, как король Александр был застрелен болгарским националистом в порту Марселя, откуда должен был начаться его официальный визит во Францию. Французская разведка сообщала: “Бывший атташе немецкого посольства в Париже Динклаге ездил этим летом по делам в Югославию”. Сам же Динклаге писал бывшим коллегам из посольства: “Дела в Югославии, как и везде, обстоят непросто”.

Тремя месяцами позже французский посол в Берлине Андре Франсуа-Понсе писал в британское консульство в Берлине сэру Эрику Фиппсу следующее:

“Уж конечно, немцы не настолько непричастны к убийствам, как они рассказывают об этом нам”. Он также отмечал, что каким-то образом в этом замешан и Геринг, который тоже приезжал в Белград.

В марте 1935 года Гитлер отмахнулся от Версальского договора. Спустя два года он окончательно разорвал его и объявил в стране всеобщую воинскую повинность, утроив тем самым численную мощь немецкой военной машины. Теперь французским разведслужбам разрешили нанести удар по набирающей обороты нацистской кампании пропаганды и шпионажа, целью которой было распространение во Франции ложной и опасной информации. Главной мишенью выбрали Динклагге.

Gestapo über alles (“Гестапо превыше всего”) — таким был кричащий заголовок статьи в номере еженедельной парижской газеты *Vendemiaire* за 4 сентября 1935 года. Разоблачительный материал (вне сомнений, работа французской контрразведки) занимал три столбца. А в следующем номере за 11 сентября этой же теме была посвящена уже целая развернутая статья. Газета рассказывала о подробностях работы Динклагге в качестве агента гестапо (в то время французы не различали гестапо и абвер) под прикрытием кресла немецкого атташе в Париже. Материал объемом в пятьсот слов изобличал нацистских агентов во Франции. Динклагге, сообщало издание, на самом деле был офицером гестапо и имел непосредственное отношение к убийству короля Югославии Александра. Также в сентябре 1934 года он ездил в Берлин и “передал офицеру

гестапо, некоему Дильсу, список с адресами немецких беженцев во Франции". Более того, он пообещал передать туда же список скрывавшихся на территории Франции бывших немецких коммунистов. Как выяснилось позднее, Рудольф Дильс был близким другом Германа Геринга, который продвинул его на высокую должность после того, как его самого сместили с поста руководителя гестапо, заменив на Гиммлера.

Эта газетная публикация почти слово в слово повторяет отчет генерального штаба французской армии. В тексте значится, что Динклагге получал из Берлина по сто тысяч франков в месяц (около ста пяти тысяч долларов по нынешнему курсу) на ведение своих "грязных делишек". Далее *Vendemiaire* подробно описывает все связанные с выполнением заданий из Берлина перемещения агента Динклагге на Лазурном берегу, в Париже и на Балканах. В Тунисе Динклагге вербовал мусульманских диссидентов, чтобы с их помощью развернуть яростную пропагандистскую кампанию по свержению французского колониального режима.

По мере того как Франция готовилась к войне с Германией, французские власти — в первую очередь Второе бюро — разрешили писателю Полю Аллару опубликовать практически тот же материал, который ранее появился в *Vendemiaire*. В книге Аллара "Когда Гитлер шпионил во Франции", вышедшей после войны, рассказывалось о том, как пропагандист и агент Геббельса Динклагге просил начальство в Берлине снабдить его историями из домашней жизни

семей офицеров СС, чтобы затем опубликовать их во французских газетах, дружелюбно настроенных по отношению к нацистам.

Во время съезда в Нюрнберге в 1935 году нацисты утвердили так называемый Нюрнбергский свод — ряд законов против евреев. Максимилиана фон Динкляге в соответствии с новым законом мгновенно лишилась гражданства как еврейка. Это стало следствием претворения в жизнь проекта философа-расиста Альфреда Розенберга по “защите расы господ” — единой цивилизации нордических ариев — от так называемой “расовой угрозы” со стороны “еврейско-семитской расы”. Помимо прочего, закон запрещал браки между евреями и арийцами. Судя по всему, Динкляге заранее знал о грядущем введении новых порядков. За три месяца до съезда он развелся с женой в Дюссельдорфе после пятнадцати лет совместной жизни.

Новоиспеченный холостяк провел лето в Тулоне в доме своей английской любовницы и ее сестры. Узнав о выходе статьи в *Vendemiaire*, Динкляге спешно переехал в Лондон. Отсюда, из особняка на Стрессон-стрит в престижном районе Мэйферкорт, он написал послу Германии в Париж. В письме он робко пытался убедить посла заявить протест французским властям по поводу серии публикаций в *Vendemiaire*. Просьба не возымела действия — посол попросил своего адъютанта написать ответ экс-атташе. Вот отрывки из этой переписки:

Уважаемому господину послу

Я только что получил с пересылкой из Франции... газету Vendémiaire за 4 сентября 35 года. По моему мнению, автор означенного текста... без сомнения, сотрудничал с антигермански настроенными элементами... За день до убийства короля Югославии я находился в Тунисе... [вы] обязаны написать... властям [что представленные в статье сведения] являются ложными и ничем не подтвержденными. В настоящее время я занимаюсь организацией... [далее неразборчиво] и подобные заявления в прессе могут мне повредить. Буду очень признателен господину Кёстеру... если он объяснится за меня с французскими властями, чтобы разъяснить и исправить это недоразумение... Мои старания и многочисленные поездки во Францию, равно как... и работа в должности посла... послужили... делу укрепления дружественных отношений между нашими странами.

*С уважением,
искренне ваш... [подпись] Динклаге*

Ответ из посольства Германии в Париже был следующим:

Париж, 13 сентября 1935 года

Дорогой господин Динклаге,

От имени господина посла благодарю вас за ваше письмо. Господин посол считает, что вмешательство с его стороны, о котором вы просите, в данный

момент [далее неразборчиво]: распространявшиеся ранее слухи уже начали сходиться на нет, а посему меры по их опровержению на Ке-д'Орсе [место расположения министерства иностранных дел Франции] или же в местной прессе лишь повлекли бы за собой дальнейшее распространение ненужной шумихи. Однако же, если означенные слухи начнут распространяться с новой силой, господин посол непременно поднимет волнующий вас вопрос в министерстве. С наилучшими пожеланиями, искренне ваш [подпись] Фюнн

Незадолго до отъезда Динклагге в Англию в 1935 году Второму бюро стало известно, что его горничная, член нацистской ячейки в Париже, начала действовать с базы Динклагге в Санари-сюр-Мер: “Женщина по имени Люси Браун, которая, по словам Динклагге, работает у него секретаршей и также состоит на службе в посольстве Германии в Париже... подозревается в деятельности, наносящей ущерб национальным интересам Франции”. В Бюро полагали, что до отъезда Динклагге в Лондон Люси Браун проживала в окрестностях Тулона близ Санари, где также существовала большая немецкая диаспора. В отчетах имеются сведения о том, что 9 февраля 1935 года в гости к Динклагге приезжал его дядюшка — семидесятидвухлетний контр-адмирал немецкого флота Уильям Куттер, проживавший в Дармштадте. Куттер приехал напрямую из Страсбурга (Франция) и гостил в Санари на вилле

La Petite Casa до конца февраля 1935 года. На тулонском вокзале адмирала спрашивали о цели его визита. Он сообщил, что прибыл в Тулон как турист, однако ничего не сказал о том, что собирается на виллу Динклаге в Санари.

Тем временем президент Франклин Рузвельт объявил о нейтралитете Америки и призвал Гитлера с Муссолини решить европейские проблемы мирным путем. Черчилль же улучил минутку, чтобы отправить телеграмму Шанель. 2 декабря 1935 года он писал ей из Лондона:

Боюсь, что не смогу провести вечер в Париже, когда буду там проездом 10 декабря, однако в конце января, на обратном пути, надеюсь непременно с Вами повидаться. Предупрежу Вас заранее, за два-три дня, телеграммой с Майорки, где я намерен провести зиму. Уже предвкушаю удовольствие от встречи. Засим отдаю долг.

Совершенно непонятно, что за “долг” имел в виду Черчилль. Как бы там ни было, похоже, что он так и не добрался до Майорки той зимой. В грядущие месяцы его целиком поглотят государственные заботы о судьбе Великобритании. После смерти короля Георга V трон унаследует его сын Эдуард, близкий друг Черчилля, и тот задействует все свои обширные политические связи, чтобы защитить нового монарха

от нападок британского парламента, который категорически воспротивился намерению Эдуарда жениться на разведенной американке, миссис Уоллис Симпсон.

Пока немецкий генеральный штаб усердно разрабатывал план захвата Франции и ее североафриканских колоний, Динкляге налаживал шпионскую сеть на французских военно-морских базах в Тунисе и вел пропагандистскую работу среди мусульман Северной Африки. К тому времени его бывший агент в Тулоне Шарль Котон уже покинул Санари, получив назначение на военную базу в Бизерте. Однако и здесь он продолжал играть ключевую роль в шпионских операциях Динкляге.

Французские власти стремились выслать Динкляге из страны. В рапорте Второго бюро за 1938 год сообщается: “После ухода из посольства [Динкляге] ведет активную антифранцузскую пропаганду в Северной Африке. Он проводит операции по всей Северной Африке [включая] Тунис — однако, как показало расследование, до сих пор открыто не замешан ни в одном преступлении. Тем не менее означенный субъект представляет несомненную опасность”.

К ноябрю 1938 года Динкляге обзавелся новой любовницей и агентом в одном лице. В документах французской контрразведки она проходила под именем “мадам Соффи” или “Дессоффи” [позднее было установлено, что это баронесса Элен Дессоффи]. Французский информатор в Байонне сообщал: “Ма-

дам де Соффи или Дессоффи часто ездит в Париж и Тулон вместе с де Динкелаком [sic]. Она является посредником компании-производителя радиодеталей *Aga Baltic* и действует от лица некоего Динклагге, который предположительно работает на представительство компании *Aga Baltic* в Тулоне. Оба подозреваются в шпионаже в пользу Германии". Ориентировка, выпущенная французскими властями под грифом "совершенно секретно", предупреждала всех агентов: "Барон Динклагге, проживающий на вилле *Colibri* в Антибе [один из его адресов в то время], по немецкому дипломатическому паспорту (000. 968 D.1880) прибыл в Тунис без визы на пароходе "Эль Бьяр" и был немедленно выдворен из порта прибытия. Динклагге путешествовал вместе с французской баронессой Элен Дессоффи, рожденной в Пуатье в 1900 году, зарегистрированной по адресу Париж, авеню де-Версаль, 70... В настоящее время пара проживает в отеле "Мажестик" в Тунисе в двух примыкающих комнатах, соединенных дверью". Далее сообщалось, что Дессоффи разговаривала по телефону со знакомым морским офицером М. Вердавеном, несшим службу на французской военно-морской базе в Бизерте. Дессоффи сказала собеседнику буквально следующее: "Я хочу отправиться в южный Тунис", — после чего Вердавен посоветовал ей туда не ехать — по крайней мере, в компании с немцем Динклагге.

Динклагге каким-то образом успели предупредить. Далее ориентировка гласила: "Означенная пара покинула Тунис в 10:00 на пароходе, идущем в Мар-

сель... По нашему распоряжению S. E. T. [неустановленная французская служба] выясняет, в какой связи друг с другом состоят Вердавен и Дессоффи Элен”.

За год до начала Второй мировой войны французское военное ведомство выпустило секретный приказ, в соответствии с которым Динклагге был взят под круглосуточное наблюдение. Приказ содержал недвусмысленное пояснение: “Подозреваемого Динклагге необходимо выдворить из страны в кратчайшие сроки даже в случае, если прямых доказательств его преступных действий обнаружено не будет”.

А что же Кэтси? В 1938 году французские информаторы докладывали:

Динклагге с женой состоят в хороших отношениях, несмотря на то что живут раздельно. Он встречается с ней в Антибе, Санари и Тулоне. 9 августа 1938 года мадам Динклагге [очевидно, французы не знали об их разводе в 1935 году] прибыла в Антиб... 13 сентября она уехала и вернулась на виллу *Nixley*, где проживала до поездки. В настоящее время состоит в любовной связи с Пьером Гайяром.

В 1939 году французская полиция докладывала:

Баронесса Динклагге, о которой известно службе безопасности, проживает в Ойоле [Var] в доме, принадлежащем ее знакомой графине [sic] Дессоффи,

"Шпатц" фон Динклаге со своей любовницей Элен Дессоффи на борту лодки у берегов Французской Ривьеры, около 1938 г. Дессоффи, сама о том не подозревая, участвовала в шпионских операциях Динклаге в районе Французской военно-морской базы в Тулоне.

о которой также известно службе безопасности [основное досье: документы службы безопасности]. С ней в любовной связи состоит Пьер Гайяр двадцати семи лет, инженер, сын владельца и основателя компании по производству кабельных сетей [используемых на стратегических участках в системе национальной обороны для обнаружения подводных лодок противника]. В настоящее время Гайяр находится в Оране [стратегической базе француз-

ского военно-морского флота в Алжире]. Мадам Динклагге ведет с ним интенсивную переписку. Есть опасение, что означенный Гайяр, находясь под сильным влиянием мадам Динклагге, способен к неумышленному совершению нежелательных действий, могущих нанести ущерб национальной безопасности.

К концу 1938 года Динклагге знал, что война с Францией неизбежна. Тем не менее наблюдатели доносили: “Несколько раз объект был замечен в Тулоне... также появляется на берегу озера Леман [на берегу которого находится пограничный французский город Тонон-ле-Бэн. На озере налажена регулярная переправа на швейцарский берег — в Лозанну и Женеву]. Динклагге живет в Антибе довольно скромно... Принимает посетителей днем и ночью. Некоторые [из гостей] приезжают на автомобилях с номерами...” Наконец французские власти дали указание всем агентам “отслеживать телефонные разговоры, а также всю почтовую и телеграфную корреспонденцию мадам Динклагге, зарегистрированной по адресу Париж, рю де Салон, 12, и мадам графини Дессоффи де Чернек [*sic*]”. После этого Второе бюро отправило главе Национальной службы безопасности запрос на установление личностей владельцев автомобилей с французской регистрацией (из числа тех авто, которые были замечены у дома Динклагге). Кроме того, Бюро просило принять все необходимые меры для “немедленной высылки Динклагге из страны даже при отсутствии доказательств, позволяющих обви-

нить его в шпионаже". Французская контрразведка проинформировала своих агентов: "предположительно барон Ганс Гюнтер фон Динклаге является крайне опасным агентом, действующим в ущерб интересам Франции" — и поручила им добыть информацию о "связи Дессоффи с Динклаге". Другая директива поясняла: "Несмотря на связи с иностранцами, [Дессоффи] не способна на предательство Франции. Тем не менее настоятельно советуем французским офицерам изучить суть отношений Дессоффи и Динклаге со всей внимательностью".

Когда французские власти наконец с уверенностью заявили о том, что Динклаге занимается шпионской деятельностью, до начала Второй мировой войны оставались считанные недели. Итоговый отчет суммировал все факты, собранные с 1931 года: Динклаге "развелся с женой; Динклаге передавал начальству в Берлин информацию о беженцах из Германии, укрывающихся на территории Франции, а также секретные сведения, касающиеся национальной обороны". Максимилиана фон Динклаге "дочь полковника германской кайзеровской армии... сторонница монархии" (имеется в виду автократия).

В августе 1939 года во Франции была объявлена мобилизация. Динклаге бежал в Швейцарию. Французская военная разведка дала указание: "Отправить баронессу Динклаге в место временного содержания". В декабре того же года вышло еще одно поста-

новление: “Присутствие [Максимилианы фон Динклагге] на территории Франции представляет угрозу. [Агент 6000] просит [агента] 6610 принять необходимые меры по ее выдворению из страны”.

За несколько месяцев до нападения немцев Кэтси вместе с некоторыми другими немцами, проживавшими во Франции, поместили в Гюр — французский концентрационный лагерь в предгорьях Пиренеев.

Когда после освобождения Парижа Шанель спрашивали о Динклагге, она говорила: “Мы с Динклагге уже двадцать лет как знакомы”. Не исключено, что это не более чем одно из ее многочисленных преувеличений, но прямых свидетельств об их первом знакомстве не сохранилось. Внучатая племянница Шанель Габриэль Паласс Лабрюни сообщила автору данной книги, что Шанель и Динклагге, несомненно, встречались в Англии еще задолго до начала войны. Если верить некоторым слухам, то эти двое встречались и в Париже в бытность Динклагге послом Германии. В тридцатые годы Динклагге также появлялся на приемах у друзей и знакомых Шанель, многие из которых были членами парижской прогерманской клики. В их число входили Мари-Луиз Буске, баронесса Ротшильд, герцогиня Антуанетта д’Аркур и Мари-Лаура де Нозэй. Как свидетельствует Пьер Лазарев, писавший в то время о Шанель и сливках парижского общества, в 1933 году, как раз когда Динклагге приехал

работать в посольстве Германии, это сообщество высшей знати принимало активное участие в деятельности “общественной бригады фюрера”. Ее спонсировал близкий друг Динклаг — “очаровательный блондин с большими голубыми глазами” по имени Отто Абец, который любил развлекать публику завораживающими историями о личности Адольфа Гитлера. Он уверял своих собеседников в том, что евреи подталкивают Францию к войне, но никакой немецкой агрессии опасаться все же не стоит.

Несмотря на попытки Шанель создать миф о Динклаге, который играл в теннис, разговаривал по-английски и вообще был больше англичанином, нежели немцем (это же, кстати, в один голос утверждает и целый хор биографов Шанель), на деле как сама она, так и все ее окружение были прекрасно осведомлены и о связях Динклага с нацистами, и о том, что он является немецким шпионом. Пропустить мимо ушей такие слухи, подогреваемые к тому же статьями из *Vendemiaire* и книгой Аллара издания 1939 года, в элитных кругах Парижа того времени было просто невозможно.

Глава 6

А ПОТОМ ПРИШЛА ВОЙНА

*Средневековые дети играют в мерзкие
средневековые игры.*

ПАБЛО ПИКАССО

Из окна своего номера в отеле “Риц” с видом на Вандомскую площадь Шанель смотрела, как демонстранты маршируют к расположенной неподалеку площади Согласия. Было 6 февраля 1934 года — день, когда начались ее неприятности. В одновременном взрыве протеста французские правые организации, поддерживаемые Италией и Германией, перемешались с небольшими коммунистическими группами. Их объединяло желание свергнуть правительство.

Репортер газеты *Paris Herald* Уильям Л. Ширер в тот вечер был на площади Согласия. Он видел, как конные гвардейцы саблями прорубали себе дорогу к саду Тюильри, когда толпа стала забрасывать полицию булыжниками и кирпичами. Ширер отступил и поднялся на балкон третьего этажа отеля “Крийон”, наблюдая за площадью Согласия. Отту-

да он увидел, что ультраправая молодежь пытается прорваться к зданию Парламента на другом берегу Сены. Их натиск отбили кавалеристы в стальных шлемах.

С наступлением ночи большая группа ультраправых ветеранов Первой мировой войны строевым шагом вошла на площадь Согласия под множеством трехцветных флагов. Они направлялись к мосту Согласия, где уже толпились люди. Ширер писал: “Если они пройдут через мост... они перебьют всех депутатов палаты [французской палаты представителей]”. Ружейный огонь на поражение остановил толпу.

На балконе отеля “Крийон” одна женщина внезапно рухнула на пол, сраженная пулей в лоб. Ширер стоял от нее не далее чем в шести метрах.

“Стреляли с моста и с другого берега Сены... из пулеметов, а рядом с “Крийоном” поднимался дым от здания Морского министерства. Когда прибыла пожарная команда, чтобы погасить пламя, толпа подошла ближе и набросилась на брандспойты”. Ширер спустился в фойе позвонить в редакцию *Herald* и обнаружил там несколько раненых, которым оказывали первую помощь.

Около полуночи кавалерии удалось разогнать толпу. Полиция взяла ситуацию под контроль. Ширер успел сдать к сроку несколько заметок и сообщил официальные данные: шестнадцать убитых, несколько сот раненых. На следующий день правительство ушло в отставку.

Последующие месяцы прошли под знаком борьбы за власть между левыми демонстрантами, которых с ненавистью называли шайками коммунистов и социалистов, и фашиствующими правыми. Не прошло и двух месяцев, как правительство, сформированное Народным фронтом, во главе с первым премьер-министром еврейского происхождения Леоном Блюмом, вызвало протесты на производстве. Рабочие, при поддержке некоторых недавно избранных депутатов, социалистов и коммунистов, объявили забастовку, добиваясь повышения зарплат и более выгодных условий труда.

Насилие ужаснуло Шанель. Из-за беспорядков некогда чудесная Вандомская площадь задыхалась от слезоточивого газа и дыма горящего мусора. На улицах за отелем “Риц” — в ее квартале — виднелись пятна крови. Шанель и ее друзей охватила паника. Что ждало их в смутные годы великой депрессии, охватившей Францию? Чего можно было ждать от ее 2,5 тысячи работников — ведь многие из них были левыми?

Случиться было суждено самому худшему. 1 мая 1936 года тысячи рабочих отметили свой праздник, пройдя маршем по бульварам Парижа с огромными красными знаменами, распевая “Интернационал” — международный гимн социалистов. Шанель вряд ли оставалась спокойной, слыша песни рабочих и видя транспаранты через балконную дверь своего номера в “Рице”. Фоторепортер Дэвид Сеймур снял несколько мрачных лиц демонстрантов, поющих: “Это есть наш последний и решительный бой” — слова из этого гимна — и несущих плакаты с портретами и име-

нами французских гуманистов и художников: Оноре Домье, Мольера, Вольтера, Эмиля Золя и худошавого Поля Синьяка.

Для Шанель и привилегированных европейцев — то есть для большинства французского среднего класса, который зарабатывал тяжелым трудом и копил деньги годами — забастовки 1936 года, парализовавшие промышленность Франции, были скандалом и предвещали наступление большевизма. Выборы 26 апреля 1936 года привели к власти Народный фронт — коалицию коммунистов и социалистов. Спустя месяц коалиционное правительство Леона Блюма приняло руководство Францией.

Двадцать шестого мая профсоюзы, воодушевленные победой на выборах, начали в Гавре всеобщую забастовку и захватили заводы, чтобы предотвратить локауты. Забастовка быстро докатилась до Парижа. К июню бутики в фойе отеля “Риц” закрылись, их владельцы объявили себя банкротами.

Персонал бутика Шанель на рю Камбон и “маленькие ручки” из ее ателье последовали тому же примеру. Около четырех тысяч ее работниц присоединились к забастовке. Когда одним ранним июньским утром личный бухгалтер Шанель мадам Ренар узнала, что ее не пускают в ее же собственный кабинет, она улизнула, вошла в “Риц” через черный ход и поднялась на лифте в апартаменты Шанель. Разбудив Шанель, Ренар дрожащим голосом сообщила ей, что “маленькие ручки” ее уволили. Содрогнувшись, Шанель поинтересовалась, не сошли ли ее сотрудни-

ки с ума. Позже она писала: “Поистине, в 1936-м они рехнулись”. Мадам Ренар подумала, что город попал в руки грабителей. Она просила хозяйку уехать из Парижа. Шанель заявила, что ее “маленькие ручки” и продавщицы заразились американской выдумкой — *le sit-down*; сидячей забастовкой.

Швеи, мастерицы своего дела, были настроены серьезно. Тем же утром они прибили к служебному входу Дома Шанель наспех написанную табличку “ЗАНЯТО”. Они расположились в мастерских и в магазине, скрестив руки, и ждали. Для Шанель это был удар в спину. Ее рабочая сила — “ее девочки” (*mes filles*), включая личных помощников и руководящий персонал, все они, по мнению Шанель, “предали” ее, несмотря на щедрость. Она предлагала хорошую дневную оплату и отпуска (обычно неоплачиваемые). Манон, одна из лучших ее портних, объявила, вернувшись из отпуска в летнем доме Шанель: “В Мимизане я впервые увидела море”.

Казалось, бастовал весь Париж. В то время как премьер-министр Блюм призывал к спокойствию, продавщицы универмагов *Au Printemps* и *Les Galeries Lafayette* — парижских аналогов *Macy's* и *Bloomingdale's* — активно отвечали “решительным протестом и выражали его характерными жестами клиентам и начальству за дверями”. Это была американская сидячая забастовка по-французски, и “[девушки] танцевали в проходах и устраивали пикники в лифтах”. Ширер писал: “Хорошее настроение забастовщиков — это дурной знак”. Действительно, дур-

Сотрудницы Шанель бастовали и блокировали ее предприятие; 1936 г. Делегация работниц собралась перед служебным входом на улице Камбон — тем же входом пользуется персонал Дома Шанель по сей день.

ной: газета *L'Écho de Paris* рассказывала, как бастовали продавщицы на бульваре Османа — они прогуливались снаружи или запирались в магазинах и смеялись. Шанель и ее клиенты — элита Парижа — опасались гражданской войны.

Все было именно так, как предсказывал Бендор, бывший любовник Шанель: большевики и евреи хотели править Европой и подталкивали Британию и Германию к войне. Бендор, богатейший землевладелец Великобритании, которого внучатая племянница Шанель Габриэль Паласс Лабрюни называла “дядя Бенни”, хотел, чтобы Англия поддержала Гит-

лера и Муссолини в борьбе против русского коммунизма. Краеугольный камень мира во всем мире — это англо-немецкая дружба, утверждал герцог. Другими словами, Германия должна была напасть на Россию — страну, угрожавшую Западу.

Парламентская социал-коммунистическая коалиция Блюма пугала богатых. 85 % французских избирателей поддерживали его Народный фронт. Обеспеченные люди боялись победы коммунизма в Европе. Золото подскочило в цене, поскольку богачи кинулись его скупать. Некоторые обеспеченные парижане переводили свои сбережения в швейцарские банки. Другие собирали вещи и укрывались в своих безопасных загородных резиденциях. Они поручали своим *mécanicien* (так Шанель называла шоферов) загружать в лимузины “роллс-ройс” и “делоне” (у нее был и тот и другой) ценные произведения искусства, украшения и серебро. Те же, кто оставался, запирали двери на все замки, заряжали дробовики и набирали полные ванны воды. Они опасались отключения коммуникаций. Все было как в 1789-м, словно по улицам Парижа снова разгуливали санкюлоты — революционеры, воспевавшие гильотину.

Работницы Шанель были нестигаемы. Швеи — по природе своей педантичные, сосредоточенные существа, поэтому Шанель столкнулась с командой непокорных женщин, борющихся за повышение зарплаты и надеющихся впервые в жизни получить оплачиваемый отпуск. На снимке мы видим группу этих женщин перед магазином Шанель на rue Камбон, 31,

и у входа в ателье на Камбон, 29, где они собрались позировать фоторепортерам. На этих фотографиях без указания имен дамы наряжены в элегантные платья и хорошо сшитые женские костюмы. Одна из забастовщиц, одетая в стиле Шанель, робко машет в камеру. Другая — улыбается и уверенно показывает кулак. Третья держит традиционную у забастовщиков коробку для сбора средств. Все до одной улыбаются, но стоят уверенно и решительно.

Затем последовали дни встречных обвинений. Магазин и ателье Шанель на рю Камбон оставались закрыты. Шанель решила попробовать новую уловку: если женщины хотят коммунизма, они его получат. Она предложила передать предприятие в собственность сотрудникам, сама же она будет лишь управлять делами. Предложение было отклонено.

В конце концов Блюм и рабочее движение Франции выиграли решающую битву. В начале июня Блюм подписал соглашение, которое вошло в историю под именем Матиньонского (по названию гостиницы “Матиньон” — официальной резиденции премьер-министра). Французские рабочие получили сорокачасовую рабочую неделю, оплачиваемые отпуска, право на коллективные переговоры и обязательное школьное образование до 14-летнего возраста.

Июль и август пролетели незаметно. Когда листва парижских каштанов пожелтела, большая часть горожан уже вернулась к работе. Советники Шанель умоляли ее уступить, быть благоразумной и подумать об осенних коллекциях. Она колебалась. Капи-

туляция противоречила самой ее сущности. Все-таки речь шла о ее престиже. Большие суммы денег были вложены в накладные расходы, фабрики и оборудование. Бизнес оказался важнее. Наконец она согласилась. Мастерские снова загудели, массивные рольставни магазина на рю Камбон были подняты, и сливки парижского общества вновь стали пользоваться услугами элегантных служительниц Шанель.

Новые модели Эльзы Скъяпарелли, ее смелые, шокирующие розовые тона из палитры Сальвадора Дали в купе с использованием мотивов Кристиана Берара и Жана Кокто в дизайне платьев и аксессуаров заставили говорить о себе весь Париж. (Со всеми названными художниками дружила Шанель.) Драматург Анита Лус, автор пьесы “Джентльмены предпочитают блондинок”, и Уоллис Симпсон, герцогиня Виндзорская, одевались в ее творения; Марлен Дитрих носила ее русские меха. Обратившись к новым материалам, похожим на сегодняшний пластик, она привлекла клиентов в свой бутик на Вандомской площади — прямо под носом у Шанель. Скъяп, как прозвал ее Париж, была очаровательно экстравагантной в вечернем платье, состоявшем из подола с рисунком в виде омара в натуральную величину и лифа с несколькими зелеными аппликациями, напоминавшими петрушку. Сумочка у нее была в форме телефона, а клапаны карманов на одной из юбок выглядели как губы. Шокирующий розовый вошел в моду, а сдержанный, благородный

стиль от Шанель потерпел поражение. Некоторые критики считали, что Шанель потеряла хватку, вернувшись из Голливуда. Еще до забастовок она начала соскальзывать с трона королевы французской моды, а ее критические заявления о моде стали оспаривать.

Скьяп, выросшая в знатной итальянской семье и получившая образование в Париже, Лондоне и Нью-Йорке, являла собой полную противоположность Шанель, чей первый магазин был открыт двадцать лет назад благодаря деньгам ее любовников, “потому что двое джентльменов повышали ставки в борьбе за мое маленькое горячее тело”. Сирота Шанель, воспитанная в монастыре, не переваривала эту женщину и называла ее *l’Italienne* (Итальянка), что было оскорблением в светском Париже. Претенциозность Скьяп ее просто “бесила”. Скьяп в ответ называла Шанель “шляпницей”, что бесило ту еще больше.

Шанель считала Скьяпарелли “итальянской артисткой, которая решила шить одежду”. Скьяпарелли не просто “раздражала” ее, а “приводила в ярость”. Но Скьяп была не единственной для нее угрозой. *Mainbocher* — дом моды, основанный Мэн Руссо Боше, в прошлом редактором журнала *Vogue*, ставшей модельером, — а также дома моды Мадлен Вионне и Жермены Кребс, впоследствии мадам Гре, — все они стали ярыми конкурентами Шанель. И все же именно Скьяпарелли поспешила заявить: “С Шанель покончено”.

На публике Шанель игнорировала Итальянку и прочих. При поддержке друзей — Кристиана Бера, Этьена де Бомона и бывшего любовника великого

князя Дмитрия Павловича — Шанель господствовала на торжествах, вечеринках, банкетах и пресс-конференциях, сопровождавших Международную парижскую выставку искусств и техники летом 1937 года. Репортеры писали, что она прекрасно выглядела и излучала обаяние, позируя фотографам и болтая с журналистами.

Мися Серт, ее названная сестра, знала, что за улыбками Коко скрывалась глубокая рана. Она тяжело переживала смерть любовника и делового партнера Поля Ириба, погибшего двумя годами ранее. Ее подкосили забастовки 1936-го. А теперь другие модельеры привлекали к себе внимание, которое по праву причиталось ей. Шанель попробовала себя в создании костюмов для постановки Кокто “Царь Эдип”, обмотав актеров, в том числе молодую восходящую звезду Жана Марэ, бинтами. Результат был ужасен, и пресса не щадила Шанель: “Забинтованные актеры походили на оживших мумий или жертв какой-то ужасной катастрофы”. Костюмы были раскритикованы за тяжесть и старомодность.

В последующие месяцы Шанель исчезла с рю Камбон. Она удалилась сначала на виллу *La Pausa*, а затем — в Швейцарию, в Лозанну, где на ее тайных банковских счетах копились доходы от мировых продаж духов *Chanel N° 5*. Казалось, что она совсем потеряла интерес к бизнесу. Биограф Пьер Галант рискует утверждать иное: “Первенство Коко было под угрозой”. И все же Шанель верила, несмотря на успех Эльзы Скъяпарелли, что ее дело еще живо — внезапная популярность

Мися Серг, подруга жизни Шанель, в платье
от Шанель; 1937 г.

экстравагантной итальянки долго не продержится, а значит, стиль от Шанель рано хоронить.

Двадцать первого января 1936 года сорокадвух-летний Эдуард, принц Уэльский, он же — добрый приятель Шанель Дэвид, взошел на британский трон как Его Королевское Высочество принц Эдуард VIII.

Нелегкое правление так и не коронованного монарха пришлось на время, когда Гитлер урвал Рейнскую область, оккупированную Францией с 1918 года, а войска Муссолини в Африке захватили столицу Эфиопии Аддис-Абебу. 9 июня 1936 года в Испании забастовали более миллиона рабочих, положив начало испанской гражданской войне, в результате которой при поддержке Адольфа Гитлера к власти пришел генерал Франсиско Франко и фашистское правительство.

Эдуард твердо решил жениться на разведенной американке Уоллис Симпсон, которую французская пресса величала *putain royale* — “королевская шлюха”. Парламент Британии не менее твердо решил не допустить свадьбы. Ночью 11 декабря 1936 года некоронованный Эдуард VIII заявил всему миру в эфире радиостанции Би-би-си о своем отречении от престола. Теперь королем и императором Великобритании стал его сорокаоднолетний брат Альберт. Он правил Британской империей как Георг VI.

Уинстон Черчилль, будущий член правительства Невилла Чемберлена, был частым гостем в Париже в 1936 году. Всего за три месяца до отречения Эдуарда он и Рэндольф ужинали с Шанель и Жаном Кокто в ее номере в “Рице”. Черчилль все еще надеялся, что их общий друг Дэвид согласится отказаться от свадьбы с Уоллис Симпсон.

Кокто очень хорошо запомнил тот ужин. Он описывал в своем дневнике, как Уинстон напился, расплакался и, рыдая в объятиях Шанель, воскликнул: “Король не может отречься!” Через несколько

АДОЛЬФ ГИТЛЕР ПРИВЕТСТВУЕТ ГЕРЦОГА ВИНДЗОРСКОГО
И ЕГО НЕВЕСТУ, МИССИС УОЛЛИС СИМПСОН, ВО ВРЕМЯ
ИХ НЕОФИЦИАЛЬНОГО ВИЗИТА В БЕРХТЕСГАДЕН.
Германия, 1936 г.

месяцев Черчилль помогал своему королю и другу Дэвиду редактировать речь об отречении. Всего лишь восемь месяцев спустя изгнанный Эдуард, теперь просто герцог Виндзор, со своей невестой Уоллис Симпсон — постоянной клиенткой Шанель — остановился в “Рице”, по соседству с ее номером. Они только что вернулись из поездки к Гитлеру в Берхтесгаден — баварскую резиденцию фюрера.

Большинство французов верили, что войны можно избежать. Невилл Чемберлен, премьер-министр Британии, полагал, что Гитлера нельзя “сдерживать”. В сентябре 1938-го Чемберлен вернулся из Мюнхена, размахивая копией подписанного соглашения с фюрером, и заявил толпе перед домом 10 на Даунинг-стрит: “Я уверен, это мир для нашего времени”.

Шанель продемонстрировала вечернее платье из золотого лама с коротким жакетом для коллекции 1938 года. Британский *Vogue* писал: “Сексуальная привлекательность — главный мотив парижской коллекции, и теперь эта привлекательность больше не скрывается”. Пока Европа балансировала на грани войны и мира в 1938–1939 годах, бизнес стремительно развивался. Бутики в фойе “Рица” процветали, торгуя ювелирными изделиями *Van Cleef*, черепаховыми шкатулками и другими предметами роскоши. В магазинах Шанель роились светские дамы в поисках стильных костюмов, платьев, шляпок, украшений, аксессуаров и, прежде всего, экзотических духов *Chanel № 5*.

В свои 55 лет Шанель оставалась красивой и сексуальной, а ее фигура — потрясающей. Она одевалась стильно и изобретательно, фотографы ее обожали. Ее можно было встретить повсюду: в июне 1938 года с испанским художником Сальвадором Дали и французским композитором Жоржем Ориком в Монте-Карло; позже — с танцовщиком Сержем Лифарем и композитором Игорем Стравинским на ужине у Миси Серт. На встрече после спектакля с актером Луи Жуве она появилась в шикарном платье своего фирменного по-

кроя из белого тяжелого крепа. Пусть Скъяпарелли и придумала “шокирующий розовый” для коллекции 1938-го, но Шанель ее превзошла. К сезону 1939 года Шанель выпустила серию цыганских платьев, которые были растиражированы в США и по всей Европе. Весной 1939-го, когда Европу охватил страх перед войной, Шанель представила коллекцию одежды в патриотической цветовой гамме — красно-бело-синей.

Тем жарким летом 1939-го в отеле “Риц” было совсем неплохо. В саду-ресторане Шанель и ее друзья Жан Кокто и Жан Маре могли наслаждаться классическим *salade Niçoise* (“ницким” салатом с анчоусами) от мсье Эскофье, сдобренным оливковым маслом и уксусом, или, быть может, одним из восточных салатов этого знаменитого шеф-повара, запивая охлажденным божиоле, а на десерт их ждал яблочный пирог и кофе. Без сомнения, швейцарец месье Риц сохранил в своих владениях оазис аристократизма, где “милитаристы” дискутировали с “пацифистами” в салоне “Психея”.

Клэр Бут Люс, жена владельца журналов *Time* и *Life* Генри Люса, в начале 1940 года отправилась в путешествие по европейским столицам. В парижском отеле “Риц” Люс присоединилась к обществу светских ньюйоркцев, в их числе была и главный редактор *Vogue* Маргарет Кейс, приехавшая в Париж посмотреть новые коллекции. Люс приятно удивило, что “Риц” не утратил своего блеска: “Тот же невысокий улыбчивый управляющий у стойки в длинной визитке, которая достает ему почти до пят... тот же ненавязчивый ловкий и всезнающий рыжеусый кон-

серж и седой изысканный Оливье — один из величайших метрдотелей Европы, как всегда склонившийся в конце коридора у дверей ресторана”. Люс показалось, что все они выглядят “чуть более серьезными и бледными, чем раньше”. Тем не менее она отметила, что, “судя по ароматам мехов и духов и пронзительному птичьему щебету голосов”, гости “Рица” не изменились. Ей и Маргарет Кейс пришлось смириться с ужасным грохотом отбойных молотков, поскольку рабочие копали дополнительное подземное бомбоубежище за оградой гостиничного сада. Кейс явно нервничала, и Люс заверяла свою подругу: “[Дорогая], я заметила, что бомбы никогда не попадают в людей, живущих в “Клэриджес” или в “Рице”. Когда настал апрель, Люс написала: “Прекраснейшая кристально-ясная весна пришла в Европу”.

На рассвете 1 сентября 1939 года немецкие войска ринулись через польскую границу, направляясь к Лодзи, Кракову и Варшаве, — так же, как шестью месяцами ранее они пересекли границу Чехии, чтобы занять Прагу. В ту первую среду сентября Шанель проснулась в бархатной роскоши “Рица” и узнала, что ее родина теперь в состоянии войны с Германией. На первый взгляд ничего не случилось. Британцы окрестили эту тишину *Phoney War* (ложная война); французы называли ее *drôle de guerre* (странная война); берлинцы — *Sitzkrieg* (сидячая война), в противоположность блицкригу, молниеносному прорыву, продемонстри-

рованному Гитлером в Польше и планируемому вскоре во Франции, Бельгии и Нидерландах.

Шанель — когда-то нищая сирота, любовница богача, а теперь первая леди в мире моды — нажила свое состояние во время Великой войны 1914–1918 годов, освободив женщин от корсетов. Теперь же, в первые дни Второй мировой, Шанель, самостоятельно достигшая вершины, считала войну делом мужчин. Война предоставила ей возможность наказать персонал за забастовки трехлетней давности. Она уволила около трех тысяч работниц — мастериц, кроивших ее платья, “маленькие ручки”, создававшие каждое ее творение с нуля, и управляющих ее салонов. Это было закрытие — конец Дома Шанель. Она свела счета с женщинами, требовавшими три года назад повышения зарплаты и сокращения рабочего дня; с женщинами, не пускавшими ее в собственные ателье и бутики. Это была расплата за массовые забастовки, которые, по мнению Шанель, спровоцировало социал-коммунистическое правительство еврея Леона Блюма в 1936 году. Шанель была ошеломлена, она была уверена, что мир моды закончился, как только началась война. “Как я могла предположить, что люди будут продолжать покупать платья?” — спрашивала она после войны своего друга Марселя Эдриха, главного редактора французского модного журнала *Marie Claire*. “Я была такой дурой, я настолько плохо понимала жизнь, что это казалось мне невозможным... в общем, я совершила ошибку. Кое-кто продавал платья всю войну. Это будет мне

уроком. Теперь, что бы ни случилось впредь, я буду делать одежду. Это единственное, во что я еще верю”.

Шанель считала Блюма и всех евреев-либералов большевиками, угрожавшими Европе. Ее правые политические убеждения обострились с течением времени благодаря ее любовникам — мужчинам, вытащившим ее из бедности и помогавшим начать карьеру успешной парижской кутюрье.

К тому же Поль Ириб подогревал ее страх перед евреями. Его антисемитизм был настолько ярко выраженным, что Эдмонда Шарль-Ру, биограф Шанель, называла его “отвратительным”. Что до герцога Бендора, то его антисемитские тирады также были притчей во языцех.

Осенью 1939-го Гитлер и Сталин сокрушили Польшу. Впоследствии Россия получила Финляндию и северную часть Польши, в то время как Италия угрожала странам Средиземноморского бассейна. В Англии Чемберлен дал Черчиллю пост первого лорда адмиралтейства, отчаянно пытаясь сохранить доверие народа к своему правительству, запятнанному политикой умиротворения.

Бывший любовник и друг Шанель Бендор отчаянно пытался освободить свою новую пассию — француженку, попытавшуюся пересечь Ла-Манш, чтобы соединиться с ним, но арестованную по подозрению в шпионаже. В Риме давняя подруга Коко Вера Бейт Ломбарди была под колпаком у итальянской тайной военной полиции, известной как SIM (Служба военной информации). Разведчики счита-

ли ее британским агентом из-за аристократического происхождения и частых визитов в посольство Британии в Риме — несмотря на то что Италия пока еще не объявила войну Англии.

В какой-то момент после 1929 года Вера переехала к мужу Альберто, члену фашистской партии, на его виллу на виа Барнаба-Ориани в элитном римском районе Париоли. Из итальянских архивов известно, что Вера получила итальянское гражданство в том же году, а из письма ее мужа министру юстиции Италии — что она вступила в фашистскую партию Муссолини.

В Риме Вера жила спокойной жизнью. Вместе с Альберто, офицером кавалерии, она участвовала во множестве соревнований по конному спорту и наслаждалась *la dolce vita*¹. Ей нравилась роль жены высокопоставленного итальянского офицера, присягнувшего Муссолини. Альберто и его семья были известны Бенито Муссолини с наилучшей стороны и пользовались почетом в фашистских кругах, и Альберто произвели в чин командира кавалерийского полка. Но чересчур английские привычки Веры и регулярные посещения британского посольства сделали ее объектом внимания фашистской полиции и различных спецслужб. В 1936 году начальник штаба Службы политических расследований Италии послал следующий рапорт офицерам министерства внутренних дел и армии:

1 Сладкой жизнью (*ит.*).

Г-жа Ломбарди: насыщенная и довольно загадочная жизнь г-жи Ломбарди, жены майора кавалерии Альберто из кавалерийского училища в Тор-ди-Квинто, дает повод к подозрениям... Кажется, она связана с кем-то из друзей принца Уэльского и имеет знакомства в политических и финансовых кругах Британии... она часто сотрудничала с Домом моды Шанель, владелица которого на протяжении многих лет была любовницей герцога Вестминстера... Загадочный и переменчивый стиль жизни г-жи Ломбарди заставляет нас подозревать ее в шпионаже в пользу Великобритании без ведома мужа, в высшей степени уважаемого человека и настоящего патриота... Ломбарди часто разговаривает по телефону с Лондоном, прослушать звонки из ее дома на виа Ориани не составит труда.

Через неделю следователям было приказано прекратить слежку за Верой, "так как она жена армейского офицера и так как SIM какое-то время занималась Верой, просматривая всю ее почту, без какого-либо результата". Но сложности Веры с итальянской фашистской полицией и контрразведкой на этом не закончились. Следующие несколько лет и на протяжении Второй мировой итальянцы подозревали ее в шпионаже в пользу британцев. Дальнейшие отношения Веры с Шанель во время войны заставили и британскую разведку MI6 обратить на нее внимание.

Регулярные военные сводки и учебные воздушные тревоги действовали Шанель на нервы, кроме того, она переживала за своего племянника Андре Паласса. В 1939 году Андре мобилизовали, он оставил жену и двух дочерей — старшую Габриэль, названную в честь “тетушки Коко”, как она называла ее, и младшую Элен — в их имении в Корбере на юге Франции. Андре попал на фронт, на укрепленную линию Мажино, прикрывавшую стратегическую границу между Францией и Германией. С тех пор как его мобилизовали, Шанель заботилась о его семье, приглашая к себе внучатую племянницу Габриэль так часто, как только это позволяла ее учеба.

Часто оставаясь в одиночестве, Шанель тосковала по любви или чувству влюбленности — она не отличала одно от другого. У Шанель не было серьезных романов после смерти Поля Ириба, а она нуждалась в любви мужчины — возможно, это была подсознательная потребность компенсировать одинокое детство. Теперь, гадая, что же принесет война, она все время думала о длинной цепочке неверных любовников: об Этьене Бальзане — ее первом покровителе; о Бое Кэйпеле — первом серьезном увлечении; о мимолетном флирте с Игорем Стравинским; о русском великом князе Дмитрие — золотом любовнике; о герцоге Вестминстере — баснословно богатом меценате. И наконец, о поэте Пьере Реверди, напоминавшем ей потерянного отца. Но больше всего она тосковала и печалилась об Ирибе — мужчине, которому она доверяла и которым восхища-

лась. Ни один из ее поклонников не принадлежал ей полностью, в первую очередь потому что она отказывалась принадлежать им, или же они уходили и женились на других. Что касается Ириба, который скончался у нее на глазах от внезапного сердечного приступа, она считала, что, умерев, он предал ее — точно так же, как сорок лет назад ее бросил отец, неожиданно исчезнув. Балетмейстер и близкий друг Шанель Серж Лифарь был поражен, услышав ее слова: “Ах, Ириб! Наконец-то он мертв! Больше он не попадется мне на глаза”.

Это было бравадой. Все мужчины, которых Шанель когда-то любила, теперь были либо мертвы, либо недостижимы. Многие авторы цитируют ее: “Нет ничего хуже одиночества. Мужчине одиночество может помочь реализоваться, но женщину оно уничтожает”. Она советовала женщинам “следовать общепринятым нормам, если они хотят счастья в жизни; иначе... [они] заплатят ужасную цену одиночества”.

В самый разгар войны, с опустошенным сердцем и руками, лишенными дела, она с горечью писала своим братьям Люсьену и Альфонсу, что ее средства к существованию заканчиваются. “Я закрыла предприятие... и я боюсь жизни в нищете... больше не рассчитывайте на меня”. Это было всего лишь мелочное письмо, написанное в расстроенных чувствах. Хотя доходы Шанель и сократились с закрытием Дома моды, она все еще была богата. Деньги капали на ее счета в Швейцарии благодаря популярности *Chanel N° 5* по всему миру и продажам парфюмерии

и аксессуаров в ее магазинах на рю Камбон, в Довиле и Биаррице. Она всегда могла быть уверена, что женщинам нравятся ее духи, и во время войны продажи ее ароматов во Франции, нейтральной Испании и Швейцарии стали главным источником дохода.

Возникла проблема. Уволив своих работниц, Шанель решила умыть руки и заняться чем-нибудь другим. Ее любовник поэт Реверди согласился. В 1939 году он сказал Шанель: “Война — это время спрятаться, лечь на дно и не поднимать шума”. Но французские чиновники, отвечавшие за модную индустрию, и повелители высокой моды из соответствующей профсоюзной палаты (*Chambre syndicale de la haute couture*) были на этот счет другого мнения. Они пришли в ярость, когда Шанель закрыла зеркальный салон на рю Камбон, и обвинили ее в вопиющем “предательстве”. Ее сотрудницы вступили в союз рабочих Франции, Всеобщую конфедерацию труда (*Confédération Générale du Travail, CGT*) и в Профсоюзную палату, чтобы заставить ее не закрывать предприятие. Для Парижа это было делом чести. Даже другие дома моды — ее конкуренты — протестовали. Чего бы стоили парижские праздники в поддержку солдат без Шанель?

В книге “Аллюр Коко Шанель” (*L'Allure de Chanel*) писатель Поль Моран приводит фразу Шанель, которая, по его мнению, является квинтэссенцией ее характера: “Жизнь — это битва и хаос, эта мысль будоражит меня и утоляет мою глубинную склонность к разрушению”. Несмотря на закрытие

ателье, Шанель не была побеждена. Газета *New York Times* напечатала сообщение, пришедшее в Нью-Йорк авиапочтой и датированное 16 апреля 1940 года:

Несмотря на многократные опровержения, здесь продолжают ходить слухи, что великая Шанель в недалеком будущем снова откроет свой парижский Дом моды. Как бы там ни было, она согласилась создать вечернее платье для показа новой броши от *Van Cleef & Arpels* — крупного цветка, подобного звезде или, скорее, комете, с длинным мягким хвостом из благородных металлов. В центре звезды располагается огромный бриллиант. Лучи звезды — или лепестки цветка — сделаны из рубинов, изумрудов, нефрита и крупного жемчуга и завершаются драгоценными грушевидными подвесками. Для этого королевского украшения Шанель разработала фон насыщенного цвета. Модельер с легкостью сделала кокетливые тройные лямки на плечи из рубинового бархата, которые продолжают лентами, ниспадающими сзади до самого пола, и таким образом уравнивают впечатление тяжести драгоценной подвески. Само платье сделано из тяжелого жатого крепа цвета темнейшего “изумрудного нефрита”. Декольте глубокое, крой подчеркивает фигуру в неподражаемом стиле Шанель. Эффектными завершающими штрихами служат миниатюрный головной убор из плетеной бархатной тесьмы и зеленые оборчатые замшевые перчатки с рубиновыми бархатными лентами, за-

вязанными в банты вокруг запястий, сочетающиеся с отделанными той же лентой краями.

Во время так называемой “странной войны” солдаты возвращались домой на побывку в атмосфере напускной веселости, и парижане старались развлечь их, как только могли. Морис Шевалье и Жозефина Бейкер — американская дива, принявшая французское гражданство в 1937 году — распевали песни в Казино-де-Пари. Ипподром в Отее был набит битком. Можно было беззаботно болтать и смеяться в ресторане *Maxim's* или в прокуренных залах *Brasserie d'Alsace*, где все еще подавали лучшую в городе квашеную капусту.

В это же время отчаявшиеся беженцы — в основном рабочие-евреи — продолжали исход из Германии и Восточной Европы в надежде обрести свободу в Англии, Франции и Соединенных Штатах. Теперь Париж стал тихой гаванью для специалистов и ремесленников, боявшихся гитлеровской Германии и концлагерей СС. Те, кому посчастливилось добраться до Франции, устраивались на работу портными и швеями в парижские дома моды. Когда разразилась война, во Франции было 120 тысяч беженцев, большинство из них — евреи.

Первая же военная зима заставила парижан познать вкус лишений во время ужасных холодов. Для среднестатистического горожанина настали трудные времена, его раздражали и утомляли нормы потребления еды и топлива. Отцы, молодые мужья

и братья ушли на фронт, около шестнадцати тысяч детей были отправлены в сельскую местность. Постоянные учебные воздушные тревоги не давали покоя, а редкие настоящие бомбежки заводов на окраинах Парижа звучали как напоминание о смерти.

Для тех же, кому повезло жить в “Рице” зимой 1939/40 года, отель оставался островком роскоши военного времени. Несмотря на дефицит продовольствия и квалифицированного персонала, “Риц” был Меккой для богатых. Частных шоферов призвали в армию. Богачи заперли свои виллы в Нёйи и переселились в “Риц”. Спустившись из номера, они могли насладиться сигарой в салоне “Психея”, обедом в гриль-руме и напитком в баре. Шанель и ее гости продолжали лакомиться изысканными блюдами. В одном из обеденных меню предлагались суп из фазана, медальоны из телятины и запеченное яблоко с бокалом-другим вина класса “премьер крю” — “Пойак Шато Латур” урожая 1929 года.

Жан Кокто и его партнер Жан Марэ жили в апартаментах в двух шагах от “Рица” за счет Шанель. Они часто делили с ней трапезу. Статного Жана Марэ, тогда еще не ставшего кинозвездой, призвали на службу в ВВС Франции. Он со знанием дела уверял Шанель, что о настоящей войне не может быть и речи. Марэ в шутку бился об заклад, что Гитлер блефует, что броня немецких танков, сокрушивших Польшу, сделана из папье-маше. Вскоре-де “странная война” закончится, Гитлер предложит мир на честных условиях. Марэ был уверен, что мирный договор уже пишут.

Парижские газеты объявили, что Шанель и Кокто скоро поженятся. Эти новости забавляли не скрывавших своей ориентации Кокто и Марэ. Шанель они забавляли меньше, но она не опровергала слухи.

“Риц” был самым подходящим местом для активной светской жизни. Здесь были номера герцога и герцогини Виндзорских, а также Арлетти — актрисы мюзик-холла, снимавшейся в кинокомедиях. Американский бизнес-консультант Шарль Бедо с женой Ферн — близкие друзья нацистской верхушки Берлина — заняли три номера по соседству с Шанель. Война не помешала герцогу и герцогине устраивать званые ужины, хотя они иногда откладывались из-за авианалетов.

Ноэл Коуард, в то время частый гость “Рица”, писал, что, когда в коридорах отеля начинали выть сирены воздушной тревоги, Шанель бывала вынуждена покинуть роскошный номер, дабы укрыться в подвале. Во время одной из таких тревог он якобы увидел, как Шанель в сопровождении горничных торопится в бомбоубежище. Если верить Коуарду, служанки Жермена и Жанна почтительно следовали за хозяйкой, неся ее респиратор на подушке. Возможно, этот фарс — чистый вымысел драматурга.

Большинство французских семей не догадывалось о роскоши “Рица”. Они ели мясо лишь дважды в неделю. Даже домам в лучших кварталах Парижа пришлось потуже затянуть пояса. Булочные были обяза-

ны закрываться на три дня в неделю. Сливочное масло выдавали по норме, мясо стало дефицитом, магазинам алкогольной продукции запрещалось продавать крепкие напитки, они могли торговать только вином и пивом. Даже избранные, питавшиеся в ресторанах, должны были довольствоваться одним мясным блюдом в составе обеда из двух блюд. К весне было нормировано автомобильное топливо, а 5,5 миллиона французских фермеров и их работников было приказано оставаться на селе и держаться подальше от больших городов. (Никто не объяснил, каким образом этого добиться и как контролировать.)

Среднестатистическому немцу приходилось еще туже. Пока доктор Геббельс вещал “учтивым радиоголосом” про историческое право Германии на *Lebensraum* (буквально: жизненное пространство) и воспевал в гимнах гений Гитлера, немецкий арбайтер шагал на работу в башмаках на деревянной подошве, сжимая в руке завернутый в газету кусок черного хлеба с маргарином. Табачные лавки имели право продавать только по две сигары или по десять сигарет в день мужчинам и ни одной — женщинам. Обычная норма ресторанов по продаже пива была сокращена на 60 %, а 40 % запасов вина отправляли в войска. Потом запретили танцы, а “немецкие домохозяйки приходили в отчаяние от плача голодных детей с болезненно-желтыми лицами, потому что государство урезало норму шпината до полуфунта на человека”.

Пропагандистская машина рейха продолжала работать. Когда Германия довела до ума планы по на-

падению на Голландию, Бельгию и Францию, Гитлер заговорил о мирных переговорах. Его заявления становились заголовками парижских газет. *Paris-Soir*, народное радио *Cité* и Би-би-си твердили о работе дипломатов. Французы поверили, что политики придут к какому-нибудь ловкому политическому компромиссу, чтобы закончить войну.

Парижане, потягивающие кофе с цикорием в городских кафе, были уверены, что, как бы ни обернулось дело, Париж будет спасен. Они придерживались твердого убеждения, что обескураживающие военные потери Первой мировой сделали еще одну полномасштабную войну с Германией немислимой. Полтора миллиона человек — десятая часть всего мужского населения французской метрополии — были принесены в жертву в 1914–1918 годах. Разве Великая война не была войной за то, чтобы раз и навсегда покончить с войнами? Четыре миллиона человек вернулись домой калеками: слепыми, без конечностей, с изуродованными лицами — *Les Gueules Cassées*¹. Разве могли немцы на том берегу Рейна забыть своих убитых и раненых? Неужели ужасы Первой мировой войны стерлись из их памяти?

Французский писатель Жан Генно, серьезно раненный в 1915 году, писал: “Я никогда не поверю, что люди созданы для войны”. Французы питали “приятные иллюзии” — они были уверены, что, начини

1 Объединение французских инвалидов Первой мировой войны, получивших лицевое ранение. (Здесь и далее — прим. перев. Прим. автора см. в конце книги.)

немцы новую войну, они не смогут пройти дальше Сены, как в 1914 году. Они не возьмут неприступные укрепления, которые с 1930 года строил Андре Мажино, — колоссальную систему бетонных артиллерийских позиций, пулеметных дотов и танковых ловушек, где служил племянник Шанель Андре Паласс. Линия Мажино обошлась налогоплательщикам в три миллиарда франков и постоянно совершенствовалась. Она должна была остановить бошей.

Жан-Поль Сартр, также служивший на линии Мажино, думал так: “Сражений не будет, это будет современная война, без убийства, как современная живопись без предмета изображения, музыка без мелодии, физика без материи”. Сартр проводил дни на службе, запуская метеорологические воздушные шары и наблюдая в армейский бинокль, как их уносит ветер. Он писал: “Что они будут делать с этой информацией — их дело”. Каждый надеялся, что быстрое дипломатическое решение уже на подходе.

Военное командование Франции жило иллюзиями.

Несколько человек — Шарль де Голль и его приближенные офицеры — знали, что “укрепления будущего” — всего лишь “дурацкое” и “опасное занятие для отвода глаз”. Западнее линии Мажино простиралась четырехсоткилометровая франко-бельгийская граница, совершенно не защищенная от грядущего блицкрига Гитлера.

Французские и британские штабные офицеры не могли договориться, как быть с уязвимостью линии

обороны на севере Франции. Они спорили о расположении войск и стратегии. Когда герцог Виндзорский посетил французские передовые позиции, его поразила политическая вражда. “Французские генералы, — сообщал он в Лондон, — настроены друг к другу более враждебно, чем к немцам”. Разведка докладывала о постоянных раздорах между французским и британским командованием и о слабости французской обороны. Все говорило о том, что беда не за горами. А Гитлер в этот самый момент пересматривал планы нападения.

Уинстон Черчилль часто приезжал в Париж зимой и весной 1940 года, но так и не осознал, насколько никудышным было руководство войсками. Он не раз посещал Шанель в “Рице”. С 1925 года Коко часто развлекала будущего премьер-министра Великобритании, когда они встречались в доме герцога Вестминстера и позже на охотничьих вечеринках Бендора во Франции и на Лазурном берегу. Война все испортила. Хорошие времена остались в прошлом. От тех дней, когда Черчилль засиживался вечерами в апартаментах Шанель, напивался и плакал в ее объятиях, тоже остались лишь воспоминания.

Приезжая в Париж, Черчилль хотел знать все. Встречаясь с Шанель, он хотел поговорить и с Гансом-Францем Эльмигером, швейцарским управляющим “Рица”, и расспросить его о ситуации в Париже, настроении служащих отеля и боевом духе парижан. Рассказал ли Черчилль какие-нибудь новости Шанель о Бендоре, ставшем для военной Англии большой проблемой с его прогерманскими и антисемитскими

заявлениями? Уверил ли он ее в том, что Союзники сумеют защитить Францию? Черчилль не мог считать иначе. Он слишком любил Францию, чтобы видеть ее недостатки. Опыт общения с французскими офицерами — храбрецами, которых он, принц Уэльский и Бендор знавали двадцать пять лет тому назад на Западном фронте Первой мировой войны — заставил его поверить в непобедимость Франции. Позже — слишком поздно — он понял, насколько подорвали волю к победе политические интриги во французском высшем командовании.

Клэр Бут Люс в эпиграфе к своей книге “Европа весной” блеснула английским юмором: “Гитлер и компания могут принести смерть мне и тебе. Просто потому, что это такая глупость, которую могут сделать глупцы”. Когда на фландрийских полях появились зеленые маковые ростки, издатели журнала *Time* написали: “На прошедшей неделе зловещей Второй мировой войне исполнилось шесть месяцев... когда Европа почувствовала легкое дыхание весны... когда первые аисты вернулись в Бельфор... крылья войны стали шуршать все тревожнее. Сообщается, что где-то на Рейне немцы сооружают понтонные мосты... население Германии ждет, что нацисты вот-вот начнут масштабное наступление”.

Через месяц они ушли. Наступление на Рейне откладывалось. Гитлер приготовил Европе другой сюрприз. В начале апреля 1940 года Шанель, как и осталь-

ные парижане, вероятно, была поражена новостью о том, что флот фюрера подверг бомбардировкам датские и норвежские порты. Одновременно немецкие секретные агенты устроили нацистский путч в столице Норвегии Осло. Король Хакон VII, королевская семья и правительство бежали в Лондон. Вся территория Норвегии и Дании была оккупирована.

В Лондоне Невилл Чемберлен ушел в отставку. Черчилля вызвали к королю Георгу VI — сорокачетырёхлетнему младшему брату герцога Виндзорского. Черчилль заверил своего короля, что парламент поддержит его и одобрит войну Британии не на жизнь, а на смерть, сколько бы лет она ни продлилась.

Когда Гитлер поглотил Норвегию и Данию, парижане начали собирать вещи. Управляющий “Рица” Эльмигер решил не закрывать отель, несмотря на то что служащих в его распоряжении осталось лишь 24 человека — четверть от нормальной численности персонала. Сестры Жермена и Жанна, горничные Шанель, решили, что настало время бежать из Парижа. Они покинули хозяйку и уехали в родную деревню, как раз когда Шанель пыталась найти замену своему шоферу, призванному в армию.

Пока Европа ждала, затаив дыхание, красавец Динклагге, которому теперь уже было сорок четыре, работал в нейтральной Швейцарии. Он бежал туда, когда Британия и Франция объявили войну Германии. Под личиной предпринимателя Динклагге должен был собрать

сведения для военной разведки об обороноспособности страны. Он должен был доложить в Берлин немецкому высшему командованию, будет ли Швейцария сражаться против Германии, если та атакует Францию. Динклагге был не один: его прикрывал бывший начальник по разведке, майор (впоследствии подполковник) Александр Вааг — опытный командир отделения абвера в немецком посольстве в Берне. Разъезжая на “фиа-те тополино” с французскими номерами, Динклагге провел первые несколько недель в Рувильяне, недалеко от Лугано, в итальянской провинции Тичино на вилле *Colinetta*, принадлежавшей доктору Леонардо Диккену — его старому знакомому, немецкому чиновнику в отставке. Возможно, вилла Диккена служила пере-сылочным пунктом, где Динклагге получал корреспонденцию. Но французская контрразведка уже разослала указания своим агентам, а также всем почтовым и телеграфным службам, вскрывать и контролировать всю переписку баронессы Максимилианы фон Динклагге (Кэтси сохранила фамилию мужа) и новой любовницы Шпатца Элен Дессоффи.

В Швейцарии Динклагге, вероятно, понял, что его бывшая жена и агент абвера Кэтси (в то время ей было сорок лет) и Дессоффи под колпаком у французов. Дессоффи — дочь высокопоставленного морского офицера — стала любовницей Динклагге и подружкой Кэтси еще в середине 1930-х годов. Когда началась война, французские контрразведчики допросили ее в собственном доме неподалеку от военно-морской базы в Тулоне. Еще до того, накануне войны, Динкла-

ге и Элен выдворили из Туниса за шпионаж. Французская контрразведка раскрыла их при попытке проникнуть на территорию военно-морской базы в Бизерте. Прежде чем начать свою разведывательную миссию в Швейцарии, Динклагэ отправил Элен в Берлин.

Эдмонда Шарль-Ру вспоминала, как прямо перед объявлением войны муж Элен Жак был “ошеломлен”, узнав, что его жену обвиняют в шпионаже. Поскольку вся переписка Динклагэ с Германией просматривалась контрразведчиками, Динклагэ и вправду мог невольно стать причиной арестов его любовницы и жены, так как ранее писал им обоим из Берлина.

Переезжая из одного кантона Швейцарии в другой, Динклагэ ускользал от слежки, пока не явился в клинику Ди Виарнетто в Преграассоне, недалеко от Лугано, с жалобами на нервное расстройство. (Это был излюбленный прием немецких агентов “для избежания полицейского контроля”.) Его попытка действовать незаметно провалилась. Ни Вааг в Берне, ни руководство абвера в Берлине не рассчитывали на эффективность разведслужб Швейцарии, но они сработали ничуть не хуже, чем гестапо. Оказывается, швейцарская контрразведка подозревала, что доктор Диккен был главным агентом гестапо в Лугано, а Динклагэ взяла под наблюдение как шпиона еще в 1933 году — возможно, когда он жил в Варшаве. Затем Динклагэ переехал в Давос и наконец осел в Лозанне в гостинице “Де-ля-Пэ”, как-то умудрившись не заполнить при этом регистрационную карту. Через несколько дней об этом из-

вестили местную полицию, и информация была передана начальнику швейцарской разведки в Лозанне полковнику Ж. Жакийяру.

Тогда офицер швейцарской полиции навестил Динклаг в его отеле и изъяс дипломатический паспорт для проверки. Оказалось, что документ был выдан в Париже в 1935 году и действителен до апреля 1940-го. Швейцарцам это показалось более чем интересным, и штаб разведки в Берне незамедлительно начал официальное расследование. Позже, на допросе швейцарских офицеров, Динклаг негодовал. Он заявил инспектору полиции Декостеру, что его мать — урожденная англичанка, а он покинул Францию, потому что “не испытывал энтузиазма по поводу возвращения в Германию”. Барон был настолько обижен, что раздраженно требовал у Декостера “проверить некоторых клиентов бара гостиницы “Палас-отель” в Лозанне”, потому что они, дескать, выглядели подозрительно.

Если что и было подозрительным, так это то, что Динклаг теперь оказался в компании женщин “с дурной репутацией, с пристрастием к морфию и подозреваемых в шпионаже в пользу Германии”. Более того, швейцарская контрразведка выяснила, что вежливый бывший немецкий дипломат владел счетом в Объединенном банке Швейцарии (UBS), на котором лежала солидная сумма в 18 тысяч швейцарских франков (около 63 тысяч долларов в пересчете на современные деньги). Когда они связались с французскими коллегами, оказалось, что во Франции Динклаг слыл отъявленным бабником и проводил нелегальные

операции в Испании и Тунисе, а также что он и Кэтси поддерживали шпионскую сеть во Франции как до, так и после развода. Динклагге использовал свою привлекательную внешность и мужское обаяние, чтобы вербовать французов на Лазурном берегу. Элен Дессоффи была его любовницей, курьером и агентом. Позже швейцарцы узнали, что сорокалетняя германская принцесса Аделе фон Ратибор-Корвей, как и доктор Леонардо Диккен, получала письма из Франции для Динклагге.

Не останавливаясь на достигнутом, швейцарские власти запросили у своих французских коллег дополнительные сведения и выяснили, что парижский суд выдал ордер на арест барона по заявлению французской разведки и полиции: Динклагге был объявлен в розыск по обвинению в шпионаже против Франции.

И все же штаб-квартира разведки в Берне не имела вещественных и документированных доказательств того, что Динклагге нарушал законы Швейцарии и шпионил. Все-таки у него был действительный дипломатический паспорт гражданина Германии — и в такой напряженной ситуации в германо-швейцарских отношениях Берн не горел желанием провоцировать инцидент.

В конце концов Берн вежливо попросил Динклагге удалиться за пределы страны. В ноябре 1939 года барон покинул отель и закрыл свой счет в UBS. Каким-то образом ему удалось вывести 18 тысяч франков из страны и отправиться кататься на лыжах в Давос. Впоследствии контрразведчики узнали, что Алек-

сандр Вааг и барон Динклаге завербовали для абвера двух агентов: Ганса Риссера и его жену Гильду Риссер (кодовое имя агента 1001). Ганса арестовали. Проверя его немецкий паспорт, они не нашли в нем буквы J, обязательной для всех евреев. Поскольку Риссер на самом деле был евреем, швейцарцы решили, что он, скорее всего, агент. Ему пришлось провести следующие четыре года в швейцарской тюрьме. Его жена Гильда сумела пересечь границу с Францией, где стала выполнять задания абвера.

Обратный отсчет до начала блицкрига против Франции приближался к часу ноль, когда Динклаге и майор Вааг покинули Швейцарию и приехали в Берлин. Вскоре они вновь объявились в Париже, словно из ниоткуда, и вернулись в круг старых друзей.

В ночь с понедельника 10 мая на вторник 11 мая 1940-го Берлин погрузился во тьму. Несмотря на комендантский час, корреспондент журнала *Time* сообщал, что Адольф Гитлер, фельдмаршал Герман Геринг и доктор Йозеф Геббельс против своего обыкновения появились все вместе в одном из берлинских театров. Когда настало утро вторника, министр иностранных дел Германии Йоахим фон Риббентроп с бледным лицом и мутными после бессонной ночи глазами — пресс-конференцию срочно собрали в 8 утра — заявил журналистам: “Англия и Франция наконец сбросили маски”. Бельгия и Голландия тоже “в заговоре” против рейха, проскрипел он. Все в зале поняли, что герман-

ская военная машина вот-вот обрушится на Францию и маленьких нейтральных соседей.

Спустя считанные минуты вся Европа услышала по радио вкрадчивый голос доктора Геббельса, объяснившего, что “Голландия, Бельгия и Люксембург взяты под защиту рейха”. Первые полосы берлинских газет возвещали: “Германия стала защитницей напуганного и угнетенного континента”. В прямом эфире германского радио Уильям Л. Ширер, на тот момент берлинский репортер новостей Си-би-эс, передал в США срочные новости: Гитлер “вторгся” в Голландию и Бельгию. Гигантской косою армада танков и мотострелков скосила голландские и бельгийские соединения, когда бронетехника устремилась через густой Арденнский лес к французским погранпостам. Над Роттердамом немцы сбросили воздушный десант и захватили стратегические пункты. Специально обученные бойцы вермахта взорвали открытые сектора линии Мажино. Приказы Гитлера армии и флоту были предельно ясны: “Час решающей битвы за будущее германской нации настал... Эта битва определит судьбу народа Германии на тысячу лет вперед”.

Голландия и Бельгия капитулировали. Когда германские армии приблизились к Ла-Маншу, британские и французские войска начали эвакуацию в Дюнкерке, на песчаном берегу Северного моря. По словам Ширера, “здесь в Берлине большинство людей думают, что Гитлер теперь попытается завоевать Англию — но, может быть, он сперва попробует прикончить Францию”.

Париж охватила паника. Кэрмел Сноу писала в журнале *Harper's Bazaar*, что город “уже опустел”. “Такси исчезли. Все телефоны отключены. Можно пройти несколько миль и не встретить ни одного ребенка. Даже собак — а вы знаете, как любят парижане своих собак — и тех отослали подальше”. Управляющий “Рица” Эльмигер вскоре осознал, что ситуация безнадежна. Шанель, вероятно, слышала о разворачивающейся трагедии по французскому радио и по Би-би-си. Из Лондона приходили известия, что четыре миллиона французских мужчин, женщин и детей, вместе с бельгийскими беженцами, спешат на юг от германской армии.

Шанель колебалась. Ночи ее были полны пугающих теней. Она забывалась беспокойным сном после дозы морфия — шприц всегда был при ней. Оставшись одна, она тщательно искала надежного мужчину на замену шоферу, призванному в армию. Пыталась ли она позвонить Вестминстеру в Лондон? Недостаток информации добавлял беспокойства. Из своего окна на Вандомской площади Шанель видела “клубы черного дыма, затмевающего небо, — в три часа пополудни было темно, как в сумерках, когда лоскуты обугленной бумаги покрывали улицы города”. Люди думали, что это немцы сжигают все на своем пути, но нет — немцы находились еще в нескольких часах от города. Источником черного дыма были горящие нефтехранилища и документы, которые уничтожали посольства и министерства.

В тот день Клэр Бут Люс в Париже слушала по радио джаз, как вдруг музыка прекратилась, и с треском и дребезгом прозвучало объявление: “Мы передаем вам послание папы Пия XII”. Дрожащим голосом новый понтифик — избранный в марте 1939-го — обратился к народу Бельгии.

Немногие парижане представляли себе, как стремительно немецкая организованность, современные средства коммуникации и молниеносное нападение могут опрокинуть оборону Франции. 10 июня 1940 года армии Союзников были эвакуированы. Расторопный стервятник Муссолини объявил войну Франции.

Одиннадцатого июня Париж был объявлен открытым городом. Приятеля Шанель американского посла Уильяма К. Буллита видели плачущим перед алтарем собора Парижской Богоматери. Как и большинство парижан, Шанель отчаянно пыталась вырваться из города. Никто не знал, будет ли машина вермахта бомбить и опустошать Париж. Шанель договорилась с мадам Анжель Обер — своей правой рукой на протяжении тридцати с лишним лет, — с главной швеей Манон и горсткой других служащих о переезде в резиденцию Паласса в Корбере, неподалеку от города По. Она собрала вещи и отдала чемоданы носильщику. Недавно нанятый шофер-телохранитель отказался ехать на синем “роллс-ройсе” сквозь беспокойные толпы беженцев. Нашли “кадил-

лак”, и Шанель выехала из Парижа на юг, обгоняя отчаявшиеся массы людей и оставляя за спиной зловещие клубы густого черного дыма. Она знала, где ей в тот момент хотелось оказаться больше всего: с семьей Паласса в Корбере по ту сторону Пиренеев, неподалеку откуда жил после отставки ее первый любовник Этьен Бальзан. Она была уверена, что обретет там хотя бы временный покой.

Глава 7

ПАРИЖ ОККУПИРОВАН, ШАНЕЛЬ — БЕЖЕНКА

Для женщины предательство не имеет смысла — невозможно предать свою страсть.

ГАБРИЭЛЬ ШАНЕЛЬ

Шанель оставила позади зловещее молчание, накрывшее Париж. Французские министерства сожгли шифровальные книги, заперли здания и присоединились к потоку беженцев, стремящемуся на юг. Облака черного нефтяного дыма неслись над аспидно-серой Сеной. Церкви, памятники и парки опустели, жизнь в кафе замерла. Все коммуникации были отключены — словно какой-то ужасный катаклизм остановил жизнь.

Уильям К. Буллит, посол США в Париже, телеграфировал президенту Франклину Д. Рузвельту: «Авиация доказала свою решающую военную мощь... французам нечего было противопоставить [немцам], кроме своей храбрости... Было ясно, что Италия вступит

в войну, а маршал Филипп Петен пойдет на что угодно, лишь бы поскорее договориться с Германией”.

Спустя семь недель после ввода германских войск во Францию нацистская свастика взвилась над Эйфелевой башней. Через несколько дней Адольф Гитлер прибыл в Париж посмотреть, как солдаты вермахта триумфальным прусским шагом маршируют по Елисейским полям. Корреспондент Си-би-эс докладывал из Парижа:

Улицы совершенно опустели, магазины закрыты, ставни и жалюзи на всех окнах наглухо закрыты — пустынный город подавляет... У меня такое ощущение, что я наблюдаю здесь полный крах французского общества — коллапс французской армии, правительства, народного духа. В это почти невозможно поверить... Петен сдается! Что это значит? И ни у кого не хватает смелости ответить.

Поездка Шанель из Парижа в Корбер, расположенный недалеко от По, была трудной и иногда жуткой. Шофер Ларше вез ее на юг, медленно передвигаясь от города к городу, ища безопасный маршрут. Гитлеровские танки были уже в глубине Франции, а пикирующие бомбардировщики на бреющем полете обстреливали колонны беженцев, пытающихся укрыться под деревьями на обочинах узких дорог. Наступающие части вермахта вынудили миллионы отчаявшихся людей отправиться в путь по дорогам север-

ной Франции пешком, в переполненных автомобилях, грузовиках и на конных телегах. Скарб, запасные колеса и матрацы были навалены на них как попало.

В Корбере жена Андре Паласса Катарина вместе с детьми тревожилась, ожидая новостей от тетушки Коко. Семья уже несколько недель не получала весточки о солдате Палассе. Когда пронеслись первые трагические часы поражения Франции, они опасались худшего. Для Шанель дом семьи Паласс, скрытый в предгорьях Пиренеев, стал временным убежищем. Неподалеку находилось Думи — имение Этьена Бальзана, на чью помощь она могла рассчитывать.

Никто не знал, как далеко зайдут немцы. Корреспонденты радио Франции продолжали рассказывать, как британские и французские войска покидали французскую землю в Дюнкерке, ища убежища в Англии. Радиокорреспондент Си-би-эс Эрик Сиварейд передавал из Парижа: “С завтрашнего утра ни один американец не сможет вещать на Америку в прямом эфире, если только его не контролируют не-французы”. Французское правительство остановилось в Бордо, откуда премьер-министр Поль Рейно и Шарль де Голль надеялись продолжить сопротивление. Но это им не удалось. 84-летний маршал Филипп Петен хотел прекратить войну, и Рейно ушел в отставку. Генерал де Голль бежал в Лондон. Маршал Петен принял руководство тем, что осталось от Франции и ее обширных колоний за морями. В середине июня 1940-го этот герой Верденского сражения времен Первой мировой попросил у немцев перемирия.

Вскоре он установил режим Виши, настроенный на сотрудничество с нацистами. “Коллаборационист” — этот термин стал самым эмоциональным словом в политическом лексиконе оккупированной Франции. Корреспондент журнала *Time* писал: “Лучшее, на что могут надеяться французы, — это что им позволят мирно жить в Европе Адольфа Гитлера”.

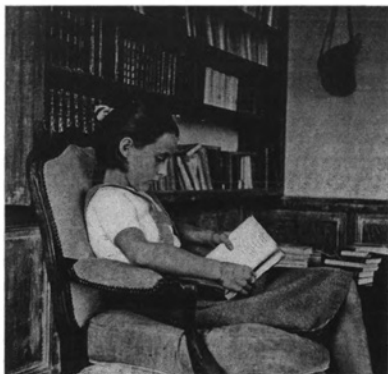
После того как Шанель и Ларше пересекли реку Гаронну близ Ажена, дороги стали свободнее. Достигнув предгорья Пиренеев в Думи, они свернули к востоку на проселочную дорогу и нашли дом Палассов в Корбере. Катарина Паласс (урожденная голландка Ван дер Зее), Этьен Бальзан с женой и внучатые племянницы Шанель, Габриэль четырнадцати лет и Элен — двенадцати, встретили ее “с огромным облегчением”. Любимицей Шанель была Габриэль — энергичная и самостоятельная девочка. “Дядя Бенни”, герцог Вестминстер, из-за миниатюрной фигурки называл ее Крошкой. Прозвище к ней прилипло.

Воссоединение семьи в Корбере было исполнено драматизма и пафоса. Вести об Андре пришли от Международного комитета Красного Креста: он был жив, но попал в плен в одном из укреплений линии Мажино в числе 300 тысяч французских солдат, которых отослали в лагеря военнопленных в Германии. Семья Паласса вздохнула с облегчением. “Наверняка он скоро окажется дома, — вспоминает свои мысли Габриэль Паласс Лабрюни. — Война скоро кончится, папа

вернется домой”. Через несколько дней Анжель Обер, Манон и с десятков других работниц Шанель прибыли из Парижа и присоединились к ее кружку — все они были беженцами из Города света. Позже из близлежащего По к ним приехала Мари-Луиз Буске — близкая подруга Миси Серт. Жизнь в доме Палассов была отдыхом после парижского хаоса. Еды было вдоволь, местные виноградники радовали прекрасным янтарно-белым *vin du pays*¹, а Мари, семейный повар, отлично готовила. Время от времени собиралась небольшая компания. Катарина, Шанель, Бальзаны, Мари-Луиз Буске ужинали вместе. Дети ели раньше. Габриэль Паласс: “Дома детей должно было быть видно, но не слышно”. Мадам Обер, Манон и другие работницы Шанель жили и обедали во флигеле. Но Крошка завтракала вместе с тетей Коко в ее комнате.

Сразу после полудня 17 июня французское радио прервало свое обычное вещание. В тот понедельник в доме Палассов, как и во всей Европе и Британии, услышали, как маршал Петен объявил о капитуляции Франции — и попросил Гитлера назвать условия перемирия. “Вы, народ Франции, должны последовать за мной без оглядки по пути чести и национальных интересов. Я дарю себя Франции, чтобы уменьшить ее беды. Я думаю о несчастных беженцах на наших дорогах... я чувствую только сострадание к ним... с тяжелым сердцем я говорю вам, что сегодня мы должны прекратить сражаться”.

1 Местное марочное вино (*фр.*).

Любимая внучатая племянница Шанель Габриэль Паласс в возрасте 11 или 12 лет в библиотеке дома Палассов в Корбере накануне Второй мировой. Во время войны мадемуазель Паласс познакомилась в Париже с бароном фон Динклагге.

Шанель была ошеломлена. Она ушла к себе в комнату и плакала. Габриэль вспоминала: “Когда тетя Коко узнала, что Франция разбита, она была безутешна несколько дней. Она называла это предательством”. После разгрома в мае–июне 1940-го и оккупации Франции среди французов было распространено мнение, что их предали коррумпированные политики и высшие военные чины. Но вскоре на смену подозрениям пришло доверие к герою Франции маршалу Филиппу Петену, когда он возглавил правительство Виши.

Племянник Шанель Андре Паласс в Париже накануне Второй мировой войны. Он был взят в плен на линии Мажино в 1940 г. и интернирован в немецкий шталаг¹. Шанель сумела вызволить Андре, согласившись сотрудничать с германской разведкой — АБВЕРом.

В последующие недели семья узнала, что генерал де Голль выступил с обращением к Франции с лондонского Би-би-си.

Медленно и обычно из подпольных листовок, распространяемых антифашистами, люди по всей

¹ *Stalag* (нем.), сокращение от *Stamm-lager* — лагерь общего режима для младших офицеров и рядовых.

стране узнавали об обращении де Голля 18 июня 1940 года к французским гражданам: “Франция проиграла битву, но не войну. Пламя сопротивления не должно умереть — и не умрет...” Но в 1940-м мало кто во Франции знал этого 55-летнего генерала. Только позже, из радиопередач лондонского Би-би-си, населению стало известно о Французском освободительном движении, созданном в Лондоне и возглавленном де Голлем. В 1940 году лишь горстка французских офицеров присоединилась к Сопротивлению. Друзей у де Голля не прибавилось, когда он заклеил маршала Петена “крахом Франции”. Один французский солдат, послушав де Голля по радио в кафе, заметил: “Этот парень у нас уже вот где сидит”.

Маршал Петен лишил генерала де Голля — своего бывшего протеже — всех чинов и званий и уволил из армии, которой тот служил всю сознательную жизнь. Затем де Голль был приговорен к смертной казни за измену. Для многих французов капитуляция была спасением: Франция могла избежать кровопролития, как в 1914–1918 годах. При Петене большинство политиков Франции и всей Европы верили: лучше Гитлер, чем Сталин, — и надеялись, что Гитлер обратит свое оружие против Советского Союза.

Когда лето подошло к концу, Шанель захотела вернуться в Париж, где ее парфюмерный бизнес требовал внимания. “В конце концов, — говорила она позже, — не все немцы были бандитами”.

Двадцать второго июня 1940 года нацистская машина пропаганды предложила вниманию радиослушателей унизительное поминутное описание разгрома Франции и в деталях рассказала о подписании договора о перемирии. А 22 года назад на той же самой железной дороге в Компьенском лесу, близ станции Ретонд, французы приняли капитуляцию Германии. Ветреным субботним утром французский генерал Шарль Хюнтцигер подписал капитуляцию Франции перед германским высшим командным составом и сделал Францию вассалом Германии. При этом присутствовали Гитлер, Геринг, Риббентроп и Рудольф Гесс, был там и начальник Динклаге — генерал Вальтер фон Браухич. Уильям Л. Ширер, освещавший мероприятие для новостей Си-би-эс, описывал американским слушателям взгляд Гитлера, полный “презрения, злости, ненависти, мести, ликования”.

За тридцать восемь дней фюрер Третьего рейха достиг того, чего армия кайзеровской Германии не сумела добиться за четыре года кровавой войны в 1914–1918 годах, стоившей жизни миллионам людей. Гитлер осуществил германскую мечту: Париж был у его ног.

После подписания перемирия в Ретонде Гитлер поехал в Париж. Там кинохронисты всего мира запечатлели фюрера вышагивающим по ступенькам дворца Шайо в парке Трокадеро. Кинокамеры неспешно показывали панораму германских завоеваний: Эйфелева башня с нацистской свастикой, развевающейся на ветру, сады Марсова поля и почти восьмисотлетние башни-близнецы собора Париж-

ской Богоматери. Из нацистской пропаганды следовало, что Великобритания должна стать следующим блюдом в меню фюрера.

Перемирие разделило Францию на *la zone occupée* (оккупированную зону) и *zone non occupée* (неоккупированную зону, или *zone libre* — свободную зону), вскоре французы стали называть их *zone O* и *zone nono*. Новые правители Франции провели демаркационную линию между севером и югом страны — абсолютно чуждую границу, серьезное препятствие передвижению людей и помеху для бизнеса и торговли. С июня 1940 года французские граждане должны были иметь *laissez-passer* или *Ausweis*, то есть пропуск для перемещения между зонами. Пропуска никогда не выдавали автоматически, они были привилегией, за их выдачей внимательно следило гестапо. Даже министрам Петена надлежало получать разрешение, чтобы проехать из Виши в Париж. Для французов демаркационная линия была унижительным кошмаром.

Через шестнадцать дней после капитуляции Франции премьер-министр Черчилль, опасаясь, что французский флот попадет в руки немцев, приказал британским ВМС потопить французские военные корабли, стоявшие на якоре в алжирском порту Мерс-эль-Кебир, там их было предостаточно. Тысяча триста французских моряков погибли; раненых было еще больше. Это стало позором для Франции и рассматривалось как акт предательства со стороны бывшего

союзника. Маршал Петен и его министры-англофобы ухватились за повод разорвать дипломатические отношения с Британией. Теперь Петен объявил, что нации нужна “национальная революция”, посвященная “труду, семье и отечеству”. Британцы заблокировали французские порты, пока штаб Гитлера планировал операцию по форсированию Ла-Манша и нападению на Англию. Битва за Британию началась.

Виши — новая штаб-квартира маршала Петена — оказался в руках тех, кто хотел участвовать в “новом порядке” гитлеровской Европы. Они были уверены, что Германия разобьет Британию и станет мощной силой в борьбе против коммунизма и международного еврейства. Вскоре нацисты заставили Петена назначить на пост вице-премьера фанатичного антикоммуниста и антисемита Пьера Лавалья. Не прошло и трех месяцев после подписания Петеном соглашения о перемирии с нацистами, как вишистские министры подготовили первый “закон о евреях”. Петен не только подписал закон, но и собственноручно дописал в него несколько ограничений для евреев в неоккупированной зоне: дал определение евреям и запретил им занимать уважаемые в обществе должности (например, врачей и адвокатов), чтобы лишить их влияния на общественное мнение. Документ вступил в законную силу 3 октября 1940 года, за три недели до того, как немцы издали такой же указ для Парижа и оккупированной зоны. Тезис о том, что Петеном манипулировало антисемитское окружение в Виши, оказался мифом.

Поскольку Виши теперь стал резиденцией французского правительства на неоккупированной территории, Шанель захотела поехать туда. Она была полна решимости вернуться в Париж через Виши. Она знала Пьера Лавалья, ставшего первым заместителем Петена, через его дочь Жозе Лаваль де Шамбрюн (жену адвоката Шанель Рене де Шамбрюна), и нескольких жен вишистских министров — ее бывших клиенток и подруг из Парижа и Довиля.

Недалеко от Корбера шоферу Шанель Ларше удалось найти достаточно бензина, чтобы заправить прожорливый “кадиллак”, а топливо, которое не поместилось в бак, было слито в жестяные банки и уложено в багажник автомобиля. В компании Мари-Луиз Буске Шанель отправилась в Виши. Годы спустя Габриэль Паласс Лабрюни, которой тогда было 14 лет, с грустью вспоминала отъезд тетушки Коко в лимузине. Ее поразило, что Мари-Луиз — дама высшего света — чуть не упала в туфлях на высокой платформе, направляясь к машине через мощный булыжниками внутренний двор. Больше года спустя Крошка получит пропуск, чтобы присоединиться к Шанель в Париже. В следующие месяцы семье Палассов не попадался на глаза ни один немец. Наконец пришла весточка от Андре в открытке швейцарского Красного Креста — он был жив, но болел.

Девочек продолжала учить мадам Лефевр — беженка с севера Франции. Они проводили дни за занятиями и готовились к экзамену на государственный аттестат зрелости — *brevet élémentaire*. Уже в восемь

вечера они должны были быть в постели — французские селяне вставали с рассветом и рано ложились спать. Потом в имение стали наведываться немецкие военные из гарнизона в По, чтобы реквизировать продукты, кроликов, свиней и кур.

Шанель прибыла в Виши в конце июля. Ее шофер без происшествий проехал 270 миль (434 км) по проселочным дорогам вдоль реки Алье. После капитуляции Франции эти места были заняты германскими танковыми батальонами и пехотой. Беженцы возвращались домой, а у немецких войск был приказ вести себя безупречно.

Когда-то Виши был сонным городком на берегу реки Алье. Вплоть до войны пожилые мужчины собирались в казино поиграть, попить целебной водички, поглазеть на симпатичных официанток и купить их расположение. В июле, когда приехала Шанель, город был наводнен примерно 130 тысячами политиков, дипломатов, проституток и секретных агентов, что расположились в комнатухах, наспех устроенных в бывших игорных залах или же в неотопливаемых гостиничных номерах, переоборудованных под кабинеты. Их архивы, привезенные из Парижа, громоздились в ваннах комнатах. Стены всех помещений были облагорожены ликами маршала Петена, грозно взиравшего на работу бюрократов.

Когда Шанель и Мари-Луиз приехали в Виши, в городе царил дух пошлой ярмарки, пульсирующей энергией сексуального и иного рода. Жизнь была ключом в кабаре, ночных клубах и борделях, которые обслуживали гражданских чиновников, политиков и профессиональных прихлебателей. Парижский приятель Шанель, высокопоставленный чиновник Андре-Луи Дюбуа утверждал, что в Виши она встретила Мисю Серт. Дюбуа вспоминал, что все три дамы поселились в его гостиничном номере, а не в изящных апартаментах, как писали некоторые биографы Шанель. (Якобы комнаты Дюбуа были свободны, так как ему как раз посоветовали уехать из Виши, поскольку стало известно, что он помогал евреям получать визы для отъезда в Америку.)

В Виши дамы столовались в гостинице “Дю Парк”. Биографы Шанель рассказывают, как она была потрясена поведением одной женщины, обедавшей рядом, — та была в огромной шляпе, смеялась и пила шампанское. Для Шанель — возможно, и для Миси тоже — веселье было неуместно, когда французы оплакивали свое поражение от рук извечных врагов с другого берега Рейна. Шанель отпустила едкое замечание: “Да здесь сезон в разгаре!” Услышав это, господин по соседству обиделся и воскликнул: “На что вы намекаете, мадам?” Шанель отвернулась со словами: “Я хочу сказать, здесь всем очень весело”. Мужчину успокоила жена.

У Шанель была причина остановиться в Виши, нынешней резиденции правителей Франции. Она

была готова пойти на все, чтобы освободить своего племянника Андре из плена — если она и не встречалась с Лавалем лично, то уж точно получила совет от влиятельных вишистских лидеров.

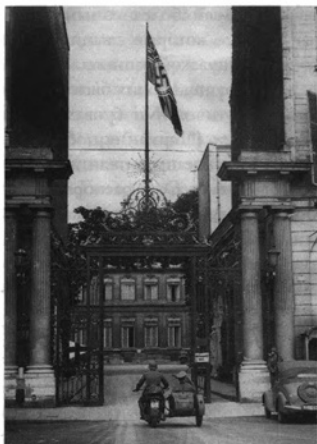
Должно быть, сердце Шанель разрывалось, когда она узнала, что Андре был лишь одним из миллионов французских солдат в немецких лагерях военнопленных — шталагах. Уже в 1940 году знающие люди были уверены, что нацисты не преминут использовать пленников как заложников для торга. Если она хотела освободить Андре, это нужно было делать через влиятельных германских чиновников — и она возвращается в Париж, полная решимости действовать.

Шанель вернулась в Париж, утопающий в красно-черных знаменах со свастикой, они были растянуты на Триумфальной арке, на Эйфелевой башне, над зданиями парламента и министерств, над Елисейским дворцом. На протяжении следующих четырех лет парижанам приходилось видеть и слышать атрибуты германских захватчиков. Каждый день солдаты вермахта маршировали прусским шагом под звуки военных маршей по Елисейским полям к площади Согласия. “Риц” превратился в крепость, обложенную мешками с песком. Вход охраняли солдаты элитных германских частей в серо-зеленой форме, они салютовали оружием гостям из нацистской верхушки, при этом офицеры громко выкрикивали *Heil Hitler*, выбрасывая вперед руку в приветствии.

Но все же самым болезненным ударом были огромные флаги, которые нацисты повесили на фронтоне Французской национальной ассамблеи и на Эйфелевой башне. На них было написано жирными черными готическими буквами: *Deutschland siegt an allen Fronten* ("Германия побеждает на всех фронтах"). Нацистские правители дополняли поражение оскорблениями. Они распорядились установить изображение Адольфа Гитлера в центре передней стенки трибуны, за которой заседал президент парламента Франции.

Адольф Гитлер во время единственного визита в Париж после капитуляции Франции. Июнь 1940 г.

ЧТОБЫ УНИЗИТЬ ФРАНЦУЗОВ, НЕМЦЫ
УСТАНОВИЛИ ФЛАГ СО СВАСТИКОЙ НА ЗДАНИЕ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ФРАНЦИИ.
Париж, 1940 г.

На парижских улицах было полно солдат вермахта и моряков кригсмарине. Они гуляли по Елисейским полям, по улицам Риволи и Руаяль и таращились в витрины магазинов на роскошные вещи, которых раньше никогда не видели. Они скупали сувениры за французские франки, на которые меняли раздутые рейхсмарки. “Благодаря искусственно завышенному обменному курсу для оккупантов все

было дешевле”. Они были формально корректны, вежливо бормотали *danke schön, Fräulein*¹ продавцам магазинов и махали прохожим девицам, проявлявшим несколько чрезмерную готовность пофлиртовать со статными арийскими парнями, тоскующими по дому и соскучившимися по женскому обществу.

Осенью 1940 года около 300 тысяч немецких чиновников и военных оккупировали Париж и его пригороды. Они расселились по виллам и квартирам, прогнав французских жильцов и хозяев, открыли собственные публичные дома и присвоили себе любимые гостиницы, рестораны и кафе. Большинство парижан приспособились к оккупации. Многие повесили портрет Петена в рабочем кабинете или дома. Немцы владели Францией: широкие бульвары, памятники, даже киоски на углах улиц были разукрашены нацистской символикой и плакатами, предупреждающими местных жителей на немецком и французском языках о необходимости подчиняться оккупационным указам, порядку нормирования продуктов и строго соблюдать комендантский час, иначе — наказание.

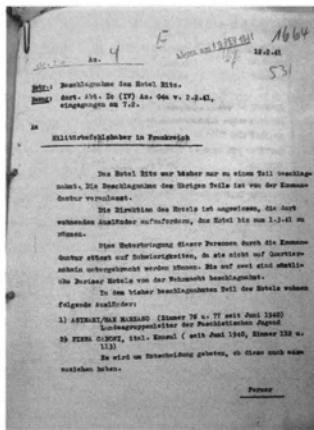
Повсюду крытые “мерседесы”, вымпелы полощутся на ветру, а камуфлированные патрульные машины вермахта разъезжают по почти пустым улицам города. Обыватели поставили свои автомобили в гаражи, так как из-за нормирования топлива было не достать ни для отопления жилья, ни для машин.

1 Большое спасибо, фрейлейн (нем.).

СОБРАНИЕ ГЕРМАНСКИХ ОФИЦЕРОВ, ВОЗМОЖНО, В ПАРИЖСКОЙ ОПЕРЕ, ОКОЛО 1940 Г. ВЕРОЯТНО, НА ФОТОГРАФИИ ЗАПЕЧАТЛЕН ДИНКЛАГЕ (ВВЕРХУ, ВТОРОЙ СЛЕВА) В ФОРМЕ ОФИЦЕРА ВЕРМАХТА.

Для Динклаге — офицера германской кавалерии с семнадцати лет, ветерана кровавых сражений Первой мировой на русском фронте и агента германской разведки с более чем двадцатилетним стажем — Вторая мировая война стала осуществлением немецкой мечты о *Lebensraum*, “жизненном пространстве, предназначенном Германии по законам истории... пространстве, которое нужно было забрать у других”.

Официальное письмо из штаба
 германских войск в Париже с докладом
 о том, что отель "Риц" забронирован
 для высокопоставленных германских чинов.
 В числе иностранцев, которым разрешено
 проживание, — мадемуазель Шанель.

Однажды свежим осенним утром 1940 года прохожие на проспекте Клебер увидели, как внезапно резко затормозил штабной военный "мерседес". Из него вышел немецкий офицер и окликнул старую знакомую, шедшую пешком по шикарному проспекту. Немцем в военной форме был барон Ганс Гюнтер фон Динклаге сорока четырех лет. Он

Хэл Вон. В постели с врагом

CARRE Mr	(U.S.A.)	206
CHANEL Melle.	(FRANZ.)	227.228
CHAMAT Mr	(France.)	226
CHOUKAT	(France.)	230
CHOUKAT Mr Moe	(France.)	261.262
CHOUKAT Melle U.S.Moe	(France.)	263
CHOUKAT Moe	(U.S.A.)	269
CHOUKAT OF WAR Mr.Moe	(Belg.)	301
CHOUKAT Mr.	(Belg.)	302
CHOUKAT Mr Moe	(France.)	207.208
CHOUKAT DE WEA Moe	(Belg.)	223.224
CHOUKAT Moe	(France.)	261
CHOUKAT S.A. Top. France	(Belg.)	263.264
CHOUKAT Moe	(France.)	214
CHOUKAT Mr	(Belg.)	292
CHOUKAT Melle	(France.)	221
CHOUKAT Melle	(Belg.)	306
CHOUKAT Melle	(U.S.A.)	221
CHOUKAT Mr.	(France.)	207.208
CHOUKAT Moe Moe	(Belg.)	304.305
CHOUKAT Mr	(France.)	205
CHOUKAT Mr	(France.)	303
CHOUKAT Mr	(Belg.)	308
CHOUKAT Mr	(Belg.)	303.304
CHOUKAT Moe Moe Moe	(France.)	224
CHOUKAT Moe Moe Moe	(Belg.)	221
CHOUKAT Moe Moe Moe	(France.)	226.227
CHOUKAT Moe Moe Moe	(Belg.)	221
CHOUKAT Moe Moe Moe	(France.)	226.227

Список нескольких гражданских
постояльцев, которым нацисты разрешили
жить в отеле "Риц". Фамилия Шанель, номер
227-228, во второй строчке: CHANEL MELLE,
(FRANZ.) 227.228.

выскочил из машины поприветствовать мадам Татьяну дю Плесси — с ней и ее мужем он был знаком еще на Лазурном берегу и во время работы в германском посольстве в Варшаве. В эту секунду мадам дю Плесси поняла, что дружелюбный Шпатц был не измученным журналистом, каким прикидывался, уехав из Польши, а опытным офицером германской разведки.

Появление Шпатца удивило Татьяну.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

— Работаю, — ответил он.

— И в чем же теперь заключается твоя работа? — повысила голос Татьяна.

— Я военный разведчик.

— *Tu es un vrai salaud!*¹ — взорвалась она. — Ты выдавал себя за бедного журналиста, втерся к нам в доверие, соблазнил мою лучшую подругу, а теперь заявляешь, что шпионил за нами все это время!

— *À la guerre comme à la guerre*², — ответил Шпатц и как ни в чем не бывало пригласил Татьяну на ужин.

“Я даже чуть было не согласилась, — призналась Татьяна впоследствии и добавила: — Он прикидывался жертвой гитлеровского расизма, одевался в лохмотья, ездил на битой перепроданной машине... Он закрутил роман с Элен Дессоффи, потому что у нее был дом рядом с крупнейшей военно-морской базой Франции — Тулоном, а мы все попались на удочку этого мерзавца”.

Динклагс вернулся во Францию. Французская служба безопасности и Второе бюро знали о его перемещениях в Швейцарию и обратно. Знали они и о том, что он вернулся в Париж с немецкими оккупационными властями. На протяжении следующих четырех лет французские контрразведчики внутри страны и члены Сопротивления де Голля в Лондоне следили за ним и докладывали о действиях своего давнего оппонента.

1 Ах ты, сволочь! (фр.)

2 На войне как на войне (фр.).

В пятьдесят семь лет Шанель снова была готова влюбиться, и в 1940 году случился удивительный роман, когда у нее появился преданный поклонник — Динклаг, старший офицер германских оккупационных войск. Он станет последней большой любовью Шанель. До наших дней дожила только одна свидетельница, знающая подробности о романе Шанель и Динклаг во время войны. Габриэль Паласс Лабрюни встретила Динклаг в оккупированном Париже в конце 1941 года, ей было тогда пятнадцать, и она навещала тетюшку Коко. Она вспоминает: “Шпатц был симпатичен, привлекателен, умен, хорошо одевался и излучал обаяние — он много улыбался и свободно говорил по-французски и по-английски... Красивый, безупречно воспитанный, он стал нам другом”. Она видела, как он очаровывал Шанель: “Он был тем крепким плечом, в котором нуждалась тетя, и он хотел помочь ей вернуть домой Андре”.

В течение нескольких следующих лет Динклаг курировал контакты Шанель с нацистскими официальными лицами в Париже и Берлине. По всей видимости, именно он договорился с верховным командованием германских войск в Париже, чтобы Шанель разрешили занять апартаменты на седьмом этаже отеля “Риц” в крыле Камбон. Это расположение было удобно, так как черный ход отеля находился в нескольких метрах от ее бутика и роскошной квартиры на rue Камбон, 31. Странная история о том, что какой-то немецкий генерал увидел расстроенную Шанель, вернувшуюся в Париж, в фойе “Рица”

и ни с того ни с сего приказал поселить ее в отеле, не может быть не чем иным, кроме как очередным очаровательным мифом. Только Динклагге или иной высокий чин мог добиться для нее разрешения жить в “Рице”, в номерах для “частных гостей”, зарезервированных для друзей рейха. Стоит только прочесть германское предписание: “По приказу из Берлина “Риц” забронирован исключительно для временного проживания особо важных персон. Отель “Риц” занимает первое и исключительное место среди реквизируемых гостиниц”. В самом деле, в период оккупации лишь в единичных случаях не-немцам (*Ausländer*¹) предоставлялась привилегия остановиться в “Рице”. Комнаты Шанель (227–228) располагались рядом с комнатами коллаборационистки Ферн Бедо (243, 244, 245); пронацистская семья Дюбонне (263) и мадам Мари-Луиз Риц (266, 268) — жена основателя отеля Сезара Рица — жили на том же этаже.

Каждый, кто входил или выходил из “Рица”, должен был предъявить документы часовым, дежурившим у обложенного мешками с песком входа круглые сутки. Правая рука Гитлера, главнокомандующий люфтваффе и всеми оккупированными территориями Герман Геринг, располагался в королевских апартаментах “Рица”. Другие роскошные номера были зарезервированы для министра иностранных дел Йоахима фон Риббентропа, Альберта Шпеера — министра вооружения и военного производства, ми-

1 Иностранцам (нем.).

нистра внутренних дел доктора Вильгельма Фрика и еще ряда нацистских генералов.

Для тех соотечественников, которым был разрешен вход в “Риц”, германское высшее командование издало “строгие” распоряжения о внешнем виде: “Внутри здания запрещалось ношение всех видов оружия” (рядом со входом было оборудовано помещение для хранения оружия), “манеры должны были быть идеально корректными, вход младшим офицерским чинам был запрещен”. Иностранцам требовалось приглашение для входа в отель.

Какой же была обстановка в “Рице” в 1940 году? Сохранилось декоративное отпечатанное меню от 14 июня, когда немецкие официальные лица заняли отель. В этот момент отчаяния французов, пока сотни тысяч семей бежали от наступления немцев, первым нацистским гостям военного времени “Риц” предлагал великолепное меню. Обед состоял из грейпфрута — редкость в военное время — и главного блюда на выбор: *filet de sole au vin du Rhin* (морской язык в сухом рейнвейне, явное подобоострастие по отношению к завоевателям) или *poularde rôtie*¹ с гарниром из жареного картофеля, свежий горошек и спаржа с голландским соусом. На десерт — свежие фрукты в ассортименте.

Позже, когда французские семьи были на грани голодной смерти, высшие немецкие чины и их гости по-прежнему обедали в ресторане “Рица”. Один

1 Цыпленок с гренками (фр.).

немецкий офицер в первые дни оккупации писал: “В такие времена хорошая и обильная пища дает ощущение силы”.

Кокто, Серж Лифарь и Рене де Шамбрюн получили разрешение от нацистов столоваться в “Рице”. Они наслаждались здесь обедами и ужинами, нередко как гости Шанель за “ее” столиком, бок о бок с нацистской элитой, включая частых гостей из Берлина — Йозефа Геббельса, бывшего начальника Динклагге, и Германа Геринга, поклонника и покровителя Лифаря. Лифарь — некогда любовник Сергея Дягилева, основателя “Русского балета” — время от времени проживал в “Рице”. Лифарь познакомился с Гитлером во время единственного визита фюрера в Париж, сразу после разгрома Франции. После этого Геринг назначил Лифаря балетмейстером Парижской оперы. Шанель считала: “Немцы культурнее французов — они не обращали внимания на [таких как] Кокто, потому что знали, что их творчество — обман”.

Еще одним гостем был протеже Динклагге барон Луи де Вофрелан Пискатори.

Зима 1940/41-го выдалась ужасно холодной — но в “Рице” было не так уж плохо. Шанель “повсюду видели со... Шпатцем Динклагге”. Писатель Марсель Эдрих утверждает, будто Шанель сказала ему: “Я никогда не смотрела на немцев, и их раздражало, что женщина, все еще неплохо выглядящая, совершенно их игнорирует”. Повторяет Эдрих и еще один миф: “Шанель ездила на метро. Там не воняло, немцы боялись эпидемий и следили,

чтобы повсюду брызгали крезолом [сильный антисептик]". (Это едва ли возможно; будучи пассивней старшего германского офицера, Шанель всегда могла получить в свое распоряжение автомобиль.)

Для привилегированного меньшинства, к которому относилась Шанель и ее окружение, Париж военного времени ничем не отличался от Парижа мирного. Светская жизнь продолжалась, как раньше: ночные клубы и кабаре процветали. Динклагге часто ужинал в ресторане *Maxim's*, где немецкие офицеры и чиновники каждую ночь наслаждались лучшей французской кухней. Шанель и Динклагге были гостями в опере Сержа Лифаря и на его вечерах с черными галстуками и фраками. Лифарь, Кокто и Шанель часто заходили на ужин при свечах (из-за экономии электричества) в квартиру Серта на улице Риволи, 252. Серт развлекал гостей историями о британских и американских шпионах в Мадриде. Он часто туда ездил. В 1940 году он договорился с правительством Франко, что будет получать дипломатическую почту как посол Испании в Ватикане, но жить при этом в Париже. Семья Серта и их друзья лакомились продуктовыми наборами, которые получали из нейтральной Испании в мешочках дипломатической почты.

Шанель предпочитала устраивать ужины в узком кругу в своей квартире на рю Камбон, где были выставлены ее драгоценности и прекрасные коромандельские ширмы. Еду готовил ее личный повар, а стол накрывала верная служанка Жермена, вер-

Ресторан отеля "Риц", 1939 г. Во время "странной войны" парижская элита обедала в роскошной обстановке, выбирая блюда из изысканного меню, составленного шеф-поварами отеля.

нувшаяся в Париж. На этих вечерах с возлюбленным Динклаге Шанель пела и играла на фортепьяно для друзей. Потом, когда гости уже развлекались сами, они с Динклаге пересекали улицу Камбон и через черный ход "Рица" поднимались на третий этаж в ее скромный номер с побеленными стенами, как в приюте Обазина.

Коллаборационистка Ферн Бедо, соседка Шанель по "Рицу", докладывала графу Йозефу Леде-

ОБЫЧНАЯ СЦЕНА ВО ВРЕМЯ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ —
ГОЛОДАЮЩИЕ ПАРИЖАНЕ ИЩУТ В МУСОРЕ ОБЪЕДКИ.
СЕНТЯБРЬ 1942 Г.

бур-Вихельну, связному абвера (хотя сама Бедо могла и не знать, что граф тоже агент), что Динклагге навещал Шанель каждый день. Также Бедо рассказала Ледебуру, что Шанель наркозависима.

Близкий друг Шанель Поль Моран, наградивший ее прозвищем “ангел-истребитель стиля девятнадцатого века”, занимал во время оккупации важный пост в правительстве Виши. Он и его прогермански настроенная жена Элен давали званые

обеда, на которые приглашали Шанель с ее кружком друзей: вездесущий Кокто, писатель Марсель Жюандо и его некогда красивая, эксцентричная жена, танцовщица эротического балета Кариатида. Старая приятельница Шанель, до Первой мировой войны обучавшая ее танцам, Кариатида теперь хоть и была в годах, но близко дружила с Андре Жидом.

Однако по-настоящему веселыми были вечера, когда Шанель ужинала с некогда близким другом Динклагге, франкофилом и послом рейха в Париже, Отто Абецем и его прекрасной женой-француженкой Сюзанной. Их роскошные ужины в парижской резиденции посла в отеле “Богарне” на улице де Лилль, 78 (позади которого тогда находился вокзал д’Орсе) были предметом зависти сливок парижского и оккупационного общества. Залы Абеца были увешаны дорогими картинами, украденными из апартаментов семьи Ротшильд.

После Абеца самым популярным среди парижской элиты гостеприимцем считался бывший адвокат и журналист Фернан де Бринон, ныне — представитель правительства Виши в Париже, и Шанель часто обедала в его особняке. Лауреат двух книжных премий Иэн Осби, историк немецкой оккупации времен Второй мировой войны, категоричен в оценке поведения Шанель за столом: “Коко Шанель... давала себе волю в антисемитских высказываниях” на вечерах у Абеца и Бринона. Приглашение на такое мероприятие служило билетом в высшее нацистское общество. Дочь Пьера Лаваля Жозе, давняя

подруга Шанель, и ее муж Рене де Шамбрюн были постоянными гостями Абеца на приемах в германском посольстве. Рене по прозвищу “Банни” прославился одним своим едким замечанием — когда его тесть Лаваль и маршал Петен пришли к власти в Виши, он повторил слова Лавала: “Вот так свергается республика”.

Жозе возбужденно описывала вечеринки у Абеца: “Шампанское лилось рекой, а немецкие офицеры в белых галстуках и великолепной форме говорили только по-французски. Светская жизнь вернулась вместе с нашими друзьями и новыми гостями — немцами”.

Жозе была в восторге от рождественского праздника 1940 года — первого года немецкой оккупации, — тогда как для рядовых парижан это был весьма напряженный момент. Немцы только что казнили двадцативосьмилетнего Жака Бонсержана в парижском пригороде Мон-Валерьен — он был первым гражданским лицом, представшим перед немецким расстрельным взводом. Но для Жозе...

В затемненном Париже царил веселье. Абец наполовину в штатском, наполовину в военной форме [Абец был в чине подполковника СС] и его жена Сюзанна суетились возле роскошного шведского стола, в то время как грузный консул Германии в Париже генерал Рудольф Шляйер низко кланялся дамам и целовал им ручки, как и генерал люфтваффе Ханессе в белой форме — его грудь

была увешана наградами. [По-видимому, генерал Ханессе заслужил награды, убивая французов.] Шампанское лилось рекой; немецкие офицеры, особенно пилоты, в парадной форме приглашали дам танцевать и порхали, как бабочки, и никто не говорил по-немецки. Это был действительно французский праздничный вечер, ведь немецкий язык на нем был запрещен. Офицеры соревновались в знании языка Рабле... Никто не вспоминал о войне. Все мы думали о мире, об окончательном мире, немецкий мир победит весь мир с одобрения Сталина и Рузвельта... лишь Англия упорствовала в противостоянии немцам.

Повседневная жизнь обычных парижан, напротив, была сплошным испытанием той рекордно холодной зимой — и каждая следующая зима казалась еще холоднее. Им не устраивали вечеринок с шампанским. Угля для топки было не достать, газоснабжение дышало на ладан, а электричество часто отключали. Бензин для автомобилей иногда можно было найти на черном рынке, но большинство автовладельцев переоборудовали двигатели под природный газ — два баллона на крыше машины. Некоторые приспособили свои авто работать на древесном угле. С каждым месяцем оккупации жизнь становилась все труднее.

В течение нескольких недель после прихода немцев в Париж с прилавков было сметено все подчистую, а потом появилось на черном рынке вдвое и втрое до-

роже прежнего. За несколько месяцев немцы установили режим искусственного голодания. Фельдмаршал Геринг постановил, что французы должны потреблять 1200 калорий в день — лишь половину энергии, необходимой в среднем работающему мужчине или женщине для выживания. Старикам полагалось 850 калорий в день. Эти нормы были уму непостижимы.

Каждый товар был нормирован. Больше всего страдали старики, они рисковали серьезно заболеть или умереть от переохлаждения или недоедания, так как не могли поддерживать тепло в жилище долгими холодными и промозглыми месяцами военных зим. Американская больница в Нёйи, продолжавшая работать под руководством американского доктора и швейцарского управляющего Отто Грессера, обеспечивала питание пациентов благодаря договоренности с богатым французским землевладельцем — он продавал больнице картофель по умеренной цене. Продукты перевозили на больничную кухню в машине “скорой помощи”. Грессер рассказывает, как вино меняли на картошку: “У нас было 250 пациентов... Французские власти установили норму — каждому пациенту пол-литра вина в день, и вскоре у нас было вина больше, чем больные могли выпить. А фермеры как раз не могли достать вина. Мы взяли 500 литров вина и обменяли их на пять тонн удобрений. Один фермер дал нам за эти удобрения 10 тонн картошки... Мы выдали по 50 кг картофеля каждому сотруднику больницы, для них это было очень важно — они обеспечили едой свои семьи”.

В конце 1941 года мясо, главное средство против истощения, было почти невозможно достать, разве что по заоблачным ценам. Грессер вспоминает, что, когда в больницу привезли на “одолженной” большой немецкой машине 300 кг говядины, купленной на черном рынке, подозрительные немецкие власти распорядились проинспектировать больничную кухню. Тогда персонал спрятал мясо в саду на территории больницы.

Даже вино, главный продукт Франции, и то было в дефиците. В книге “Вино и война” Дон и Пити Кледстрап рассказывают, что производство вина с 1939 по 1942 год сократилось наполовину. Немцы любили вино и знали в нем толк — особенно во французских сортах. Немецкие виноторговцы умудрились прибрать к рукам не только французское вино лучших урожаев, но и огромное количество обыкновенного столового вина для своей армии. В Германию ежегодно отправляли более 320 миллионов бутылок французского вина по фиксированным ценам.

Геринг приказал виноторговцам систематически вывозить в Германию даже посредственное вино. Результат был катастрофическим. “Старикам и больным нужно вино, — докладывали французские врачи немецким и французским властям. — Это прекрасный продукт... легко усваивается организмом... и является живительным источником витаминов и минералов”.

Глава 8

Динклагге встречается с Гитлером; Шанель становится агентом абвера

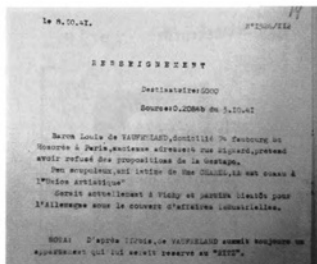
*À la guerre comme à la guerre*¹.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПОГОВОРКА

В начале 1941 года Динклагге оставил Шанель и уехал из Парижа. Он отправился в Берлин с бароном Луи де Вофреланом. Эти двое познакомились в Париже накануне войны, когда Динклагге был “любовником мадам Эно Пельтри” — жены французского пионера авиации.

В Берлине Динклагге была оказана особая честь. Его приняли лично Адольф Гитлер и Йозеф Геббельс — министр пропаганды рейха и шеф Динклагге во время его работы в германском посольстве в Париже в 1934 году. Текст сообщения французской разведки говорит о его роли секретного агента во Франции: “Фон Д. [Динклагге] до войны жил в Париже на улице де Саблон. Он выдавал себя за шведа, хотя на самом деле немец... в Берлине он был на аудиен-

¹ На войне как на войне (фр.).

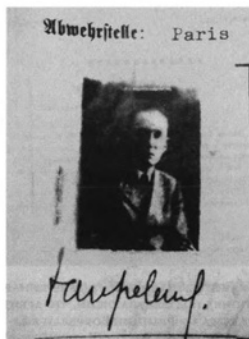

ФРАНЦУЗСКИЙ ДОКУМЕНТ (ЗАВЕРЕННАЯ КОПИЯ), ПОДТВЕРЖДАЮЩИЙ, ЧТО АГЕНТ АБВЕРА ВО ФРАНЦИИ ВОФРЕЛАН БЫЛ "БЛИЗКИМ ДРУГОМ ШАНЕЛЬ".

ции у Гитлера и Геббельса. Также он очень близок к [немецкому военачальнику] фон Браухичу".

Вероятно, Динклагге застал Берлин в триумфальном настроении той зимой 1941-го. Немецкие армии захватили всю Западную Европу, гитлеровский вермахт был на пути к завоеванию Югославии и Греции. Втайне Гитлер готовил наступление на Советский Союз будущей весной.

Мы не знаем, что делал в Берлине Вофрелан во время поездки с Динклагге. Однако документ из архива Центрального бюро разведки и действия (BCRA) — лондонской контрразведки де Голля — сообщает, что после Берлина "Луи де Вофрелан был послан в Тунис, где выдавал себя за эльзасца под именем де Ришмон". Хотя поездка Вофрелана покрыта

ПРОТЕЖЕ ДИНКЛАГЕ БАРОН ЛУИ
ДЕ ВОФРЕЛАН БЫЛ ДОВЕРЕННЫМ
ГЕРМАНСКИМ АГЕНТОМ, В 1941 Г.
ОН ВМЕСТЕ С ШАНЕЛЬ ПОЕХАЛ
В МАДРИД И ПОЗЖЕ ПРЕДСТАВИЛ ЕЕ
ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫМ НАЦИСТСКИМ
ЧИНОВНИКАМ В ПАРИЖЕ.

тайной, вряд ли может быть совпадением, что Тунис прежде был полем разведдеятельности Динклаге, когда он работал среди мусульман. Далее в документе: “Д. [Динклаге] [сейчас] в очень плохих отношениях с Абецем... он утверждает, что Абец украл 200 миллионов французских франков [около 90 миллионов долларов по курсу 2010 г.]. Эту огромную сумму он поделил с Пьером Лавалем; за это Лаваль устроил так, чтобы югославский рудник Бор, принадлежавший Франции, был передан нацистской Германии”.

В ПОЛИЦЕЙСКОМ ОТЧЕТЕ УКАЗАНЫ
ПРИСВОЕННЫЕ ШАНЕЛЬ НОМЕР И КОДОВОЕ ИМЯ
АГЕНТА АБВЕРА.

Аудиенция у самого Гитлера была поистине великой честью для офицера абвера, и Динклагге вернулся в Париж с приказом работать с Берлином напрямую. Вот теперь он действительно обрел высокое положение и огромное влияние. Между тем Вифре-лан заслужил звание *V-Mann* (фау-манн), означавшее, что он удостоился высшего доверия как разведчик. Он проходил под кодовым именем Пискатори, агент № F-7667. (*V-Mann* также было обозначением доверенных лиц гестапо.)

Затем Динклаге устроил знакомство Вофрелана с Шанель. Их первая встреча состоялась как будто случайно, поэтому Шанель могла сразу и не догадаться, что предстоящее приключение организовано Динклаге.

Изобретательная и предприимчивая Шанель думала, что знает, как ориентироваться в оккупированном нацистами Париже и как договориться об освобождении своего племянника Андре Паласса из немецкого лагеря военнопленных так, чтобы он вернулся к ней целым и невредимым. Дело было срочным. Из Корбера ей пришла новость, что Андре, возможно, подхватил туберкулез. Абвер был прекрасно осведомлен о беспокойстве Шанель за судьбу Андре. Они могли бы помочь ей — за вознаграждение. Шанель была для немцев прекрасным объектом вербовки: ей требовалось то, что абвер мог дать, а у нее были обширные связи в Лондоне, нейтральной Испании и в Париже.

Шанель и Динклаге нанесли короткий визит на виллу *La Pausa* в Рокбрюне, свободно пересекая границу между зонами оккупации благодаря статусу Динклаге. По возвращении в Париж была устроена встреча Шанель с Вофреланом в “Рице”.

Вофрелан быстро убедил Шанель, что через своих немецких друзей он может договориться об освобождении Андре из шталага. Вофрелан также намекнул, что его немецкие друзья могли бы помочь Шанель вырвать ее парфюмерный бизнес из рук Вертхаймеров или их управляющих.

Вофрелан и Шанель меньше всего походили на секретных агентов. Барон, одевавшийся, как изнеженный денди, не скрывал своей гомосексуальной ориентации. Доклад лондонской “Свободной Франции” так описывает Вофрелана: “39 лет, рыжеватый блондин, плейбой-аристократ (ложные имена: Пескатори [sic]), маркиз д’Авийо, де Ришмон)”. В другом докладе разведки его описывают как “пухлого гомосексуалиста среднего роста, одетого всегда безукоризненно” и “агента абвера под руководством лейтенанта Германа Нойбауэра... [Вофрелан] требует большие суммы денег, умен, хорошо говорит, свободно владеет английским, немецким, итальянским и испанским... чрезвычайно опасный немецкий шпион”. Далее в докладе: “В 1940 г. Вофрелан был агентом гестапо в Марокко, прежде чем начать сотрудничество с абвером”. Позже в другом сообщении разведки “Свободной Франции” докладывается, что в период, когда Вофрелан познакомился с Шанель, он отвечал за арест отряда бойцов французского Сопротивления в Касабланке.

Вскоре в игру вступил абверовский начальник Вофрелана Нойбауэр, чтобы заключить сделку с Шанель. Нойбауэр наверняка знал Динклагге. Его контора, как и кабинет Динклагге, находилась в экспроприированной абвером гостинице “Лютеция” на бульваре Распай, 45, на окраине района Сен-Жермен-де-Пре. Как и Динклагге, Нойбауэр ходил в штатском и прекрасно говорил по-французски.

Однажды весной 1941 года Нойбауэр встретился с Вофреланом и Шанель в конторе ее магазина на rue

Одним из знакомых Шанель
в АБВЕРЕ БЫЛ ЗОНДЕРФЮРЕР
АЛЬБЕРТ НОТТЕРМАН. ФОТОГРАФИЯ
СДЕЛАНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ, КОГДА ОН
СОТРУДНИЧАЛ С АРМИЕЙ США. 1947 г.

Камбон. Там Нойбауэр уверил Шанель, что поможет освободить Андре, если она согласится помочь Германии получить “политические” сведения из Мадрида.

Путешествию в Испанию Шанель обрадовалась. Согласно позднейшим показаниям Вофрелана французскому судье, она “тут же предположила, что ей понадобится виза для въезда в Испанию и поездки в Англию, чтобы раздобыть для ее важных друзей экономическую и политическую информацию”.

По словам Вофрелана, “Нойбауэр от этой фразы просто растаял”.

В 1941 году абвер внес Габриэль Шанель в берлинский регистр как агента F-7124, кодовое имя Вестминстер. Вот что любопытно: кто же догадался использовать герцогский титул Бендора? Неужто это Динклагге, действовавший за сценой, допустил намек на бывшего любовника Шанель в ее досье? (После войны Шанель утверждала, что ничего не знала обо всем этом.)

Теперь за дело взялся агент Нойбауэр. Шанель и Вофрелан отбыли из Парижа душным вечером 5 августа 1941 года. Они ехали на поезде и пересекли франко-испанскую границу в Андае. Накануне вечером парижский штаб абвера отправил телеграмму немецкой полиции в Андае: “Отправление из Парижа в 20:10 ч. 5 августа 1941, прибытие в Андай 6 августа около 9:11 ч. — барон Гискатори [*sic*] де Вофрелан, паспорт гражданина Франции № 3284, выдан в Касабланке, и Габриэль Шанель, паспорт гражданки Франции № 18348, выдан в Париже. Оказывать этим двум пассажирам уважение и всяческое содействие, избавить от любых неприятностей”. Телеграмма подписана: “Парижское бюро абвера, № 695 L/7.41 g III F”. (Римская цифра “три” и буква F обозначали службу внешней контрразведки абвера.)

Вофрелан прекрасно подходил для этого задания: он говорил по-испански и имел обширные связи в Мадриде благодаря своей тетушке — испанской аристократке. Французские и британские документы описывают его деятельность как часть напряженной работы германской военной разведки по вербовке

новых агентов на службу Германии. Поездка отвечала личным интересам Шанель. Она надеялась привезти домой своего племянника Андре. К тому же в Мадриде она заодно могла подстегнуть продажи духов *Chanel N° 5* на испанском рынке.

В Мадриде Шанель поселилась в люксе “Рица” и жила в довоенной роскоши, а Вофрелан остановился у друзей. Архивы режима Франко времен Второй мировой были полностью уничтожены, и теперь невозможно восстановить картину действий Шанель в испанской столице в августе–сентябре 1941-го. В британских архивах сохранилось сообщение о вечере, проведенном Шанель и Вофреланом с британским дипломатом Брайаном Уоллесом и его женой. Уоллес, кодовое имя Рамон, подробно доложил в Лондон о разговоре, который он и его жена вели с этой парой на одном званом ужине в Мадриде. (Кто устраивал ужин, неизвестно. Депешу британского посольства в Лондон, посланную вместе с докладом о разговоре, найти не удалось.) Приложение Уоллеса к депеше британского посольства N° 347 от 22 августа 1941 г. приведено ниже с сокращениями неважных замечаний:

MI, копия. Приложение к депеше из Мадрида N° 347 от 22 августа 1941 г.

Меморандум г-на Брайана Уоллеса

(Доклад о беседе с м-ль Шанель и бароном Луи [sic] Вофреланом.)

В четверг, 13 августа, мы с супругой посетили знаменитый ужин, на котором присутствовали м-ль Шанель и барон [sic] Вофрелан (француз). Ниже привожу обобщенное изложение нашего разговора.

ВОФРЕЛАН: *Мы оба были с ним знакомы несколько лет (хотя и поверхностно) в Париже. Он был молодым повесой, симпатизировал националистам и якобы имел гомосексуальные наклонности. Служил офицером связи в Гренадерском гвардейском¹ и Эннискиленском драгунском² полках, эвакуировался из Дюнкерка 2 июня. Наполовину испанец и племянник герцогини Альмасанской. Прибыл в Испанию в качестве помощника м-ль Шанель (с которой он недавно завязал знакомство в Париже). По моему мнению, человек ненадежный...* Вофрелан и Шанель рекомендовали нам не доверять местному французскому посольству, особенно послу и его супруге, которых они называли "антибританскими".

М-ль ШАНЕЛЬ: *Около трех часов кряду очень откровенно рассказывала о Париже, я был впечатлен ее искренностью. Дружит с премьер-министром и явно очень привязана к герцогу Вестминстеру. Хотела бы поехать в Англию, но никак не решится*

- 1 Гренадерский гвардейский полк (*Grenadier Guards*) — элитный пехотный полк Британской армии. Сформирован в 1656 г. для охраны изгнанного короля Чарльза II.
- 2 5-й Королевский Эннискиленский драгунский гвардейский полк (*5th Royal Inniskilling Dragoon Guards*) — элитный кавалерийский полк Британской армии. Сформирован в 1689 г. во время обороны ирландского города Эннискилен.

покинуть Францию. Объясняет свой приезд сюда (или скорее намерение поехать в Португалию) тем, что не могла больше оставаться в Париже и нуждается в отдыхе. Главной темой разговора были парижане. Основные пункты ее рассказа следующие:

Немцы не могут понять французов и из-за этого ненавидят их настолько, что м-ль Шанель боится того, что будет дальше.

Французы все время *rigole* [смеются] и *fait des blagues* [шутят]. Они используют тактику мелких укулов, чем и довели немцев до бешенства. Столько всего наделали в метро — складывали билеты в форме буквы V¹ и потом в форме Н (*Hitler* — Гитлер), налевали на стенах и т.д., — что немцы даже угрожали закрыть подземку.

Французы делают вид, будто им чрезвычайно весело. Немцы спрашивают: “Вы проиграли войну — почему вы такие веселые?” — “Вы выиграли войну — почему вы такие унылые?” — парируют парижане.

В оккупированной зоне люди не за британцев, они просто против немцев.

Францию постепенно превращают в две страны. Население свободной зоны, кажется, считает, что население оккупированной зоны оказалось там добровольно.

1 Автор не поясняет, но “V”, по-видимому, намек на *Vichy* — правительство Виши.

Очень немногие французы понимают, что они проиграли войну. “Дайте срок, мы избавимся от этих свиней”, — говорят остальные. “Если сказать им, что Франция побеждена, тебе ответят, что ты против Франции, и будут разглагольствовать о восстании и помощи Англии”.

Немцы люто ненавидят французов, но, в общем, скорее симпатизируют англичанам (например, они в восторге от всего британского).

Немцы ненавидят и боятся Черчилля и делят Англию на Черчилля и всех остальных. Они уверены, что вторые хотят мира, а первый хочет уничтожить Германию.

Немцам очень не хватает координации действий, особенно между гражданскими и военными властями — они ненавидят друг друга и с удовольствием игнорируют распоряжения оппонентов. Все они боятся, все они негодяи, и все шпионят друг за другом.

Существует отдельная [немецкая] коммерческая организация, и она очень активна — Шанель особенно серьезно предупреждает об этом: “Они скупают все предприятия, скрывая это всевозможными способами, так что, когда наступит мир, будет невероятно сложно избавиться от экономического влияния немцев”.

Подводя итоги, Шанель сказала, что Франция до сих пор не понимает толком, что с ней стряслось. Она все еще оглушена, но уже открыла глаза и видит, что происходит вокруг. Скоро она восстановит

функции конечностей, и тогда начнутся проблемы. Они старались закрыть на все глаза, но действительность никуда не делась. Среди немцев нарастает растерянность и бессильная ярость, а французы все яснее осознают свое истинное положение.

Подпись: БРАЙАН УОЛЛЕС, 21 августа 1941 г.

Замечание: Оба собирались поехать в Лиссабон примерно на две недели в четверг, 20 числа.

Шанель и Вофрелан в Португалию не ездили. Они вернулись в Париж поздней осенью или ранней зимой 1941-го. Там Шанель узнала, что Андре Паласса привезли во Францию — живым, но больным. В это время французские разведчики в Лондоне внесли в документы запись о том, что Вофрелан был “близким другом Шанель”.

Освободив Андре, Шанель наконец сосредоточилась на своем парфюмерном бизнесе. Она собиралась использовать статус “арийской француженки”, чтобы вернуть себе то, что было, по ее мнению, “украдено” Вертхаймерами.

В течение следующего года Вофрелан содействовал Шанель в ее стремлении убедить нацистов, что предприятие *Chanel N° 5*, проданное еврейской семье Вертхаймеров в 1924 году, по праву должно принадлежать Шанель. Вофрелан организовал для Шанель встречу с высокопоставленными нацистскими чинами, следившими за исполнени-

ем законов об “ариизации” собственности евреев. Главный французский биограф Шанель Эдмонда Шарль-Ру так описывает попытки Шанель вернуть право на свою парфюмерию: “Теперь настал ее черед изображать жертву эксплуататоров... и клан Вертхаймеров скоро увидит, из какого она теста. Она была арийкой, а они — нет. Она была во Франции, а они — в Соединенных Штатах. Эмигранты... Евреи. Говоря коротко, в глазах оккупационных властей существовала только она”.

Глава 9

ШАХ И МАТ ВЕРТХАЙМЕРОВ

*Война или мир... она жила, окопавшись
в своей крепости.*

МАРСЕЛЬ ЭДРИХ,
“Коко Шанель: ее жизнь, ее тайны”

Когда 1941 год подошел к концу, ошеломляющие известия пронесли по Европе. Японцы атаковали Пёрл-Харбор, и через несколько дней Германия объявила войну Соединенным Штатам Америки. Вскоре Уинстон Черчилль отправился в Вашингтон на встречу с президентом Франклином Рузвельтом. В это первое для Америки военное Рождество двое лидеров начали разрабатывать план разгрома Германии и Японии.

Во Франции Сопротивление генерала де Голля стало объединять в сеть локальные партизанские отряды, чтобы саботировать немецкие проекты и убивать нацистов. Немцы называли их “террористами”. Их беспощадно преследовали и, поймав, иногда заставляли работать на нацистов, пытали, казнили, в некоторых случаях отправляли в лагеря смерти.

Ранней осенью 1941-го, когда Шанель и Вофрелан вернулись из Мадрида, парижане уже четырнадцать месяцев жили в оккупации. Вечерами немецкий сигнал о комендантском часе погружал Париж в тишину. В эссе 1941 года Жан-Поль Сартр сравнивал прежние “годы болтовни республиканских политиков” с нынешней “республикой молчания”. Перед лицом немецкой оккупации многие французы добровольно отrekliсь от республиканских гражданских прав и приняли якобы великодушную диктатуру маршала Филиппа Петена. Большинство населения Франции верило, что старый маршал спас страну от более страшной катастрофы.

Тем временем в фашистской Германии Рейнхард Гейдрих, один из любимцев Гитлера в верхушке СС, составил для фюрера план “окончательного решения еврейского вопроса”. Летом 1941 года помощнику Гейдриха Адольфу Эйхману было поручено разработать методы физического уничтожения евреев. В январе 1942-го в ходе Ванзейской конференции — на курорте у озера Ванзее на окраине Берлина — Гейдрих и Эйхман представили механизм реализации “окончательного решения”.

В вишистской, неоккупированной части Франции евреев уже изгнали со всех должностей, где они могли повлиять на общественное мнение. Вскоре их вытеснили из торговли и промышленности, их предприятия и собственность были конфискованы. В Париже и по всей оккупированной зоне нефранцузских евреев — приезжих — арестовали и поместили в депортационные лагеря. Вскоре эта

участь постигла всех евреев Франции — арест, депортация и уничтожение в концлагерях СС.

Война в Европе приближалась к драматической развязке. Под контролем Оси была Греция, Югославия и часть Северной Африки, а 22 июня 1941 года немецкие танки двинулись во внезапное наступление через русские границы. Впоследствии им не удалось победить сталинскую Красную армию под Ленинградом, Москвой и Сталинградом.

Во Франции Сопротивление де Голля и партизаны-коммунисты начали нападать на немецких солдат и моряков в Бордо и Нанте. Там в немцев стреляли на улицах, а в Париже офицера германского флота застрелили на станции метро.

Кара последовала без промедления — по всей стране французских заложников казнили расстрельные взводы вермахта.

Новый указ террористического нацистского режима предписывал всем евреям старше шести лет носить на одежде желтую звезду Давида с черной надписью *Juive* или *Juif*¹. Нашивку надлежало носить над сердцем на любой одежде. В одном Париже около восьмидесяти тысяч евреев последовали указу. Наказание за неисполнение было жестоким. (Гомосексуалистам, цыганам, политзаключенным и другим полагались треугольники разных цветов.) Потом, с лета 1942 года, парижане смотрели, как евреев — местных и беженцев — арестовывали и де-

¹ "Еврейка" или "еврей" (фр.).

портировали. Гитлер приказал полностью уничтожить ненавистную ему расу.

В разгар геноцида дирижер Холокоста Адольф Эйхман усомнился в необходимости депортации еврейских детей младше 16 лет. Но за дело взялся глава правительства Виши Пьер Лаваль. Он продиктовал телеграмму Эйхману, руководившему Холокостом из Берлина. Телеграмма гласила: “Лаваль предлагает включить детей младше 16 лет в списки депортации еврейских семей из свободной зоны. Судьба еврейских детей в оккупированной зоне его не интересует”. По мнению многих французов, европейские евреи, бежавшие во Францию, “разрушили должный порядок вещей”. Многие граждане хвалили антисемитские законы, исполнявшиеся французской администрацией, французской полицией и нацистами. Одна образованная француженка, увидев фотографии депортации евреев, сказала автору: “Но они не французы, они — евреи”.

Шанель наверняка знала о травле парижских евреев. Джон Апдайк в журнале *New Yorker* за сентябрь 1998 года замечает: “Все имеющиеся свидетельства указывают на полное безразличие Шанель к судьбе ее соседей-евреев — или даже к меньшим страданиям и унижениям подавляющего большинства парижан”. Апдайк пишет, что Шанель в ее 58 лет, видимо, “счастлива” жила с немецким любовником. “Счастливые, в мире, где вокруг них росли горы скорби... в еврейском квартале, в пятнадцати минутах ходьбы от “Рица”.

Шанель не сомневалась в серьезности намерений нацистов, когда дошло до принятия антисемитских законов и “ариизации” еврейских предприятий и собственности. Под Рождество 1941 года она говорила Мисе Серт, что при нацистах она надеется вернуть себе контроль над фирмой, находящейся в руках клана Вертхаймеров, бежавшего в США. Вероятно, Шанель и Динклагге рассчитывали, что если Гитлер победит — а в это верила большая часть мира, — то Шанель будет управлять “ариизированной” компанией *Chanel № 5*. Ее прибыли будут огромны. Так же как многие немцы и англичане, включая Бендора, герцога Вестминстерского, Шанель и Динклагге, вероятно, надеялись, что Англия и Германия договорятся о прекращении войны. Эти люди получали выгоду от довоенной торговли Англии с Германией и хотели ее восстановить. Они рассматривали сделку с Гитлером как возможность воссоединить немецкую и английскую аристократию. Все прекрасно помнили, что Гитлер обещал вернуть близкого друга Шанель Эдуарда, бывшего короля Великобритании, герцога Виндзорского, на британский трон вместе с его женой. В самом деле, если бы торговля была восстановлена, то Германия и Британия стали бы локомотивом мировой экономики, а доля Шанель в ее парфюмерном предприятии оказалась бы бесценной.

Шанель была убеждена в этом. Абвер выполнил обещание освободить ее племянника Андре, теперь он был в Париже с дочерью Габриэль и лечился

от туберкулеза на деньги Шанель. Потом он переехал на лечение в Швейцарию.

Как и было обещано, Вофрелан связался со своим другом — немецким должностным лицом принцем Эрнстом Ратибор-Корвеем (он дружил и с Динклагге). Ратибор-Корвей порекомендовал Вофрелану обсудить должность для Шанель с доктором Куртом Бланке, внештатным сотрудником гестапо, в гостинице “Мажестик”, где он и его коллеги контролировали исполнение законов о конфискации еврейской собственности. Шанель была нужна помощь Бланке, чтобы “ариизировать” *Société des Parfums Chanel* в свою пользу.

После оккупации Франции сорокалетний немецкий адвокат и член НСДАП Бланке был назначен Берлином руководителем парижского управления по *Entjudung*¹ — “устранению еврейского влияния”. До 1944 года он играл ключевую роль в захвате имущества евреев, передавая их предприятия и собственность в “арийские” руки.

Шанель встретила с Бланке в гостинице “Мажестик” где-то в начале зимы 1941/42 года. После разговора с ним она поверила, что стала на шаг ближе к победе над Вертхаймерами и обретению полного контроля над *Société des Parfums Chanel*. Но она роковым образом недооценила предусмотрительность и благоразумие братьев Вертхаймеров. Они уже давно разработали план по спасению своего бизнеса на случай, если нацисты придут к власти во Франции.

1 Букв. “разъевреизации” (нем.).

Еще в 1936 году, когда Гитлер захватил власть, братья Вертхаймеры поняли, что Германия собирается поглотить Европу. Европейские евреи были обречены. Вторжение нацистов в Рейнскую область¹ в том же году подтвердило их опасения: война была неизбежна. Хрустальная ночь с 9 на 10 ноября 1938 года — первая ночь еврейских погромов в Германии и Австрии — убедила братьев, что Гитлер намерен стереть евреев с лица земли.

В конце Первой мировой войны, когда авиация еще только зарождалась, Вертхаймеры купили долю в предприятии авиатора Феликса Амио и стали миноритарными акционерами его авиастроительной компании. В 1934 году Амио поставлял бомбардировщики для ВВС Франции, и модели 370, 350 и 340 привлекли внимание конструкторов люфтваффе. Пытаясь выйти на американский рынок, Пьер Вертхаймер в 1939 году поехал в Новый Орлеан, чтобы договориться о строительстве авиазавода Амио для сборки самолетов в США, но вступление Франции в войну и объявление нейтралитета США положили конец этому проекту. Пьер вернулся во Францию и стал помогать старшему брату Полю в подготовке эмиграции семьи из Франции в Америку.

1 Речь идет о ремилитаризации Рейнской области в 1936 г. — одностороннем вводе германских войск в приграничную с Францией зону шириной 50 км на территории Германии, которая после Первой мировой войны была объявлена демилитаризованной, т. е. по Версальскому договору Германия не имела права размещать там войска и возводить укрепления.

В докладе французского Второго бюро от августа 1939 года рассказывается, как Феликс Амио сорока трех лет, президент SECM — машиностроительной фирмы, производившей бомбардировщики для ВВС Франции с 1925 года, — получил от Вертхаймеров 50 миллионов французских франков (около 22 миллионов долларов по курсу 2010 г.) банковским переводом с их счета во французском банке *Manheimer Mendelsohn*. Сведения о том, на что были потрачены эти 50 миллионов, отсутствуют. Как бы там ни было, в последующие месяцы Амио использовал свое влияние на рейхсмаршала Германа Геринга, чтобы защищать деловые интересы Вертхаймеров во Франции.

Когда германская армия ринулась через французскую границу, Вертхаймеры укрылись в долине Шеврез в двадцати милях к юго-западу от Парижа. Прямо перед бегством, когда германские войска угрожали Парижу, Пьер Вертхаймер встретился с Амио у себя в квартире. Журналисты Брюно Абеска и Ив Ставрид цитируют Амио: “Мы попрощались. Пьер просил помочь ему спасти имущество, насколько это возможно, и присмотреть за его сыном Жаком, он был в армии”. Феликс Амио — сорокатрехлетний нормандец из богатой шербурской семьи — заключил с Вертхаймерами тайный договор: Амио получал контроль над *Société des Parfums Chanel* во Франции и управлял предприятием в интересах Вертхаймеров. (После войны Вертхаймеры восстановили контроль

над французской парфюмерной компанией, но лишь после юридических баталий с Амио.)

Затем Поль и Пьер собрали своих родных и через Испанию перебрались в Бразилию. Много месяцев спустя, получив для семьи американские визы, Пьер с женой Жерменой отплыли в Нью-Йорк на пароходе “Аргентина”. Они прибыли на Манхэттен в начале августа 1940 года. Поль с женой Мадлен и детьми Антуаном и Матильдой сошли на нью-йоркский берег через несколько недель.

США встретили беженцев Вертхаймеров с распростертыми объятиями. Их деньги, неограниченные возможности и репутация надежных партнеров гарантировали им успех в Америке. Поль и Пьер начали обустройство новой жизни своих семей: Поль — в симпатичном шестизэтажном доме из коричневого кирпича на Западной 75-й улице, 35, почти на углу Центрального парка, а Пьер — на Парк-авеню, 784. Вскоре братья запустили линию новых духов от *Boisjouis* — *Courage*, созданных, чтобы растрогать сочувствующую американскую публику до глубины души. Ведь многие американцы и эмигранты, которых становилось все больше, тосковали по Парижу и Франции. Они устраивали аншлаги в кинотеатрах, когда показывали “Касабланку” с Хэмфри Богартом и Ингрид Бергман, и подняли на вершину хит-парада 1941 года балладу *The Last Time I Saw Paris* (“Последний раз, когда я видел Париж”).

Продажи *Courage* стремительно росли. Позже Вертхаймеры на заводе в Хобокене, штат Нью-

Джерси, начали производство уникальных *Chanel N° 5*. Эти духи были популярны как в Северной, так и в Южной Америке. Потом Вертхаймеры стали использовать магазины американской армии, известные как “Пи-Экс” (*Post Exchange*), для продаж *Chanel N° 5* по стране и за океаном.

В 1940 году Вертхаймеры одними из первых начали поддерживать движение “Свободная Франция” генерала Шарля де Голля и еврейскую общину в Нью-Йорке. Их успех привел Шанель в ярость.

Где-то в середине августа 1940 года немецкие пограничники заметили “ширококостного великана с угловатыми чертами лица”, приближавшегося в очереди пассажиров на паспортный контроль для пересечения франко-испанской границы в Андае. Когда немецкий офицер пограничной службы проверил паспорт этого человека, выяснилось, что рост владельца паспорта, дона Армандо Гевара-И-Сотомайора, два метра. После утомительной череды вопросов и минутного осмотра багажа дону Сотомайору разрешили пройти через полицейский пост и таможню. Затем он сел на поезд Андай — Париж и проехал 800 километров до вокзала Аустерлиц на левом берегу Сены.

Помимо роста, единственной необычной характеристикой дона Сотомайора было его имя. Человека, ехавшего в Париж тем жарким августовским днем, на самом деле звали не дон Сотомайор, а Герберт Грегори Томас. Он был гражданином США,

Г. ГРЕГОРИ ТОМАС ЗАКЛАДЫВАЕТ ФЛАКОН ДУХОВ
BOURJOIS В ФУНДАМЕНТ ЗДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ВЫСТАВКИ. НЬЮ-ЙОРК, 1939 г. ПОСЛЕ ОКУПАЦИИ
ПАРИЖА ТОМАС, ВЫПОЛНЯЯ СЕКРЕТНОЕ ЗАДАНИЕ
ПАРФЮМЕРНЫХ МАГНАТОВ ВЕРТХАЙМЕРОВ,
ПРОНИК В ПАРИЖ КАК ДОН АРМАНДО ГЕВАРА-И-
СОТОМАЙОР И ВЫКРАЛ ФОРМУЛУ ДУХОВ CHANEL
№5, ЧТОБЫ ФИРМА BOURJOIS МОГЛА ПРОИЗВОДИТЬ
ИХ В США. ПОСЛЕ ВОЙНЫ ТОМАС СТАЛ
ПРЕЗИДЕНТОМ, А ЗАТЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА
ДИРЕКТОРОВ ФИРМЫ ВЕРТХАЙМЕРОВ.

возраст — 31 год, сын Герберта Томаса из Бруклина, штат Нью-Йорк, и Аманды Кэски из Бун-Кантри, штат Миссури. Томас был вице-президентом парфюмерной компании Вертхаймеров *Bourjois* в Нью-Йорке и прикрылся личиной дона Сотомайора,

чтобы выполнить в Европе несколько секретных заданий семьи Вертхаймеров.

Томас получил образование в Швейцарии. Он окончил Корпус-Кристи-колледж в Кембридже и получил ученые степени по юриспруденции в парижской Сорбонне и испанском университете Саламанки. До переезда в Нью-Йорк, где он устроился работать на парфюмерное предприятие *Guerlain*, Томас практиковал в сфере международного права в Париже, Женеве и Гааге. В 1939 году он перешел в компанию Вертхаймеров по производству парфюмерии *Bourjois Inc.*

В августе, в день отъезда в Европу, Томас встретился с журналистом в зале ожидания авиакомпании *Pan Am Clipper* Нью-Йоркского муниципального аэропорта (в 1947 году его переименовали в Ла-Гуардиа). Он рассказал репортеру *New York Times*, что уволился из *Bourjois Inc.* и теперь работает на *Toilet Goods Association* в Нью-Йорке, а в Европу едет прощупать почву относительно закупок и транспортировки сырья и эфирных масел из Франции, Италии и Швейцарии. Но правдой тут и не пахло. Томас выполнял сразу несколько заданий. Во-первых, выдавая себя за дона Сотомайора, он намеревался узнать химическую формулу, необходимую для производства духов *Chanel N° 5*. Во-вторых, ему предстояло достать ключевые ингредиенты — “природные ароматы”, например жасмин, — чтобы производить оригинальные духи в Хобокене. В-третьих, Томас должен был помочь Феликсу Амио вывезти сына Пьера, 21-летнего Жака Вертхаймера, скрывавшегося в Бордо, из Фран-

ции в Нью-Йорк. Жака мобилизовали в 1939-м. После поражения Франции он при содействии Амио бежал из немецкого лагеря для военнопленных.

В 1942 году Томас поступил на работу в Управление стратегических служб (УСС) — будущее ЦРУ — и признался начальству, что двумя годами ранее, когда его попросили провести четырехмесячную операцию под прикрытием во Франции, он все еще работал на Вертхаймеров. До конца жизни Томас мало что рассказывал об этом.

Несколько близких друзей Томаса подтверждают загадочность его персоны. Один из них — коллега по УСС Питер М. Ф. Зихель — сказал автору этих строк: “Томас был не из тех, с кем легко подружиться; он и его прошлое были окутаны тайной. И все же он умел общаться с людьми — он был импозантен и эрудирован, но никогда не был снобом”.

Подробности о секретной деятельности Томаса по заданию Вертхаймеров остаются тайной — особенно то, как ему удалось достать формулу духов *Chanel*, — но он привез ее Вертхаймерам в Нью-Йорк. Детали этой операции 82-летний Томас унес с собой в могилу в 1990 году. Но некоторые пробелы восполнил Питер Зихель. Когда Зихель во время Второй мировой работал в штаб-квартире УСС в Алжире, а потом в Европе, ему было известно о работе Томаса на УСС в Португалии и Испании. Дополнительные сведения опубликовали любознательные журналисты Брюно Абеска и Ив Ставрид во французском журнале *L'Express* в 2005 году, а также Веро-

ник Морю в газете *Le Monde*. Абеска и Ставрид писали, что Клод Леви, адвокат Вертхаймеров и бывший мэр Орлеана, сказал им: “Трюки, проделанные агентом Пьера и Поля [Вертхаймеров] Грегори Томасом, и то, как он умудрился вывозить из Франции в США жасмин в больших количествах, напоминают фильмы о Джеймсе Бонде”.

Зихель уверен, что Томас использовал в своей секретной миссии “либо луидоры, либо английские соверены” для оплаты услуг агентов и поставок. Объясняя методы работы УСС во время Второй мировой войны, Зихель писал: “УСС использовало золотые монеты, чтобы финансировать миссии в Европе и покупать иностранную валюту для операций своих агентов. Однажды я вывез луидоры контрабандой из одной европейской страны, спрятав их в ботинке в своем багаже. Несмотря на тяжесть монет, крупный сильный мужчина, каким был Грегори, мог легко провезти в багаже 500 луидоров”. На сегодняшний день, в зависимости от даты выпуска монеты, один золотой луидор стоит от 800 до 3000 долларов. Зихель добавил, что в то время “французские франки не имели особой ценности, а у Грегори был доступ к валюте в Швейцарии... Во время оккупации Франции услуги французских агентов оплачивались франками через третьих лиц, которым УСС возмещало расходы, переводя деньги на их счета в Швейцарии”.

В 1989 году в интервью журналу *Forbes* Томас признался, что “заплатил французским бандитам” за помощь в вывозе Жака в Америку. Из других источни-

ков мы знаем, что Жак покинул Лиссабон на борту трансатлантического парохода “Экскалибур” водоизмещением 7000 тонн компании *American Export Lines*; он отплыл в Нью-Йорк 21 ноября 1940 года. Любопытно, что в судовой декларации “Экскалибура” Жак, гражданин Франции, записан как “еврей”.

В конце концов Томас выполнил миссию для братьев Вертхаймеров и вернулся в Нью-Йорк. Через несколько месяцев после Пёрл-Харбора, когда США уже воевали, Томаса завербовали старшим офицером в шпионскую организацию Уильяма Дж. Донована по кличке Дикий Билл — УСС — и направили руководить отделом в регионе Испания — Португалия. (Томас был в Мадриде, когда Шанель приезжала туда в 1944 году по заданию рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, но в его рабочих документах Шанель не упоминается.) После войны братья Вертхаймеры сделали Грегори Томаса президентом *Chanel Inc.* — основной компании, которой подчинялась фирма самой Шанель. Томас занимал эту должность еще 25 лет.

Глава 10

По заданию ГИММЛЕРА

Она хотела жить тайной жизнью.

ЭДМОНДА ШАРЛЬ-РУ,
“Непутевая Шанель”

В понедельник утром 9 ноября 1942 года Франция увидела заголовки газет. Один из них гласил: “Подлое англо-американское нападение на нашу Северную Африку”.

Шанель была ошеломлена. Париж лихорадило.

Операция была дерзкой и внезапной. Передовица в *Le Matin* предлагала уже знакомого козла отпущения: “Евреи со своей тактикой ударов ниже пояса потерпят поражение, как и англичане с американцами. Когда Францию предадут, она отвечает — каждый француз, вся Европа встанет на защиту Франции”.

Другая газета уверила читателей, что Адольф Гитлер заявил: “Мы будем сражаться до конца”. Несколько часов спустя парижское радио объявило, что британские и американские войска под командованием генерала Дуайта Д. Эйзенхауэра высадились на побережье Алжира и Марокко в понедельник

на рассвете. Потом мир узнал, что рискованное вторжение под кодовым названием “Операция “Факел” было “детищем президента Франклина Д. Рузвельта”.

Захватив берега Алжира и Марокко, Уинстон Черчилль заявил в эфире Би-би-си на всю Европу: “Это еще не конец. Это даже не начало конца. Но возможно, это конец начала”. Хотя нацисты и запрещали французам слушать Би-би-си, потайные радиоприемники повсюду были настроены на ежевечерние позывные: “Говорит Лондон”. Ночь за ночью дикторы Би-би-си бесстрастным голосом рассказывали об успехах Союзников в Северной Африке и о том, как правая рука Петена адмирал Франсуа Дарлан перешел на сторону американцев. Би-би-си не преминула предупредить, что коллаборационисты после освобождения Франции будут наказаны.

Угрозы Би-би-си и смелые речи Черчилля заставили вздрогнуть многих коллаборационистов. Шанель тогда уже заклеили “горизонтальной коллаборационисткой”, по выражению французской актрисы Арлетти. В 1942 году журнал *Life* опубликовал черный список французских граждан, обвиняемых в сотрудничестве с немцами. В списке был и адвокат Шанель Рене де Шамбрюн. “Свободная Франция” знала, что на стенах в доме Шамбрюна висело несколько ценных картин, украденных нацистами у семьи Шлосс и из коллекции Розенберга. Статья в журнале *Life* предупреждала: “Некоторые [коллаборационисты] будут казнены.. в отношении других будут проведены расследования, когда Франция

станет свободной". В статье, которую читали миллионы американцев, заявлялось, что лидеров Виши маршала Филиппа Петена и Пьера Лавалья, тестя Рене де Шамбрюна, будут судить и накажут.

Сообщение *Life* наверняка шокировало Шамбрюна — прямого потомка Лафайета, почетного гражданина штата Делавэр и человека, почитаемого элитой Вашингтона. Теперь он был осужден французской партизанской армией генерала Шарля де Голля. Шанель и другие коллаборационисты должны были задуматься о том, что их ждет.

В день вторжения в Северную Африку подруга Шанель Жозе Лаваль де Шамбрюн записала в своем дневнике: "Американцы напали на Алжир и Марокко. Андре Дюбонне разбудил нас [Жозе и ее мужа Рене] этим известием и спросил, правда ли это". В тот день Жозе пошла обедать в сверхмодный ресторан "Фуке" на Елисейских полях и позже записала: "Дарлан и Жюин [командующие французскими войсками в Северной Африке] тоже быстро переметнулись на сторону Союзников. У меня такое же ощущение, как в мае и июне 1940-го, когда жизнь остановилась [когда немцы вторглись во Францию]. Это конец эпохи".

У Рене и Жозе были причины для опасений. С начала оккупации адвокат Шанель редактировал для Пьера Лавалья конфиденциальные отчеты, объяснявшие антисемитские акции вишистов. Кроме того, он представлял дочерние американские компании, работавшие в нацистской Германии. Шамбрюн и не пытался скрывать свой энтузиазм относительно

сотрудничества с гитлеровским рейхом. До высадки Союзников в Северной Африке он участвовал в организации деловых обедов в “Рице”, где нацисты встречались с французскими коллаборационистами для обсуждения планов политического, экономического и финансового взаимодействия, ставшего частью “нового европейского порядка” Гитлера.

На Рождество газетные заголовки снова трубили: “В Алжире патриоты-голлисты убили адмирала Франсуа Дарлана”. После этого немецкие войска оккупировали всю Францию. Когда они попытались захватить французский флот в Тулоне, французские моряки затопили корабли в порту. Вся Франция оказалась под нацистским сапогом. Нацистские головорезы правили в Виши. Петен лишился власти.

В январе 1943 года Шамбрюн был так деморализован, что признался своему другу доктору Эрнсту Ахенбаху, правой руке Отто Абеца в германском посольстве в Париже: “Это тяжело — быть коллаборационистом”.

Зима 1943-го выдалась суровой. Когда наступили холода, сырость и ветер завладели Парижем. Настроение падало вместе со столбиком термометра. Мороз стал невыносимым, продовольственные нормы были урезаны, и те, кто не мог заплатить за продукты на черном рынке, оказались на грани голодной смерти. Все было в дефиците: обувь, одежда, молоко, сыр, масло, мясо и вино. Пожилые люди умирали

от голода в своих постелях, пытаюсь сохранить тепло и пережить еще один день.

Образ врага менялся: гордый и красивый ариец, расхаживающий по Елисейским полям, флиртуя с прелестными мамзелями, превратился в подавленного, надменного мужчину в возрасте — слишком старого, чтобы сражаться на русском фронте. Неохотное признание парижанами нацистской власти сменилось зловещим фатализмом поработщенного народа.

К концу года открытая вражда и сопротивление немцам проявились со всей очевидностью. В кабинетах французской юридической фирмы на Елисейских полях служащие поворачивались спиной к большим окнам в знак отвращения к немецким солдатам, марширующим по улице. Париж — некогда культурный центр и пример хорошего вкуса — стал опасным аванпостом, где разгневанные люди с началом комендантского часа выходили на улицы охотиться на немцев и наказывать коллаборационистов и спекулянтов черного рынка. Один высокопоставленный нацистский чиновник сообщал в Берлин, что с начала 1943 года среди французов, несомненно, распространялось “всеобщее неприятие всего немецкого” и росла надежда на “неотвратимый крах Германии и победу Союзников в этом году”. Немецкие солдаты-срочники и офицеры “проводили одно воскресенье в месяц на парижском полигоне, упражняясь в метании гранат и стрельбе из винтовок”. Они понимали, что вскоре им, возможно, придется защищать собственные жизни от армии теней.

Динклаге и Шанель, должно быть, беспокоились о том, удастся ли им избежать гнева Сопротивления. Ненависть бойцов “Свободной Франции” и французских коммунистов к коллаборационистам возрастала. Отношения Шанель с нацистами, ее махровый антисемитизм и замечание “Франция получила по заслугам”, сделанное ею во время званого ужина на Лазурном берегу в 1943 году, были известны разведке генерала де Голля в Лондоне и партизанам во Франции. Шанель, Жана Кокто и Сержа Лифаря тоже ожидало наказание.

Динклаге знал, что заклеимен. Британские и французские секретные агенты во Франции и разведка “Свободной Франции” в Лондоне обладали сведениями о его работе на нацистов на Лазурном берегу, в Париже и Швейцарии. Его сотрудничество с гестапо, доносы на евреев во Франции и связь с Адольфом Гитлером были в его досье. Динклаге и Шанель ждало неотвратимое возмездие. Они знали, что над их уютным мирком сгушались тучи. Друг и коллега Динклаге по абверу майор Теодор Момм уже намекал, что ему пора уезжать из Парижа. Момм предлагал Динклаге перебраться в Турцию и там работать с его братом в штаб-квартире абвера в Стамбуле.

Когда Коко узнала, что Момм может разлучить ее с Динклаге, она, вероятно, была поражена. Шанель уже исполнилось 60 (она солгала о возрасте в заявлении на выдачу паспорта, написав год рождения 1893 вместо 1883), и до появления Динклаге у нее не было спутника жизни с лета 1935-го, когда умер

Поль Ириб. Хотя Момм и не был привлекателен, он мог питать надежду занять место Динклагге, но он не стал бы равноценной заменой. Шанель была готова свернуть горы, чтобы удержать Шпатца.

У Динклагге и Шанель был план. В соответствии с этим планом Шанель должна была встретиться со старым другом — британским послом в Мадриде сэром Сэмюэлем Хором. Эта поездка была повторением ее прежней миссии в Мадриде в компании Вофрелана, только на этот раз она верила в успех своего дела. От сэра Хора Шанель узнала, что есть возможность связаться с герцогом Вестминстером в Лондоне через британское посольство в Мадриде. С помощью Бендора она надеялась сообщить премьер-министру Черчиллю, что некоторые высокопоставленные германские чиновники хотят отстранить Гитлера от власти и положить конец войне с Британией. Черчилль должен был понять, что если Германия попадет в руки Советов, это будет катастрофа.

Динклагге должен был сопровождать Шанель в Мадрид и там послужить связующим звеном между Шанель и германским посольством, а при необходимости и связаться из посольства с Берлином. Кроме того, он собирался изучить в Мадриде и другие возможные способы связи с Союзниками.

В начале зимы 1943 года Динклагге отправился в Берлин в надежде убедить свое начальство в абвере, что Шанель — ценный и надежный посред-

МАЙОР АБВЕРА ТЕОДОР МОММ, ГЕРМАНСКИЙ
ОФИЦЕР, СОСЛУЖИВЕЦ ДИНКЛАГЕ ВО ВРЕМЯ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. В 1943 г. Шанель
и Динклаге отправили Момма в Берлин
предложить услуги Шанель генералу СС
Вальтеру Шелленбергу.

ник и что она готова снова сотрудничать с абвером и съездить в Мадрид; там она использует свои знакомства на высшем уровне и через британского посла сэра Сэмюэля Хора свяжется с герцогом Вестминстером и Черчиллем.

В Берлине Динклагэ наверняка видел последствия бомбардировок. Его матери Лорри было 77 лет, она жила в деревне недалеко от портового города

Киля вместе с тетей, баронессой Веер-Розенкранц. Вероятно, она рассказала сыну, что жизнь на родине становится все безнадежнее. Район Киль подвергался разрушительным бомбежкам Союзников. Динклагер вернулся в Париж уверенный, что нацистская Германия обречена и что его начальство благосклонно воспримет предложение использовать Шанель в интересах абвера “среди важных персон в американских и британских кругах”.

Анри Гидель, заслуженный французский историк и биограф Шанель, писал, что мадемуазель Шанель делала ставку на свою дружбу с Уинстоном Черчиллем, надеясь убедить нацистов в том, что у них с Динклагером достаточно связей для переговоров о сепаратном мире с Британией. Гидель был уверен, что Бендор, герцог Вестминстерский, известный своими прогерманскими взглядами, и многие другие британские политики и члены королевской семьи боялись, как бы Советский Союз не захватил всю Европу. Бендор поддержал Шанель в ее намерении стать посредником между Берлином и Лондоном. Гидель пишет: “Было установлено, что герцог Вестминстерский сыграл определенную роль в переговорах о сепаратном мире с Германией. Совершенно точно известно, что инициативу Шанель (передать сигнал от нацистов британцам) с самого начала тайно поддерживал Бендор, уже пытавшийся убедить своего друга Черчилля принять его точку зрения”, то есть провести двусторонние переговоры об окончании войны. Далее: “Бендор был уверен, что если у Ша-

нель есть хотя бы небольшие шансы свести немцев или их посредников с Черчиллем, то игра стоит свеч”.

Бендор был не единственным представителем британской элиты, пытавшимся закончить войну между Британией и Германией. Джеймс Лонсдейл-Брайанс — британский дипломат, сочувствующий нацистам, сотрудник МИДа — в 1940 году поехал в Рим на встречу с Ульрихом фон Хасселем — послом Германии в Италии. По неизвестным причинам его миссия не увенчалась успехом. Согласно докладу британской контрразведки МІ5, Лонсдейл-Брайанс “заручился поддержкой нескольких членов парламента, в том числе лорда Галифакса”.

В нацистской Германии Генрих Гиммлер — рейхс-министр внутренних дел, начальник СС и гестапо, человек, которого Гитлер назначил “верховным контролером окончательного решения еврейского вопроса”, — втайне был уверен, что Германия не сможет выиграть войну. Еще осенью 1942 года с молчаливого согласия Гиммлера генерал Вальтер Шелленберг, впоследствии назначенный Гиммлером главой разведки СС, должен был тайно прозондировать ситуацию в Швейцарии и Швеции на предмет посредничества в переговорах с Британией. Гиммлер хотел, чтобы Шелленберг нашел “выход из бушующего кровавого моря массовых убийств СС”. Шелленбергу было 33 года, он родился в католической семье фабриканта роялей и прежде работал адвокатом. Американский

журналист Уильям Л. Ширер назвал его “бандитом-интеллектуалом с университетским образованием”, а британский историк Энтони Кейв Браун — “шестым лицом рейха, но не типичным нацистским чинушей, а человеком способным, энергичным и опасным”.

После войны Шелленберга допрашивала знаменитая британская группа “охотников на шпионов” — Хью Тревор-Ропер, Хеленус Патрик Милмо, Клоп Устинов, сэр Стюарт Хэмпшир и Рой Кэмерон. Все они были разного мнения о начальнике разведки СС. Краткую характеристику Шелленберга, составленную одним из членов этой команды и подписанную шифром MFIU 3 HDH, читать довольно жутко:

По общей оценке, [Шелленберг] подлый человек без понятий о верности и правилах приличий, доверять ему нельзя ни в коем случае. Виртуозный актер. Умеет использовать свое обаяние, и когда пускает его в ход, то создается совершенно правдоподобная иллюзия, будто говоришь с приятным, безобидным и довольно оригинальным молодым человеком... [Он] глубоко заглядывает в глаза собеседнику, словно пытаясь убедить его: “Посмотри, я говорю с тобой искренне, от всего сердца”. На самом же деле Шелленберг — хладнокровный, всегда расчетливый реалист, ничего не оставляет на волю случая. Находясь в невыгодной ситуации, умеет создать нужное ему впечатление. Шелленберг знает, чего хочет и как этого достичь, если надо — пойдет по трупам. Для него слова “дружба” и “верность”

не имеют значения, не ждет он этого и от других... При всех своих разнообразных талантах и наглой самоуверенности Шелленберг страдает комплексом неполноценности в тяжелой форме.

С одобрения Гиммлера и несмотря на то, что Гитлер категорически требовал тотальной войны — означавшей либо уничтожение рейха, либо полную победу, — Вальтер Шелленберг задействовал свои связи в нейтральных странах, чтобы обеспечить себе пути отхода на случай, если Германия потерпит поражение.

Сначала ему удалось добиться от главнокомандующего швейцарской армии генерала Анри Гизана обещания, что Швейцария сохранит нейтралитет, но будет сопротивляться любому вторжению. Получив это обещание, Шелленберг убедил Гиммлера и всю нацистскую верхушку не вторгаться на территорию соседей. Этим шагом Шелленберг улучшил отношения с Берном и теперь использовал свои связи, чтобы начать переговоры с агентами американского УСС, работающими в швейцарской столице под началом Аллена Даллеса. В знак добрых намерений Шелленберг освободил некоторое количество евреев из концлагерей и отправил их в Швейцарию.

1943 год начался для Гитлера скверно. Германские войска отступали, проиграв Сталинградскую битву Красной армии. Черчилль, Рузвельт и де Голль (с согласия Сталина) объявили, что Союзники будут

добиваться полной и безоговорочной капитуляции стран Оси. Вскоре германские и итальянские войска в Северной Африке сдались Союзникам, а солдатам Эйзенхауэра досталась главная роль в захвате Сицилии. После вторжения Союзников на материковую территорию Италии Бенито Муссолини был смещен королем Виктором Эммануилом III. В июле 1943 года Италия капитулировала. Позже в том же году король и премьер-министр генерал Пьетро Бадольо объявили войну Германии. Даже цензурированные новости в Париже не могли скрыть шаткого положения рейха. Би-би-си в вечерних эфирах не скупилась на подробности при описании ежедневных массированных бомбардировок немецких городов. Нацистская Германия была обречена.

Ранней весной 1943 года графу Йозефу фон Ледебур-Вихельну, главному агенту абвера в Париже, позвонили из Берлина. Капитан Эрих Пфайфер, начальник отделения внешней разведки абвера, звонил по секретной линии. Он поручил графу Ледебуру связаться с бароном Гансом Гюнтером фон Динклагге.

В 1944 году в Мадриде Ледебура перевербовала британская секретная служба MI6. Он рассказал на допросе в MI6, что произошло после его разговора с капитаном Пфайфером: "Пфайфер сказал мне, что Динклагге предлагает использовать связи Коко Шанель с высокопоставленными лицами в Лондоне, чтобы помочь германской разведке... Пфайфер попросил меня изучить предложение Динклагге".

АГЕНТ АБВЕРА ГРАФ ЙОЗЕФ ФОН ЛЕДЕБУР-ВИХЕЛЬН ПРОВЕЛ В ПАРИЖЕ БЕСЕДУ С ДИНКЛАГЕ О ЕГО ПЛАНАХ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ШАНЕЛЬ В МАДРИДЕ ДЛЯ СВЯЗИ С УИНСТОНОМ ЧЕРЧИЛЛЕМ ЧЕРЕЗ БРИТАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ИСПАНИИ. НА ФОТОГРАФИИ ЛЕДЕБУР ПОСЛЕ ПЕРЕХОДА НА СТОРОНУ БРИТАНСКОЙ М16 В ИСПАНИИ. 1944 Г.

Тогда Ледебур вызвал Динклаге в свой кабинет на рю де Тильзит, рядом с Елисейскими полями. На первой встрече Динклаге объяснил Ледебуру, что “Шанель готова сотрудничать с абвером — отправиться в Мадрид и Лиссабон и связаться с важными персонами в американских и британских кругах, а потом поехать в Англию”. Но Динклаге настаивал,

что “сначала абвер должен привезти во Францию молодую итальянку, к которой Коко Шанель привязана в силу своих лесбийских наклонностей. Эта женщина должна была сопровождать Шанель в поездке на Пиренейский полуостров и в Лондон. От Ледебура требовалось организовать по каналам абвера паспорта и визы для Шанель, девушки и Динклагe”.

В тот раз Динклагe не вдавался в подробности предлагаемой миссии в Мадриде и Лондоне. (Возможно, он сказал Ледебуру, что упомянутая женщина, Вера Бейт Ломбарди, была членом британской королевской семьи и подругой детства Уинстона Черчилля и герцога Вестминстера.) Тогда Ледебур стал собирать дополнительные сведения о Динклагe и Шанель. Он допросил Ферн Бедо — жену нацистского агента Шарля Бедо, с которым Ледебур был хорошо знаком. Номера Ферн и Шанель в “Рице” были расположены на одном этаже. Ферн рассказала Ледебуру, что Коко — наркоманка и “каждый вечер принимает Динклагe у себя в номере”.

Ледебуру требовалось больше информации, прежде чем изложить капитану Пфайферу свое мнение. Он обратился к бывшему шефу Динклагe по абверу во Франции и Швейцарии полковнику Александру Ваагу, все еще работавшему в Париже. От него Ледебур узнал, что “Динклагe был подчиненным Ваага в абвере еще до войны и руководил резидентурой на Лазурном берегу и в Тулоне, где жил с двумя красивыми английскими девушками — сестрами Джойс, одна из которых была любовницей Дин-

клаге". (Об этих сестрах больше ничего не известно.) По словам Ваага, "Динклаге был превосходным профессионалом, свободно говорил по-английски и по-французски и добыл множество сведений о французских укреплениях и военных кораблях на базе в Тулоне. Позже он состоял на дипломатической службе в германском посольстве в Париже".

В 1938 году Динклаге пришлось прекратить свою разведдеятельность во Франции, "так как его засекло Второе бюро. Затем Динклаге уехал в Швейцарию, где продолжил работать под началом полковника Ваага, курируя германскую резидентуру".

Так или иначе, теперь (во время оккупации) Вааг писал: "Я не мог дальше использовать Динклаге, потому что он хотел слишком много денег. При этом ему недоставало целеустремленности". Во всяком случае, "теперь Динклаге подчинялся непосредственно внешней разведке абвера в Берлине... и работал под прикрытием офицера по снабжению германской оккупационной организации по снабжению в Париже". Вааг сообщал, что в Париже "Динклаге был на связи с майором абвера фон Моммом".

Затем Ледебур изучил архивы абвера. Он выяснил, что "у Динклаге возникли проблемы с гестапо в 1940 году, предположительно из-за того, что его жена была наполовину еврейкой". В конце концов граф Ледебур навестил Динклаге "в шикарном квартале с роскошной мебелью на авеню Фош". Оказалось, что у Динклаге есть лакей в ливрее, а в холле стоят клюшки для гольфа и другие впечатляющие предметы

роскоши. Такую квартиру явно могли дать только офицеру абвера, занимающему очень высокое положение.

В ходе беседы в его квартире Динклагге “объяснил, что поездка в Мадрид открывает для Шанель возможность использовать многих ее британских и американских друзей в интересах [абвера]”. Когда Ледебур потребовал деталей, Динклагге стал убеждать того встретиться с Шанель. Он добавил, что “первая поездка в Мадрид необходима для развития проекта”.

Не имея времени на встречу с Шанель, Ледебур сообщил Динклагге, что полковник Вааг, его бывший босс, “против поездки Шанель в Мадрид”. Затем Ледебур позвонил в Берлин и сообщил капитану Пфайферу: “Я не одобряю поездку Динклагге в Мадрид”. Пфайфер согласился.

Для Ледебура дело было закрыто. Однако, по иронии судьбы, несколько недель спустя он узнал от одной из своих парижских знакомых — графини Эдит де Бомон, что она видела Динклагге в Андае, на франко-испанской границе:

Я [Ледебур] узнал, что в январе 1944 г. в Андае Динклагге долго разговаривал с начальником гестапо [на] пограничном посту... Я был заинтригован. Я знал, что Динклагге надеялся получить сведения от британцев и американцев в Испании по международным каналам Шанель. Затем я запросил источники в германской военной разведке, выдали ли они визу Шанель или Динклагге. Также я справился в германской службе паспортного контроля,

Passerierschein Pruefstelle, как Шанель и Динклаге могли проехать в Мадрид.

Несколько дней спустя служба паспортного контроля сообщила, что пара, вероятно, выехала под вымышленными именами.

Наверное, Ледебур так и не узнал, что проезд Шанель в Мадрид был организован секретной службой СС в Париже по приказу из Берлина. Не узнал он, похоже, и о том, что в Андае Динклаге встретился с представителем генерала Шелленберга во Франции — капитаном СС Вальтером Кучманном сорока девяти лет, уполномоченным пограничной службы СС в Андае. (В секретном послевоенном докладе политического советника США по Германии о нацистских военных преступниках говорится, что Кучманну “Шелленберг поручил во всем помогать Шанель и отправить крупную сумму денег мадемуазель Шанель в Мадрид”.)

Примерно в то же время, когда Динклаге встречался с графом Ледебуром в Париже, сотрудники МИДа Риббентропа в Берлине тайно искали способ начать переговоры с Британией. Гиммлер был не единственным нацистом, пытавшимся обеспечить пути отхода. Риббентроп и его команда тоже “ловили на удочку любые связи, как с западными Союзниками, так и с СССР”. Одновременно Аллен Даллес, начальник УСС в Берне (впоследствии — первый

директор ЦРУ), и британские агенты искали встречи с надежными представителями Германии. И в это же время в Турции начальник Динклагге в абвере адмирал Вильгельм Канарис и посол Германии Фритц фон Папен “получали из американских источников намеки на мирные переговоры в 1943 году”.

В последующие месяцы стратегическая игра вокруг переговоров по окончанию войны через посредников стала для Гиммлера необходимостью. Он и его коллеги не сомневались, что после войны их будут преследовать как преступников, если Германия подпишет безоговорочную капитуляцию. Шелленберг был настолько обеспокоен психическим состоянием Гитлера, что рискнул завести разговор о прекращении войны со своим другом Уильямом Биттером — психиатром из Берлинского университета.

Не только Шелленберг опасался, что при Гитлере Германия обречена. В 1943 году группа высокопоставленных офицеров вермахта в Берлине и Париже — некоторые из них были связаны с абвером, их возглавлял граф Клаус фон Штауффенберг — разрабатывала план убийства Гитлера.

С конца лета или начала осени 1943 года Динклагге больше не получал никаких сообщений от своих коллег по абверу в Берлине. Шанель и Динклагге наконец убедили друга и товарища по оружию со времен Первой мировой майора Теодора Момма, члена НСДАП и офицера абвера, поехать в Берлин и по-

искать альтернативные возможности предложить услуги Шанель для связи с герцогом Вестминстером и другими представителями британской элиты. Момм должен был подчеркнуть, как уже делал ранее Динклагге, что близкие отношения Шанель с герцогом Вестминстером и многолетняя дружба с Уинстоном Черчиллем могут быть использованы для переговоров с Лондоном на высшем уровне.

По прибытии в Берлин Момм связался с сотрудниками МИДа Германии, но ему не удалось заинтересовать их. Тогда он обратился к старому другу — доктору Вальтеру Шиберу, государственному советнику нацистов и бригадефюреру СС. В то время Шибер был главным советником гитлеровского рейхсминистра вооружений и военной промышленности Альберта Шпеера. Через Шибера Момм вскоре узнал, что его предложение может заинтересовать генерала СС Вальтера Шелленберга, главу разведки Гиммлера. На предварительной встрече Шелленберг “потребовал привезти Шанель в Берлин”. Динклагге немедленно собрался ехать с любовницей в Германию.

Осенью 1943 года поездка в Берлин не требовала особых усилий, хотя и могла быть опасной, если бы путешественников угораздило попасть под авианалеты, которые часто устраивали британские бомбардировщики. У Шанель и Динклагге был выбор: ехать по франко-германской железной дороге или воспользоваться услугами регулярных немецких авиалиний

“старой тетушки Ю” (*alte Tante Ju* — “Ю” означало “Юнкерс”). Самолет летал ежедневно между берлинским аэропортом Темпельхоф и парижским Ле Бурже — где в мае 1927 года приземлился Линдберг¹, совершив исторический перелет Нью-Йорк — Париж.

Более комфортным вариантом был спальный вагон ежедневного поезда от парижского Северного вокзала до берлинского вокзала Цоо. Шанель и компания выехали из Парижа в 23:17 и прибыли в Берлин на следующий день в 21:34, насладившись по пути преимуществами приличного питания и спокойного сна.

На вокзале в Берлине Шанель встретили доверенные офицеры Шелленберга в сопровождении дежурных солдат СС, принявших багаж. Затем гостей проводили к боковому выходу на Йебенштрассе и повезли на служебном лимузине СС по затемненным улицам Берлина. Осень и зима 1943 года выдались холодными, вдоль улиц лежали сугробы. Шанель, конечно, заметила, как пострадал Берлин от бомбардировок. Даже Мемориальная церковь кайзера Вильгельма была разрушена британскими зажигательными бомбами.

Водитель-эсэсовец выехал на кольцевой автобан, чтобы добраться до резиденции для гостей СС на озере Ванзее на западной окраине Берлина. Этот район бомбардировки не затронули. (На случай авианалета в нескольких метрах от резиденции было бомбоубежище.) В январе 1942 года генерал СС Рейнхард Гейдрих провел на курорте Ванзее печаль-

¹ Чарльз Огастес Линдберг (1902—1974) — американский летчик, первым перелетел Атлантический океан в одиночку 20–21 мая 1927 г.

но известную конференцию для координации плана по уничтожению евреев Европы.

Шанель предстояла встреча с правой рукой Гимmlера и генералом СС. Она была на пороге логова нацистской власти.

Первая встреча с Шелленбергом прошла в его кабинете Главного управления имперской безопасности (РСХА) на углу Беркаерштрассе и Зульцаерштрассе. До того как в 1941 году здание было конфисковано в пользу СС, в нем располагался дом для престарелых еврейской общины.

Рассказ о берлинской встрече Шанель и Динкляге с начальником разведки СС генералом Вальтером Шелленбергом содержится в протоколе “сурового” допроса Шелленберга британской секретной службой через несколько месяцев после ареста. Из 60-страничного протокола ясно, что Шелленберг был болен и испытывал стресс: “Я был измотан после восьми недель в абсолютно темной камере”. Все же проверка исторических документов подтверждает, что сведения, данные им на допросе, в основном верны. Однако дата первого визита Шанель к Шелленбергу указана неверно. Впервые Шанель встретилась с ним в Берлине в декабре 1943-го или в январе 1944-го — а не в апреле, как значится в протоколе. В апреле могла состояться повторная встреча в Берлине, когда Шанель провалила задание в Мадриде.

Вот что рассказал генерал СС Вальтер Шелленберг на допросе М16 о первом визите Шанель в берлинский штаб СС:

Штаб СС в Берлине, куда Шанель приехала в конце 1943 г. Это здание прежде было еврейским хосписом. Приехавшие из Парижа Шанель, Динклагге и Момм встретились в штабе СС с генералом СС Вальтером Шелленбергом.

В апреле 1944 г. госсоветник Шибер, бригадефюрер СС и правая рука Альберта Шпеера в рейхсминистерстве военной промышленности, и некий ротмистр Момм рассказали Шелленбергу о существовании некой фрау Шанель — француженки и владелицы известной парфюмерной фабрики. Сообщалось, что эта женщина знакома с Черчиллем достаточно хорошо, чтобы начать с ним политические переговоры. [Она была] врагом России и жаждала помочь Франции и Германии, чьи судьбы, как она верила, тесно связаны. Шелленберг потребовал привезти Шанель в Берлин, и она приехала в сопровождении некоего герра Динклагге. (Шелленберг подозревал, что у Динклагге были ка-

кие-то деловые связи с абвером и СД¹, но у него не было доказательств.)

Шелленберг познакомился с Шанель в присутствии Динклагге, Шибера и Момма. Договорились о следующем: некая фрау Ломбарди — бывшая британская подданная, вступившая в брак с итальянцем, — будет освобождена из итальянского лагеря для интернированных и отправлена в Мадрид в качестве посредницы. Фрау Ломбарди, давняя подруга фрау Шанель, интернирована вместе с мужем по каким-то политическим соображениям из-за него и, возможно, [Пьетро] Бадольо [впоследствии — премьер-министра Италии]. Задачей Ломбарди было передать письмо от Шанель в британское посольство в Мадриде для дальнейшей его передачи Черчиллю. [Письмо, упомянутое Шелленбергом, так и не было найдено.] Динклагге должен был стать связным между Ломбарди в Мадриде, Шанель в Париже и Шелленбергом в Берлине. (Операции Шанель в Мадриде было присвоено кодовое название *Modellhut* — “Модная шляпка”.)

Вера Ломбарди, находясь в это время в Риме, не имела понятия, о чем договорились Шанель и Шеллен-

¹ SD (*Sicherheitsdienst*) — внутрипартийная служба безопасности НСДАП, позднее — служба безопасности рейхсфюрера СС. В 1939 г. СД вошла в состав РСХА. Шелленберг руководил 6-м управлением РСХА — внешней службой безопасности.

ГЕНЕРАЛ СС ВАЛЬТЕР ШЕЛЛЕНБЕРГ (в центре),
начальник разведки СС Гиммлера, с сослуживцами
из СС (дата неизвестна). В конце 1943 г. Шелленберг
встретился с Шанель, Динкляге и Моммом в Берлине
и утвердил миссию Modelhnut ("модная шляпка")
в Испании в январе 1944 г.

берг в Берлине. Эдмонда Шарль-Ру пишет в биографии Шанель, что та отправила Вере письмо с просьбой помочь ей открыть дело в Мадриде и сообщила, что немцы все организуют так, чтобы Вера приехала к ней в Париж.

В июле 1943 году ставка Муссолини на то, что фашизм приведет Европу к "новому порядку", не сулила ему выигрыша. В Риме дуче неожиданно был заменен на посту премьер-министра маршалом Пьетро Бадольо. Муссолини бежал на север и там, на ок-

купированной немцами территории севернее реки По, создал огрызок фашистского государства¹.

В первые годы войны Вера Ломбарди, благодаря которой в жизни Шанель появились герцог Вестминстерский и английские аристократы, в том числе Уинстон Черчилль, жила с мужем полковником Альберто Ломбарди в Париоли — шикарном жилом квартале Рима рядом с Виллой Боргезе. Полковник Ломбарди вступил в фашистскую партию в 1929 году. Его семья была близка к Муссолини на протяжении почти двадцати лет, а брат Джузеппе возглавлял разведку ВМФ Италии.

Несмотря на принятие после свадьбы итальянского гражданства и связи с высокопоставленными фашистами, королевская кровь Веры, ее английские манеры и взгляды поставили ее под подозрение. Еще в 1936 году итальянская тайная полиция при министерстве внутренних дел и службе военной разведки отслеживала визиты Веры в посольство Великобритании и контакты с британским сообществом в Риме. Ее разрабатывали как «потенциального британского информатора».

Вера и в самом деле была информатором, но нет сведений, что она была агентом британской разведки. Когда полиция впервые заподозрила ее в государственной измене, она написала письмо в Лондон своему другу детства Уинстону Черчиллю — еще не ставшему членом парламента, — в ко-

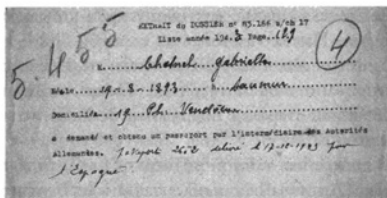
¹ Итальянская социальная республика (или, по названию столицы де-факто, Республика Сало) просуществовала до 1945 г.

тором рассказывала, как популярен Муссолини в Италии. Письмо начинается словами “Мой дорогой Уинстон, как я хотела бы, чтобы ты был здесь...” и датировано июнем 1935 года. После этого письма Черчилль старался подружить Великобританию с диктатором.

В донесении тайной полиции от 1941 года сообщается: “Англичанка, жена итальянского офицера, проживающая по адресу Барнаба-Ориани, 32, малая вилла [домашний адрес Ломбарди в Париоли], во время авианалета не выключила свет”. Через два года, когда войска Союзников продвигались к Риму, фашистская тайная полиция начала систематические аресты всех подозреваемых в симпатии к Союзникам. Большинство арестованных были направлены в концлагерь Баньо-а-Риполи вблизи Флоренции.

Веру, “подозреваемую в шпионаже в пользу британских спецслужб в течение последних десяти лет”, арестовали 12 ноября 1943 года и поместили в римскую женскую тюрьму. Через три дня пришло указание из МВД Италии: “Названную женщину [Веру Бейт Ломбарди] следует перевезти к северу от реки По — укажите конкретное место заключения”. Ответ пришел 15 ноября: “Женщину отправить в Баньо-а-Риполи”. Рукописное приложение к документу указывает, что перевод Веры “подлежит согласованию с соответствующими германскими органами”.

Через семь дней Веру освободили. Совместная директива министерств внутренних дел и обороны, датированная 24 ноября 1943 года, гласит: “Данное

Документ из полицейского досье на Шанель, подтверждающий, что она запросила и получила визу для поездки в Испанию в 1943 г. "при посредничестве германских властей". Рапорт Парижской полиции от 1948 г. показывает, что у Шанель не было оснований для получения визы. Она была выдана французскими властями по прямому приказу начальника СС в Париже Карла Бемельбурга.

лицо [Вера Ломбарди], содержащееся в римской тюрьме, освобождено 22 ноября по распоряжению управления германской полиции в Риме. Похоже, Вера Аркрайт снова свободна.." (Аркрайт — девичья фамилия Веры.) Документ подписан комиссаром местной полиции.

Шелленберг вытащил Веру и спас ее.

Вернувшись в Париж с Шанель, Динклагге достал ей паспорт с испанской визой. Документ был выдан 17 декабря 1943 года. К паспорту прилагалась официальная французская справка. В ней написано от руки: "Паспорт запрошен и выдан при посредничестве германских властей... Паспорт 2652, выдан... для поездки в Испанию". Французские власти выдали паспорт по прямому приказу начальника париж-

ского отделения гестапо Карла Бёмельбурга. (Годом позже в совершенно секретном меморандуме, адресованном в секретариат Черчилля на Даунинг-стрит, 10, сообщалось: “Есть убедительные доказательства, что [Вере Ломбарди] во время поездки [из Рима в Мадрид] непосредственную помощь оказывала СД” — разведслужба Шелленберга.)

К концу декабря 1943 года или в начале января 1944-го Шанель, Динклаге и Вера выехали из Парижа по железной дороге к испанской границе в Андае. Там они остановились, чтобы пройти франко-германо-испанский пограничный контроль. Тут-то Динклаге и встретился со связным офицером Шелленберга — капитаном СС Вальтером Кучманном, “который получил приказ переправить крупную сумму денег Шанель в Мадрид”.

Протокол допроса Шелленберга в М16 предлагает немного иную версию: “Через неделю после освобождения Вера полетела в Мадрид...”

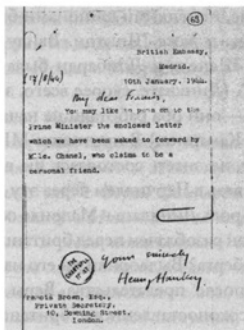
Подвела ли Шелленберга память, или он, как и его связной офицер, потерял с Динклаге контакт?

В Мадриде Шанель и Ломбарди поселились в отеле “Риц”. Затем Шанель пошла в британское посольство на встречу со своим другом сэром Сэмюэлем Хором. Британский дипломат Брайан Уоллес (кодовое имя Рамон), докладывавший в Лондон о миссии Шанель и Вофрелана по поручению абвера в 1941 году, снова помог ей.

Капитан СС Вальтер Кучманн в штатском. Кучманн — связной офицер генерала СС Вальтера Шелленберга — на французской границе в Андае в 1944 г. получил приказ переправить крупную сумму денег Шанель в Мадрид в том же году. В 1946 г. он числился под номером 182 в списке разыскиваемых нацистских преступников по обвинению в убийстве тысяч евреев в Польше.

Допрос Шелленберга в М16 проливает свет на дальнейшее: "...с разрешения Шелленберга Ломбарди также получила письмо от Шанель, которое ей передал [Рейнхард] Шпитци. В письме Шанель торопила [Веру] встретиться с Черчиллем по возвращении в Англию". Текст этого письма остался неизвестным, автору не удалось найти его в архивах.

ПИСЬМО, ДАТИРОВАННОЕ ЯНВАРЕМ 1944 Г., ОТ ГЕНРИ ХЭНКИ — ВЫСОКОПОСТАВЛЕННОГО ДИПЛОМАТА ПОСОЛЬСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В МАДРИДЕ. ТЕКСТ ПИСЬМА: "МОЙ ДОРОГОЙ ФРЭНСИС, НЕ БУДЕШЬ ЛИ ТЫ ТАК ЛЮБЕЗЕН ПЕРЕДАТЬ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ ПРИЛАГАЕМОЕ ПИСЬМО. НАС ПОПРОСИЛА ДОСТАВИТЬ ЕГО М-ЛЬ ШАНЕЛЬ, ОНА УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ЛИЧНЫМ ДРУГОМ АДРЕСАТА".

(Видимо, Шелленберг считал, что Вера Ломбарди собиралась добраться до Британии из Мадрида.)

Далее протокол допроса Шелленберга раскрывает удивительные факты: "По прибытии в этот город [Мадрид]... вместо того чтобы выполнять предписанную ей задачу, [Вера] всех до одного сдала британским дипломатам как немецких шпионов.

Как следствие, немецкими шпионами были объявлены и Шанель, и даже Шпитци. Ввиду явного провала связь с Шанель и Ломбарди была немедленно прекращена". (Динклагге, скорее всего, знал Рейнхарда Шпитци — они оба работали на начальника абвера адмирала Канариса.) В протоколе М16 говорится: "Шелленберг не знает, состоялась ли впоследствии какая-либо связь с Черчиллем через эту женщину".

И снова роль Динклагге в Мадриде остается загадкой. Был ли он разоблачен перед британцами как связной Шелленберга? Выдворили ли его из Мадрида?

Вскоре после предательства Веры Шанель попросила высокопоставленного британского дипломата Генри Хэнки из посольства в Мадриде переслать письмо Черчиллю. Письмо было отослано прямо перед отъездом Шанель из Мадрида в Париж. В нем не упоминались ни генерал СС Вальтер Шелленберг, ни миссия "Модная шляпка". В письме содержалась лишь просьба к старому другу помочь Вере Ломбарди, подозреваемой теперь в связях СС из-за того, что Шанель вовлекла ее в миссию "Модная шляпка".

Генри Хэнки переслал рукописное письмо от Шанель на шести страницах в кабинет премьер-министра на Даунинг-стрит, 10. В архивах Черчилля в Чартуэлле сохранилась копия этого письма вместе с заметкой от одного из помощников премьера о его получении. Несколькими днями позже датирована другая заметка с Даунинг-стрит, в которой говорится, что письмо Шанель было передано миссис Черчилль, так как сам он был в отъезде.

Вот цитата из письма Шанель Черчиллю, написанного от руки на листках из блокнота отеля “Риц” на Пасео-дель-Прадо в Мадриде:

*Мой дорогой Уинстон,
Простите, что объявилась и прошу вас о помощи в такой момент... Некоторое время назад я слышала, что с Верой Ломбарди не очень любезно обошлись в Италии из-за того, что она — англичанка и жена итальянского офицера... Вы достаточно хорошо меня знаете, чтобы понять, что я сделала все возможное с моей стороны, чтобы вытащить ее из этой ситуации, которая стала по-настоящему трагической, когда фашисты попросту посадили ее в тюрьму... Я была вынуждена обратиться к одной довольно важной персоне, чтобы ее освободили и отпустили ко мне... так что я умудрилась поставить себя в весьма щекотливое положение, поскольку в ее итальянском паспорте есть немецкая виза, и я прекрасно понимаю, что это кажется довольно подозрительным... можете себе представить, мой дорогой, что после нескольких лет оккупации Франции мне часто приходилось сталкиваться с разными людьми! Мне бы очень хотелось переговорить с вами обо всем этом!*

Enfin, Vera veut... en Italie où se trouve son mari. Je crois qu'un mot de vous aplanirait toutes les difficultés et je rentrerais... tranquille en France car je ne peux pas l'abandonner là. J'espère que votre santé est meilleure.

Je n'ose pas vous demander de me répondre mais naturellement un mot de vous serait un grand reconfort pour attendre la fin...

Croyez moi toujours très affectueusement...

Coco Chanel

*(Peut être Randolph peut me donner de vos nouvelles.)*¹

Черчилля не было в Лондоне, когда пришло письмо Шанель. Он тяжело заболел в Тунисе и с 12 декабря 1943 года был прикован к постели пневмонией с температурой под 40°. Он был на конференции в Тегеране с Рузвельтом и Сталиным и оттуда направился в Тунис, чтобы по пути встретиться с Эйзенхауэром. 5 января 1944 года премьер-министра перевезли в отель-дворец “Ла Мамуниа” в Марракеше. Болезнь Черчилля держалась в строжайшей тайне, хотя посол в Мадриде Хор и мог знать, что он нездоров. Так или иначе, миссия “Модная шляпка” была провалена. Упоминание Шанель здоровья Черчилля могло означать, что Хор рассказал ей о болезни премьера.

Пока письмо дошло до Даунинг-стрит, 10, Шанель и Динклагэ уже вернулись в Париж. Позже Ша-

¹ Говоря кратко, Вера... хочет вернуться к мужу в Италию. Думаю, одного вашего слова было бы достаточно, чтобы устранить эти трудности... и тогда я могла бы спокойно вернуться во Францию, ведь я не могу бросить ее (здесь). Надеюсь, ваше здоровье поправилось. Я не смею просить об ответе, но, конечно, пара слов от вас скрасила бы ожидание развязки...

Всегда с любовью...

Коко Шанель

Возможно, Рэндольф мог бы передать мне весточку от вас (фр.).

нель поехала в Берлин объяснять Шелленбергу, почему в Мадриде все пошло наперекосяк.

В результате проваленной миссии Шанель — Динклаг в Мадриде Уинстон Черчилль, MI6 и британские дипломаты совсем запутались в неразберихе, устроенной Верой Ломбарди. Впоследствии Шанель опасалась, что участники операции “Модная шляпка” будут ее шантажировать.

В марте 1944 года в особняк леди Урсулы Филмер Сэнки, дочери Бендора, пришло письмо от Веры Ломбарди, в спешке написанное от руки на двух страницах. В письме Вера просила Урсулу заступиться за нее, задействовав отца и Черчилля, и вызволить ее из Мадрида домой в Рим. Тревога Веры усиливалась с каждой неделей после отъезда Шанель. Она знала, что британцы подозревают ее в связи с СС, и боялась, что они откажут ей в возвращении в освобожденный Рим к мужу Альберто Ломбарди.

Просьба к дочери Вестминстера достигла Лондона как раз в тот момент, когда Черчилль увяз в спорах с американцами о стратегии в Средиземноморье. США хотели начать вторжение во Францию, чтобы успокоить Сталина. Черчилль же настаивал на наступлении с берегов Средиземного моря.

На протяжении следующих нескольких месяцев премьер-министр Великобритании тратил свое драгоценное время на спасение Веры Ломбарди.

Некоторые историки и биографы утверждают, что одобренная Шелленбергом идея использовать Шанель в качестве посредника для связи с Черчиллем через Мадрид была безумием. Сэр Стюарт Хэмпшир, офицер М16 во время войны, считал, что Шелленберг был плохо осведомлен о решимости Черчилля довести войну до капитуляции Германии.

Несмотря на то что Союзники в январе 1943-го на Касабланкской конференции заявили, что будут добиваться безоговорочной капитуляции Германии, американское и британское военное командование рассчитывало, что в случае устранения Гитлера и приостановки боевых действий против США и Британии германская армия сможет остановить продвижение русских в Восточной Европе и Германии. Таким образом можно было избежать захвата Европы коммунистами.

К весне 1944 года многие сотрудники разведки Шелленберга и офицеры абвера, в том числе и Динклаг, потеряли надежду на тотальную победу Германии. Вскоре разведчики абвера были переведены под начало генерала Шелленберга в службу военной разведки СС — они зондировали почву на предмет переговоров об окончании войны. Отчаянный поиск Шелленбергом возможностей переговоров, его маневры и хитрости совпали с сигналами американских и британских политиков, что скорейшее прекращение военных действий против Германии необходимо, чтобы остановить наступление Советов на Германию и предотвратить вторжение Сталина в Европу.

Начальник разведки СС был не единственным, кто искал новых путей для Германии. В 1943 году министр иностранных дел Германии Риббентроп и шеф Динклагге, начальник абвера адмирал Вильгельм Канарис, вели переговоры с командованием Союзников о заключении сделки. Именно в 1943-м Даллес, начальник УСС в Берне, втайне искал возможности начать сепаратные переговоры с Германией через швейцарских и шведских посредников, а также через сочувствующих немцев и немецких офицеров высокого ранга. Даллес был убежден, что США и Британия должны договориться с Германией, прежде чем русские захватят Европу. Он утверждал, что касабланкское требование безоговорочной капитуляции немцев — “просто бумажка, которую можно выбросить без всяких раздумий, если Германия попросит мира”. Даллес предлагал требовать лишь одного: “Гитлер должен уйти”.

Тридцативосьмилетний граф Клаус фон Штауффенберг — начальник штаба резервной германской армии — и офицеры-единомышленники приступили к действию. Их план по уничтожению Гитлера под кодовым названием “Операция “Валькирия” предусматривал также, что после смерти фюрера сразу же будет подписано мирное соглашение с Англией, дабы предотвратить взятие Берлина Советами и его последующую большевизацию.

Двадцатого июля 1944 года Штауффенберг прибыл на конференцию высшего командования под пред-

седательством Гитлера. Войдя на командный пункт фюрера Вольфшанце (Волчье логово) под Растенбургом в Восточной Пруссии, он положил портфель с детонатором и взрывчаткой рядом с местом Гитлера. Затем он запустил детонатор и вышел из помещения.

Только один из зарядов взорвался и ранил Гитлера. Заговор провалился. Штауффенберг и его героические товарищи из числа немецких офицеров поплатились жизнями. Несколько месяцев спустя Шелленберг арестовал адмирала Канариса по приказу Гимmlера — были свидетельства, что Канарис помогал заговорщикам. После этого абвер был переведен под начало СС. Канариса казнили в апреле 1945 года в концлагере Флоссенбург. В то же время Динклагге перевели в новую службу военной разведки, подчиненную СС.

Глава 11

ВЕЗЕНИЕ КОКО

*Богатые, умные и с нужными связями
избежали наказания — они вернулись
после бури...*

ГАСТОН ДЕФФЕР,
боец французского Сопротивления

Ранним утром во вторник 6 июня 1944 года Би-би-си в эфире на Францию рассказала на французском языке о “Дне Д” — высадке Союзников в Нормандии — и объявила, что Париж скоро будет освобожден. Тысячи американских, британских, французских и других союзных солдат высадились с моря, десантировались с парашютами на крыши зданий и кроны деревьев и приземлились на самолетах всего в 123 километрах от Парижа. Франция содрогнулась. Вскоре новость подтвердили по радио и в газетах. *Le Matin* вышла с заголовком: “Франция снова стала полем битвы!”

Это было трагическим событием для Шанель и других пособников нацистов. Она, Жан Кокто, Серж Лифарь и Поль Моран вместе с сотнями дру-

гих имен числились в черном списке французского Сопротивления. Если немцев вынудят сдать Париж, Шанель и ее друзей ждет следствие и наказание от тех, кто пострадал от унижений и преступлений нацистов. В те дни парижане посматривали на флагштоки почти над каждым общественным зданием города. Свастика еще там? Если так, значит, немцы еще здесь. Если же флагшток пустует, значит, немцы сбежали.

На другом берегу Ла-Манша, в Портсмуте, на лице главнокомандующего операции “Оверлорд” Дуайта Д. Эйзенхауэра, казалось, застыла улыбка. А в Берлине Гитлера охватил приступ ярости. Некогда любимые его генералы Герд фон Рундштедт и Эрвин Роммель — “Лис пустыни” — открыто рекомендовали хозяину “закончить войну, пока Германия еще обладает значительной военной мощью”. Фон Рундштедт был отстранен от командования, Роммель покончил с собой, чтобы спасти свою семью от гнева Гитлера.

В гостинице “Лютеция” Динклагге, Момм и их коллеги из абвера начали паковать и сжигать документы. Пока они готовились к отъезду в Германию, авиация Союзников начала бомбардировки окрестностей Парижа. “Риц” постепенно пустел. Немецкие постояльцы уезжали домой в поисках безопасного места.

Динклагге бежал из Парижа после провала покушения на Гитлера 20 июля. Шанель, которой шел

уже 62 год (хотя выглядела она на 50), вскоре переехала в свою квартиру на рю Камбон через дорогу от “Рица”. Стоял душный жаркий август, и снова все было усыпано хлопьями пепла. Когда бомбежки Союзников докатились до окраин Парижа, немцы жгли документы круглосуточно, точно так же, как французы четыре года назад во время эвакуации. Шанель не осталась в полном одиночестве — с ней был ее дворецкий Леон и преданная служанка Жермена.

В Берлине Шелленберг возобновил попытки встретиться с нейтральными посредниками. В конце концов он связался со шведским дипломатом графом Фольке Бернадотом и попросил его помочь в мирных переговорах через британских дипломатов в Стокгольме. В знак доброй воли Шелленберг приказал своим эсэсовцам освободить и выдать Союзникам американцев, французов и англичан, из концлагерей Равенсбрюк и Нойенгамме. Так он подал сигнал британцам, что он и Гиммлер — не оголтелые нацисты. Впоследствии это спасло Шелленбергу жизнь.

Пока войска Союзников продвигались к Парижу, Шанель связалась с Пьером Реверди, который время от времени был ее любовником на протяжении последних двадцати лет. В самом начале оккупации Реверди приезжал в Париж, чтобы повидаться с Шанель перед тем, как присоединиться к партизанскому отряду. Но в Париже он ее не застал. Она тогда была еще в Корбере с семьей Паласс. Теперь Шанель попросила его найти и арестовать Вофрелана. Вероятно, Шанель надеялась, что Вофрелан — един-

ственный француз, который мог доказать ее связь с нацистами, — исчезнет навсегда.

Реверди со своими партизанами выяснил, что Вофрелан прячется в парижской квартире графа Жана-Рене де Геньерона. Барона поймали и посадили в тюрьму Сопротивления вместе с другими коллаборационистами. Потом его перевели в лагерь Дранси на окраине Парижа — то самое учреждение, в стенах которого совсем недавно томились еврейские семьи в ожидании депортации в нацистские концлагеря. Все, что Вофрелан позже сказал о странном вмешательстве Реверди, это: “У него был на меня зуб за что-то”.

Друг Шанель Серж Лифарь весь июнь работал над балетом “Шота Руставели” в Парижской опере вместе с мастерами оперы композитором Артюром Онеггером и дирижером Шарлем Мюншем. Теперь, когда Союзники наступали на Париж, Лифарь отказался от предложения улететь в нейтральную Швейцарию на частном самолете австрийского дирижера Герберта фон Караяна. Вместо этого он спрятался в квартире Шанель на рю Камбон. Шанель рассказывала одному приятелю: “Я не могла ходить по квартире даже полураздетой — вдруг Серж прячется в шкафу”. Позже Лифарь добровольно сдался “комитету по очищению” Оперы и был уволен сроком на один год — мягкое наказание за его пособничество нацистам. У многих близких друзей Коко были весомые основания скрываться. “Ненависть и жажда мести пропитали французское общество...

так много было страданий, унижений и стыда, так много людей стали жертвами предательств, пыток и депортации”. Большинство французов пережили эти четыре долгих года, как заключенные, подавляемые и унижаемые примерно миллионом немцев. Люди старались выжить — некоторые с честью, другие, как Шанель, Воффрелан, Кокто и Лифарь, стали коллаборационистами и теперь должны были понести наказание.

Последний эшелон с еврейскими заключенными отправился из Франции в Освенцим 17 августа — через несколько дней после того, как разразились ожесточенные уличные бои немецких частей с партизанами “Свободной Франции” и коммунистами. Освободительное восстание Парижа против ненавистных захватчиков-бошей было в разгаре, когда генерал Шарль де Голль высадился в Нормандии. Тем временем к городу приближались бойцы Сопротивления под командованием генерала Филиппа Леклерка.

Поздним вечером 24 августа авангард колонны Леклерка вошел в Париж. На следующий день танкисты Леклерка в форме американских солдат и французские моряки в узнаваемых бескозырках с красными помпонами заняли ключевые позиции города. В ближайшие месяцы была освобождена вся Франция.

К 25 августа армия Леклерка овладела Парижем, германский генерал Дитрих фон Хольтиц капиту-

Позор для германских офицеров — они попали в плен к солдатам Французской Второй танковой дивизии.

Париж, август 1944 г.

лировал, и генерал Шарль де Голль — глава Временного правительства Франции — прибыл в Париж на встречу с Леклерком и другими генералами и советниками.

На следующий день де Голль провел свой знаменитый парад по Елисейским полям к собору Парижской Богоматери на торжественную мессу. Перед этим он заявил в городской ратуше Отель-де-Виль: “Париж! Париж оскорблен! Париж сломлен! Париж измучен! Но Париж свободен!” — эти слова заставили парижан плакать от счастья.

После освобождения Франции коллаборационисты подвергались преследованиям; женщин, связавшихся с немецкими оккупантами, унижали. На фотографии две женщины со свастиками на обритых головах.

Но для некоторых эти слова прозвучали злое — они означали, что час расплаты близок.

Чтобы увидеть марш де Голля через площадь Согласия к Елисейским полям, Шанель, Лифарь и еще несколько гостей собрались в квартире Серта с видом на эту площадь. Если верить их биографам, многие из них, включая Шанель, ее приятеля графа де Бомона и Лифаря, беспокоились из-за того, что их сотрудничество с нацистами — ни для кого не секрет. Они надеялись, что Хосе-Мария Серт, посол Испании в Ватикане (проживающий в Париже), сможет защитить их от мести бойцов Сопротивления.

Двумя неделями позже Шанель арестовали.

Французский писатель Робер Арон подсчитал, что после освобождения Франции были казнены от 30 до 40 тысяч коллаборационистов.

Чтобы покончить с этим военно-полевым правосудием, Временное правительство де Голля в середине сентября 1944 года создало специальные суды по рассмотрению дел коллаборационистов. Одних подсудимых казнили, других признали виновными в не столь тяжких формах коллаборационизма, для этого ввели новое обвинение — в поведении, недостойном гражданина (*indignité nationale*), — их наказывали лишением избирательных прав, права занимать государственные посты и заниматься некоторыми профессиями.

По всей Франции приход французских и союзных войск высвободил массу гражданской энергии. В Париже во время бурного празднования освобождения люди голыми руками срывали таблички с немецкими названиями улиц вокруг Оперы и в других местах. Одни упивались свободой, другие давали выход ненависти и жажде мести. Известным коллаборационистам приходилось спасаться от смерти. Если их находили, то могли застрелить на месте. Красивых женщин — “горизонтальных коллаборационисток” — вытаскивали из дома без одежды и публично брили им головы. Всего в Париже были убиты двенадцать тысяч немецких солдат, чиновников и пособников оккупационных властей. Многие попали во французские лагеря.

В их числе была и бывшая жена Динклагэ Кэтси. Разведка “Свободной Франции” подозревала ее в шпионаже в пользу Германии. Прямо перед оккупацией ее интернировали в концентрационный лагерь в Гюрсе. Во время оккупации ее освободили, затем она вернулась в Париж. После войны ее сводная сестра Сибил Бедфорд написала книгу об оккупации, в которой утверждает, что тогда Кэтси пострадала из-за своего еврейского происхождения.

В секретном послевоенном докладе французской разведки рассказывается другая версия, согласно которой Кэтси сотрудничала с немцами на протяжении всей оккупации, находясь под защитой Динклагэ и нескольких друзей-нацистов. Документ показывает, что после освобождения Кэтси, опасаясь бойцов Сопротивления, обо всем рассказала французской полиции. Она надеялась на защиту, но ее немедленно интернировали вместе с немцами в бывший концлагерь СС для евреев в Дранси. Потом ее перевели в лагерь для интернированных в Нижней Нормандии и содержали там 18 месяцев.

Кэтси освободили благодаря непрерывным усилиям ее адвоката. Он представил властям ходатайство от жены высокопоставленного французского офицера. Но секретные сообщения французской контрразведки утверждают, что Кэтси была далеко не жертвой германской оккупации, а коллаборационисткой, спекулянтom черного рынка и шпионом нацистского режима. Вместо того чтобы скрываться

как еврейка, она “прожила [четыре года оккупации] в прекрасных отношениях с немцами... теперь же она заявляет, что ненавидела их”.

Чтобы добиться освобождения, “Кэтси собрала письма от приятелей — сообщников по черному рынку, продававших изысканное женское белье. Этими письмами она пыталась доказать [властям освободителей] свое отвращение к немецким оккупантам”. В секретном французском докладе сказано: “Вопреки своим показаниям французским властям, Кэтси часто принимала в своей квартире на рю де Саблон своего бывшего мужа Ганса Гюнтера Динклагге”. В конце концов, они были коллегами по абверу и друзьями. Доклад не обошел вниманием и Динклагге: “Динклагге был активным и опасным агентом пропаганды. По его указаниям мадам Шаснель [*sic*] собирала информацию для его службы”. В докладе отмечено, что после взятия Парижа Союзниками “друг Кэтси штандартенфюрер СС Отто Абец посоветовал ей уехать из Франции”. И вывод: “Максимилиана фон Шёнебек (Кэтси) — агент германской разведки, ее присутствие во Франции несет в себе угрозу государственной безопасности. Мы предполагаем, что она получила указание остаться в стране, чтобы когда-нибудь продолжить шпионаж. Ее следует рассматривать как лицо, чье пребывание во Франции нежелательно”.

Несмотря на то что Кэтси и Динклагге были официально выдворены из Франции министерским декретом от 5 июля 1947 года, Кэтси удалось остаться

в стране до самой смерти в Ницце в 1978-м в возрасте 79 лет. Летом 2010 года члены семьи Шёнебек дали интервью у себя дома в Австрии и рассказали, что после войны Кэтси работала у Шанель, однако не смогли представить доказательств.

С 1942 года Шанель была в официальном черном списке FFI¹. Теперь же, в начале сентября 1944 года, несколько молодых бойцов FFI (Шанель называла их “фифи”), сильной руки Комитета по очищению, привели ее на допрос в штаб Комитета.

Биографы Шанель пишут, что она презирала этих вооруженных молодых людей в сандалиях и с закатанными рукавами. Однако группа, проводившая допрос, не обладала сведениями о ее секретной деятельности. Они не знали подробностей ее сотрудничества с абвером или мадридской миссии 1941 года с Воффреланом. К тому же они не подозревали, что Шанель была ключевой фигурой в миссии мира “Модная шляпка”, оплаченной Шелленбергом в 1944 году.

По всем свидетельствам, Шанель больше оскорбили грубость и дурные манеры “фифи”, чем сам арест. После нескольких часов допроса в Комитете по очищению она вернулась в свою квартиру на рю Камбон. Внучатая племянница Габриэль Паласс Лабрюни вспоминает, что по возвращении домой Ша-

1 *Forces françaises de l'intérieur* (FFI) — Французские внутренние силы (фр.), официальное название объединенных сил Сопротивления.

нель сказала служанке Жермене: “Черчилль освободил меня”.

Хотя тому и нет подтверждений, Лабрюни и некоторые биографы Шанель уверены, что именно премьер-министр Уинстон Черчилль помог освободить Шанель, связавшись с Даффом Купером — британским послом при Временном правительстве де Голля. Поль Моран писал, что Черчилль велел Куперу “защищать Шанель”.

Служанка Шанель Жермена рассказывала Лабрюни, что вскоре после того, как Шанель “внезапно покинула квартиру на рю Камбон... она получила срочное сообщение от герцога Вестминстера”, через неизвестного посланника, который шепнул ей: “Не теряйте ни минуты... выбирайтесь из Франции”. Через несколько часов Шанель выехала из Парижа на лимузине “кадиллак” с шофером и направилась в безопасную швейцарскую Лозанну.

Вмешательство Черчилля в судьбу Шанель и ее спасение дало биографам пищу для размышлений. По одной из версий, Шанель знала, что Черчилль нарушил собственный Акт о запрете торговли с врагом (принятый в 1939 году и вводящий уголовную ответственность за ведение бизнеса с противником во время войны), тайно заплатив немцам за неприкосновенность собственности герцога Виндзорского в Париже. Квартиру герцога в Шестнадцатом округе никто не тронул, в то время как сами Виндзоры эмигрировали на Багамы, где герцог служил губернатором. Его биограф утверждает, что, “если бы Шанель

предстала перед следствием за коллаборационизм, она могла бы выдать как пособников нацистского режима Виндзоров и еще нескольких представителей высшего английского общества. Британская корона не могла допустить разоблачения членов королевской семьи”.

Королевская семья столь болезненно воспринимала неподобающие связи герцога, что в последние дни войны послала на континент придворного историка Энтони Бланта. Блант, которого впоследствии разоблачили как русского шпиона, тайно съездил в немецкий городок Шлосс-Фридрихсхоф и изъяс компрометирующую переписку герцога Виндзорского с Адольфом Гитлером и другими известными фигурами. (Содержание переписки герцога с Гитлером и другими нацистами остается тайной по сей день.)

Шанель определенно знала о связях четы Виндзоров с нацистами; возможно, она знала и о переписке с Гитлером. Агент М16 Малькольм Маггеридж был в Париже в момент освобождения в качестве связного при французской *sécurité militaire* (военной службе безопасности). Он был восхищен изобретательностью Шанель, избежавшей “чистки” весьма изящным способом: “Вот такие простые величественные жесты некогда сделали Наполеона великим генералом... Она вывесила в витрине своего магазина объявление, что ее духи бесплатно раздаются американским солдатам. Те сразу выстроились в очередь за флаконами *Chanel N° 5* и пришли бы

в ярость, если бы французская полиция тронула хоть один волосок на ее голове”. Увернулась Шанель и от дачи показаний в суде, что решило судьбу Мориса Шевалье, Жана Кокто, Саши Гитри и Сержа Лифаря.

С 1944 года Лозанна стала одной из резиденций Шанель. Динкляге укрылся от Союзников у друзей в Германии или Австрии. Позже он присоединился к Шанель в четырехзвездочной гостинице “Бо-Риваж” на Женевском озере, где она жила до того, как купила дом на лесистой горе у озера Совабелен.

После окончания Второй мировой войны Шанель часто приезжала в Париж. Отсюда они вместе с Мисей Серт ездили в Монако и возвращались в Лозанну за наркотиками. Так как приобретение контролируемых веществ было делом рискованным, парочка покупала их у знакомых фармацевтов за пределами Франции, если верить биографам Миси Серт. Они воспринимали как данность, что “могущественные друзья” заступятся за них в случае чего.

Мися была “неосмотрительной и нетерпеливой. Она не пыталась скрывать своих привычек. Она могла прервать беседу на званом ужине или прогулку по блошиному рынку и уколоться прямо сквозь юбку. Однажды в Монте-Карло она зашла в аптеку и попросила морфий, в то время как Шанель в ужасе умоляла ее быть осторожнее”.

У Шанель были особые отношения с одной фармацевтической лавкой в Лозанне, они с Мисей заходили туда купить наркотики. “Старые подруги с годами изменились: подростковая красота Шанель превратилась в обезьянью напыщенность, а ее дальновидность — в мстительность. Некогда цветущая и лучезарная прелесть Миси увяла”. В поезде по дороге в Лозанну “они увлеченно болтали и смеялись, утонченные и элегантные. Привычка — спутница многолетней дружбы — сделала их неразлучными”.

Биографы Миси Серт утверждают, что в разговорах с “коллорабационистом Полем Мораном Шанель все же критиковала отношения Миси с евреями и гомосексуалистами; она жаловалась, что Мися — коварный пожиратель людей, сердечный паразит. Но несмотря на эту ненависть, — говорила Шанель Морану, — когда ей был кто-то нужен, она всегда обращалась к Мисе, ибо Мися олицетворяла всех женщин и все женщины отражались в Мисе”.

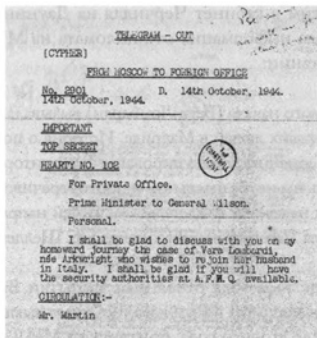
В последние несколько месяцев войны Уинстон Черчилль был чрезвычайно занят политическими последствиями смерти Франклина Д. Рузвельта, советским захватом Берлина и капитуляцией Германии в мае 1945 года. И все же он находил время на дела Шанель и Веры Ломбарди. В конце концов, последняя принадлежала к английской аристократии и дру-

жила с ним, равно как и с герцогом Виндзором и герцогом Вестминстером, а также была близка к членам королевской семьи.

С зимы 1944-го до весны 1945-го полковник Хилл-Диллон из Штаба Союзных войск в Париже послал Черчиллю на Даунинг-стрит, 10, множество сообщений. В одной из депеш он информирует премьера, что следователи интересуются, почему Вера Ломбарди “была отправлена в Мадрид германской военной разведкой с особым заданием”. 28 декабря 1944 года П. Н. Локсли — высокопоставленный офицер разведки MI6 и главный личный секретарь лорда Александра Кэдогана, бессменного помощника министра иностранных дел, — послал секретную депешу в Штаб Союзных войск (AFHQ) в Риме. Копия была направлена секретарю Черчилля на Даунинг-стрит, 10, сэру Лесли Роуэну. (Дата указана неверно):

Когда мадам Ломбарди была в Париже в декабре 1941 г. [sic], ее подруга мадам Шанель намеренно преувеличила ее положение в обществе, чтобы немцы поверили, будто она [мадам Ломбарди] может быть им полезна, и разрешили ей выезд в Мадрид. Независимо от этого у Ломбарди, по-видимому, появилась бредовая идея попытаться организовать мирные переговоры и таким образом окончить войну. Находясь в Мадриде, мадам Ломбарди получала секретные письма из Рима. Она ни в коем случае не является антифашисткой, но также нет

Глава 11. Везение Коко

14 ОКТЯБРЯ 1944 Г. ВО ВРЕМЯ ПЕРЕГОВОРОВ
СО СТАЛИНЫМ В МОСКВЕ ЧЕРЧИЛЛЬ НАШЕЛ
ВРЕМЯ ПОСЛАТЬ ЭТУ СЕКРЕТНУЮ ЛИЧНУЮ
ТЕЛЕГРАММУ ГЕНЕРАЛУ УИЛСОНУ В РИМ:
"ИЗ МОСКВЫ В МИД: Буду рад обсудить
с вами по пути домой дело Веры Ломбарди,
урожд. Аркрайт, она хочет воссоединиться
с мужем в Италии. Буду рад, если в AFHQ
будут присутствовать офицеры службы
безопасности".

и свидетельств того, что немцы поручили ей какую-либо особую миссию.

Я довел до сведения AFHQ, что в данных обстоятельствах я не могу рекомендовать и далее запрещать ей въезд в Италию... Я полагаю, что [тех лиц] в Риме, которые могут контактировать с мадам Ломбарди, следует предупредить, что она все еще находится под подозрением.

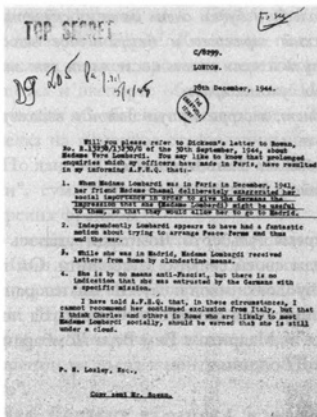
Перед этим в кабинет Черчилля на Даунинг-стрит, 10, пришла информация от дипломата из МИДа Великобритании:

С самого начала [Вера Ломбарди] вызывала подозрения наших людей в Мадриде. История о поездке через Германию и оккупированные территории показалась им неубедительной и противоречивой. Также были надежные свидетельства, что ей напрямую помогала *Sicherheitsdienst* [разведка СС Шелленберга].

На исходе 1944 года отчаянные попытки Веры вернуться из Мадрида в Рим казались тщетными. Затем, сразу после Нового года, британский МИД прислал в мадридское посольство шифровку: “Штаб Союзных войск отзывает свое возражение, дама может вернуться в Италию. Предварительное уведомление о месте и дате прибытия — обязательно”. Черчилль вмешался.

Четыре дня спустя с Даунинг-стрит было отправлено совершенно секретное письмо полковнику Хилл-Диллону в Штаб Союзных войск в Париже: “Я показал премьер-министру ваше письмо от 30 декабря... касательно дела г-жи Ломбарди; и г-н Черчилль попросил меня от всего сердца поблагодарить вас за запрос и все хлопоты, связанные с этим делом”. (Подпись неразборчиво.)

Вера наконец воссоединилась с мужем Альберто в апреле или мае 1945 года, как следует из ее благодарственного письма Черчиллю:

СЕКРЕТНАЯ ДЕПЕША БРИТАНСКОГО ДИПЛОМАТА
ОТ ДЕКАБРЯ 1944 Г., В КОТОРОЙ СООБЩАЕТСЯ,
ЧТО ШАНЕЛЬ "ПРЕУВЕЛИЧИЛА ПОЛОЖЕНИЕ
[ВЕРЫ] В ОБЩЕСТВЕ, ЧТОБЫ НЕМЦЫ ПОВЕРИЛИ,
БУДТО ОНА (Г-ЖА ЛОМБАРДИ) МОЖЕТ БЫТЬ ИМ
ПОЛЕЗНА, И РАЗРЕШИЛИ ЕЙ ВЫЕЗД В МАДРИД".
(ДАТА 1941 Г. ОШИБОЧНА.)

Рим, 9 мая 1945 г.

Мой дорогой Уинстон,

Благодарю вас от всего сердца за то, что нашли
время помочь мне, и простите мне то, чего я сама
себе не могу простить, — что вам пришлось ду-
мать о моей ничтожной персоне в то время, когда
вы, несомненно, спасали мир. Мы были очень рады

Рэндольфу и будем очень по нему скучать. Его английский характер и безграничное великодушие вдохнули в меня жизнь после пяти лет заточения в этих душных краях.

Бог даст, я скоро вернусь домой и вздохну полной грудью.

С любовью и благодарностью,

(подпись) ВЕРА

За это время Альберто Ломбарди удалось уничтожить следы своей связи с Муссолини. Он перешел на сторону Союзников и служил им, как раньше служил фашистскому диктатору. Спустя год после возвращения из Мадрида в Рим Вера Ломбарди умерла от тяжелой болезни.

Через несколько месяцев после взятия Парижа танковая дивизия генерала Филиппа Леклерка освободила Страсбург, а американские войска вырвались из немецкого капкана, выиграв Арденнскую битву. Двумя месяцами позже советские войска вошли в Освенцим. Тем временем Динклаге договорился через штаб абвера, который теперь подчинялся Шелленбергу, чтобы немецкая фирма обратилась к властям Швейцарии за разрешением на его въезд в страну. По данным пограничной службы Швейцарии, некая берлинская “Объединенная шелкоткаческая фабрика” запросила разрешение на поездку Динклаге в Цюрих для переговоров с дочерней

швейцарской фирмой и с Германской промышленной палатой в Берне. Компания подтверждала, что Динклагге должен провести переговоры об импорте шелка и экспорте оборудования. И в самом деле, речь шла об обмене швейцарского искусственного шелка на немецкое сталеплавильное оборудование. По данным “Объединенной шелкоткаческой фабрики”, сумма сделки составляла 1,2 миллиона швейцарских франков.

Но швейцарские власти не поддались на эту уловку. Они отказались выдать Динклагге визу в декабре 1944 года. Швейцарское уведомление лаконично: “Гражданину Германского рейха Гансу Гюнтеру фон Динклагге, проживающему в Берлине, в разрешении на въезд в нейтральную Швейцарию отказано”.

Позже Динклагге обратился к швейцарскому юристу, чтобы получить гражданство Лихтенштейна, что автоматически разрешило бы ему въезд в Швейцарию. Министерство юстиции и полиция Швейцарии уведомили власти Лихтенштейна, что Динклагге является нежелательной персоной. Его заявление о приеме в гражданство было отклонено.

В Берне не забыли, что в 1939 году Динклагге шпионил для абвера в их стране. Лихтенштейнскими чиновникам сообщили: “Сведения о Динклагге негативные, в 1947 г. его выслали из Франции”. Это была не последняя попытка Динклагге получить законное разрешение на проживание в Лихтенштейне или Швейцарии.

Парижским знакомым Шанель, посвященным в ее дела, было интересно, долго ли ей будет сопутствовать удача. В мае 1946 года судья парижского суда Роже Серр возбудил дело против Шанель. Досье по делу Шанель за прошедшие годы исчезло из национального архива министерства юстиции Франции. Все, что осталось, — это карточка каталога с рукописным именем Шанель и пометкой “*art 75 I 4787*”, указывающей на то, что ее дело проходило по статье французского уголовного кодекса о шпионаже. По словам главного хранителя французских архивов XX века, карточка однозначно свидетельствует, что “специальный суд по делам коллаборационистов возбудил дело против Шанель по статье уголовного кодекса о сотрудничестве с врагом в военное время”.

В 1946 году судья Серр жаждал допросить Шанель. Источники в Берлине предоставили ему документы, разоблачающие ее как агента абвера F-7124 под кодовым именем Вестминстер — псевдоним, позаимствованный у ее многолетнего друга и любовника Бендора, герцога Вестминстерского. Группа разведчиков Серра выяснила также, что Вофрелан писал доклады для абвера. Однако они не смогли найти ни одного текста, написанного рукой Шанель. По этой причине, а также из-за того, что следователи так и не узнали о связи Шанель с операцией СС “Модная шляпка”, официально ее не смогли арестовать. Тем не менее было выписано несколько ордеров на ее привод к судье Серру.

Глава 11. Везение Коко

30 ДЕКАБРЯ 1944 Г. СЕКРЕТНОЕ ПИСЬМО
ОТ С. С. ХИЛЛ-ДИЛЛОНА, СТАРШЕГО ОФИЦЕРА
ШТАБА СОЮЗНЫХ ВОЙСК В ПАРИЖЕ. В ПИСЬМЕ
СКАЗАНО: "...Г-ЖА ШАНЕЛЬ БЫЛА ДОПРОШЕНА
ФРАНЦУЗСКИМИ ВЛАСТЯМИ... ВЫЯСНИЛОСЬ,
ЧТО Г-ЖА ШАНЕЛЬ НАМЕРЕННО ПРЕУВЕЛИЧИЛА
ПОЛОЖЕНИЕ Г-ЖИ ЛОМБАРДИ В ОБЩЕСТВЕ,
ЧТОБЫ НЕМЦЫ ПОВЕРИЛИ, БУДТО ОНА МОЖЕТ
БЫТЬ ИМ ПОЛЕЗНА, ЕСЛИ РАЗРЕШИТЬ ЕЙ
ВЫЕЗД В МАДРИД. У САМОЙ Г-ЖИ ЛОМБАРДИ,
СУДЯ ПО ВСЕМУ, БЫЛО СТРАННОЕ НАМЕРЕНИЕ
ОРГАНИЗОВАТЬ МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ..."

Шанель знала, насколько она теперь уязвима. Она считала, что опасаться ей теперь следует не только Воффрелана, но и Теодора Момма и Вальтера Шелленберга. Главные действующие лица миссии

“Модная шляпка” явно ставили под угрозу ее будущее во Франции. Да и Динклаг — кто знает, в чем он может признаться на допросе? Позже проникательный наблюдатель писал: “Шпатц... был для нее кошмаром наяву”. Она напоминала “гневного капитана, расхаживающего по мостику тонущего корабля”. Пьер Реверди знал о предательстве Шанель, но впоследствии простил ее.

Допрос барона Луи де Вофрелана начался сразу после его ареста Пьером Реверди и бойцами Сопротивления. Пять лет Вофрелан дожидался судебного процесса во Дворце правосудия, где судили и приговорили к гильотине королеву Марию-Антуанетту во времена кровавых чисток Великой французской революции. 156 лет спустя, 12 и 13 июля 1949 года, в том же здании перед судом предстал Вофрелан по обвинению в многократном пособничестве врагу в военное время. Процесс вел судья в парадной мантии в присутствии четырех присяжных.

После неоднократных вызовов к судье Серру Шанель наконец предстала перед судьей Фернан-Полем Леклерком. Леклерк допрашивал ее, основываясь на объемном судебном протоколе, содержащем показания Вофрелана о работе Шанель на абвер. Ниже приведена выдержка из стенографии ее показаний. Похоже, Шанель хорошо подготовили адвокаты:

Шанель начала рассказывать судье Леклерку, как встретила Вофрелана в 1941 г. в отеле “Риц”, их познакомили граф и графиня Габриэль де ла Рошфуко.

Она добавила, что Вофрелан “произвел впечатление легкомысленного молодого человека и говорил много глупостей. Он явно имел аморальные наклонности, его одежда и парфюм это подтверждали. Я не доверяла ему. Если у него и были связи с какими-то немцами, то только сексуального характера...”. Хотя “он был приятным юношей и всегда был готов оказать услугу”.

Шанель признала, что в момент их первой встречи Вофрелану было все известно о ее племяннике Андре Палассе, находившемся тогда в германском плену.

Леклерк не стал давить на Шанель, чтобы выяснить, откуда Вофрелан узнал, что Андре был в немецком плену, или как он вышел на Шанель. Во всяком случае, согласно показаниям Шанель, “Вофрелан утверждал, что может его [Андре] вернуть. Я приняла спонтанное предложение Вофрелана..

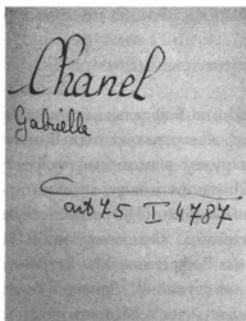
Действительно, мой племянник через несколько месяцев вернулся домой, и лично я не могу сказать, связано ли это с вмешательством немцев по просьбе Вофрелана. Он уверял меня, что лично договорился о его [Паласса] освобождении, и я все еще верю в это... Казалось, он жаждал помочь мне... и я предложила Вофрелану денег, но он отказался и попросил только одолжить ему кое-какую мебель”.

Когда войска Союзников были на подступах в Парижу, Динкляге вернулся в нацистскую Германию.

В декабре 1944 г. он подал заявление с просьбой разрешить ему въезд в Швейцарию — это была одна из многочисленных его попыток присоединиться к Шанель, скрывавшейся в Лозанне. Швейцарцы отклонили его заявление.

Стенограмма показаний Шанель не содержит вопросов судьи Леклерка, которые он задавал во время допроса. Однако он заставил ее дать определенный ответ, имела ли она контакты с германскими чиновниками после знакомства с Вофреланом. Шанель охотно рассказала: “Вофрелан несколько раз заходил ко мне, якобы чтобы сообщить, как продвигаются его хлопоты. Он никогда не приходил ко мне с немцами,

КАРТОЧКА ИЗ КАТАЛОГА ФРАНЦУЗСКОГО
АРХИВА С НАПИСАННЫМ ОТ РУКИ
ИМЕНЕМ ШАНЕЛЬ И ПОМЕТКОЙ АКТ
75 I 4787 ОТ ДЕЛА МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦИИ ФРАНЦИИ (НЕ НАЙДЕНО)
ПО ПОДОЗРЕНИЮ ШАНЕЛЬ В СГОВОРЕ
С НЕМЦАМИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

по крайней мере в мою квартиру. Возможно, он навещался в мой магазин, где меня никогда не было и куда действительно заходили немцы, чтобы купить духи. Он не знакомил меня ни с какими немцами; единственный немец, с которым я общалась во время оккупации, — это барон Диншлагге [sic], живший во Франции еще до войны и женатый на еврейке”.

Судья Леклерк наверняка изучил показания Вофрелана судье Серру. Леклерк требовал от Шанель объ-

яснить, как вышло, что она поехала в Мадрид с Вофреланом.

Шанель ответила:

Я встретила де Вофрелана в поезде, когда поехала в Испанию в августе 1941 года. Я получила паспорт обычным путем в полиции префектуры... чтобы получить паспорт и визу, я лично прошла необходимое собеседование с соответствующей германской службой... без какого-либо вмешательства со стороны Вофрелана. Мы встретились в поезде совершенно случайно. Однако я была рада, что он сопровождал меня в Мадриде, ведь его мать была испанкой, и он свободно говорил по-испански, он помогал мне в стране, где недавно произошла революция и полицейские формальности были очень строгими... Я не заметила ничего подозрительного в его поведении. После возвращения моего племянника я попросила Вофрелана навещать меня пореже. На самом деле мой племянник, хотя я и просила его быть любезным с Вофреланом... не скрывал, что после года в плену он на дух не переносил таких людей [гомосексуалистов]... Поскольку племянник жил со мной, я считала своим долгом предостеречь Вофрелана во избежание инцидентов между ними.

Судья Леклерк задал Шанель целый ряд вопросов, связанных с документами, представленными полицией и разведкой. На вопрос об отношениях с покровителями Вофрелана из абвера Шанель ответи-

ла: “Я никогда не была знакома ни с одним немцем по имени Нойбауэр или Нибур... де Вофрелан не знакомил меня с немцами, с которыми имел какие-то отношения”.

Тогда Леклерк стал допрашивать Шанель, отталкиваясь от показаний начальника Вофрелана в абвере лейтенанта Нибура и зондерфюрера Ноттермана (оба на тот момент уже работали на Корпус контрразведки Армии США (СIC) в Германии).

Когда Шанель слышала показания Нибура и Ноттермана об их встречах и делах с ней, о поездке в Испанию, она заявила: “Я повторяю, что никогда ни о чем Вофрелана не просила — ни по поводу племянника, ни по поводу моей поездки в Испанию”.

Вофрелан рассказал судье Серру, что помог Шанель связаться с нацистскими органами по ариизации имущества и предприятий евреев — в том числе и Вертхаймеров, владевших 90 процентами парфюмерной компании Шанель. На сей счет Шанель высказалась так: “Я никогда не просила Вофрелана вмешиваться в мои парфюмерные дела”. Когда же речь зашла о выгодных для нее нацистских законах по ариизации предприятий евреев, она ловко увернулась от щекотливого вопроса: “Активы предприятий Шанель никто не конфисковал. Там был назначен временный управляющий примерно на три недели. Предприятие было “ариизировано” благодаря махинациям братьев Вертхаймеров и одного их друга... Возможно, Вофрелан слышал разговоры на эту тему, но я ни о чем его не просила”.

На этом судья Леклерк остановился. Вероятно, он не знал, что Феликс Амио — отнюдь не еврей, имевший связи с Германом Герингом, — взял на себя управление парфюмерной компанией Шанель по доверенности Вертхаймеров.

Шанель продолжала: “Что же касается моей поездки в Испанию, то официальной ее целью был заказ сырья, необходимого для производства духов, поэтому мне и понадобился загранпаспорт... Я действительно знакома с людьми из высшего английского общества и разговаривала с ними по телефону из посольства Британии в Мадриде. Прежде всего я хотела узнать новости о герцоге Вестминстере, который в это время был очень болен... Я лично знакома с г-ном Уинстоном Черчиллем, но я не стала звонить ему по этому поводу, не желая беспокоить его в такое время”.

Когда Шанель были предъявлены данные под присягой показания Вофрелана о том, что офицер абвера по имени Герман Нибур обсуждал с ней в ее рабочем кабинете поездку в Испанию на средства абвера в 1941 году, она заявила: “Я решительно опровергаю ложные показания Вофрелана, что Нибур якобы приходил ко мне на рю Камбон, он никогда не приводил ко мне ни одного немца. Я даже могу точно сказать, что видела его только однажды в компании немца — это было в последний день оккупации, он шел по рю Камбон с каким-то немецким офицером...”

Ни судья Леклерк, ни судья Серр не упоминали о второй поездке Шанель в Мадрид в 1944 году

по заданию офицера СС Вальтера Шелленберга. Они либо не были знакомы с соответствующими документами французской разведки, либо, по политическим причинам, предпочли закрыть глаза на сотрудничество Шанель с СС. Также суд никогда не допрашивал Шанель о ее отношениях в течение четырех военных лет со старшим офицером абвера бароном Гансом Гюнтером фон Динклагге.

Тогда судья Леклерк обратил внимание Шанель на следующий момент: Нибур под присягой дал показания (подтвержденные Вофреланом) о том, что миссия Вофрелана и Шанель в Мадриде в 1941 года финансировалась абвером.

Шанель ответила: “Я протестую против его заявлений, это просто невозможно. Я не помню ни одного немца, с которым меня свел бы Вофрелан”. Затем, ознакомившись с показаниями Нибура, она сказала: “В “Рице” можно встретить множество людей в разных компаниях... Возможно, Вофрелан представил меня этому человеку, я хотела бы увидеть его лицо. Но, во всяком случае, я точно не видела его в форме. Наверное, он свободно говорил по-французски, поэтому я не обратила внимания на его национальность”.

Шанель смело продолжает: “Конечно, я была невысокого мнения о Вофрелане и не скрывала этого, потому что привыкла прямо говорить, что думаю. Что касается идеи послать меня в Англию с заданием начать переговоры с премьер-министром и герцогиней Йоркской, уже ставшей к тому времени королевой Англии, то она даже не обсуждалась; и я никогда

не получала денег от подобной персоны... [Мое финансовое] положение настолько прекрасно, что это подозрение просто смешно. Я думаю, этот человек [лейтенант Нибул] пытался объяснить такими фантастическими заявлениями собственные отношения с Вофреланом”.

Когда Шанель предъявили записи абвера о регистрации ее как агента, она возразила: “Мне ничего не было известно о том, что меня зарегистрировала германская спецслужба; я возмущена и протестую против этого абсурда... Я действительно прошла пограничный контроль в Андае, но ни ко мне, ни к Вофрелану немцы не проявляли никакого особого отношения. Мы провели на ногах два часа в ожидании, и через час немецкий офицер, увидев, что я очень устала, дал мне стул. Это была единственная оказанная мне любезность”. Затем Шанель добавила: “Теперь я припоминаю... Вофрелан сказал мне, что он тоже выезжал [из Парижа]. Если он утверждает, что должен был дать знать этому Нибуру о нашем отправлении, то он сделал это сам, без моего ведома, чтобы подстраховаться и избавить нас от затруднений на границе”.

В заключение Шанель сказала судье Леклерку: “Я могла бы попросить г-на Даффа Купера, бывшего британского посла, написать рекомендательное письмо, в котором он подтвердил бы, что я пользуюсь уважением в английском обществе”.

Нет никаких свидетельств, что судья Леклерк предпринял какие-либо попытки выяснить, почему

Шанель так долго поддерживала отношения с Вофреланом и позволила ему остаться на ее вилле в Рокбрюне на Лазурном берегу весной 1942 года, примерно в это же время, когда она жила там с Динкляге.

Предварительно Леклерк допросил Андре Паласса. Его показания пришлись кстати:

До войны я был директором шелкового производства Дома Шанель. В 1940 г. я попал в плен и вернулся на родину в ноябре 1941 г. С тех пор я не мог продолжать руководить предприятием Шанель в Лионе, мадемуазель Шанель назначила меня на должность директора центрального бюро компании в Париже, на rue Камбон, 31.

Я не был знаком с Вофреланом до войны. Мы познакомились лишь через несколько дней после моего вступления в должность директора... [тогда] он объявил, что меня отпустили благодаря его связям с немцами. Мадемуазель Шанель тоже говорила мне, что просила Вофрелана использовать все его влияние, чтобы освободить меня.

Я видел Вофрелана в гостях у мадемуазель Шанель раз пять или шесть. Потом я не видел его с начала 1942 г. Я не могу быть уверен, что именно Вофрелан освободил меня, у меня нет тому доказательств. Повторяю — я знаю лишь то, что мне рассказали Вофрелан и мадемуазель Шанель.

ЗАСЕДАНИЕ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В ПАРИЖСКОМ ДВОРЦЕ ПРАВОСУДИЯ, где Шанель давала показания по поводу ее поездки в Мадрид со шпионом абвера бароном Луи де Вофреланом.

Тринадцатого июля 1949 года барон Луи де Вофрелан был признан виновным по нескольким пунктам обвинения в пособничестве врагу и приговорен к шести годам тюрьмы. Учитывал ли приговор время, уже проведенное им за решеткой, неизвестно. Шанель вернулась в свой уютный швейцарский рай, но судья, приговоривший Вофрелана, все еще не был удовлетворен. Запись в деле гласит: "Показания мадемуазель Шанель в суде были ложными. Суд решит, подлежит ли ее дело дальнейшему расследованию".

Дело Вофрелана не освещалось в прессе, и имя Шанель не упоминалось в газетах. Приговор был

вынесен в самый разгар других процессов по делам пособников нацистов. Судьи и присяжные были завалены этими делами, а французские газеты представляли читателям все новые репортажи о судах, разоблачающих военные преступления нацистов.

Довольно заметное место во французской и заграничной прессе занимало и дело военного преступника Отто Абеца — нацистского генерала, который был во время оккупации представителем Берлина в Париже и устраивал шикарные вечеринки в посольстве. В июле 1949 года Абеца приговорили к двадцати годам каторжных работ. В 1954-м его освободили, и спустя четыре года он погиб в автокатастрофе. Газеты писали, что его гибель могла быть мстью за отправку евреев в газовые камеры.

Отрицание Шанель сотрудничества с абвером и несоответствие ее показаний свидетельствам Вофрелана, лейтенанта Нибура и зондерфюрера Ноттермана так и не стали предметом дальнейшего разбирательства. Шанель не предъявляли копию сообщения абвера на пограничный пост гестапо в Андае с предписанием об оказании помощи ей и Вофрелану при пересечении испанской границы. Обмолвки племянника Андре о частых визитах Вофрелана на рю Камбон и использовании рабочих помещений Шанель словно бы остались незамеченными. Нет данных о том, чтобы судья Серр или судья Леклерк требовали от Шанель объясне-

ний, почему Луи де Вофрелан так часто навещал ее на рю Камбон и в “Рице”, если был ей так противен. Судья Леклерк не допрашивал ее об отношениях с Динклаге и испанской миссии абвера в 1941 году. Наконец, в деле нет протоколов допроса о деятельности Шанель в Мадриде по инструкциям генерала СС Шелленберга. Французские власти до окончания войны так и не узнали ни о второй поездке Шанель в Испанию по заданию Гиммлера, оплаченной Шелленбергом, ни о том, что его связной офицер в Андае капитан СС Вальтер Кучманн был нацистским военным преступником. Возможно, американская разведка так и не сообщила им об этом решающем факте.

К 1949 году лишь несколько чиновников были заинтересованы в том, чтобы свести воедино разные нити, ведущие к разоблачению Шанель в измене Франции. Подробности ее сотрудничества с нацистами годами были скрыты в архивах Франции, Германии, Италии, СССР и США. Оказывается, во время оккупации Франции немецкая администрация изъяла документы из архива французской разведки и переправила их в Берлин. Позже советские разведчики обнаружили их в нацистских архивах и отправили в Москву. Там документы и пролежали как трофей советской разведки примерно до 1985 года. В конце концов по российско-французскому соглашению тысячи папок были возвращены в военный архив Франции в Шато-де-Венсен.

Расследование по делу Вофрелана во Франции и Германии заняло около пяти лет, к нему привлекались полиция и разведывательные организации Берлина и Парижа. В документах французской разведки содержится лишь малая часть подробностей — а британская и французская разведки не обменивались информацией. Сотни машинописных страниц с показаниями Вофрелана и офицеров абвера, имевших дело с Шанель в Париже (Нибур и Ноттерман с 1945 года работали на разведку Союзников), были только недавно рассекречены французскими и немецкими властями.

Французы и француженки, пережившие оккупацию, закрывали глаза на зверства нацистов. На вопрос о жизни в ту эпоху многие отвечают: “Времена немецкой оккупации Франции были тяжелыми. За годы войны происходили странные вещи... лучше забыть все это”.

После допроса по делу Вофрелана Шанель потихоньку проскользнула через французскую границу и вернулась в купленный и отремонтированный дом под Лозанной. Четыре года ее коллаборационизма так и не стали достоянием общественности.

Динклагге прятался в послевоенной Германии, пока следователи Союзников разыскивали бывших офицеров абвера и СС. Позже он попытался укрыться в поместье своей тети Розенкранц неподалеку от Шинкеля на севере Германии.

В октябре 1945 года он направлялся в Розенкранц с американским военным по имени Ганс Шиллингер — другом бывшего фотографа Шанель Хорста. Когда они пересекали Кильский канал в британской зоне оккупации Германии, их внезапно остановил британский патруль. Динклагге попался. При нем было найдено более 8000 долларов США, 1340 норвежских крон, 100 словацких крон и 33 слитка золота, а в то время было запрещено перевозить незадекларированные крупные суммы денег в иностранной валюте через границы зон оккупации. Динклагге и Шиллингера арестовали, деньги конфисковали, а британские следственные органы начали расследование.

На допросе британской военной полиции Шиллингер признался, что “получил деньги от мадемуазель Шанель, владелицы парфюмерной компании, когда уезжал из Парижа. Шанель попросила его передать деньги Динклагге”.

В итоге британцы конфисковали деньги и отпустили задержанных. Гораздо позже, когда британский офицер допросил Шанель в Париже, он получил следующий ответ: “Мадемуазель Шанель заявила, что не желает принимать деньги обратно, так как хранение незадекларированной иностранной валюты может создать ей неприятности с французскими властями. По этой причине она хочет, чтобы деньги были пожертвованы любой благотворительной организации на усмотрение властей”. Сведений о том, как британцы в итоге распорядились конфискованными деньгами, нет.

Поместье Розенкранц под Килем (Германия), где некоторое время жил Динклаг, пока пытался получить разрешение на въезд в Швейцарию.

В декабре 1945 года Динклаг добрался до поместья Розенкранц, где его мать Лорри жила во время и после войны. Вскоре после этого Динклаг приехал к Шанель в Швейцарию.

Глава 12

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОКО

Я никогда не знала поражений.

КОКО ШАНЕЛЬ

Стареющая Шанель не была готова провести остаток жизни на покое в Швейцарии — ни с Динклагге, ни без него. Когда-то она сказала фотографу Хорсту: «Я устала! Конечно же это ложь. Я в порядке, и у меня полно планов на будущее».

Жизнь Шанель была еще далеко не окончена. О ее сотрудничестве с нацистами, иррациональном антисемитизме и попытке использовать нацистские законы об ариизации во вред Вертхаймерам теперь мало кто вспоминал. После допросов и суда над Луи де Вофреланом Шанель вела скромный образ жизни в добровольной ссылке в Лозанне. Динклагге был с ней. Но ходили слухи, что они отдалились друг от друга. Тетушку Кокко часто навещала Габриэль Паласс. Ее отец Андре восстанавливался после болезни на вилле с видом на Женевское озеро, которую он получил от Шанель в подарок. Со временем его здоровье поправилось и они с женой переехали в дом в Бретани.

С 1945 года Шанель начала платить за молчание тем, кто знал о ее связях с абвером и СС Шелленберга. А сама продолжала выдумывать истории о своем детстве, любовных приключениях и делах военного времени. Увидев черновик Луизы де Вильморен¹ *Mémoires de Coco* (“Воспоминания Коко”), Шанель пожаловалась своему биографу Полю Морану, бывшему чиновнику Виши, мол, ей не нравится, что пишет Вильморен. Вместо нее Коко вызвала в Швейцарию другого французского писателя, Мишеля Деона. Позже он был избран в члены Французской академии благодаря своему литературному таланту. Но сейчас Шанель наняла его писать за нее мемуары. Через год он выдал заказчице триста страниц текста, основанного на “продолжительных беседах” с Шанель. Месяц спустя оказалось, что эта книга тоже “не в ее вкусе”. Шанель не поговорила с Деоном лично, но передала пару слов через одного приятеля — Эрве Миля, редактора новостного еженедельника *Paris Match*. Миль сообщил Деону, что Шанель хочет, чтобы он знал: “В этих трехстах страницах нет ни одного предложения, которое не принадлежало бы ей, но теперь она увидела книгу целиком и считает, что Америка ждет от нее совсем другого”.

Как пишет Моран, Деон сделал свой вывод: “Шанель, словно ребенок, боялась покинуть мир грез и столкнуться с реальностью”.

¹ Луиза де Вильморен (1902—1969) — известная французская писательница.

В швейцарской ссылке Шанель пала духом. Шли годы, и она оплакивала друзей, которые уходили один за другим. Ранней осенью 1950-го она приехала в Париж навестить больную Мисю Серт. Та постарела и ослабла, ей было 78, но она все еще принимала наркотики и вспоминала, что когда-то была одной из любимых натурщиц Ренуара и других французских импрессионистов. Визит Шанель оказался прощальным — Мися умерла рядом с ней. Бендор скончался вскоре после того, как посетил коронацию Елизаветы II, а Этьен Бальзан погиб в автокатастрофе, как Бой Кэйпел много лет назад.

Шанель все еще беспокоило, что она зависит от других людей: Вофрелана — напарника по абверу, Теодора Момма, Вальтера Шелленберга и, конечно, от Динклагге. Все они были живыми свидетелями ее коллаборационизма.

В июне 1951 года Шанель услышала от Момма, что Шелленберга выпустили из тюрьмы из-за неизлечимой болезни печени. Шестилетний срок, к которому его приговорил Нюрнбергский военный трибунал, был значительно сокращен¹. В ожидании суда заключенный Шелленберг написал мемуары. Теперь с помощью немецкого журналиста он перерабатывал рукопись в книгу о жизни правой руки рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. В итоге книга получила название “Лабиринт”.

¹ Вальтер Шелленберг был выдан Швейцарией командованию Союзных войск в июне 1945 г. и приговорен к шести годам заключения 11 апреля 1949 г. Досрочно освобожден в декабре 1950 г.

ВАЛЬТЕР ШЕЛЛЕНБЕРГ, некогда правая рука Гиммлера, после выдачи Союзникам, 1945 г. Был судим и осужден за военные преступления. После его освобождения по состоянию здоровья Шанель оплачивала его жизнь в изгнании.

Вероятно, Теодор Момм рассказал Шанель, что теперь Шелленберг ищет издателя для книги, и она осознала угрозу. Через фонд COGA (аббревиатура из первых букв имен “Коко” и “Габриэль”) она собиралась обеспечить безбедную уединенную жизнь Шелленберга и его жены Ирены в доме на озере в Швейцарии. Но швейцарские власти не захотели предоставлять убежище осужденному военному преступнику и выслали его из страны. Шелленберг успел раздобыть фальшивый швейцарский паспорт на имя Луи Ковальски и за-

тем укрылся вместе с Иреной на вилле в итальянской Палланце на берегу озера Лаго-Маджоре.

Из Германии, от Момма, Шанель вновь пришла тревожная весть, что Шелленберг лечит больную печень в Палланце и ему очень нужны деньги, чтобы оплатить услуги доктора Фрэнсиса Лэнга и итальянской клиники, где он наблюдается.

Главный биограф Шелленберга профессор Рейнхард Дёррис рассказывает, что было дальше:

Доктор Лэнг с супругой навестили Шелленберга в Палланце... говоря о финансовой стороне дела, доктор Лэнг, вероятно, намекнул [Шелленбергу], что испытывает серьезные финансовые затруднения, поскольку из своего кармана оплатил медицинские и другие расходы Шелленберга на сумму 20 тысяч швейцарских франков. Доктор Лэнг рассказывает: "Тогда Шелленберг связался с Шанель и объяснил свое тяжелое финансовое положение... мадам кутюрье вскоре приехала [в Палланцу] на черном "мерседесе" с задержанными занавесками. Она дала Шелленбергу около 30 тысяч швейцарских франков [возможно, доктор назвал сумму во французских франках]".

В объяснение поступка Шанель доктор Лэнг сказал: "Во время войны Шелленберг помогал ей и другим представителям мира моды".

Вальтер Шелленберг скончался в Турине в возрасте 42 лет 31 марта и был похоронен 2 апреля 1952 года.

После похорон его жена писала Момму: “Мадам Шанель предложила финансовую поддержку в нашем сложном положении, и благодаря ей мы смогли провести вместе еще несколько месяцев”. После смерти Шелленберга Ирена с детьми вернулась в Дюссельдорф и искала там издателя для автобиографии мужа. Шанель знала об этом и потом, вероятно, получила обещание от Ирены Шелленберг, что ее имя не будет упомянуто в мемуарах в случае публикации.

Динклагге, несмотря на официальный запрет на въезд в Швейцарию за шпионаж в пользу Германии, несколько лет прожил с Шанель в Лозанне и Давосе. По словам друзей, Шпатц все еще выглядел статным германским офицером. Сохранилась фотография Шанель и Шпатца, сделанная в Швейцарии примерно в 1949 году: Динклагге в элегантном длинном пальто и шляпе хомбург — достойный офицер в отставке. Пара выглядит непринужденно. Те, кто знал Шпатца в то время, помнят его как стареющего плейбоя — мужчину с впечатляющей выправкой и безупречными манерами.

Биограф Шанель Пьер Галант пишет, что идиллия Динклагге и Шанель продолжалась: “Они вместе проводили время на швейцарском лыжном курорте и совершали короткие поездки в Италию... Швейцарские друзья мадемуазель — три адвоката, стоматолог, ревматолог и окулист — часто видели их вместе, ходили слухи о возможной свадьбе”. Но однажды Шпатц исчез.

Динклагге уехал от Шанель и обосновался на Балеарских островах. Этот солнечный курорт на Средиземном море с приятным климатом во многом напоминал Санари-сюр-Мер, где бывший шпион работал в 1930 году. Он жил на приличное пособие, которое регулярно получал от фонда Шанель COGA. Кажется, никто не знает, виделись ли когда-либо еще Шанель и Динклагге.

Пьер Галант расспрашивал друзей Шанель, в каком настроении она была после отъезда Динклагге. Они отзывались о ней как об “очаровательной, простой, жизнерадостной женщине”. “Она часто встречалась с друзьями в отелях, где останавливалась, или в ресторанах старой Лозанны. Ее меню было не очень разнообразным: почти всегда она заказывала овощной суп, филе миньон, рис без масла и фруктовый компот”. Знакомые рассказывали также, что она танцевала и ходила с друзьями по магазинам, в основном с доступными ценами. Время от времени она устраивала званые ужины, довольно часто приглашала своего врача, который ей очень нравился. Позже она предложила ему пожить с женой на вилле *La Pausa*”.

Шанель неохотно говорила о моде. Один знакомый сказал: “Казалось, мода ее больше не интересует. Или почти не интересует... Однажды [приятельница] надела блузку, которая не понравилась Коко; она не смогла удержаться, взяла ножницы и кое-что поменяла прямо на месте”.

Фотограф Хорст в 1951 году описывал другую картину: “В тот период жизни Шанель была ка-

Шанель и Динклагге. Швейцария, 1949 г.

кой-то потерянной; казалось, ей скучно. Она сменила прическу, стала выщипывать брови. Это была уже не та Шанель, которую я знал”.

Что собиралась делать дальше эта выдающаяся женщина, все еще полная творческих замыслов и энергии? В семьдесят у Шанель по-прежнему оставалась ее главная и уникальная ценность — талант. Ею все еще восхищался Пьер Вертхаймер, вопреки их кон-

фликтам на протяжении последних сорока с лишним лет. Какое-то время назад он узнал, что Шанель в Швейцарии производит духи. Это было явным нарушением договора от 1924 года о передаче всех ее прав на линию парфюмерии и косметики компании *Société des Parfums Chanel*, 90 % которой принадлежало Вертхаймерам.

Весной 1947 года Вертхаймер и его юрист позвонили в парижский офис Рене де Шамбрюна на Елисейских полях. Пьер Вертхаймер хотел заключить сделку. Он предлагал Шанель 50 тысяч долларов и небольшой дополнительный процент с годовых продаж *Chanel N° 5*. Потом Шамбрюн поднял ставку и потребовал большего процента с продаж. Их переговоры продолжались почти весь день и свелись к спору из-за крупных сумм денег. Во время затянувшейся дискуссии Шамбрюн вышел из комнаты, якобы чтобы позвонить по телефону в соседнем номере и получить подтверждение от своей клиентки в Лозанне. На самом деле он вышел, чтобы поговорить с Шанель лично. Она весь день ждала информации о предложении Вертхаймеров.

На следующее утро договоренность была достигнута: Шанель получала 350 тысяч долларов наличными и 2 % от всех продаж — больше миллиона долларов в год (около 9 млн. долларов по сегодняшнему курсу). Дивиденды должны были перечисляться на счет Шанель в швейцарском банке UBS (*Union de Banques Suisse*). Позже Шанель сказала одному другу: “Ну вот теперь-то я богата”.

И в самом деле, еще в 1947 году Пьер Вертхаймер все рассчитал верно. Если бы он подал в суд на Шанель, это привело бы к разоблачению ее связей с нацистами, отношений с доктором Куртом Бланке и попытки ариизировать имущество Вертхаймеров. В суде могли всплыть и тайное соглашение Вертхаймеров с Феликсом Амио в 1939 году, и его поставки боевых самолетов для люфтваффе Германа Геринга. Даже тайная миссия Грегори Томаса могла стать достоянием общественности. Негативные публикации в прессе повредили бы репутации Шанель, и прибыльная марка, которую лелеяла семья Вертхаймеров, пришла бы в упадок навсегда. Вертхаймеры оберегали имя, которое принесло семье сказочное богатство. Спустя годы — в 2008 году — флакон *Chanel* № 5 продавался “каждые тридцать секунд”.

В 1970 году после тридцати лет сотрудничества Шанель уволила Рене де Шамбрюна. (Позже они помирились.) Тогда она заявила: “Терпеть не могу адвокатов, полицейских и солдат”. Затем, несмотря на презрение к юристам, Шанель наняла Робера Бадинтера — блестящего адвоката-международника, который приобрел известность годы спустя благодаря работе над запретом гильотины во Франции.

Биограф Пьер Галант описывает, как Бадинтер стал адвокатом Шанель:

— Я еврей, — сказал он, — возможно, вам это неизвестно, мадемуазель.

— Известно, — ответила Шанель, — это меня совершенно не волнует. Я не имею ничего против евреев.

Шамбрюн и его жена Жозе никогда не высказывались о Шанель публично. Супруги избежали наказания после войны благодаря хорошим связям — так же как Шанель удалось спастись благодаря Уинстону Черчиллю. Много лет Шамбрюн искусно защищал Шанель. Несмотря на то что он знал о ее коллаборационизме во время войны, он поддерживал ее и солгал на передаче Би-би-си о ее отношениях с Динклагем и об услугах, которые она оказывала Берлину в 1944 году.

Расшифровка интервью Шамбрюна на Би-би-си, которое в последний раз было в эфире в 2009 году, содержит его ответ на вопрос о Динклагге: “Я слышал о нем лишь однажды, когда она рассказывала, что есть такой немецкий теннисист, дворянин, Динклагге, и я знаю, что она помогала ему деньгами. Это все, что мне известно по поводу всех этих слухов вокруг Коко”.

Когда Шамбрюна спросили о миссии Шанель в Испании в 1944 году, он ответил: “Я не вижу ее выгоды в этой миссии. Она была, ну... я думаю, если бы ей и предложили это, она бы отказалась. *Моя Шанель*, думаю, поступила бы именно так. Но это не мое дело. Что мне *известно*, так это то, что она помогала этому бывшему теннисисту, действительно помогала, но все эти разговоры о планах по сепаратному миру, по-моему, это просто сплетни”.

Шамбрюн был верным рыцарем Шанель на протяжении более чем тридцати лет.

Осенью 1953 года Шанель написала редактору журнала *Harper's Bazaar* Кэрмел Сноу: “Я тут подумала, было бы интересно снова взяться за дело... Знаете, может, я однажды создам новый стиль, подходящий для современной жизни... Я чувствую, что время пришло”. Пьер Вертхаймер согласился — это был отличный способ увеличить прибыльность марки *Chanel*.

Модный Париж бурлил слухами: “Мадемуазель Шанель собирается вернуться! Шанель возвращается в мир моды!” Она заявила прессе: “У меня еще есть пара-тройка слов, которые я хочу сказать миру”. В преддверии Рождества 1953 года СМИ сообщили: “Шанель вернется в феврале”. Некоторые парижские кутюрье поздравляли ее, другие же — трепетали. Она собрала несколько человек из старой команды и наняла несколько новых. Руки у нее часто болели из-за артрита; в конце концов, ей ведь было за семьдесят. Фотограф и художник по костюмам Сесил Битон заметил, что пальцы Шанель “казались на вид достаточно сильными, чтобы подковать лошадь”. Она ползала на четвереньках, самостоятельно подкалывая подолы, как всегда, в соломенной шляпке, скрывающей залысины, и с сигаретой “Кэмел” во рту.

За несколько недель до показа она сказала журналу *Vogue*: “Я начну с одной коллекции... Около сот-

ни [моделей]... Это будет не революция... Это будет коллекция, сделанная женщиной с любовью". Первый послевоенный показ Шанель открылся 5 февраля 1954 года — снова пятого, ведь она была уверена, что 5 — ее счастливое число. На этот раз она ошиблась. Парижские знатоки моды кивали из вежливости во время тщательно подготовленного показа в ее роскошно обновленном салоне. Репортер крупной французской ежедневной газеты *l'Aurore* написал: "Все пришли в надежде почувствовать атмосферу коллекций, потрясавших Париж в прошлом. Но от них ничего не осталось, только манекенщицы так же вышагивают перед публикой, а та не может заставить себя аплодировать". Журналист добавляет: "Довольно печальная ретроспектива". Люсьен Франсуа из *Combat* (одно время в этой газете работал Камю) написал разгромную статью о первой послевоенной коллекции Шанель: "Ее платья годятся для уборщиц". Модели Шанель были "похожи на стадо гусей".

После показа Пьер Вертхаймер зашел к Шанель в салон на рю Камбон. Она, стоя на коленях, подкалывала подолы платьев. Он остался посмотреть, как она работает, и затем проводил до "Рица".

— Знаете, я хочу продолжить, — сказала она. — Я хочу продолжить и победить.

— Вы правы, — ответил он, — надо продолжать.

Несмотря на равнодушие французской прессы и пощечину от британцев, посчитавших показ прова-

лом, американские СМИ были впечатлены. Журнал *Life* писал: “ [Шанель] повлияла на все современные коллекции. В 71 год она предлагает нам больше, чем стиль, — она вызывает бурю. Она решила вернуться и отвоевать былую позицию — позицию лидера”. *Harper’s Bazaar* и *Vogue* давали аналогичную оценку. Марлен Дитрих пришла на рю Камбон и заказала несколько костюмов, в том числе и строгие твидовые *tailleurs Chanel*, прославившиеся в 1956 году.

Пускай новые творения Шанель имели некоторый успех, но вот ее бизнес столкнулся с серьезными финансовыми проблемами. Возвращение в мир моды обошлось ей примерно в 35 миллионов франков (почти 800 тысяч долларов по курсу 2010 г.). Компания осталась без гроша. И тут ангел-хранитель Шанель Пьер Вертхаймер снова пришел ей на помощь. Весной 1954 года Шанель и компания Вертхаймеров заключили последнюю сделку: Шанель продала Вертхаймерам свою фирму, коммерческую недвижимость и всю собственность, принадлежавшую Дому Шанель. Взамен Вертхаймеры обязались оплачивать все ее расходы: апартаменты в “Рице”, прислугу, телефонные и почтовые счета и т.д. Все, что требовалось от Шанель, это помогать в создании новых духов и управлять Домом моды. Для нее сделка была бесценной, а для Вертхаймеров стала золотой жилой на годы вперед.

Осенью 1956 года Шанель представила новую коллекцию, чтобы подогреть интерес прессы. *New York Times* сообщала из Парижа: “Возвращение [Ша-

нель] на сцену в феврале прошлого года заставило мир высокой моды ожидать от нее потрясающей революции, [но] этому не суждено было случиться. Она творит в том же духе, что и до войны, но за последние восемь месяцев модная аудитория привыкла к стилю Шанель. Его простота, удобство и сдержанность оказались востребованы в жизни многих современных женщин”.

Шанель вернулась в бизнес — и снова успешно. В тот год она представила знаменитые твидовые костюмы *tailleurs Chanel*. И в том же 1956 году вышло английское издание мемуаров Шелленберга “Лабиринт” с предисловием британского историка Алана Баллока (ранее он написал авторитетную, но подвергшуюся бурной критике биографию Гитлера). В книге не было ни слова о Шанель.

В который раз Коко вздохнула с облегчением.

Энергичный и открытый новым идеям Стэнли Маркус¹, чей магазин славился заоблачными ценами, пригласил Шанель — как королеву моды — в Даллас. В рождественских каталогах его магазин предлагал ванны “для него и для нее”, самолеты “для него и для нее” и миниатюрные подводные лодки. В 1957 году Шанель прибыла в Даллас на вручение премии *Neiman Marcus* за выдающиеся заслуги в области моды — по иронии судьбы в этой поездке ее сопровождал Г. Грегори Томас, президент парфюмерной компании *Chanel*.

1 Стэнли Маркус (1905—2002) — известный американский бизнесмен и модельер, владелец магазинов *Neiman Marcus*.

Второй забавный момент: Шанель считала, что у американцев вульгарные вкусы, но тем не менее пожелала побывать на тexasском ранчо. Маркус организовал ей визит на ферму его брата под названием *Black Mark* (“Черная метка”) с традиционным тexasским обедом и культурной программой — ковбои объезжали мустангов и демонстрировали владение лассо.

Увы, Шанель не понравилась тexasская еда, и она сбросила жареное мясо и бобы с тарелки под стол, прямо на элегантные сатиновые туфли другой гостыи, Элизабет Арден, сидевшей с ней рядом, — Коко снова всех шокировала.

Возвращаясь в Париж через Нью-Йорк, Шанель дала интервью репортеру журнала *New Yorker* в отеле “Вальдорф-Астория”, что на Парк-авеню. Журналистка пишет: “ (Шанель) потрясающе выглядела: темно-карие глаза, сверкающая улыбка и энергия двадцатилетней девушки. Крепко пожав мне руку, она произнесла: “*I’m très, très fatiguée*”¹. Эта женщина знала, что может себе позволить сказать такое”.

Были и другие почести. Годы спустя бродвейский продюсер Фредерик Бриссон предложил поставить мюзикл “Коко” с Кэтрин Хепбёрн в главной роли. Идея сформировалась как-то сама собой, после того как Хепбёрн провела несколько дней в Париже с Шанель. Актриса вспоминала, как во время визи-

1 Я (англ.) очень, очень устала (фр.).

ЗНАМЕНИТАЯ ЛЕСТНИЦА САЛОНА НА РЮ
КАМБОН, ВОССОЗДАННАЯ ДЛЯ БРОДВЕЙСКОГО
МЮЗИКЛА "КОКО" С КЭТРИН ХЕПБЕРН,
1970 Г. НА АКТРИСАХ НАСТОЯЩИЕ КОСТЮМЫ
ОТ ШАНЕЛЬ.

та в Париж она случайно прервала послеобеденный сон своей будущей героини. "Я уезжала из Парижа, зная, что смогу сыграть Шанель", — сказала Хепбёрн.

В это трудно поверить, но в 1962 году семидесяти-девятилетняя Шанель обзавелась новым кавалером. Франсуа Миронне был холост, когда Шанель наня-

ла его на работу дворецким. Судя по всему, он был чем-то похож на Бендора, герцога Вестминстера. По словам близкой подруги и помощницы Коко Лилу Маркан Грюмбах, то была “почти любовь с первого взгляда”. Вскоре Миронне стал компаньоном и наперсником Шанель. Он подавал ей руку, когда она спускалась по лестнице, и напоминал принимать лекарства. В награду за поддержку Шанель научила Миронне придумывать украшения. Он часто обедал с ней за одним столиком в ресторане “Рица”. Забыв о тридцатилетней разнице в возрасте, Шанель влюбилась в Франсуа, вспоминает Грюмбах, каждый день видевшая их вместе. По ее словам, Шанель попросила Миронне жениться на ней.

Дженет Уоллак, одна из биографов Шанель, придерживается иной точки зрения: Шанель боялась одиночества. “В последние годы жизни она окружила себя женщинами... и, как считали в мире моды, переключилась с любовников на любовниц. Молодые и красивые модели — некоторые были лесбиянками, — одетые по ее подобию, стали объектом ее чувств”. Шанель была попросту одинока, может быть, она и флиртовала со своими прелестными моделями, но прежде всего она отчаянно нуждалась в поддержке. Рядом с ней должен был быть мужчина, и Франсуа Миронне стал ее последним другом.

Однако французский писатель, психоаналитик и близкий друг Шанель Клод Делэ придерживался другого мнения на сей счет: многочисленные рома-

Шанель в очках наблюдает за своим показом со спиральной лестницы на рю Камбон.

ны Шанель, ее увлечения и отношения с Франсуа Миронне можно объяснить ее собственными словами: “Независимо от возраста, нелюбимая женщина потеряна, быть нелюбимой — это все равно что умереть”. С возрастом суждения Шанель стали мягче, но она все еще умела удивлять.

Шанель снялась для *Vogue* в одном из своих фирменных костюмов, в мехах и токе. В 81 год Шанель, несмотря на тщательный макияж, выглядела как листок на высохшем дереве и явно еще больше прежнего нуждалась в вечернем уколе морфия.

Но на фотографии, сделанной Сесилом Битоном за десять месяцев до ее смерти, Шанель излучает свое фирменное “неувядающее очарование”.

Звездный час Шанель настал за восемь месяцев до смерти. Клод Помпиду — жена президента Франции Жоржа Помпиду — была клиентом и поклонницей Шанель уже много лет. В июне 1970 года она пригласила кутюрье на обед в резиденцию президента — Елисейский дворец. Если верить биографу Пьеру Галанту, после приема Шанель заметила: “В мое время портних на обеды не приглашали”.

Габриэль “Коко” Шанель скончалась в апартаментах отеля “Риц” ночью 10 января 1971 года. При ней была горничная Жанна. Последние ее слова: “Значит, вот как умирают”.

В четверг 13 января, холодным утром, около семи, закрытый гроб с телом Шанель внесли в великолепную церковь Святой Марии Магдалины в нескольких минутах ходьбы от рю Камбон и отеля “Риц”. На улице еще не рассвело. Париж был погружен в тишину. Около девяти часов в церковь вошли посетители: Лилу Маркан Грюмбах под руку с Сальвадором Дали, шесть манекенщиц в костюмах Шанель, старые друзья Серж Лифарь и леди Эбди, а также несколько конкурентов, в том числе Ив Сен-Лоран и Марк Боан из Дома Диор. Лукино Висконти прислал два венка из красных роз.

После отпевания гроб погрузили на катафалк “рено” и отвезли в Лозанну, где у Шанель был заказан мраморный склеп, на котором изображены пять львиных голов, простой крест и ее имя.

СКЕТЧ, ИЗОБРАЖАЮЩИЙ ШАНЕЛЬ.

К моменту смерти Шанель ее состояние, находившееся в доверительной собственности фонда COGA под управлением внучатой племянницы Габриэль Паласс Лабрюни и швейцарских юристов, оценивалось примерно в 10 миллионов долларов, что по курсу 2010 года эквивалентно 54 миллионам. Почти каждый из ее знакомых хотел урвать кусочек этого богатства.

В третью среду марта 1973 года бывший слуга Шанель и, вероятно, ее последняя любовь, Франсуа Миронне предстал перед судьями главного гражданского суда Парижа. Миронне претендовал на часть состояния Шанель. В обоснование своих претензий он предъявил письмо, оставленное Шанель. Соглас-

Клод Помпиду, жена президента
Французской Республики, была
постоянным клиентом Коко Шанель.
На фото она в Доме Шанель в 1962 г.

но этому письму, Шанель завещала ему 1 миллион долларов, недвижимость в Лозанне и драгоценности. По поручению Габриэль Лабрюни его требования оспаривали швейцарский адвокат Шанель и представитель банка UBS. Однако претензии Миронне поддержали некоторые парижские знаменитости,

в их числе Жан Ко — бывший секретарь Жан-Поля Сартра и заслуженный автор газет *l'Express*, *Le Figaro* и *Paris Match*; Жак Шазо — друг Шанель и известный танцовщик; “фрейлина и секретарь” Шанель Лилу Маркан Грюмбах. Лилу заявила, что в мае 1968 года Шанель зачитала ей письмо с завещанием в пользу Миронне. В результате изучения документа швейцарские судебные эксперты объявили его фальшивым, а их французские коллеги — подлинным.

Чем же все это кончилось? По словам Габриэль Лабрюни, дело было улажено без суда. В подробности она не вдавалась.

Динклагге умер три года спустя, в ночь на 24 марта 1976 года, неподалеку от “Орлиного гнезда” фюрера, где когда-то Гитлер принимал герцога и герцогиню Виндзоров. В числе последних, кто видел Динклагге при жизни, была женщина, с которой он жил в деревне Шёнау-ам-Кёнигсзее, в районе Берхтесгадена, по имени Хуберта фон Ден, из знатного баварского рода, и доктор Герберт Пфистере. Когда доктора Пфистере спросили, что он помнит о последних годах Динклагге, он ответил, что Динклагге рассказывал, как после войны некоторое время отсидел в тюрьме, а до того был офицером СС.

Динклагге кремировали недалеко от Зальцбурга, а прах отправили в Ганновер, где семья Динклагге проживала на протяжении более ста лет. Там урну с прахом предали земле на берегу озера, на мемориальном кладбище павших в мировых войнах и жертв бомбежек Союзников. Это был конец, достойный

германского воина, служившего своей стране больше сорока лет и прошедшего две войны.

Луи де Вофрелан скончался через одиннадцать месяцев в возрасте шестидесяти пяти лет на вилле под Парижем. Агента абвера в Париже времен войны и послевоенного заклятого врага Шанель судьба потрепала и после освобождения из тюрьмы. Он был причастен к нескольким махинациям во Франции и Ирландии, среди прочего пытался продавать фальшивые столлларовые банкноты и выдавал себя за офицера полиции. В 1956 году отбывал срок в тюрьмах Френ и Санте.

По докладам французской разведки за 1951 год, Вофрелана видели на вилле Дональда Маклина¹ *La Sauvageonne* вблизи города Сен-Максим на Лазурном берегу. Это было как раз в тот момент, когда члены Кембриджской пятерки² Маклин и Гай Бёрджесс сбежали из Великобритании в Советский Союз.

Отставной президент *Chanel Inc.* Грегори Томас умер во Флориде в возрасте 85 лет. Томас — награжденный во Вторую мировую офицер УСС и кавалер французского ордена Почетного легиона — когда-то выполнял задание клана Вертхаймеров в оккупированной Франции под именем дона Армандо Гевара-И-Сотомайора. После отставки

1 Дональд Маклин (1913–1983) — известный британский дипломат, с 1934 г. сотрудничал с советской разведкой, в 1951 г. был раскрыт и бежал в СССР.

2 Кембриджская пятерка — ядро сети советских агентов в Великобритании, завербованных в 30-х годах XX века в Кембриджском университете.

из УСС Томас более тридцати лет занимал различные высокие посты в компании Вертхаймеров. Будучи энофилом, Томас стал основателем и гран-мэтром *Commanderie de Bordeaux* в США — элитарного сообщества ценителей бордоских вин.

Эпилог

*И вовеки будешь ты
Жить под властью этих чар.*

Ральф Уолдо Эмерсон,
“Большой мир”

На закате жизни Шанель восхваляли за ее творческий гений. Французский историк и один из любимых министров Шарля де Голля Андре Мальро писал: “В истории Франции XX века останутся три имени: де Голль, Пикассо и Шанель”.

Имя Шанель остается всемирно известным по самым разным причинам. Достаточно вспомнить, какой популярностью она пользовалась у титулованных и выдающихся женщин, для которых она создавала после войны наряды и духи: ее поклонницами были мадам Жорж Помпиду — супруга президента Франции, Жаклин Кеннеди — в день убийства мужа в Далласе она была в розовом костюме от Шанель, актрисы Жанна Моро, Роми Шнайдер, Элизабет Тейлор и Мэрилин Монро, заявившая как-то, что *Chanel № 5* — единственное, в чем она ложится в постель.

Для Дельфин Сейриг — исполнительницы главной роли в фильме «В прошлом году в Мариенбаде» (1961) — Шанель создала яркие костюмы с перьями и кружевами.

В глазах Жана Кокто образ Шанель выглядит не столь безупречным: «Она смотрит на тебя с нежностью, кивок головы — и ты обречен на смерть!»

Два образа — героический и демонический.

Пьер Реверди — поэт-романтик, человек XIX века — считал, что женщины слабы и в любви слепо поддаются чарам мужчин. Он любил Шанель так сильно и так глубоко, как никто другой, и ему хотелось верить, что Шанель попала под влияние Динклагге: «Шпатц был ее проклятием».

Вероятно, Реверди понимал, насколько одинока и несчастна была Шанель. К тому же он никогда не догадывался об истинных масштабах ее коллаборационизма. Будучи добрым католиком, он поборол

АКТРИСА ЖАННА МОРО В ФИЛЬМЕ ЛУИ МАЛЯ
"Любовники" в маленьком черном платье от Шанель.

в себе отвращение к тому, что делала Шанель во время войны, и простил ей слабость и достойное порицания сотрудничество с немцами. Этот католический поэт верил, что Шанель заслуживает прощения.

Он умер в 1960-м, в семьдесят лет, в бенедиктинском монастыре Святого Петра в Солеме, и перед смертью благословил Шанель в стихах. Стойкий и преданный боец Сопротивления, сражавшийся с немецкими захватчиками и режимом Виши, порвавший отношения с друзьями из-за их коллаборационизма, посвятил Шанель последнее стихотворение, ставшее эпитафией:

*Дорогая Коко, вот
Лучшее творение рук моих*

Хэл Вон. В постели с врагом

Роми Шнайдер в фильме Лукино Висконти
"Боккаччо 70" (1962) в классическом костюме
от Шанель. Среди дорогих безделушек вокруг
актрисы и духи CHANEL № 5.

*И лучшая часть меня
Я подношу тебе это
Вместе с сердцем
Вместе с рукой
Еще не достигнув
Окончания мрачной дороги
Осуждена ль
Прощена ль
Знай, ты любима.*

Слова благодарности

Я безмерно обязан друзьям, коллегам и знакомым, которые помогали мне выискивать малоизвестные подробности о жизни Габриэль Шанель. Если я не успел кому-то сказать это лично — пожалуйста, примите мою благодарность здесь и сейчас. Некоторые люди согласились помочь мне на условиях анонимности — им я адресую отдельное *merci, messieurs!*

Прошу читателя быть снисходительным: все возможные ошибки в этом тексте — только мои.

Прежде всего я хочу поблагодарить Эдварда Кнаппмена и его жену Элизабет, Эрнста Голдшмидта и Чарльза Робертсона, моих давних друзей и коллег. Их советы и поддержка — настоящий подарок судьбы. От всей души благодарен тем, кто принимал участие в исследованиях. Огромное спасибо Салли Гордон-Марк в Париже, Михаэлю Фёдорову в Берлине и Филипу Паркинсону в Лондоне за их ответственный подход к историческим изысканиям в запутанных лабиринтах государственных и семейных архивов. Сюзанна Кемпл в Нью-Йорке сделала великолепные переводы немецких материалов, в частности касающихся Динклага.

Моя помощница в Нью-Йорке Памела Циммерман уже в третий раз поспособствовала написанию моей книги — тысяча благодарностей Пам и ее мужу Джерри. Доктору Алану Т. Марти спасибо за то, что предоставил в мое распоряжение свой монументальный неопубликованный труд “Путеводитель по оккупированному Парижу: немцы и коллаборационисты”.

Внучатая племянница мадемуазель Шанель, мадам Габриэль Паласс Лабрюни, позволила мне увидеть свою знаменитую родственницу в уникальном ракурсе. Благодаря ее душевной теплоте и любезному гостеприимству я по-настоящему оценил творчество Коко Шанель — и преисполнился восхищения. Мадам Лабрюни знала, что сюжет этой книги буду определять не я, а документы.

Также я должен поблагодарить моего адвоката Джона Лоджиджиана, моего агента Тину Беннет из *Janklow & Nesbitt* и моего юрисконсульта Беннета Эшли за помощь в разрешении целого клубка проблем. Отдельное спасибо юристам Андре Шмидту, Жан-Марку Боделю и Уоллесу Бейкеру за улаживание немыслимых правовых сложностей во Франции, а также Иву Озанаму за то же самое — в парижском Дворце правосудия. Спасибо французскому другу и коллеге историку Пьеру де Лонгемару.

Низкий поклон корректору Лоре Старетт за превосходную работу. Мне не хватает слов, чтобы достойно отблагодарить Кармен Джонсон из издательства *Alfred A. Knopf* за ее внимание к деталям и бесценную поддержку в последние месяцы работы над книгой.

И наконец, я вечный должник Виктории Уилсон, главного редактора *Alfred A. Knopf*, которая была неизмен-

Слова благодарности

ной опорой на всем долгом пути книги, пока она писалась, шлифовалась и редактировалась.

Я ни за что не смог бы написать эту книгу без помощи моей супруги доктора Фуонг Нгуен и Б. Б. Б.

Список иллюстраций

26. Бой Кэйпел, Леон де Лаборд, Шанель, ок. 1908 г. (коллекция Эдмонды Шарль-Ру)
27. Артур "Бой" Кэйпел с Шанель в замке Бальзана Шато-Руайо. (*Collection Sirot-Angel*)
28. Шанель во власти Боя Кэйпела. Иллюстрация Сема, 1910 г. (*SPADEM, Paris*)
33. Мися Годабска, 1905 г. (*Lebrecht Music & Arts*)
34. Игорь Стравинский и Вацлав Нижинский, Париж, 1911 г. (*Lebrecht Music & Arts/Corbis*)
37. Мися в мужском костюме, 1910 г. (*Lebrecht Music & Arts*)
40. Лейтенант Ганс Гюнтер фон Динклагге с товарищами-офицерами, ок. 1917 г. (*Courtesy Michael Foedrowitz*)
47. Шанель, 1920 г. (*Pictures, Inc./Getty*)
51. Сергей Дягилев с Игорем Стравинским в Севилье (*Photo by Hulton Archive/Getty Images*)
53. Жан Кокто, Лидия Соколова, Антон Долин, Леон Войцеховский и Бронислава Нижинская, Лондон (*Photo by Sasha. Hulton Archive/Getty*)
59. Великий князь Дмитрий, 1910 г. (*RIA Novosti*)

62. Реклама с флаконом духов марки *Chanel N° 5*. Сем, 1921 г. (*Musée Carnavalet / Roger-Viollet*)
65. Пьер Вертхаймер, 1928 г. (*Keystone/Gamma Rapho*)
67. Пьер Реверди, 1940 г. (*Albert Harlingue / Roger-Viollet*)
80. Леди Данн с Шанель и Жиго, 1926 г. (*Condé Nast Archive/Corbis*)
84. Бендор (герцог Вестминстерский) и Шанель на Большом Национальном ипподроме, май 1924 г. (*Hulton Archive/Getty*)
86. Шанель и Вера Бейт, 1925 г.
87. Шанель и сэр Уинстон Черчилль в Итон-холле, поместье герцога Вестминстерского, 1929 г. (*Hugo Vickers Collection*)
88. Шанель в охотничьем костюме с Уинстоном Черчиллем и его сыном Рэндольфом. Франция, 1928 г. (*UPI/Bettmann News Photos, New York*)
98. Серж Лифарь в роли Вестриса, в костюме от Шанель. Июнь, 1939 г. (*Boris Lipnitzki / Roger-Viollet*)
109. Максимилиана фон Шёнебек, "Кэтси", — жена барона фон Динклага. Фото 1930-х годов (*Photo by Walter Bondy. Ville de Toulon, France, Bibliothèque Municipale, Fonds Bondy*)
114. Лейтенант французского флота Шарль Котон с женой Лией, середина 1930-х. (*Courtesy Walter Bondy*)
124. С Иной Клэр, Голливуд, 1931 г. (*Bettmann/Corbis*)
125. Глория Суонсон в фильме "Сегодня вечером или никогда" (*United Artists/Photofest*)
125. Роберт Грейг и Глория Суонсон в фильме "Сегодня вечером или никогда" (*United Artists/Photofest*)
126. Поль Ириб, 1924 г. (*Paramount Pictures/Photofest*)
129. Мила Парели и Нора Грегор в фильме "Правила игры" (*Cine Classics Inc./Photofest*)

130. Мэдж Эванс, Ина Клэр и Джоан Блонделл, 1932 г. (*United Artists/Photofest*)
136. Сюзанна и Отто Абец с Рене де Шамбрюном. Сентябрь, 1941 г. (*Roger-Viollet*)
142. Барон фон Динклаге, ок. 1935 г. (*Courtesy Mme Edmonde Charles-Roux*)
148. Иллюстрация из *Le Témoin*
160. "Шпатц" фон Динклаге и Элен Дессоффи, французская Ривьера, ок. 1938 г. (Фото из книги: *Francine du Plessix Gray, Them*)
170. Сотрудницы Шанель бастовали и блокировали ее предприятие, 1936 г. (*Keystone/Gamma- Rapho*)
176. Мися Серт, 1937 г. (*Photo François Kollar*)
178. Адольф Гитлер приветствует герцога Виндзорского и миссис Уоллис Симпсон. Германия, 1936 г. (*Courtesy Archives Ullstein Bild*)
213. Внучатая племянница Шанель Габриэль Паласс (частная коллекция мадам Габриэль Паласс Лабрюни)
214. Племянник Шанель Андре Паласс (частная коллекция мадам Габриэль Паласс Лабрюни)
223. Адольф Гитлер. Эйфелева башня, июнь 1940 г.
224. Флаг со свастикой на здании министерства внутренних дел Франции. Париж, 1940 г. (*Ullstein Bild /Roger-Viollet*)
226. Собрание германских офицеров. Парижская опера, ок. 1940 г. (*Keystone France /Gamma-Rapho*)
227. Официальное письмо из штаба германских войск в Париже (*Archives nationales, Paris, AJ/40/871*)
228. Список гражданских постояльцев, которым нацисты разрешили жить в отеле "Риц" (*CARAN AJ/40/871*)
235. Ресторан отеля "Риц", 1939 г. (*Roger-Viollet*)
236. Голодающие парижане ищут в мусоре объедки. Сентябрь 1942 г. (*LAPI /Roger-Viollet*)

243. Французский документ (заверенная копия), подтверждающий, что агент абвера во Франции Вофрелан был "близким другом Шанель" (*Centre historique des archives*)
244. Протеже Динклагс барон Луи де Вофрелан (Французский национальный архив)
245. Полицейский отчет с присвоенными Шанель номером и кодовым именем агента абвера (*Préfecture de Police, Paris, BA1990, "Chanel"*)
248. Зондерфюрер Альберт Ноттерман, 1947 г. (частная коллекция)
266. Г. Грегори Томас. Международная выставка, Нью-Йорк, 1939 г. (*New York World's Fair 1939–1940 records, Manuscripts and Archives Division, The New York Public Library, Astor, Lenox and Tilden Foundations.*)
278. Майор абвера Теодор Момм, ок. 1947 г. (*courtesy Michael Foedrowitz*)
284. Агент абвера граф Йозеф фон Ледебур-Вихельн, 1944 г. (*National Archives, Kew*)
293. Штаб СС в Берлине. (*courtesy Michael Foedrowitz*)
295. Генерал СС Вальтер Шелленберг (*courtesy Michael Foedrowitz*)
298. Документ из полицейского досье на Шанель (*Préfecture de Police, Paris, France. BA1990, 'Chanel'*)
300. Капитан СС Вальтер Кучманн в штатском (из частной коллекции Михаэля Фёдровица)
301. Письмо Генри Хэнки к личному секретарю Уинстона Черчилля с просьбой передать Черчиллю послание от Шанель (*Charwell Trust 20/198*)
314. Германские офицеры. Париж, август 1944 г. (*Keystone/Getty Images*)
315. Две женщины со свастиками на обритых головах (*Three Lions/Getty Images*)

- 325. Секретная телеграмма Уинстона Черчилля. Октябрь, 1944 г. (*The Sir Winston Churchill Archive Trust, CHAR 20/198A*)
- 327. Секретная депеша британского дипломата, декабрь 1944 г. (*The Sir Winston Churchill Archive Trust, CHAR 20/198A*)
- 331. Секретное письмо в Лондон из Штаба Союзных войск в Париже. Декабрь, 1944 г. (*Chartwell Trust*)
- 334. Динклагге, 1944 г. (*Swiss National Archives*)
- 335. Карточка из каталога французского архива с написанным от руки именем Шанель (Французский национальный архив)
- 342. Заседание суда присяжных в парижском Дворце правосудия (*Albert Harlingue /Roger-Viollet*)
- 347. Поместье Розенкранц под Килем (*courtesy Michael Foedrowitz*)
- 351. Вальтер Шелленберг, 1945 г. (*U.S. National Archives*)
- 355. Шанель и Динклагге. Швейцария, 1949 г. (*Bridgeman Art Library*)
- 364. Лестница салона на рю Камбон, воссозданная для бродвейского мюзикла "Коко" (*Cecil Beaton — Camera Press London*)
- 366. Шанель в очках наблюдает за своим показом со спиральной лестницы на рю Камбон (*Photo 12/DR*)
- 368. Скetch Сесила Битона (*National Portrait Gallery, London*)
- 369. Клод Помпиду, 1962 г. (*Jean Mounicq /Roger-Viollet*)
- 374. Дельфин Сейриг в фильме "В прошлом году в Мариенбаде" (*Astor Pictures Corp./Photofest*)
- 375. Жанна Моро в фильме Луи Маля "Любовники" (*Zenith International Films/Photofest*)
- 376. Роми Шнайдер в фильме "Боккаччо 70" (*Embassy Pictures Corp./ Photofest*)

Примечания

АББРЕВИАТУРЫ

- ADV Archives du Département du Var (Архив департамента Вар)
- APP Archives de la Préfecture de Police (Архив префектуры полиции)
- ASM Archives de la ville de Sanary-sur-Mer (Городской архив Санари-сюр-Мер)
- BCRA Bureau central de Renseignements et d'Action (Центральное бюро оперативных исследований)
- BMT Bibiliothèque municipale de Toulon (Муниципальная библиотека Тулона)
- BNA British National Archives, Kew (Британский национальный архив, Кью)
- BNF Bibliothèque nationale de France (Национальная библиотека Франции)
- BRO Berlin Registry Office (Берлинское бюро записей гражданского состояния)
- CARAN Centre d'accueil et des recherché des Archives nationale (Национальный центр сбора и исследования архивных данных)

- CHADAT Centre historique des archives, département de l'armée de terre, files of the 2ème Bureau, Army Intelligence (Историко-архивный центр сухопутных войск, документы Второго бюро и военной разведки)
- HRC Harry Ransom Center, University of Texas, Austin (Центр Гарри Рэнсома в Университете Техаса в Остине)
- HRO Hannover Registry Office (Ганноверское бюро записей гражданского состояния)
- KEW British National Archives (Британский национальный архив)
- LASH Landsarchiv, Schleswig Holstein (Архив земли Шлезвиг-Гольштейн)
- MDN Ministero della Difesa Nazionale, Roma (Национальное министерство обороны в Риме)
- MVN Mairie de la ville de Nice (Мэрия города Ниццы)
- NARA U. S. national Archives (Национальный архив США)
- SB Schweizerische Bundesanwaltschaft (Федеральная прокуратура Швейцарии)
- SSF Services spéciaux français (Служба французской контрразведки)
- USWD U.S. War Department (Министерство обороны США)
- VD Vesna Drapac, *A King killed in Marseille*
- V1 *Gestapo über alles*, Vendémiaire, September 4, 1935.
- V2 *La fébrile activité de la Gestapo en France*. Vendémiaire, September 11, 1935.
- ZO *Zones d'ombres* 1933–1944, pp. 50–52

Пролог

11. Звезда ее не меркнет с годами: Paul Morand, *The Allure of Chanel*, p. 181.

11. Не успела Габриэль Шанель упокоиться: Hebe Dorsey, *Looking Back*. International Herald Tribune, September 26, 1972.
11. “опасным агентом немецкой разведки”: Ibid.
12. “и не важно, кто что исповедует”: Комментарий главного редактора и вице-президента Knopf Виктории Уилсон, декабрь 2010 года.
13. “Пэкстон в своей книге доказывал”: Robert O. Paxton. *Vichy France: Old Guard and New Order, 1940–1944*.
13. “не имел никакого отношения к гестапо”: Milt Frudenheim, *Chanel's Past Haunts Exhibit*. The Salt Lake Tribune, September 29, 1972.
14. “большим охотником до вкусной еды...”: Dorsey, International Herald Tribune, September 26, 1972.
14. “Никакой он не немец”: Ibid.
14. Лишь годы спустя: Весной 2009 года в личной беседе с биографом Шанель Эдмондой Шарль-Ру я поделился с ней своими соображениями и открытиями. Писательница признала, что в 1974 году, когда она работала над завершением биографии Шанель, адвокат Шанель Рене де Шамбрюн ввел ее в заблуждение, убедив в том, что Динклагге на самом деле был обычным плейбоем.
16. она снова была на свободе: Габриэль Паласс Лабрюни, из телефонного разговора с автором настоящей книги, Эрменонвиль, Франция, 8 ноября 2009 года.
16. Всего за период послевоенного “очищения”: Ousby, *Occupation*, p. 310.
17. По данным французской полиции: CARAN Z/6/672 папка 5559. Список сотрудников абвера: Personalbogen, 159, Paris, den 9. Juni 1941. См. также: Shirer, *The Rise and Fall of the Third Reich*, p. 1044.
17. Cepp, в свои сорок восемь: *Annuaire de la Magistrature*.

17. Постепенно, шаг за шагом, дотошный следователь": CARAN Z/6/672, папка № 5559. APP BA 1990. SSF. CARAN: Учетная карточка, подписанная "Габриэль Шанель", ст. 75 I № 4787. Далее значится: "расследование дела Шанель по статье 75 уголовного кодекса Франции — сношения с врагом".
- 17–18. Однако данные судебных и полицейских протоколов: CARAN Z/6/672 папка № 5559.
18. Серр и предположить не мог: документ SSF.
19. Равно как не знал он и о том, что Динклаг: Ibid; BNA, KV2/159, папка "Ледебур".

Глава 1

МЕТАМОРФОЗА: ГАБРИЭЛЬ СТАНОВИТСЯ КОКО

20. Если вам случилось родиться без крыльев: Цит. по: Sylviane Degunst, *Coco Chanel: Citations*, pp. 8, 44.
20. Исчезнувшая "с": Существует много примеров выпадения "с" и других букв из французских фамилий и названий. Например "Сюрен" вместо "Сюресн" или "Куэнель" вместо "Куэснель". Фамилия Шаснель довольно распространена во Франции и по сей день.
21. "С самого раннего детства": Edmonde Charles-Roux, *Chanel*. London: Jonathan Cape, 1976), p. 40.
22. "Почему Моисей?": Marcel Haedrich, *Coco Chanel*, p. 120.
22. "Единственные, кого я боюсь — так это евреи": Ibid.
30. "то, что было дальше": Paul Morand, *The Allure of Chanel*, pp. 54–55.

Глава 2

ЗАПАХ ЖЕНЩИНЫ

31. “Всеобщее пренебрежение научило Мисю независимости”: Arthur Gold and Robert Fizdale, *Misia*, p. 26
32. Следующие несколько лет: Ibid, p. 38.
32. “воцарившуюся подле него [Дягилева]”: Ibid, p. 4.
33. “ [Меня] привлекла”: Ibid, p. 197–198.
35. “Я всегда оставалась”: Paul Morand, *The Allure of Chanel*, p. 65.
36. ... триста тысяч золотых франков: 769 тысяч долларов на нынешние деньги. Henry Gidel, *Coco Chanel*, p. 131.
37. “та женщина, у которой”: Ibid.
38. Шанель носила: Axel Madsen, *Chanel: A Woman of Her Own*, p. 82.
38. ... семь тысяч франков: Ibid.
38. Проще говоря: отчет об инфляции швейцарского банка UBS за 2010 год.
39. двое немецких офицеров: Архив земли Шлезвиг-Гольштейн (LASH), отдел военной истории, SW 29 (Берлин, Германия), военное правительство Германии, анкета, дата отсутствует. Папка “Динклагер”.
39. Оба они служили: U.S. War Department, *Histories of the German Army 1914–1918*, p. 729.
40. “Народ, вечно раздираемый”: Shirer, *Berlin Diary*, p. xiii.
40. Теодор Момм происходил из семьи состоятельных: Официально их фирма носила название *Th. Momm & Co. Baumwoll-spinnerei und Weberei* (“Хлопкопрядильное и ткацкое производство Т. Момма и Ко”). Михаэль Фёдорович в электронном письме к автору от августа 2008 года.
41. После прихода к власти Гитлера: *Militärregierung* (военное правительство), материал военного архива

- США, детерминант 1370, ок. 1946. Номер партийного билета НСДАП Теодора Момма 4428309.
41. ... поступил на службу в немецкую военную разведку: SSF, документ № 814, Майор Динклагге, биографическая справка, федеральный архив, Берлин.
 41. Вместе с отцом Германом: Landesarchiv, запись *Request. War Department Histories*, 23565, Government Printing Office, Washington, D. C., 1920. Memoire in Swiss archives.
 41. Мать Динклагге: CHADAT 7NN2973.
 41. Семейю Динклагге роднил со многими немцами: подробнее об идеологии немецкого "народничества" см. в книге Christian Ingrao, *Croire et détruire — les intellectuels dans la machine de guerre SS*.
 42. Годы спустя: генерала СС Генриха Гиммлера цитирует Роберт Г. Л. Уэйт: Robert G. L Waite, *Vanguard of Nazism*, p. 29. О связи Динклагге с фрайкором см. Marcel Haedrich, *Coco Chanel*, p. 137; Manfred Flüggе, *Amer Azur: Artistes et écrivains à Sanary*, p. 61: "Сибил Бедфорд как-то обмолвилась в разговоре, что он [Динклагге] участвовал в убийстве Розы Люксембург в 1919 году". Мое интервью с Манфредом Флюгге в Париже, 13 сентября 2009 года.
 42. В соответствии с данными французской разведки: SSF, Dec. 814.
 42. Однако он никогда не был: MI6, Показания Ледебура, BNA.
 43. Изабель Фимайер писала: "У Шанель был период настоящего религиозного рвения — как раз когда она оплакивала в Венеции Боя Кэйпела. С тех пор она всю жизнь собирала церковные открытки с молитвами к разным католическим святым: святой Терезе Младенца Иисуса, святой Агате, Мадонне

с младенцем и оливковой ветвью. У нее даже была карточка с молитвой к ее предку “Благословенному Пьеру Мари Луи Шанель (1803–1841)”. Она всегда носила с собой эти карточки в маленьком футлярьчике вместе с клочком бумаги, на котором ее рукой было написано: “Я католичка; если со мной произойдет несчастный случай или же я попаду в больницу, прошу прислать ко мне католического священника. В случае моей смерти прошу католическую церковь молиться за мою душу. Подпись: Шанель, рю Камбон, 31, Париж”. После смерти Шанель в 1971 году в ее сумочке обнаружили этот футляр вместе с фотографиями Андре Паласса и двух его внучек”. Isabelle Fiemeyer, *Coco Chanel: un parfum de mystère*, p. 65–66.

44. Биограф Шанель Пьер Галант: *Galante, Mademoiselle Chanel*, p. 50.
45. Город “позабыл о черных годах”: *Ibid*, p. 51.
47. “освободившись от предрассудков”: *Ibid*, p. 64.
48. “Шанель выпускает”: *Ibid*, p. 54.
48. “В мире больше не осталось женщин”: Madsen, *Chanel: A Woman of Her Own*, p. 116.
49. ... гласит один из ее афоризмов: цитаты, поговорки и максимы Шанель на сайте <http://www.citation-du-jour.fr>.
49. “гений Шанель”: Gold and Fizdale, *Misia*, p. 230.
49. “Я росла бездомной сиротой”: Morand, *L'Allure de Chanel*, p. 32
50. шикарную квартиру: *Galante, Mademoiselle Chanel*, p. 60.
51. “самой большой концентрацией”: Pierre Assouline, *Simenon: A Biography*, p. 73.
52. Потом Шанель и ее окружение: *Galante, Mademoiselle Chanel*, p. 2.

- 52. “романы между художниками, артистами”: Ibid, p. 62.
- 52. Новые друзья Шанель: Wallach, *Chanel: Her Style and Her Life*, p. 42.
- 52. “Знаешь ли ты, моя дорогая”: Fietmeyer, *Coco Chanel: un parfum de mystère*, p. 87.
- 52. “Что стало бы с нашими мечтами”: Edmonde Charles-Roux, *Chanel*, p. 220.
- 54. Помогала она очень щедро и тактично: Ibid, p. 224. В настоящее время рукописи хранятся в доме Габриэль Палас Лабрюни во французском Эрменонвиле.
- 55. к тому же Дмитрий помогал князю Феликсу: В ночь на 16 декабря 1916 года двое убийц при помощи британских секретных агентов отравили Распутина, после чего забили его почти до смерти. Однако даже после этого “святой старец” не собирался умирать. Затем в него несколько раз стреляли, а потом сбросили в ледяные воды Невы, где он и умер от переохлаждения. Позднее Дмитрия Павловича подозревали в том, что именно он стрелял в Распутина.
- 57. ...поползли слухи: Gidel, *Coco Chanel*, p. 171.
- 61. “Будто нам достался выигрышный лотерейный билет”: Madsen, *Chanel: A Woman of Her Own*, p. 135.
- 63. “Я хочу, чтобы вы встретились”: Galante, *Mademoiselle Chanel*, p. 146.
- 63–64. “Но если вы хотите”: Ibid.
- 68. Временами ей казалось: Haedrich, *Coco Chanel: Her Life, Her Secrets*, p. 156.
- 69. ...персоной, чья: APP BA 1990.

Глава 3

ЗОЛОТОЙ ГЕРЦОГ

73. Мадемуазель — это больше: Французский *Vogue*, март 2009, р. 295.
73. ...если верить словам одного биографа: Paul Morand, *The Allure of Chanel*, р. 157.
75. “человека огромной щедрости”: Ibid, р. 186.
77. ...у них состоялось свидание: Claude Delay, *Chanel solitaire*, р. 125; Janet Wallach, *Chanel: Her Style and Her Life*, р. 2. Делэ — уважаемый французский психоаналитик и заслуженный автор многих книг — единственный, кто упоминает об этой истории. Вполне возможно, что она принадлежит к числу выдумок, которыми славилась Шанель, однако что мимолетный роман с принцем имел место, подтвердила также Эдмонда Шарль-Ру в 2010 году.
78. По легенде, слуга: Charles-Roux, *Chanel*, р. 249–250.
78. “Герцог меня пугает”: Шанель своей подруге — русской эмигрантке и дизайнеру леди Ие Эбди. См. Field, *Bendor, the Golden Duke of Westminster*, р. 183.
78. В Шанель было “что-то от Золушки”: Galante, *Made-moiselle Chanel*, р. 96–99.
79. В ней видели “бывшую кокетку”: APP BA 1990.
79. Как-то раз Шанель с сарказмом заметила: Delay, *Chanel solitaire*, р. 126.
79. “У него была яхта”: Field, *Bendor, the Golden Duke of Westminster*, р. 184.
80. “Я любила его”: Morand, *The Allure of Chanel*, р. 158.
81. Приятель Бендора: Ridley George, *Bend’Or, Duke of Westminster*, р. 74.
81. По мнению Черчилля, Бендор: Ibid, pp. 196–197. Черчилль и Бендор сражались плечом к плечу на полях

- Англо-бурской войны. Кроме того в 1918 году вместе с принцем Уэльским они воевали на Западном фронте.
82. Одна французская дама характеризовала Бендора: Charles-Roux, *L'Irrégulière*, pp. 417–418.
82. Когда его зять, гомосексуалист: В 1931 году гомосексуализм в Великобритании был уголовно наказуемым преступлением. Седьмой граф Бошам являлся кавалером ордена Подвязки и членом Почетного караула на церемонии коронации Георга V в 1909 году. Его почитали одним из столпов англиканской церкви и палаты лордов. Кроме того, он был отцом семерых детей леди Леттис. После скандала он был вынужден бежать во Францию. 29-летняя леди Леттис — его жена — немедленно развелась с ним. Реакция со стороны короля на злодеяния Бошама была однозначной: “Я считаю, что у таких людей есть лишь один выход — застрелиться” и “Я думал, что такое возможно лишь за границей”. Безутешная леди Леттис пережила “нервное расстройство” и уехала жить к брату, заявив Бендору, что никогда не слышала о гомосексуализме и понятия не имеет, о чем таком твердил ее брат. Field, *Bendor, the Golden Duke of Westminster*, p. 244–247.
82. Шанель ничуть не уступала: Morand, *The Allure of Chanel*, p. 136–138.
83. На другом снимке: Wallach, *Chanel: Her Style and Her Life*, p. 72.
- 83–84. Vogue демонстрирует ее: Ibid, p. 75.
84. Редкий кадр: По словам Габриэль Паласс Лабрюни, Шанель жить не могла без сигарет. Интервью автору в Эрменонвиле, 9 июня 2009 года.
85. На другом снимке: Из фотоальбома Charles-Roux, *Le Temps Chanel*, p. 244.

85. А вот великолепный снимок, датированный ноябрем 1929 года: Justine Picardie, *Coco Chanel*, p. 166.
85. “Слухи о том”: Field, *Bendor, the Golden Duke of Westminster*, p. 184–185.
85. “Настоящая жизнь началась для меня с Вестминстера”: Haedrich, *Coco Chanel*, p. 124.
89. “Что за прелестная фотография”: Архив сэра Уинстона Черчилля, CHAR 2157.
90. “Приехала знаменитая Шанель”: Вероятно, Черчилль подразумевает, что Вера вместе с миссис Черчилль работали санитарками на Западном фронте во время Первой мировой войны. Field, *Bendor, the Golden Duke of Westminster*, p. 201.
90. “Шанель живет здесь на положении Вайолет”: Ibid.
91. “[Шанель] создавала элегантные интерьеры”: Wallach, *Chanel: Her Style and Her Life*, p. 166.
91. “в ее жизни было только две настоящих любви”: Galante, *Mademoiselle Chanel*, p. 95.
92. Он рассчитывал, что Шанель: Field, *Bendor, the Golden Duke of Westminster*, p. 201.
93. На одном из снимков, сделанных в ее романтическом убежище на вилле *La Pausa*: Фото из книги Wallach, *Chanel: Her Style and Her Life*, p. 82.
93. Бендор купил этот участок: Galante, *Mademoiselle Chanel*, p. 116. Отметим, что, как утверждает Шарль-Ру, Шанель покупала участок на собственные деньги: Charles-Roux, *Chanel*, p. 255.
93. Когда в 1929 году вилла была закончена: Galante, *Mademoiselle Chanel*, p. 120.
94. “Мне никогда не хотелось обременять мужчину”: Ibid, p. 141.
94. По словам друзей: Ibid, p. 111.

95. Она упорно отказывалась: Field, *Bendor, the Golden Duke of Westminster*, p. 185.
95. "Все, что мне нужно": Ibid, p. 207.
95. "этих евреев": Roger Peyrefitte, *Les Juifs*, pp. 71–72.
97. "Герцог часто бывает во Франции": APP BA 1990, папка Шанель.
99. Во Втором бюро подозревали: Ibid.
99. "Мне никогда не хотелось его заполучить": Morand, *The Allure of Chanel*, p. 192.
101. Мися была сокрушена горем: Edmonde Charles-Roux, *L'Irrégulière*, p. 458.
101. Вот история: Marcel Haedrich, *Coco Chanel: Her Life, Her Secrets*, p. 130.
102. Шанель с презрением отзывалась: Henry Gidel, *Coco Chanel*, p. 237–238.
103. Среди ее изречений были такие: Ibid, p. 238.
104. На прощание он подарил Шанель несколько трогательных строк: Ibid, p. 240.
104. "немытая крестьянка..": Gold and Fizdale, *Misia* p. 240.
104. "Нельзя, чтобы о тебе забывали": Haedrich, *Coco Chanel*, p. 205.
105. Пока герцог бродил в окрестностях: Field, *Bendor, the Golden Duke of Westminster*, p. 225.
105. Вот как Лилия вспоминала о Шанель: Galante, *Made-moiselle Chanel*, p. 113–114.
107. Теперь Динклагге с женой Максимилианой: Надежные источники и биограф Эдмонда Шарль-Ру (*L'Irrégulière*, p. 545) утверждают, что Динклагге с женой жили на Лазурном берегу с 1928 года. Однако по данным французской полиции и контрразведки, он приехал во Францию лишь в 1929 году.
107. Завидная доля выпала Динклагге: CHADAT 7NN 2620.

108. “мы жили у моря”: Marje Schuetze-Coburn, Bill Dotson, Michaela Ullmann, *Against the Eternal Yesterday — Essays Commemorating the Legacy of Lion Feuchtwanger*, p. 26.
110. Динклагэ были далеко не первыми: CHADAT 7NN 2620.
111. ...служила отличным прикрытием: Абвер нередко пользовался услугами агентов с еврейскими корнями. Еврейское происхождение служило хорошим прикрытием. Более того, абвер мог, в случае необходимости, шантажировать таких агентов возможными репрессиями по отношению к их родственникам в Германии. Как правило, евреи шли на сотрудничество с абвером либо из патриотических чувств к своей немецкой родине, либо, в особенности после 1933 года, желая уберечь себя и родных от преследований со стороны нацистов.
111. По части связей и рекомендаций у нее тоже все было в порядке: По утверждению офицеров абвера Ледебура и Файля, Максимилиана владела пакетом акций компании *I. G. Farben*. В свою очередь двоюродная сестра Кэтси писательница Сибил Бедфорд упоминает также о солидном состоянии ее матери.
111. ...немецкая реестровая запись, датированная 1929 годом: Немецкий архив в Берлине, 1929, “Динклагэ”, p. 139.
112. Французской службе безопасности: CHADAT 7NN 2973.
112. В секретном досье 1934 года: 17 ноября 1934 года, Ibid.
112. “Бывало, на закате мы с четой Хаксли устраивались на пляже”: Дневники Сибил Бедфорд, HRC, бокс 46-1, июль 1932 года.
113. Котон писал о Санари: Jacques Grandjonc and Theresia Grundtner *Zones d'ombres 1933-1944: Exil et inter-*

nement d'Allemands et d'Autrichiens dans le sud-est de la France, p. 50–52.

- 113. Позднее Котон так писал: Ibid.
- 113. Позднее эти подозрения подтвердились: CHADAT 7NN 2973/
- 115. В Германии 1931 года смещение политических симпатий: Варшава: Архив новейшей истории; du Plessix Gray, *Them*, p. 136.

Глава 4

ГОЛЛИВУДСКИЙ ДИВЕРТИСМЕНТ

- 117. Господь продуцирует звезды: Сэмюэль Голдвин.
- 117. ... около 14 миллионов: Сумма получена при помощи индекса потребительских цен.
- 117. “Итальянская чародейка”: Meredith Etherington-Smith, *Patou*, pp. 121–130.
- 118. Именно она “освободила женщин: Bet Moore, *Two for the Runway*, Los Angeles Times, May 4, 2005.
- 118. Позднее Шанель отзывалась: 6 сентября 2009 года в телефонном разговоре с автором данной книги Габриэль Паласс Лабрюни подтвердила, что Шанель считала Голливуд “вульгарным”. См. также: Edmonde Charles-Roux, *L'Irrégulière*, p. 474–475.
- 119. “но есть и замечательные евреи-израэлиты”: Delay, *Chanel solitaire*, p. 149.
- 119–120. “Все то, что в прошлом году смотрелось так свежо”: *Vogue*, цит. по Etherington-Smith, *Patou*, p. 115.
- 120. Он собирался нарядить своих звезд: *Mlle Chanel to Aid Films*, New York Times, January 20, 1931.
- 120. Вместе с мужем Хосе-Марией Септом: Arthur Gold and Robert Fizdale, *Misia*, pp. 249–257.

120. "татарской красоты": Ibid.
121. "Коко и Мися столь часто вместе появлялись на публике": Ibid, p. 231.
121. "снобом и педерастишкой": Francis Steegmuller, *Cocoteau: A Biography*, p. 389.
121. ...несмотря на то, что оба были ревностными католиками: Чета Сертов умоляла католическую церковь развести их, однако после того, как Русси в 1938 году скончалась от туберкулеза, бывшие супруги воссоединились вновь. Gold and Fizdale, *Misia*, p. 281, 303–312, 332, 335.
122. В роскошных апартаментах отеля "Пьер": *Chanel Visits America*, New York Times, March 8, 1931.
122. В простом шерстяном розово-красном костюме: Ibid.
122. ...с присущими ей хитринкой и французским шармом: Ibid.
123. "несколько смущенной": Ibid.
123. "Толубые духи — для блондинок": *Los Angeles Examiner*, March 17, 1931.
124. "смеялись над французскими шутками и таращились на парижские манекены": Galante, *Mademoiselle Chanel*, p. 159–161.
124. "Встреча двух королев": Ibid.
126. "Актер должен быть силен": Ibid.
127. "Я никогда не была швеей": Paul Morand, *L'Allure de Chanel*, p. 59.
127. Шанель надеялась: Galante, *Mademoiselle Chanel*, p. 162, цит. по: *Sunday Express* (London) February 21, 1932.
127. "Голливуд был совершенно инфантилен": Charles-Roux, *Chanel*, pp. 269–270.
131. "Шанель может заставить женщину": Madsen, *Chanel: A Woman of Her Own*, p. 194.

Глава 5

ПРОЩАЙ, ПОЛЬ; ЗДРАВСТВУЙ, ШПАТЦ

132. окунуться в светскую жизнь: Pierre Galante, *Mademoiselle Chanel*, p. 164.
133. ...лишь на редком снимке: Когда Бой Кэйпел понял, что Шанель с ее легким косоглазием нужны очки, то распорядился выписать для нее специалиста. Несмотря на это, Шанель отказывалась носить очки. Janet Wallach, *Chanel: Her Style and Her Life*, p. 104.
133. “сверкало темным золотом”: Madsen, *Chanel: A Woman of Her Own*, с 197.
133. “Я ведь скромница”: Marcel Haedrich, *Coco Chanel: Her Life, Her Secrets*, pp. 236–237.
134. С годами Шанель не потеряла вкус к деньгам: Janet Flanner, *31 rue Cambon*, *The New Yorker*, March 14, 1931, p. 25.
134. “Мадемуазель Шанель”: Ibid.
135. “Я кое-что подписала”: Galante, *Mademoiselle Chanel*, p. 149.
136. Не обращая внимания на всеобщий экономический кризис: Wallach, *Chanel: Her Style and Her Life*, pp. 87–92.
137. “Все эти дамочки голубых кровей”: Madsen, *Chanel: A Woman of Her Own*, p. 109.
137. “Что может быть отвратительнее”: Galante, *Mademoiselle Chanel*, p. 166.
138. Следующим по значимости человеком: Robert S. Wistrich, *Who's Who in Nazi Germany*, p. 78.
- 138–139. Канарис охотно сотрудничал: Ibid, p. 29.
139. Позднее абвер был поглощен гиммлеровским СС: Абвер, берущий свое название от немецкого глагола *abwehren*, “оборонять, отражать”, являлся разве-

- дывательным и контрразведывательным ведомством рейхсвера, а позднее — и гитлеровского вермахта. David M. Crowe, *Oskar Schindler*, p. 15.
139. Действуя под прикрытием дипломатического иммунитета: CHADAT 7NN 2973/
139. К 1932 году Динклаг: Ibid.
139. Так решилась написать о притягательной силе Динклаг: Manfred Flügge, *Amer Azur: Artistes et écrivains à Sanary*, pp. 61–62, а также интервью Флюгге с Сибил Бедфорд в Челси в январе 2000 года. Эдмонда Шарль-Ру (*L'Irrégulière*, p. 556) пишет о том, как Динклаг доставлял “физическое удовлетворение” своим многочисленным любовницам — в том числе и Шанель.
140. Двое офицеров флота: В книге “Теневые зоны” (*Zones d'ombres*) Жак Гранжонк и Терезия Грюндтнер пишут, что французский офицер флота Шарль Котон познакомился с четой Динклаг в 1930 году в Санари и что Динклаг на тот момент уже был немецким агентом. О Котоне см. также: Jaques Grandjone and Theresia Grundtner, *Zones d'ombres, 1933–1944: Exil et internement d'Allemands dans le Sud-Est de la France*, pp. 50–52. О Гайяре см.: CHADAT 7NN 2973.
140. Не прошло и нескольких недель с момента его переезда в Париж: Грузовики были наняты у Густава Кнауэра, проживавшего по адресу Вихманштрассе, 62. Чета переехала в дом номер 64 по улице Перголез.
140. Ее снабдили: Письмо Динклаг г-ну Гершу (около 1958 года); письма 1961 года; PAdAA документ 681/5, 3 октября 1933 года.
141. Французская разведка: CARAN F/7/15327 “Показания Файля”, PAdAA, папка Deutsche Botschaft (“Германское посольство”).

- 141. Динклагге также помогал немецким инженерам: Ibid.
- 141. К 1934 году нацистская машина в Берлине: CHADAT 7NN 2737.
- 141. С именем Динклагге: Ibid.
- 142. К этому времени французская военная контрразведка: Ibid.
- 142. В организацию поступала информация: Ibid.
- 144. Наконец, в сводке утверждалось: Ibid.
- 145. По словам одного из биографов: Charles-Roux, *Chanel*, p. 290.
- 146. Ириб стал: Ibid.
- 147. Шанель была “опустошена горем”: телефонное интервью автора с Габриэль Паласс Лабрюни, сентябрь 2007 года.
- 148. “Мне это нужно, чтобы держаться”: Isabelle Fiemeyer, *Coco Chanel: Un parfum de mystère*, p. 109. Седол — сильнодействующее успокоительное — производился французской компанией *Theraplix*. В его состав входил гидрохлорид морфина.
- 149. “Сердце любимой моей”: “My baby has a heart...” Уоллман/Уортелл/Кросби, *My Woman*, записано Тедом Льюисом с ансамблем; Columbia Records 2635-D. Шанель часто напевала ее, катаясь в машине с Габриэль Паласс Лабрюни. Из телефонного интервью с Лабрюни 6 сентября 2009 года.
- 149. “Ваша королева прекрасно справляется”: Randolph Churchill, *Mlle Chanel's Tribute*, Daily Mail, June 20, 1934.
- 150. “Мы сильны”: William L. Shirer, *Berlin Diary*, p. 21.
- 150. Агенты французского Второго бюро проследили его путь: CHADAT 7NN 2719/
- 151. “Уж конечно, немцы не настолько”: BNA, письмо на бумаге для корреспонденции посольства Великобритании в Берлине, датированное 3 января 1935 года.

151. Газета рассказывала: Wistrich, *Who's Who in Nazi Germany*, p. 38.
152. В книге Аллара: Paul Allard. *Quand Hitler espionne la France*, p. 38–50.
153. Новоиспеченный холостяк: Показания Ледебур, FSS. Ледебур называет девушек “сестрами Джойс”.
153. В письме он робко пытался: Архив министерства иностранных дел Германии, 1934 год.
154. “Уважаемому господину послу”: Ibid.
155. Незадолго до отъезда Динклаг: CHADAT 7NN 2973. Хотя фотографии Динклаг и Люси Браун значатся подшитыми к досье, в действительности в нем содержится только этот снимок.
156. “Боюсь, что не смогу провести вечер в Париже”: Телеграмма от 2 декабря 1935 года, Chartwell Trust.
157. его бывший агент в Тулоне: CHADAT 7NN 2973.
157. К ноябрю 1938 года: Ibid.
158. Французский информатор в Байонне: Ibid. В 1938 году шведская компания *Aga Baltic* создала первый в мире супергетеродинный радиоприемник. История развития радиосистем, <http://www.doctsf.com/grandlivre/index.php>.
159. Далее ориентировка гласила: Ibid.
159. “даже в случае, если прямых доказательств его преступных действий обнаружено не будет”: Ibid. Подпись: Помощник командира Пэйоль. Поль Пэйоль был “одним из наиболее известных французских контрразведчиков времен войны, который служил в старших чинах разведки “Сражающейся Франции” и являлся одним из наиболее активных членов французского Сопротивления”. Douglas Porch, *The French Secret Services: From the Dreyfus Affair to the Gulf War*, p. 44. В результате оккупации Франции вы-

- сылка немцев из страны была приостановлена. Лишь в 1947 году французские власти официально выдворили из страны Ганса Гюнтера фон Динклагге и его жену Максимилиану.
159. А что же Кэтси?: CHADAT 7NN 2973.
161. “Несколько раз объект был замечен в Тулоне”: Ibid. Далее в отчете значатся семь закрепленных за ним номеров машин, в том числе немецкие, итальянские и британские. Личный автомобиль Динклагге был зарегистрирован в Монако. Сведений о марке машины Динклагге в отчете не содержится.
161. Наконец французские власти: Полное имя Дессоффи — графиня Дессоффи де Чернек-э-Тарко, урожденная Бонно дю Чен де Боргар. CHADAT 7NN 2650.
- 161–162. Кроме того, Бюро просило: CHADAT 7NN 2973.
162. Итоговый отчет суммировал все факты: Ibid.
163. В декабре того же года: Ibid.
163. За несколько месяцев до нападения немцев: Папка SSF “Динклагге”. После того как Франция была оккупирована, Максимилиану фон Динклагге освободили из лагеря в Гюрсе в числе прочих содержавшихся там немцев. Во время войны она жила в Париже. Ее родные ошибочно полагали, что ей, как и прочим евреям, приходилось носить на одежде желтую звезду Давида. Интервью моей ассистентки Салли Гордон-Марк с семьей Шёнебек в австрийском Хинтерштодере, 3 июля 2009 года.
163. Когда после освобождения Парижа Шанель спрашивали о Динклагге: Marcel Haedrich, *Coco Chanel: Her Life, Her Secrets*, p. 148.
163. Внучатая племянница Шанель Габриэль Паласс Лабрюни сообщила: Интервью автору 18 мая 2009 года.

163. В их число входили: Pierre Lazareff, *Deadline: The Behind the Scenes Story of the Last Decade in France*, p. 110.
164. Пьер Лазарев: Лазарев по прозвищу “Пьер в подтяжках” приблизительно с 1931 года считался одним из корифеев французской журналистики. Редактор газеты *Paris-Soir*. Позднее начал издавать *France-Soir* (в 1970 году было продано 2 миллиона экземпляров). Известный телеведущий.
164. Он уверял своих собеседников: Pierre Lazareff, *Deadline: The Behind the Scenes Story of the Last Decade in France*, pp. 100, 111, 117.

Глава 6

А ПОТОМ ПРИШЛА ВОЙНА

165. Средневековые дети играют...: Pablo Picasso, *New York Review of Books*, Nov. 25 — Dec. 8, 2010, p. 27.
165. Репортер газеты *Paris Herald*: Shirer, *Berlin Diary*, pp. 6–8.
168. К юнью бутики в фойе отеля “Риц”: Roulet, *Ritz: A Story That Outshines the Legend*, p. 99.
168. Персонал бутика Шанель: Edmonde Charles-Roux, *L'Irrégulière*, p. 524.
168. “В Мимизане я впервые увидела море”: Габриэль Паласс Лабрюни, телефонный разговор с автором, 28 апреля 2009 г.
169. Это была американская сидячая забастовка по-французски: Charles-Roux, *Chanel*, p. 298.
171. Краеугольный камень мира: Габриэль Паласс Лабрюни, интервью с автором, Эрменонвиль, Франция, 27 апреля 2009 г.; Leslie Field, *Bendor, the Golden Duke of Westminster*, p. 262.

174. “потому что двое джентльменов...”: Wallach, *Chanel: Her Style and Her Life*, p. 19.
174. Скьяпарелли не просто “раздражала” ее: Ibid., p. 112.
174. “С Шанель покончено”: Galante, *Mademoiselle Chanel*, p. 169.
175. обмотав актеров... бинтами: Charles-Roux, *Chanel*, p. 304.
177. Кокто очень хорошо запомнил...: Madsen, *Chanel: A Woman of Her Own*, p. 220.
179. Британский *Vogue*: Ibid., p. 221.
180. Шанель представила коллекцию одежды в патриотических тонах: Charles-Roux, *Chanel*, p. 302.
180. Клэр Бут Люс: Clare Boothe Luce, *Europe in the Spring*, pp. 61, 63, 126.
182. Это была расплата: Charles-Roux: *Chanel*, p. 305.
182. “Как я могла предположить...”: Haedrich, *Coco Chanel: Her Life, Her Secrets*, p. 142.
183. Его антисемитизм: Эдмонда Шарль-Ру, интервью с автором, Париж, 21 апреля 2009 г.
183. Бывший любовник и друг Шанель: Field, *Bendor, the Golden Duke of Westminster*, p. 265.
- 183–184. Разведчики считали ее британским агентом: ADGMD, личные дела, Ломбарди, Альберто, № В728.
184. Из итальянских архивов известно: *Archivio centrale dello Stato* (ACS), рукописное письмо министру юстиции от Ломбарди о его жене Вере Бейт: timbro della SPD 12.8.41, data in alto 23.8.41, п. 111684 А4–24.8.41.
185. “Г-жа Ломбарди...”: ACS, министерство иностранных дел, конверт 216, рапорт о Вере Ломбарди.
185. Через неделю...: Ibid.
186. С тех пор, как его мобилизовали: Габриэль Паласс Лабрюни, интервью с автором, Эрменонвиль, Франция, 27 апреля 2009 г.

187. "Ах, Ириб!..": *Galante, Mademoiselle Chanel*, p. 141.
187. "Нет ничего хуже одиночества...": *Ibid.*
187. "Я закрыла предприятие...": Charles-Roux, *L'Irrégulière*, pp. 536–537.
188. "Война — это время спрятаться": *Ibid.*, p. 535.
188. Они пришли в ярость: *Ibid.*, pp. 533–534.
188. Чего бы стоили парижские праздники: *Ibid.*, p. 534.
188. "Жизнь — это битва...": Paul Morand, *L'Allure de Chanel*, p. 206.
189. "Несмотря на многократные опровержения": Kathleen Cannell, *Gems of Far East Blend With Gowns*, The New York Times, May 6, 1940.
191. Он со знанием дела уверял: Gidel, *Coco Chanel*, pp. 292–293.
192. Эти новости забавляли: *Ibid.*, p. 302.
192. Во время одной из таких тревог он увидел: Claude Roulet, *Ritz: A Story That Outshines the Legend*, pp. 106–107.
192. Большинство французских семей: *Half-Year Mark*, Time, March 11, 1940.
193. Среднестатистическому немцу приходилось еще туже: *GERMANY: To Paris*, Time, May 20, 1940, p. 32.
194. Полтора миллиона человек: Ousby, *Occupation*, p. 6.
Для наглядности: если бы французы, павшие в 1914–1918 гг., воскресли и прошли бы маршем через Триумфальную арку, марш продолжался бы 11 суток.
195. "Что они будут делать с этой информацией...": Ousby, *Occupation*, p. 22.
195. Несколько человек: *Ibid.*, p. 14.
196. "Французские генералы...": Michael Bloch, *The Secret File of the Duke of Windsor: The Private Papers 1937–1972*, p. 149.
196. Уинстон Черчилль часто приезжал в Париж: Roulet, *Ritz: A Story That Outshines the Legend*, pp. 103–104.

197. "Титлер и компания...": А.Р. Н. in *Punch*, London, February 14, 1940, цит. по: Luce, *Europe in the Spring*, Preface.
197. "На прошедшей неделе зловещей Второй мировой войне...": *Half-Year Mark*, Time, March 11, 1940.
198. Они покинули хозяйку: Roulet, *Ritz: A Story That Outshines the Legend*, p. 109.
198. Пока Европа ждала, затаив дыхание: Швейцарский национальный архив N7811B.A.6.
199. Разъезжая на "фиате тополино": Ibid. Номерной знак: L 878995.
199. Но французская контрразведка: CHADAT 7NN 2650.
199. Дессоффи — дочь высокопоставленного морского офицера: du Plessix Gray, *Them*, p. 170.
199. стала любовницей Динклагге: CHADAT 7NN 2650.
200. Эдмонда Шарль-Ру вспоминала: Эдмонда Шарль-Ру, интервью с автором, Париж, 21 апреля 2009 г.
200. Поскольку вся переписка Динклагге с Германией: ADV 158W848.
200. Переезжая из одного кантона Швейцарии в другой: Швейцарский федеральный архив: рапорт полиции Лугано от 1 декабря 1939 г. за подписью "Ботта". В 1939 г. было запрещено находиться в Швейцарии без предварительного разрешения федеральных властей или кантона. Из-за строгих законов иностранцы должны были регистрироваться либо в отеле, либо в местном отделении полиции. Каждый вечер офицер полиции собирал регистрационные карточки и отправлял их в центральную канцелярию в Берне для обычной проверки. Любого нежелательного приезжего можно было немедленно оштрафовать и выдворить из страны.
200. Оказывается, швейцарская контрразведка подозревала: Ibid.

200. Через несколько дней: Schweizerisches Bundesarchiv, Police de Sûreté, November 24, 1939.
201. Тогда офицер швейцарской полиции навестил Динклагге: Ibid.
202. Динклагге использовал свою привлекательную внешность: Документы FSS.
202. Позже швейцарцы узнали: Из подборки документов, переведенных Михаэлем Фёдоровичем в 2009 г., хранящейся в Швейцарском национальном архиве.
203. Вскоре они вновь объявились в Париже: NARA WAAG секретная сводка ВС США от 26 янв. 1946 г. Швейцарский национальный архив, рапорт от 24 ноября 1939 г.
204. Первые полосы берлинских газет: *GERMANY: To Paris*, Time, May 20, 1940, p. 32.
204. В прямом эфире германского радио: William L. Shirer, *Berlin Diary*, pp. 332–333.
204. Приказы Гитлера армии: Ibid., p. 335.
204. По словам Ширера: Ibid., p. 385.
205. Париж охватила паника: *Harper's Bazaar*, October 1939.
206. Клэр Бут Люс в Париже слушала: Boothe Luce, *Europe in the Spring*, p. 230.

Глава 7

ПАРИЖ ОККУПИРОВАН, ШАНЕЛЬ — БЕЖЕНКА

208. “Для женщины...”: Charles-Roux: *Chanel*, p. 265.
208. “Авиация доказала...”: Will Brownell and Richard N. Billings, *So Close to Greatness: A Biography of William C. Bullitt*, p. 255.
209. “Улицы совершенно опустели”: William L. Shirer, *Berlin Diary*, pp. 412–413.

209. Поездка Шанель из Парижа: Четыре миллиона беженцев были на дорогах Франции в июне 1940 г. Vaughan, *FDR's 12 Apostles*, p. 28.
210. "С завтрашнего утра ни один американец": *Foreign News*, Time, June 17, 1940, p. 32.
211. "Лучшее, на что могут надеяться французы": *Foreign News*, Time, July 1, 1940, p. 25.
211. После того как Шанель и Ларше пересекли реку Гаронну: Габриэль Паласс Лабрюни, интервью с автором, Эрменонвиль, Франция, 27 апреля 2009 г.
212. Сразу после полудня 17 июня: Ousby, *Occupation*, p. 63; Montagnon, *La France dans la guerre de 39-45*, p. 179.
213. Шанель была ошеломлена: Лабрюни вспомнила, что Шанель назвала это *trahison* — изменой. Интервью с мадам Лабрюни, 27 апреля 2009 г.
215. "крахом Франции": Ousby, *Occupation*, p. 63.
215. "Этот парень у нас уже вот где сидит": Montagnon, *La France dans la guerre de 39-45*, p. 187.
215. Для многих французов капитуляция была спасением: За шесть недель в мае и июне 1940 г. французская армия потеряла 120 тысяч человек ранеными и 120 тысяч убитыми и умершими от ран. Немцы потеряли 45 тысяч убитыми; бельгийцы — 7500; голландцы — 2900, англичане — 6800 человек. Montagnon, *La France dans la guerre de 39-45*, p. 207.
215. "не все немцы были бандитами": Marcel Haedrich, *Coco Chanel: Her Life, Her Secrets*, p. 144.
216. "презрения, злости, ненависти, мести, ликования": Shirer, *Berlin Diary*, p. 422.
218. Вскоре нацисты заставили Петена: Ibid., pp. 79-81.
218. "закон о евреях": Thomas Wieder, *Découverte du projet de 'statut des juifs'*, Le Monde, October 5, 2010, p. 10.

219. Поскольку Виши теперь стал: интервью с Лабрюни, 19 мая 2009 г.
219. Наконец пришла весточка от Андре: Катарина и девочки узнали, что у Андре была возможность сбежать с линии Мажино до ее захвата. В его звене из четырех человек был один велосипед, которым пользовались по очереди. Когда велосипед был у Андре, он мог бы с легкостью уехать на нем. Но вместо этого он позволил своему товарищу использовать велосипед для бегства за несколько часов до капитуляции линии. Оказавшись дома, сбежавший боец написал мадам Паласс и рассказал о поступке Андре и о том, что, возможно, он оказался в немецком плену.
221. Парижский приятель Шанель: André-Louis Dubois, *À travers trois Républiques*, pp. 56–60.
221. В Виши дамы столовались: Haedrich, *Coco Chanel: Her Life, Her Secrets*, p. 143.
222. Шанель вернулась в Париж: Allan Mitchell, *Nazi Paris: The History of an Occupation, 1940–1944*, pp. 13–14.
224. “Благодаря искусственно завышенному обменному курсу...”: Frederic Spotts, *The Shameful Peace: How French Artists and Intellectuals Survived the Nazi Occupation*, p. 33.
225. Они были формально корректны: описание немецких захватчиков в Париже 1940 г. см. фото и текст: David Pryce-Jones, *Paris in the Third Reich*, pp. 3–29.
227. Однажды свежим осенним утром: Francine du Plessix Gray, *Them*, p. 218.
229. Динклагге вернулся: CHADAT 7NN 2973. В Британском национальном архиве, Кью, и Национальном архиве Франции хранятся документы BCRA (разведки Соппротивления) о деятельности Динклагге как агента абвера во Франции.

230. В пятьдесят семь лет Шанель: Интервью с Лабрюни, 18 мая 2009 г.
231. “По приказу из Берлина”: CARAN AJ/40/871, *Seizure of the Ritz*. См. Claude Roulet, *Ritz: A Story That Outshines the Legend*, p. 107. Вмешательство Динклагге, позволившее Шанель остановиться в “Рице”, подтверждается и в статье в журнале *Time* за июнь 1998 г. Эдмонда Шарль-Ру в *L'Irrégulière* и автор Алекс Мэдсен предлагают разные версии того, как Шанель вернулась в “Риц” в августе 1940 г. Пьер Галант не касается этой темы.
231. в период оккупации лишь в единичных случаях: Ibid. “Инструкция об отеле “Риц” от главнокомандующего войсками во Франции, 2 февраля 1941 г.
231. Каждый, кто входил или выходил: См.: CARAN AJ/40/871, “Инструкция об отеле “Риц” от Главнокомандующего войсками во Франции, 2 февраля 1941 г. О знаменитостях — гостях нацистов см.: Roulet, *Ritz: A Story That Outshines the Legend*, pp. 108–109.
232. Для тех соотечественников, которым был разрешен вход: Roulet, *Ritz: A Story That Outshines the Legend*, p. 111.
233. “В такие времена...”: Henri Amouroux, *La Vie des Français sous l'Occupation*, p. 141.
233. Шанель считала: “Немцы культурнее французов...”: Haedrich, *Coco Chanel*, p. 136.
233. Шанель “повсюду видели...”: Galante, *Mademoiselle Chanel*, p. 181.
233. “Я никогда не смотрела на немцев...”: Haedrich, *Coco Chanel: Her Life, Her Secrets*, p. 136.
234. Динклагге часто ужинал: CARAN F/7/15327. Папка 209 “FEIHL”.
234. Семья Серта и их друзья: APP DB 540.

234. Шанель предпочитала устраивать ужины в узком кругу: Габриэль Паласс Лабрюни в интервью автору, Эрменонвиль, Франция, 9 июня 2009 г.
235. Коллаборационистка Ферн Бедо... утверждала, что Шанель наркозависима: Документ SSF. Ферн Бедо использовала французское слово *une intoxiquée*.
236. “ангел-истребитель...”: Morand, *The Allure of Chanel*, p. 10.
236. Он и его прогермански настроенная жена...: Madsen, *A Woman of Her Own*, p. 242.
237. Однако по-настоящему веселыми были вечера: Barbara Lambauer, *Francophile contre vents et marées? Otto Abetz et les Français, 1930–1958*. Bulletin du Centre de Recherche Français de Jérusalem 18 (2007): 159. Упомянутая собственность Ротшильда принадлежала барону Эли Роберу — во время войны он был в немецком плену.
237. “Коко Шанель... давала себе волю...”; Ousby, *Ossification*, p. 112.
238. “Вот так свергается республика”: Ibid., p. 84.
238. Жозе возбужденно описывала...: Вспоминая об отце, Жозе часто говорила о Шанель. См. Yves Pourcher, *Pierre Laval vu par sa fille*, pp. 213, 215, 313.
238. В затемненном Париже: Pourcher, *Pierre Laval vu par sa fille*, pp. 213–214.
240. Американская больница в Нёйи: Китинг, неизданный документ от 1981 г. в: Hal Vaughan, *Doctor to the Resistance*, pp. 44, 46–48.
241. Даже вино, главный продукт Франции: Donald and Petie Kladstrup, *Wine and War: The French, the Nazis, and the Battle for France’s Greatest Treasure*, pp. 112–116.

Глава 8

ДИНКЛАГЕ ВСТРЕЧАЕТСЯ С ГИТЛЕРОМ;
ШАНЕЛЬ СТАНОВИТСЯ АГЕНТОМ АБВЕРА

242. “На войне как на войне” [реплика Динклаге]: Plessix Gray, *Them*, p. 218.
242. В начале 1941 года: CHADAT 7NN 2717.
242. В Берлине Динклаге была оказана особая честь: CHADAT 7NN 2973.
243. Однако документ из архива...: CARAN 117M128.
244. “Д. [Динклаге] [сейчас] в очень плохих отношениях...”: Принадлежавший Франции югославский рудник Бор был конфискован нацистами в 1940 г. Документы французской контрразведки раскрывают парадоксальные факты: “После провала попытки ликвидировать фон Д. гестапо... решило с ним поладить”. Относительно пребывания Динклаге в Берлине и покушения на него гестапо см. CHADAT 7NN 2973. Относительно Вофрелана в Берлине и Тунисе см. документ BNA, лист 317, H57/139.
245. Между тем Вофрелан заслужил звание: CARAN Z/6/672 greffe 5559, Vaufreland, досье абвера, Personalbogen (послужной список), 9 июня 1941 г.
246. Они могли бы помочь ей: Ibid. Вофрелан рассказывает, как узнал до встречи с Шанель о ее стремлении вернуть Андре Паласса из Германии.
246. По возвращении в Париж...: Ibid.
247. Доклад лондонской “Свободной Франции”: Отчеты французских, британских и американских дипломатов, как и сообщения разведок, подтверждают эти сведения. BNA: Британские депеши, 20 января 1941 г., Z 407/132/17 и Z 5423. Консул США, Касабланка, письмо от 30 мая 1941 г. CARAN 171 mi/125 и 127:

- “Совершенно секретно, 25 июня 1944 г., отчет, агенты германских спецслужб”.
247. Однажды весной 1941 года: CARAN Z/6/672 greffe 5559.
249. ... абвер внес Габриэль Шанель: APP BA 1990.
249. “Отправление из Парижа в 20:10 ч.”: Оригинал телеграммы в CARAN Z/6/672 greffe 5559.
250. Уоллес, кодовое имя Рамон: Эдмонда Шарль-Ру утверждает, что Брайан Уоллес использовал кодовое имя Рамон, когда Шанель приезжала в Мадрид в 1943 г., выполняя второе задание нацистов. См. Charles-Roux, *L'Irrégulière*, p. 595.
250. MI, копия. Приложение: BNA документ 1139.
254. Шанель и Вофрелан в Португалию не ездили: CHA-DAT 7NN 2717.
254. Вофрелан организовал для Шанель встречу: Показания Вофрелана французскому суду, CARAN Z/6/672 greffe 5559.
255. “Теперь настал ее черед...”: Edmonde Charles- Roux, *Chanel*, p. 320.

Глава 9

ШАХ И МАТ ВЕРТХАЙМЕРОВ

256. Война или мир... она жила: Haedrich, *Coco Chanel: Her Life, Her Secrets*, p. 146.
257. В эссе 1941 года: О Сартре см. Ibid, p. 157.
259. Телеграмма гласила: Jeremy Josephs, *Swastika Over Paris*, p. 70.
259. Джон Апдайк... замечает: John Updike, *Qui qu'a vu Coco?* New Yorker, September 21, 1998, pp. 135–136.
260. Шанель не сомневалась...: Gold and Fitzdale, *Misia*, p. 287.

261. Как и было обещано: После войны Вофрелан дал показания, что [принц] Ратибор предоставил ему рекомендации для доктора Бланке, "от которого я хотел добиться возвращения м-ль Шанель ее парфюмерного предприятия.. *les Parfums Chanel*, мажоритарными акционерами которого были г-да Вертхаймеры... он составлял списки "еврейских предприятий", переданных во временное управление". *SARAN Z/6/672 greffe 5559*; текст письма Вофрелана французскому судье Рожеру Серру, 2 декабря 1946 г., СС. 34–36. Другие документы свидетельствуют, что жена друга Вофрелана принца Эрнеста Ратибор-Корвея дружила с Динклаге. Он использовал принцессу Ратибор-Корвей как связного в Швейцарии в 1939 г.
261. После оккупации Франции: Документ MBF.
261. До 1944 года он играл ключевую роль...: Мартин Юнгиус и Вольфганг Зайбель из Констанцкого университета писали, что доктор Бланке...
проявлял интеллектуальные способности, решимость и верность убеждениям... направляя всю свою энергию и находчивость на создание эффективно-го механизма экономического преследования евреев... Деятельность Бланке во время войны многое говорит о [нацистских] преступных бюрократах во время Холокоста... В оккупированной Франции Бланке без малейших колебаний лишил многие тысячи евреев-предпринимателей материальной основы их существования, сделав их совершенно беззащитными перед СС, гестапо и французскими коллаборационистами... Бланке собственной персоной приезжал инспектировать предприятия, принадлежавшие евреям, лично назначал наказания за нарушения антиеврейских директив и в полной мере осознавал, какой удар наносят

его приказы по судьбам конкретных людей. Бланке считал своей миссией исключить евреев из экономической жизни Франции. Здесь его жертвами были не евреи из среднего класса, как в его родном городке, чаще всего это были еврейские торговцы и лавочники с парижских окраин (многие из них родом из Восточной Европы), а также известные евреи, чьи имена подчеркивались в указе о "деевреизации французской экономики". Они служили типичными мишенями германского антисемитизма, и Бланке... разделял нацистские антисемитские клише. Бланке был одним из незаменяемых администраторов Холокоста...

Jungius and Seibel, *The Citizen as Perpetrator: Kurt Blanke and Aryanization in France, 1940–1944*, *Holocaust and Genocide Studies* 22, no. 3 (Winter 2008): 441–74.

262. Хрустальная ночь: В ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. 91 еврей был убит, 25–30 тысяч евреев были арестованы и отправлены в концлагеря; было разрушено 267 синагог, обысканы тысячи домов и предприятий по всей Германии и Австрии.
263. SECM: *Société d'Emboutissage et de Constructions Mécaniques*. Перевод 50 миллионов французских франков авиастроительной компании Амио состоялся в августе 1939 г. CHADAT 7NN 2659. В отчете французской контрразведки сказано: "Амио передал чертежи бомбардировщика *Amiot 370*".
263. ...банковским переводом: Средства были переведены Амио через банк *Banque Manheimer-Mendelson* в августе 1939 г. Ibid.
263. "Мы попрощались...": Bruno Abescat and Yves Stavrîdès, *L'Express*, July 11, 2005, p. 1.
264. Они устраивали аншлаги в кинотеатрах: В 1940–1945 годах американцы и эмигранты в Нью-Йорке

испытывали ностальгию по Парижу и Франции, эти чувства были хорошо известны в крупных городах США. Поражение Франции стало в эти годы темой книг, журнальных статей и голливудских фильмов. Ярким примером тому служит снятая в 1942 г. картина “Касабланка” с Хэмфри Богартом, Ингрид Бергман и Полом Хенрейдом.

265. “ширококостного великана с угловатыми чертами лица”: Описание Томаса см. в NARA, OSS Personnel File (личный состав УСС), ‘Thomas, Herbert Gregory’, карточка 168А, ящик 2. Графиня Алина Романонес работала под началом Томаса, кодовое имя Аргус, в мадридской резидентуре УСС. Ее слова подтверждают высокий рост Томаса. Aline Countess of Romanones, *The Spy Wore Red*, p. 83.
266. Томас был вице-президентом: NARA, OSS Personnel File, ‘Thomas, Herbert Gregory’, Personal History Statement, SA-One.
267. Во-вторых, ему предстояло достать ключевые ингредиенты: Грасский жасмин, натуральная основа, необходимая для производства духов *Chanel No. 5*, растет только в Грассе на юге Франции, его приходилось доставлять в США в больших количествах. Некоторые эксперты считают, что Томас переправлял жасминовый концентрат — *absolu de jasmin*; 40–50 кг концентрата хватило бы на несколько лет производства. Хотя и нелегально, его можно было провезти в чемодане поездом до Лиссабона, а затем — на корабле до Нью-Йорка. Джон Апдайк писал в журнале *The New Yorker*: “[Томасу] нужно было переправить семьсот фунтов жасмина из французского Грасса в Хобокен”. Updike, *Qui qu’a vu Coco?*, *New Yorker*, September 21, 1998, pp. 135–36. Нью-йоркская ассоциация производите-

- лей косметики сообщила Госдепартаменту в 1941 г.: “Один фунт драгоценного натурального ароматического продукта [в т. ч. жасмина] может стоить в 1941 г. до четырех-пяти тысяч долларов”. О секретной формуле, хранящейся в компании Шанель, см. Véronique Maurus, No. 5, *l'éternel parfum de femme*, Le Monde, April 20, 1997, p. 9. О применении антисемитских законов см. Updike, *Qui qu'a vu Coco?*. NARA: American Perfume Association letter to Department of State, March 25, 1941. О “семистах фунтах жасмина” см. Updike, *Qui qu'a vu Coco?*. Классический флакон *Chanel No 5*, созданный в 1924 г. Жаном Элло, экспонировался в Музее современного искусства в Нью-Йорке с 1958 года. No 5 стал любимым ароматом Мэрлин Монро, Катрин Денёв и Ванессы Паради. В 2010 г. флакон этих духов объемом 7,5 мл стоил в крупных городах США и за океаном более 100 долларов.
268. В 1942 году: о дате отъезда Томаса см.: *Studies Cosmetic Needs*, New York Times, August 18, 1940. Псевдоним Томаса был раскрыт благодаря Питеру Зихелю в заметке под названием *Commanderie de Bordeaux History*. Адрес и биография Томса взяты из: NARA, OSS Personnel Name File, ‘Thomas’, Entry 168 A, Box 2. После вступления США во Вторую мировую войну в декабре 1941 года Томас взял отпуск в компании Вертхаймеров и работал на генерала Уильяма Donovan по прозвищу Дикий Билл — в Управлении стратегических служб (УСС). Как начальник штаба в Мадриде и Лиссабоне он руководил всей разведдеятельностью США на стратегически важном Пиренейском полуострове. Также он отвечал за отправку агентов УСС во Францию. По окончании войны Вертхаймеры наградили Томаса, назначив его пре-

- зидентом *Chanel Inc.* Эту должность он занимал до ухода на пенсию в 1972 году. Аллен Даллес, старший офицер УСС (а позднее — глава ЦРУ), проводил собеседование с Томасом, принимая его на службу. В апреле 1942 года Даллес писал: “Томас обладает выдающимися способностями и производит сильное впечатление. Если он оправдает надежды, думаю, он будет нам полезен”.
269. “Трюки, проделанные агентом Пьера и Поля...”: Подробности о миссии Томаса по заданию Вертхаймеров во Франции в 1940 г. взяты из: Bruno Abescat and Yves Stavridès, *Derrière l'empire Chanel*, L'Express, August 11, 2005, p. 2; Phyllis Berman and Zina Sewaya, *The Billionaires Behind Chanel*, Forbes, April 3, 1989, p. 104; а также Updike, *Qui qu'a vu Coco?*, New Yorker. О назначении Томаса президентом и позже председателем *Chanel Inc.* см.: *Executive Changes*, New York Times, April 14, 1971. См. также www.zoominfo.com/people/Sichel_Peter_14493897.aspx.
269. Зихель уверен...: Питер Зихель, электронные письма автору, октябрь 2007 г. и май 2008 г. Луидоры были введены в обращение Людовиком XIII в 1640 г. Названием эти деньги обязаны портрету короля Людовика на одной из сторон монеты. На другой стороне — герб французского королевства.
269. В 1989 году в интервью журналу *Forbes*: О помощи бандитов см. Berman and Sewaya, *The Billionaires Behind Chanel*, Forbes.
- 269–270. Из других источников...: “Экскалибур” — военно-транспортное судно армии США, потоплено у североафриканского побережья в ноябре 1942 г. в бою во время вторжения американских и британских войск в Северную Африку.

Глава 10

ПО ЗАДАНИЮ ГИММЛЕРА

271. Она хотела жить...: Charles-Roux, *L'Irrégulière*, p. 356.
271. В понедельник утром: *Le Matin*, понедельник 9 ноября 1942 г., первая полоса.
271. Другая газета уверила читателей...: *Le Petit Parisien*, 10 ноября 1942 г., первая полоса.
272. ...было "детищем президента Франклина Д. Рузвельта": Так Черчилль на обеде по случаю вступления в должность лорд-мэра в Лондоне 10 ноября 1942 г. перефразировал слова Талейрана, сказанные в 1812 г. после Бородинского сражения.
272. ...заклеймили "горизонтальной коллаборационисткой": Carmen Callil, *Bad Faith: A Forgotten History of Family, Fatherland and Vichy*, p. 305. О передачах Би-би-си см. Frederic Spotts, *The Shameful Peace: How French Artists and Intellectuals Survived the Nazi Occupation*, p. 255.
272. "Свободная Франция" знала...: О том, как Жозе Лаваль де Шамбрюн стала владелицей картин, украденных нацистами у еврейской семьи Шлосс и из коллекции Розенберга, см. Callil, *Bad Faith: A Forgotten History of Family, Fatherland and Vichy*, pp. 335, 352.
272. Статья в журнале *Life: Black List*, "Life, August 24, 1942, p. 86.
273. Теперь он был осужден: См. CARAN F/7/14939, *Black List*, 27/ 12/43, *Black List*, Life, August 24, 1942, p. 86. В октябре 1942 г. Шамбрюн заявил в газете *New York Times*, что все эти обвинения "смешны". René de Chambrun, *Mission and Betrayal*, p. 140.
273. "Дарлан и Жюин...": Yves Pourcher, *Pierre Laval vu par sa fille*, p. 270; неопубликованная рукопись.

274. “Это тяжело — быть коллаборационистом”: Дальнейшие сведения о коллаборационизме Шамбрюна см. в CARAN F/7/15327, папка 208 3. О деятельности Шамбрюна как представителя американских компаний *National City Bank* и *General Motors (GM)* в Париже и их делах в оккупированной Франции, а также об инвестициях GM в нацистскую Германию см. Pierre Abramovici, *Enquête avec Carine Lournaud. Un rocher bien occisé. Monaco pendant la guerre 1939–1945*, pp. 78–79. Шамбрюн был крестником маршала Петена. Он исполнял роль посредника между Петеном и Лавалем, между правительством Виши и США. После освобождения Парижа Шамбрюн скрывался в пригородах. Ордер на арест Рене де Шамбрюна был выдан французскими властями. Позже он предстал перед судом района Сены и был оправдан по всем пунктам 11 августа 1948 г. Источник: M. Vallée-M. Vielledent, *Parquet de la Cour de Justice du Departement de la Seine*, 11 Aout 1948, *Affaire: Pineton de Chambrun René, Ordonnance de Classement*. Шамбрюну даже разрешили вернуться к юридической деятельности во Франции, так как его “патриотизм неоспорим”. См. также: *Rapport de René de Chambrun au Juge Marchat lors de son inculpation, au lendemain de la Libération*, напечатано на ротаторе, н/д. См. David Thompson, *A Biographical Dictionary of War Crimes Proceedings, Collaboration Trials and Similar Proceeding Involving France in World War II*, составлен для фонда Grace Dangberg Foundation, Inc., <http://reocities.com>.
274. Зима 1943-го выдалась суровой: www.meteo-paris.com.
275. К концу года открытая вражда...: Vaughan, *Doctor to the Resistance*, p. 78.

275. Париж — некогда культурный центр: Mitchell, *Nazi Paris: The History of an Occupation, 1940–1944*, pp. 94–98.
276. Динклагге и Шанель, должно быть, забеспокоились: Цитата замечания Шанель на Лазурном берегу по: Antony Beevor and Artemis Cooper, *Paris After the Liberation, 1944–1949*, p. 134. Расстрельный список: CARAN F/7/14939, Black List, 27/12/43. См. также APP BA 1990.
276. Динклагге знал, что заклеимен: См. отчет французской контрразведки BCRA: CHADAT 7NN 2973.
276. Момм предлагал Динклагге перебраться в Турцию: BNA, KV2/159. В своих показаниях Ледебур определенно называет брата Момма главой службы промышленного шпионажа абвера в Стамбуле: “IWi K. O., Стамбул, Турция”. (Аббревиатура IWi K. O. означает промышленный шпионаж в иностранном государстве.) Автор переписывался с дочерьми Теодора Момма Моникой и Катрин (автор не разглашает фамилии), живущими в Германии. Сначала Моника согласилась встретиться с ассистентом автора в Германии в середине января 2010 г. Моника утверждала, что у ее сестры Катрин есть документы и фотографии, имеющие отношение к миссии Шанель в 1943 г. Однако Катрин в последний момент отказалась предоставлять какие-либо “частные документы или письма”, пока жива жена Момма (имя не разглашается). Из электронных писем Михаэля Фёдровица (научного ассистента автора в Берлине) автору, 26 января и 8 февраля 2010 г.
277. Шанель была готова свернуть горы: Габриэль Паласс Лабрюни, телефонный разговор с автором, 12 февраля 2010 г.
277. Динклагге должен был сопровождать: BNA, KV2/159, Joseph von Ledebur-Wicheln file.

277. В начале зимы 1943 года: Ibid.
278. В Берлине Динклаге наверняка видел...: О пребывании матери Динклаге — Валери Куттер фон Динклаге, известной как Лорри — в поместье Розенкранц, Шинкель, в районе Киля в 1943 г. см. швейцарское дело L878995 Hf. В 1945 г. большая часть Киля была разрушена бомбежками Союзников.
279. Динклаге вернулся в Париж: Дело Йозефа фон Ледебур-Вихельна, Национальный архив, Кью.
279. “Было установлено...”: Gidel, *Coco Chanel*, p. 315.
280. Джеймс Лонсдейл-Брайанс: В рукописной заметке MI5 сказано: “Он поехал в Италию с ведома МИДа с целью расширить свои связи. Он значительно превысил свои полномочия”. В MI5 решили не арестовывать Лонсдейл-Брайанса, чтобы избежать возможных нежелательных последствий, так как ему могли оказать поддержку члены парламента (вплоть до Невилла Чемберлена). Он был в дружеских отношениях с влиятельными британскими аристократами: лордом Галифаксом, герцогом Бакклейхом и лордом Брокетом — они также симпатизировали нацистам.
280. В нацистской Германии Генрих Гиммлер...: Robert S. Wistrich, *Who's Who in Nazi Germany*, p. 114.
280. Еще осенью 1942 года: Reinhard R. Doerries, *Hitler's Intelligence Chief, Walter Schellenberg*, p. 107.
280. “выход из бушующего кровавого моря”: Ibid., p. 172.
281. “бандитом-интеллектуалом с университетским образованием”: William L. Shirer, *The Rise and Fall of the Third Reich*, p. 653.
281. “шестым лицом рейха”: Anthony Cave Brown, *Bodyguard of Lies*, p. 457.
281. “По общей оценке”: NARA, Schellenberg file, p. 224.

282. С одобрения Гиммлера: *Doerries, Hitler's Last Chief of Foreign Intelligence: Allied Interrogations of Walter Schellenberg*, p. 39.
283. "Пфайфер сказал мне...": документы MI6 и Service Spécial, SSF и BNA, KV2/159.
285. "Динклагге был подчиненным Ваага...": Ibid.
286. В 1938 году: Ibid. О шпионаже Динклагге в Швейцарии см. документ швейцарского архива L878995 Hf.
286. "Я не мог дальше использовать Динклагге...": Цитаты из SSF и BNA, KV2/159, досье Ледебур.
286. "у Динклагге возникли проблемы с гестапо...": Досье Ледебур в KEW, Ibid. Мне не удалось выяснить, каким архивом воспользовался Ледебур.
287. Для Ледебур дело было закрыто: Ibid.
288. Наверное, Ледебур так и не узнал: Документ SSF.
288. В секретном послевоенном докладе: NARA December 27, 1946, report, U.S. Political Advisor in Germany, CI-FIR/130. Мне не удалось найти сведения о точной сумме, полученной Шанель от СС, и на что эти деньги были потрачены. Вероятно, Шанель и Динклагге требовалось много денег, чтобы финансировать их миссию в Мадриде. После войны Кучманн разыскивался в Германии за участие в массовом убийстве польских евреев в 1942 г. и убийство тридцати шести польских интеллигентов в 1941 г. Примерно в 1945 г. он сбежал в Аргентину, переодевшись монахом-кармелитом. К 1967 году, когда власти Западной Германии выдали ордер на его арест, он уже затерялся где-то в Аргентине.
288. Примерно в то же время: *Doerries, Hitler's Intelligence Chief, Walter Schellenberg* p. 85.
289. И в это же время в Турции: В 1943 году посла Папена и агента абвера Эриха Фермерена попросили встретиться в Стамбуле с американским архиепископом

- (позже кардиналом) Фрэнсисом Спеллманом. Гестапо узнало о “мирной инициативе” Фермерена и отозвала его в Германию. Он же предпочел сдаться англичанам в Стамбуле. Его вместе с женой вывезли в Англию. Возможно, Момм хотел, чтобы Динклаг занял в Турции должность Фермерена. О разговоре Шелленберга с послом Папеном см. *ibid.*, p. 136.
289. Он и его коллеги не сомневались: Uki Goñi, *The Real Odessa*, pp. 9–10.
289. Шелленберг был настолько обеспокоен: Doerries, *Hitler's Intelligence Chief, Walter Schellenberg*, p. 77.
289. С конца лета или начала осени 1943 года: из Национального архива Германии: NSDAP v. 1.5.37 Nr. 4428309. Отдел абвера, к которому относился Момм, был определен как Abwehrstelle, Wehrbezirke — Generalkommando — штабы военных округов. См. также APP GA LI2.
290. По прибытии в Берлин: В британском протоколе допроса Шелленберга дата приезда Момма в Берлин указана неверно — апрель 1944 г. Возможно, это была оговорка Шелленберга или ошибка стенографа. Масса архивных документов в Кью и чартуэлльские бумаги Черчилля говорят о том, что Момм приехал в Берлин поздней осенью или ранней зимой 1943 г. NARA, Schellenberg file, p. 65.
290. Динклаг немедленно собрался ехать: Не ясно, вернулся ли Момм к этому времени в Париж. Он мог передать приказ Шелленберга привезти Шанель в Берлин по телефону или по специальной кабельной системе связи СС.
290. У Шанель и Динклага был выбор: Приготовления Шанель к поездке, ее приезд и пребывание в Берлине восстановлены Михаэлем Фёдоровцем.

292. “Я был измотан...”: Цитата Шелленберга по: Doerries, *Hitler's Intelligence Chief, Walter Schellenberg*, p. 240.
294. В апреле могла состояться...: См. APP BA1990, отчет о паспорте Шанель. Дата письма Шанель из Мадрида взята из чартуэлльских документов 1944 года.
294. ...“Интернирована вместе с мужем”: Ломбарди не был в тюрьме.
294. “[Пьетро] Бадольо”: Бадольо — итальянский генерал и политик. 24 июля 1943 г., когда Италия потерпела несколько военных неудач, Муссолини созвал Большой фашистский совет, который вынес ему вотум недоверия. На следующий день король Виктор Эммануил III отстранил дуче от правления и арестовал. Бадольо был назначен премьер-министром Италии, и, пока страна пребывала в смятении, он в конце концов заключил перемирие с Союзниками. Согласно итальянским документам, на момент встречи Шанель с Шелленбергом полковник Альберто Ломбарди, муж Веры Бейт Ломбарди, командовал итальянским подразделением на средиземноморском театре военных действий и участвовал в боях с Союзниками. Позже Муссолини был освобожден немецкими частями и установил итальянское правительство, подчиненное нацистам, на севере страны до реки По.
294. “Динклагге должен был стать связным”: Визит Шанель, Момма и Динклагге документирован в NARA, Final Report, Schellenberg file, 65; OSS file, XE001752, Box 195, 65. О работе Динклагге на абвер и СД и о Шибере см.: Doerries, *Hitler's Last Chief of Foreign Intelligence: Allied Interrogations of Walter Schellenberg*, pp. 164–165. О подробностях подготовки отчета и о том, что британцы сократили его, передавая УСС, см. *ibid.*, p. 240.

- В NARA этот отчет представлен не полностью. Мне не удалось установить местонахождение материалов, скрытых британцами. Шелленберг в своих мемуарах “Лабиринт” не упоминает Шанель, ее визит, его план использовать ее для связи с Черчиллем, а также ее великодушную заботу о нем после освобождения из тюрьмы Союзников для военных преступников. Doerries, *Hitler's Last Chief of Foreign Intelligence: Allied Interrogations of Walter Schellenberg*, p. 164.
295. Эдмонда Шарль-Ру пишет в биографии Шанель: *Channel* (London: Jonathan Cape, 1976), pp. 332–337. Несмотря на мой запрос, я так и не получил копию письма.
296. В первые годы войны: ACS, Minister of the Interior, Political Police, April 21, 1941, report.
297. Письмо начинается словами “Мой дорогой Уинстон...”: Архив сэра Уинстона Черчилля, CHAR 2/255, Bate, letter, June 1935.
297. Веру, “подозреваемую...”: Итальянский национальный архив, штаб королевской полиции провинции, 12 ноября 1943 г.
297. “Данное лицо [Вера Ломбарди]”: Итальянский национальный архив, штаб королевской полиции провинции, 24 ноября 1943 г.
298. “Паспорт запрошен и выдан”: APP BA 1990. Дата рождения Шанель указана неверно, на десять лет позже — 1893 г. Мне не удалось выяснить, кем выдан паспорт Веры Ломбарди, с которым она ездила из Рима в Париж и Мадрид.
298. по прямому приказу начальника парижского отделения: Ibid.
299. “Есть убедительные доказательства”: CHAR 20/198, Letter, Pierson Dixon to Rowan, September 30, 1944.
299. Вальтер Кучманн: Goñi, *The Real Odessa*, p. 241.

299. “Через неделю после освобождения Вера полетела в Мадрид”: NARA, December 10, 1946, report. NARA, Schellenberg file, 65.
299. В Мадриде Шанель и Ломбарди: Документы, включающие рукописное письмо Шанель Черчиллю, хранящиеся в открытом доступе в Британском национальном архиве в Кью. Личные бумаги Черчилля в Чартуэлле и послевоенные показания графа Йозефа Ледебурга подтверждают действия Шанель в Мадриде зимой 1943–1944 гг.
299. “с разрешения Шелленберга”: NARA, Schellenberg file, 65.
301. “По прибытии в этот город”: Ibid.
304. *Peut être Randolph...*: Рэндольф Черчилль был близким другом Шанель. Записка Хэнки и письмо Шанель из Архива сэра Уинстона Черчилля в Чартуэлле, CHAR 20/198 A.
304. Черчилля не было в Лондоне: О болезни Черчилля см.: Field Marshal Lord Alanbrooke, *War Diaries*, pp. 497–515.
- 304–305. Позже Шанель поехала в Берлин: Les Archives du Monde, February 8–9, 2004, 81. Абзац взят из: Charles-Roux, *L'Irrégulière*, p. 601.
305. В письме Вера просила Урсулу заступиться за нее...: CHAR 20/198A. На конверте, адресованном леди Сэнки, логотип “Рица”, что с большой долей вероятности свидетельствует о том, что Вера остановилась в этом отеле, предположительно за счет Шанель. После выхода из римской тюрьмы у Веры не было ни гроша.

Глава 11

ВЕЗЕНИЕ КОКО

309. “Франция снова стала полем битвы!”: *Le Matin*, 7 июня 1944 г., первая полоса.
309. Это было трагическим событием: CARAN, F/7/14939. Имя Шанель упоминается в списке “Свободной Франции”, датированном “27.12.43”.
310. На другом берегу Ла-Манша: Stephen E. Ambrose, *The Supreme Commander: The War Years of General Dwight D. Eisenhower*, p. 419.
310. А в Берлине Гитлера охватил приступ ярости: William L. Shirer, *The Rise and Fall of the Third Reich*, p. 1041.
310. Фон Рундштедт был отстранен: Об этом, а также о самоубийстве и похоронах Роммеля см. *Ibid.* pp. 1078–80.
311. Когда бомбежки Союзников...: *Paris-Soir*, 7 июня 1944 г., первая полоса. О дыме от горящих документов: Centre historique des archives nationales, *La France et la Belgique sous l'Occupation allemande 1940–1944*, p. 46. О жизни на рю Камбон: Телефонный разговор с Габриэль Паласс Лабрюни, 12 февраля 2010 г.
311. В Берлине Шелленберг возобновил...: До самой капитуляции Германии Шелленберг не оставлял попыток найти выход для себя и Гиммлера. Они знали, какую участь им готовят Союзники. См. Doergies, *Hitler's Intelligence Chief, Walter Schellenberg*, pp. 302, 327. Hal Vaughan, *Doctor to the Resistance*, p. 158.
312. Реверди со своими партизанами выяснил: Cyril Eder, *Les Comtesses de la Gestapo*, p. 208.
312. “У него был на меня зуб за что-то”: CARAN Z/6/672 greffe 5559.

312. Друг Шанель Серж Лифарь: О репетициях Лифаря, его бегстве и укрытии в квартире Шанель см.: David Pryce-Jones, *Paris in the Third Reich*, p. 188.
312. “Я не могла ходить по квартире...”: Galante, *Made-moiselle Chanel*, p. 185.
312. “Ненависть и жажда мести...”: Frederic Spotts, *The Shameful Peace: How French Artists and Intellectuals Survived the Nazi Occupation*, p. 254.
314. “Париж! Париж оскорблен!..”: Éric Roussel, *Charles de Gaulle*, p. 450.
315. Чтобы увидеть марш де Голля: См. Arthur Gold and Robert Fizdale, *Misia*, p. 292.
315. Двумя неделями позже Шанель арестовали: Charles-Roux, *Chanel*, p. 345.
316. ...после освобождения Франции были казнены от 30 до 40 тысяч: Pryce-Jones, *Paris in the Third Reich*, p. 206.
317. В их числе была и бывшая жена Динкдаге: SSF.
317. Во время оккупации ее освободили: Ibid.
317. После войны: Беседы Салли Гордон-Марк с семьей фон Шёнебек, Гриссер-хаус, Хинтерштодер, Австрия, 1–3 июля 2009 г.
317. В секретном послевоенном докладе: SSF.
- 317–318. Вместо того чтобы скрываться: Ibid.
318. Чтобы добиться освобождения: Ibid. Среди благосклонных рекоммендателей была и Катерина Юхакофф, поставлявшая Кэтси женское белье.
318. “мадам Шаснель”: Так имя Габриэль Шанель было по ошибке записано в свидетельстве о рождении в 1883 г.
318. “друг Кэтси”: Абец передал предостережение Кэтси фон Шёнебек через ее служанку мадам Бартюэль, позвонив в ее парижскую квартиру на рю де Лонгшан.

319. Летом 2010 года члены семьи Шёнебек: Интервью с семьей Шёнебек, Салли Гордон-Марк, Гриссер-хаус, Хинтерштодер, Австрия, 3 июля 2009 г.
319. С 1942 года Шанель была в официальном черном списке: CARAN F/7/14939.
319. Теперь же, в начале сентября: Французская разведка подозревала Шанель в “шпионаже в пользу врага”. APP BA 1990. Письмо от младшего архивариуса CARAN Салли Гордон-Марк, Париж, 2 июля 2008 г.
319. Биографы Шанель пишут: Galante, *Mademoiselle Chanel*, p. 186; Marcel Haedrich, *Coco Chanel: Her Life, Her Secrets*, p. 148; Axel Madsen, *Chanel: A Woman of Her Own*, p. 262.
320. “Черчилль освободил меня”: Габриэль Паласс Лабрюни, телефонный разговор с автором, 8 ноября 2009 г.
320. “защитить Шанель”: Paul Morand, *The Allure of Chanel*, p. 178. Эдмонда Шарль-Ру подтверждает вмешательство Даффа Купера. Эдмонда Шарль-Ру, телефонный разговор с автором, Париж, 12 января 2010 г.
320. Служанка Шанель Жермена: Габриэль Паласс Лабрюни, телефонный разговор с автором, 12 февраля 2010 г. Лабрюни подтвердила, что служанка Шанель Жермена рассказала, как получила сообщение от Вестминстера через посла Купера.
- 320–321. “...если бы Шанель предстала перед следствием”: Charles Higham, *The Duchess of Windsor: The Secret Life*, pp. 359–362.
321. “Вот такие простые величественные жесты”: Madsen, *Chanel: A Woman of Her Own*, p. 263.
322. Шанель часто приезжала в Париж: Gold and Fizdale, *Misia*, pp. 300–301.
324. “Когда мадам Ломбарди”: Архив сэра Уинстона Черчилля, CHAR 20/198A, письмо от П.Н. Локсли, 28 декабря 1944 г.

324. “в декабре 1941 г.”: Дата указана неверно. Ломбарди не приезжала в Париж до конца октября 1943 г.
326. “С самого начала”: CHAR 20/198, письмо Пирсона Диксона Роуэну, 30 сентября 1944 г.
326. “Штаб Союзных войск”: Телеграмма МИД в Мадрид, 15:10, 4 января 1945 г. CHAR 20/198.
326. “Я показал премьер-министру”: 8 января 1945 г., совершенно секретно полковнику Хилл-Диллону. CHAR 20/198.
327. *Мой дорогой Уинстон*: CHAR 20/198.
328. ...подчинялся Шелленбергу: Генерал СС Шелленберг принял руководство абвером после ареста адмирала Канариса за измену в 1945 г.
328. По данным пограничной службы Швейцарии: Швейцарский федеральный архив, письмо “Объединенной шелкоткаческой фабрики”, Креефельд, Берлин, 21 ноября 1944 г. в дипломатическую миссию в Берне.
329. Но швейцарские власти не поддались: Резюме по делу Динклагге, Швейцарский национальный архив, JAE-GGI, ноябрь 1950 г., и Берн, 15 января 1950 г.
330. “специальный суд по делам коллаборационистов”: Письмо от главного хранителя SARAN Салли Гордон-Марк, Париж, 2 июля 2008 г.
330. Тем не менее было выписано несколько ордеров: SARAN Z/6/672 greffe 5559.
332. “Шпатц.. был для нее кошмаром наяву”: Abescat, Stavridès, *Derrière l'empire Chanel*; Charles-Roux, *L'Irrégulière*, pp. 646–648.
332. Пьер Реверди знал о предательстве Шанель: Charles-Roux, *L'Irrégulière*, p. 649.
332. Допрос барона Луи де Вофрелана: По разным причинам Вофрелан в течение этих пяти лет был освобожден и снова арестован. Присяжные были выбраны

- из числа людей, не подозреваемых в коллаборационизме. Процедура суда над пособниками нацистского режима во время оккупации была утверждена временным правительством генерала Шарля де Голля в сентябре 1944 г.
332. Леклерк допрашивал ее: Меморандум составлен Жюль-Марком Боделем, который проводил анализ французских юридических документов в помощь автору.
333. “Шанель начала рассказывать”: Показания Габриэль Шанель, 4 июня 1948 г., Дворец правосудия, Париж, судья Фернан-Поль Леклерк. CARAN Z/6/672 greffe 5559.
341. Нет никаких свидетельств: Cyril Eder, *Les Comtesses de la Gestapo*, p. 204.
341. “До войны я был директором”: CARAN Z/6/672 greffe 5559, показания Андре Паласса, возраст 42 года, племянник Шанель, судья Роже Серр, 20 ноября 1947 г.
342. приговорен к шести годам тюрьмы: Ibid.
342. “Показания мадемуазель Шанель”: Ibid.
345. “Времена немецкой оккупации”: основано на многочисленных мнениях, собранных автором в 1953 г. и позже.
346. Ганс Шиллингер: Axel Madsen, *Chanel: A Woman of Her Own*, p. 264.
346. ...их внезапно остановил британский патруль: Интервью Фольмара фон Арнима Михаэлю Фёдоровичу, Шинкель, Германия, 11 августа 2008 г. Также документ МИД в BNA.
346. При нем было найдено: Документ МИД в BNA. Заверенная копия, опись, подписанная капитаном А. Х. Хейнесом, 3 декабря 1945 г.

- 346. Динкляге и Шиллингера арестовали: BNA, письмо Военного министерства Великобритании г-же Поллак от 16 марта 1948 г.
- 346. На допросе британской военной полиции: BNA. Письмо генерал-майора в отдел служебных расследований в Германии, МИД, Лондон 13 ноября 1947 г.
- 346. “Мадемуазель Шанель заявила”: Великобритания, Zonal Executive Offices, В. А. О. Р. 1, письмо от генерал-майора в МИД, Лондон, 25 февраля 1948 г.

Глава 12

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОКО

- 348. Я никогда не знала поражений: Morand, *The Allure of Chanel*, p. 174.
- 348. Стареющая Шанель: Valentine Lawford, *Horst*, p. 192.
- 348. Но ходили слухи, что они отдалились друг от друга: Габриэль Паласс Лабрюни, телефонный разговор с автором, 9 сентября 2010 г.
- 349. Увидев черновик: Paul Morand, *The Allure of Chanel*, p. 178.
- 349. “не в ее вкусе”: Ibid., p. 179.
- 349. “В этих трехстах страницах”: Ibid.
- 349. “Шанель, словно ребенок...”: Ibid.
- 350. В июне 1951 года: ECR, Chanel, pp. 357–358. Wistrich, *Who's Who in Nazi Germany*, p. 222.
- 352. “Доктор Лэнг с супругой”: Doerries, *Hitler's Intelligence Chief*, p. 284, цитата из мемуаров доктора Лэнга.
- 353. “Мадам Шанель предложила финансовую поддержку”: Charles-Roux, *Chanel*, p. 380.
- 353. “Они вместе проводили время”: Pierre Galante, *Made-moiselle Chanel*, pp. 189–190.

354. Они отзывались о ней: Ibid.
354. Шанель неохотно говорила о моде: Ibid.
- 354–355. “Шанель была какой-то потерянной”: Lawford, Horst, pp. 322–324.
356. Весной 1947 года: Bruno Abescat and Yves Stavridès, *Derrière l'empire Chanel*, L'Express.
356. “Ну вот теперь-то я богата”: Galante, *Mademoiselle Chanel*, p. 193.
357. “каждые тридцать секунд”: *Chanel No. 5 Perfume History*, Dulcinea Norton-Smith, <http://www.suite101.com/content/icons-chanel-no-5-perfume-a44263>, 11 февраля 2008 г.
357. “Терпеть не могу адвокатов”: Claude Delay, *Chanel solitaire*, p. 242.
358. Расшифровка интервью Шамбрюна на Би-би-си: Рене де Шамбрюн дожил до 92 лет и умер в 2002 году. Документальный фильм *Reputations* в прошлый раз был показан на “Би-би-си 4” 29 января 2009 года. Дата первого эфира неизвестна.
359. Осенью 1953 года: Galante, *Mademoiselle Chanel*, pp. 204–209.
360. Репортер крупной французской ежедневной газеты: Ibid., p. 209.
360. “Ее платья годятся для уборщиц”: Цитата со слов Шарль-Ру в *Le Figaro Madame: conversation Edmonde Charles-Roux et Audrey Tautou*, 11 мая 2009 г.
360. “похожи на стадо гусей”: Эдмонда Шарль-Ру интервью автору, Париж, 21 апреля 2009 г.
360. Знаете, я хочу продолжить: Charles-Roux, *Chanel*, p. 367.
361. “[Шанель] повлияла...”: Galante, *Mademoiselle Chanel*, pp. 210–211.
361. Марлен Дитрих пришла...: Ibid., p. 212.

361. Компания осталась без гроша: Ibid., p. 207.
361. Весной 1954 года: Ibid., p. 217. Также Gidel, *Coco Chanel*, p. 350.
- 361–362. “Возвращение [Шанель] на сцену”: *Ease and Casualness Abound in Chanel’s Autumn Showing*, New York Times, October 6, 1954.
362. как королеву моды: Marcus, *Minding the Store*.
363. Журналистка пишет: Lillian Ross, *The Strong Ones*, The New Yorker, September 28, 1957.
364. “Я уезжала из Парижа”: Madsen, *Chanel: A Woman of Her Own*, p. 315.
365. “почти любовь с первого взгляда”: Lilou Marquand, *Chanel m’a dit*, p. 125.
365. В награду за поддержку: Marcel Haedrich, *Coco Chanel: Her Life, Her Secrets*, pp. 256–257.
365. Забыв о тридцатилетней разнице в возрасте: Marquand, *Chanel m’a dit*, p. 127.
365. “В последние годы жизни”: Janet Wallach, *Chanel: Her Style and Her Life*, p. 160.
366. “Независимо от возраста”: Delay, *Chanel solitaire*, pp. 252–253.
366. “неувядающее очарование”: Wallach, *Chanel: Her Style and Her Life*, p. 165. Фотографии: ibid.; коллекция фотографий Эдмонды Шарль-Ру, *Le Temps Chanel*, p. 330; Lawford, *Horst*, p. 154.
367. “В мое время портних на обеды не приглашали”: Galante, *Mademoiselle Chanel*, p. 263.
367. “Значит, вот как умирают”: Ibid. Также Isabelle Fie-meyer, *Coco Chanel: Un parfum de mystère*, p. 161.
368. В третью среду марта 1973 года: Bruno Dethomas, *Le Monde*, March 23, 1973, цитата по: *Le Monde*, *Les Grands Procès: 1944–2010*, pp. 211–213.
369. его требования оспаривали: Ibid.

369. Однако претензии Миронне поддержали: Ibid.
370. Лилу заявила: Ibid.
370. В результате изучения документа: Ibid.
370. Чем же все это кончилось?: Телефонный разговор с Габриэль Паласс Лабрюни, 26 марта 2010 г.
370. Динклагге кремировали: Записка от Флориана М. Байерля автору, ноябрь 2009 г., и записка от Михаэля Фёдровица, моего научного ассистента в Берлине, 3 апреля 2010 г.
Эпилог

373. “Из этого века”: Charles-Louis Foulon, *André Malraux et le rayonnement culturel de la France*, p. 99; Michel Guergin, *André Malraux, la culture en solitaire*, Le Monde, June 25, 2010.
374. “Она смотрит на тебя с нежностью”: Galante, *Mademoiselle Chanel*, p. 260.
374. “Шпатц был ее проклятием”: Edmonde Charles-Roux, *L'Irrégulière*, p. 648.
375–376. Дорогая Коко, вот...: Стихотворение Реверди цитируется по: Ibid., p. 649.

Библиография

АРХИВЫ

Archives de la ville de Sanary-sur-Mer, France:

Series 12: Police générale étrangers, réfugiés

Archives départementales du Var, France: 158 W 848

Archives de la Préfecture de Police, Paris, France:

Series BA: 1745, 1846, 1990, 2140, 2141, 2176, 2369, 2430

Series DB: 540

Series GA: D2, R8, L12, P8, S6, T2

July 29, 2009, letter from Commissaire divisionnaire française

Gicquel, Cabinet du Préfet, Service des archives et du musée

Bibliothèque nationale de France: *Paris-Var-Méditerranée*, 1935–1936, 1938, JO-55926

Bundesarchiv, Berlin: SS files, federal archives

Central Archives of the State Archives, Archivio centrale del-

lo Stato, documents of Mussolini's secretary: Ordinary correspondence, envelop 1726, file no. 523074

Centre Historique des Archives du Département de l'Armée de terre CHADAT, Vincennes, France:

Series 7NN 2ème Bureau: 2145, 2162, 2164, 2268, 2402, 2502, 2515, 2641, 2650, 2655, 2659, 2708, 2717, 2719, 2735, 2736, 2737, 2752, 2973

Centre de Recherches des Archives Nationales CARAN, Paris, France:

Series AJ/40 German/economic files: 871

Series F/7/ Police: 14713, 14714, 14939, 14940, 14946, 15142, 15299, 15305, 15327, 15332

Series 3AG2 pref x 171/MI/ BCRA Files: 112, 119, 125, 127, 128, 326

Series 3W/354 Archives de Berlin: Bordereau 2597, Bordereau 2745, no. 4

Series Z/6/762 greffe 5559 Justice File

The Chartwell Trust, West Kent, UK:

1/272/83

2/255/25-27

20/173/44

20/181/19

20/198A/62, 63, 65-69, 71-82, 86-92

Hanover Registry Office:

Standesamt Nr 0193 Eintrag 7181

Harry Ransom Center, University of Texas at Austin:

Sybillie Bedford Papers, Box 46.1

Landesarchiv, Berlin State Archives:

Bestand B Rep 012

Abt. 460 Nr. 1789, reference D 120 — Denazification file

Abt. 611 Sta Nr. 53778 Citizenship file

Abt. 761 Nr. 18049 Reparation file

Ministero della Difesa, Rome, Italy:

Prot. n. M_D/GMIL V 16 5/0367479.

Archivio di Stato — Ministry of the Interior, Political police,
personal records,

Rome, Italy: B728, *Lombardi Alberto*.

National Archives and Records Administration, College
Park, Maryland

Walter Schellenberg, File no. XE001752, Box 195

RG No. 319, Stack Area 270, Row 84, Compartment 8,
Shelf 3

OSS-Schellenberg, Entry 125A, Box 2, Folder 21

RG No. 226, Stack Area 190, Row 7, Compartment 19,
Shelf 3

OSS-Schellenberg, Entry 171, Box 10, Folder 61

RG No. 226, Stack Area 190, Row 9, Compartment 10,
Shelf 6

CIA Name File — Alois Brunner, RG N 263, Stack Area
2000, Row 6, Compartment 4, Box 9

National Archives, Kew, England:

Registry nos. Z 407/132/17 and Z 5423/1698/17

Letter signed Eric Phipps, British Embassy, Berlin, Janu-
ary 3, 1935

File no. CG503503184

ХЭЛ ВОН. В постели с врагом

File: Premier 3/181/10

Politisches Archiv des Auswärtigen Amts, Deutsche Botschaft Paris, Political

Archives of German Foreign Office, German Embassy, Paris:

Akte 681c press attaché, 2 volumes. 1933–1936

Akte 681/5 с Paris IV press attaché, File 1

General activities

Akte 1726

Services spéciaux, France, including:

Renseignements généraux

Sûreté nationale

Sûreté générale

Swiss Federal and Cantonal Archives, Bern, Switzerland:

File Nos.: C.16.1373 1939–1940; 878995 1950

United States Department of State, Washington, D. C.:

RG 59, Central Decimal File 1940–44, 800–20252/29 Lombardi, Vera

ПО ПРОСЬБЕ АВТОРА АРХИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОВОДИЛИСЬ В СЛЕДУЮЩИХ МЕСТАХ СЛЕДУЮ-
ЩИМИ ЛЮДЬМИ:

США (КЭРОЛИН С. МИЛЛЕР)

National Archives and Records Administration, College Park, Maryland

United States Holocaust Memorial Museum, Washington, D. C.

ГЕРМАНИЯ И ШВЕЙЦАРИЯ (МИХАЭЛЬ ФЁДРОВИЦ)

Aufstellung der benutzten Archive und Institutionen
Militärgeschichtliches Forschungsamt MGFA, Potsdam
Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes PAdAA, Berlin
Stadtarchiv Hannover
Landesarchiv Berlin
Bundesarchiv Berlin
Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg BAMA
Stadtarchiv Kaufbeuren
Wehrmachtsauskunftsstelle WAST, Berlin
Archivgemeinschaft Gettorf
Landesarchiv Schleswig Holstein LASH, Schleswig
Schweizerisches Bundesarchiv BAR, Bern
Freie Universität Berlin, Institut für Meteorologie
Archives cantonales vaudoises
Einwohnermeldeamt Gemeinde Berchtesgaden
Einwohnermeldeamt Gemeinde Schöna

ТЕХАС (МИЛАННА ХАН)

The Sybille Bedford Papers, Harry Ransom Center of the
University of Texas, Austin, Texas

ФРАНЦИЯ (САЛЛИ ГОРДОН-МАРК)

Archives du Département du Var, Draguignon
Archives de la Préfecture de Police, Paris
Archives de la Ville de Paris
Archives de la Ville de Sanary-sur-Mer
BDIC, Nanterre
Bibliothèque Municipale de la Ville de Toulon
Bibliothèque Nationale de France, Sites Mitterrand and
Richelieu, Paris
Cabinet du Ministre de l'Intérieur, Mission des Archives
Nationales, Paris

Centre d'Accueil et de Recherche des Archives Nationales, Paris

Centre des Archives Contemporaines Fontainebleau

Centre Historique des Archives du Département de l'Armée de Terre Vincennes

Établissement de Communication et de Production Audiovisuelle de la Défense, Ivry-sur-Seine

La Mairie de la Ville de Nice

Service spécial, Paris

РИМ (ФРАНЧЕСКА ДИ ПАСКУАЛЕ)

Archivio centrale dello Stato

Archivio della Direzione generale per il personale militare del Ministero della difesa

Archivio di Stato di Genova

Archivio di Stato di Roma

Biblioteca dell'Archivio centrale dello Stato

Biblioteca di storia moderna e contemporanea

Biblioteca Universitaria Alessandrina

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ (ФИЛИП ПАРКИНСОН)

British Library, London

British Library Newspaper Library, London

Churchill College, Cambridge

Hurlingham Polo Association, Little Coxwell, Faringdon

National Archives, Kew, London

Westminster Reference Library, London

ВАРШАВА (ИОАННА БЕТА)

Archiwum Akt Nowych

Archiwum Państwowe m. st. Warszawy

Instytut Pamięci Narodowej

ПЕРЕПИСКА И ИНТЕРВЬЮ (с автором, если
не указано иное)

- Abramovici, Pierre. Paris. March 2009.
- Almeida, Fabrice d'. Historian and director of l'Institut d'Histoire du Temps Présent. April, 2009.
- Arnim, Alexandra, and Baron Volkmar von. August 11 and 16, 2008.
- Baudel, Jules-Marc. Avocat Honoraire, Ancien Membre du Conseil de l'Ordre. On legal matters connected with the indictment of Chanel and the trial of Louis de Vaufreland. Paris. March 3, 2010.
- Charles-Roux, Edmonde. April 21, 2009. Paris, France. Telephone interviews throughout 2010.
- Engelhardt, Baron Wilfried von. Hinterstoder, Austria. July 3, 2009. *Interview by Sally Gordon-Mark.*
- Flügge, Manfred. Paris. December 2009.
- Foedrowitz, Michael. Berlin and Paris. August 2008. Personal communication with author and telephone consultations, 2008–2010.
- Griffith, Aline, Countess of Romanones. January 2008.
- Higham, Charles. Telephone interview with Philip Parkinson, research assistant. London. April 2008.
- Klarsfeld, Serge. L'Association des fils et filles des déportés juifs de France, correspondance, 2008.
- Labrunie, Gabrielle Palasse. Interviews in person and by telephone, April 2009—April 2010. Yermenonville, France.
- The Momm Family. *Interview with Michael Foedrowitz.* February—March 2010.
- Muller, Florence. Fashion historian. March 2009.
- Munchhausen, Ernst-Friedemann Freiherr von. August 8, 2008.

- Ozanam, Yves. *Interview with Michael Foedrowitz*. March 4, 2010, at the Palais de Justice in Paris.
- Roose, Manfred. Archive society, Gettorf, Germany. August 7, 2008. *Interview with Michael Foedrowitz*.
- Schmidt, Eric. June 6, 2009.
- Schoenebeck, Baron Andre von. Hinterstoder, Austria. July 3, 2009. *Interview by Sally Gordon-Mark*.
- Sichel, Peter. Telephone conversations and e-mails with author. New York, 2007–2010.
- Testa, Eleanor. Archivist of the Mémorial de la Shoah. June 11, 2008, Paris.
- Tiedt, Marietta. Hinterstoder, Austria. July 3, 2009. *Interview by Sally Gordon-Mark*.

ТЕЛЕПЕРЕДАЧИ

- Chanel: A Private Life*. BBC Two documentary, first broadcast January 1995.

СТАТЬИ

- ABESCAT, BRUNO, AND YVES STAVRIDÈS. *Derrière l'empire Chanel*. L'Express, July 4–12, 2005.
- ANGUS, CHRISTOPHE. *Chanel: un parfum d'espionnage*. L'Express, March 16, 1995.
- ARNAUD, CLAUDE. *Mademoiselle L'oeil noir frondeur, un petit tailleur mythique, un jersey enchanteur, un N° 5 universel, une allure libérée mais disciplinée, des rencontres inouïes, Cocteau, Diaghilev ou Renoir... Portrait impressionniste de Gabrielle Chanel*. Vogue, March 2009.

- Ascot's Brilliant Pageant — Brilliant in Spite of Rain Threat.* The Daily Mail, June 20, 1934.
- Battle of Births.* Time, February 5, 1940.
- BERMAN, PHYLLIS, AND ZINA SEWAYA. *The Billionaires Behind Chanel.* Forbes, April 3, 1989, 165.
- BERNSTEIN, RICHARD. *An Archive Puts Faces on Nazis' Young Victims.* New York Times, December 18, 1984, A2.
- BERTON, GILLES. *Au ban de la nationale.* Le Monde, November 7, 2008.
- Black List.* Life, August 24, 1942, 86.
- Blum's Debut.* Time, June 15, 1936.
- BLUMENTHAL, RALPH. *U.S. Suit Says French Trains Took Victims to the Nazis.* New York Times, June 13, 2001.
- BOWER, BROCK. *Chez Chanel.* Smithsonian, July 2001, 60.
- BRADY, JAMES. *The Truth About Chanel from Her Last Amour.* Crain's New York Business, April 25, 2005, 3.
- Brunner Tried in Absentia for Sending Orphans to Deaths.* Toronto Star, March 3, 2001.
- CANNELL, KATHLEEN. *Gems of Far East Blend with Gowns.* New York Times, May 6, 1940.
- CEAUX, PASCAL. *Soixante ans de douleur dans une valise.* Le Monde, September 2006, 3.
- CHAUFFOUR, CELIA. *Le Musée d'Auschwitz doit préserver la mémoire collective.* Le Monde, September 2006, 3.
- Chanel Arrives, Perfumed and Wearing Pearls!* Illustrated Daily News, March 17, 1931, 12.
- Chanel étudie une réorganisation mondiale and Chanel renouvelle ses dirigeants et revoit ses structures.* Les Échos, January 16, 2008.
- Chanel l'album de sa vie, de sa fortune et de sa gloire.* Paris Match, January 23, 1971.

- Chanel, the Couturier, Dead in Paris.* Obituary, New York Times, January 11, 1971.
- Chanel Visits America.* New York Times, March 8, 1931.
- CHURCHILL, RANDOLPH. *Mlle Chanel's Tribute.* Daily Mail, June 20, 1934.
- Coco, encore et toujours.* Vogue, March 2009, 150.
- Concentration Camp Near Paris Is Closed.* New York Times, September 10, 1945.
- COUSTEAU, PATRICK. *Coco Chanel vue par les RG.* Minute, April 29, 2009.
- COX, EDWIN. *Private Lives.* Los Angeles Times, March 27, 1940, A14.
- COYLE, GENE. *Spy vs. Spy.* The Intelligencer: Journal of U.S. Intelligence Studies 17, no. 2 (Fall 2009): 61.
- DAVIES, LIZZY. *Coco Chanel Back in Vogue as France Celebrates an Icon.* Guardian, August 25, 2008.
- DELAVOIE, SOPHIE. *De Fulco pour Coco.* Vogue, March 2009, 245.
- DETHOMAS, BRUNO. *Coco Chanel et son maître d'hôtel.* Le Monde, March 23, 1973.
- DIXON, JANE. *Women Behind the News.* Los Angeles Times, February 1, 1931, A4.
- DORSEY, HEBE. *Looking Back on the Life of Chanel.* International Herald Tribune, September 26, 1972.
- DRAPAC, VESNA. *A King Is Killed in Marseille: France and Yugoslavia in 1934.* In *French History and Civilization, a paper presented at 2005 Georges Rude Society conference.* <http://www.h-france.net/rude/2005conference/Drapac2.pdf>.
- ERICH VERMEHREN. The Independent, May 3, 2005.
- FLANNER, JANET. *31 rue Cambon.* New Yorker, March 14, 1931, 25.
- France Admits Guilt but Says 'Jews Have Been Given Enough.'* Times of London, February 17, 2009.

- Free Trade*. Time, October 12, 1936.
- French Jews Sent to a Nazi Oblivion*. NEW YORK TIMES, APRIL 1, 1943.
- FRUDENHEIM, MILT. *Chanel's Past Haunts Exhibit*. Salt Lake Tribune, September 29, 1972, 20.
- Germany Cornered*. Time, April 22, 1940.
- Gestapo über alles*. Vendémiaire, September 4, 1935.
- GILDEA, ROBERT. *How to Understand the Dreyfus Affair*. New York Review of Books, June 10, 2010, 43–44.
- GRASSIN, SOPHIE. *Chanel aurait été folle de vous! Edmonde Charles-Roux à Audrey Tatou*. Mme Figaro, April 18, 2009, 84.
- GRASSIN, SOPHIE. *Coco Avant Chanel: Portrait de Femme*. Mme Figaro, April 18, 2009, 80.
- GRIMES, WILLIAM. *Recovering Lost Relatives from Holocaust Oblivion*. New York Times, September 20, 2006.
- GUERRIN, MICHEL. *André Malraux, la culture en solitaire*. Le Monde, June 25, 2010.
- Half-Year Mark*. Time, March 11, 1940.
- H. Gregory Thomas, *Chanel Executive*, 82. Obituary, New York Times, October 10, 1990.
- HILBERG, RAUL. *C'est un travail sans fin... Interview with Thomas Wieder*. Le Monde, October 20, 2006.
- Hitler Endorsed by 9 to 1 in Poll on His Dictatorship, but Opposition Is Doubled*. New York Times, August 19, 1934.
- If Blonde, Use Blue Perfume, says Chanel*. Los Angeles Examiner, March 17, 1931, 5.
- JUNGUIS, MARTIN, AND WOLFGANG SEIBEL. *The Citizen as Perpetrator: Kurt Blanke and Aryanization in France, 1940–1944*. Holocaust and Genocide Studies 22, no. 3 (Winter 2008): 441–74.
- KATZ, YAAKOV. *Int'l Hunt on for Top Nazi Fugitive*. Jerusalem Post, December 28, 2005.

- King of Perfume*. Time, September 14, 1953.
- KRICK, JESSA. *Gabrielle 'Coco' Chanel 1883–1971 and the House of Chanel*. The Costume Institute, The Metropolitan Museum of Art, October 2004, www.metmuseum.org.
- La fébrile activité de la Gestapo en France*. Vendémiaire, September 11, 1935.
- LAMBAUER, BARBARA. *Francophile contre vents et marée? Otto Abetz et les Français, 1930–1958*. Bulletin du Centre de Recherche Français de Jérusalem 18 (2007): 153–60.
- LE BARS, STÉPHANIE. *Institutions juives, Cimentent une communauté dispersée*. *Le Monde*, June 23, 2008.
- LONG, TANYA. *Paris Purge Jails Many by Mistake*. New York Times, September 8, 1944.
- Mademoiselle Chanel Here, Hollywood-Bound*. New York Times, March 5, 1931.
- MANDELBAUM, JACQUES. *Nuit et brouillard, affaire trouble*. *Le Monde*, August 22, 2006.
- MARGUIN-HAMON, ELSA. *Une campagne anti-sémite en 1290*. *Historia*, October 2006.
- MAURUS, VÉRONIQUE. *No. 5, l'éternel parfum de femme*. *Le Monde*, April 20, 1997.
- MERRICK, MOLLIE. *Hollywood in Person*. Los Angeles Times, December 19, 1932, A5.
- MILLER, MARGAUX. *Audrey Tatou, ou le fabuleux destin de Coco*. *Mme Figaro*, December 13, 2008, 92.
- Mlle Chanel, New Czarina of Film Fashions, Arrives*. *Hollywood Daily Citizen*, March 17, 1931, 4.
- Mlle Chanel, Paris Stylist, Meets Stars*. Los Angeles Evening Herald, March 17, 1921, A-15.
- Mlle Chanel to Wed Her Business Partner; Once Refused the Duke of Westminster*. New York Times, November 19, 1933.
- Mme Chanel*. New York Times, March 15, 1931.

- MOORE, BETH. *Two for the Runway*. Los Angeles Times, May 4, 2005, E-1.
- DE MOUBRAY, JOCELYN. *Obituary: Jacques Wertheimer*. The Independent, February 10, 1996.
- No, *Without Bayonets*. Time, July 20, 1936.
- NYE, MYRA. *Society of Cinemaland*. Los Angeles Times, March 22, 1931, 24.
- Obituary of Vera Lombardi Arkwright*, Il Messaggero, May 24, 1947.
- On and Off the Avenue, Feminine Fashions*. New Yorker, March 19, 1932, and August 27, 1932.
- Parfums Chanel Sued by Designer*. New York Times, June 3, 1946.
- Paris Letter column*. New Yorker, December 3, 1933.
- Perfume Industry Hit by Lack of Oils*. New York Times, February 12, 1941.
- PHILIP, P. J. *France Crippled by Wild Cat Strikes; Blum Is in Power*. New York Times, June 5, 1936.
- PHILIP, P. J. *Paris Ends Strikes*. New York Times, September 18, 1936.
- PHILIP, P. J. *300 000 on Strike in France as Blum Prepares to Rule*. New York Times, June 4, 1936.
- Present & Future Plans*. Time, April 8, 1940.
- Return of Welles*. Time, April 8, 1940.
- RIDING, ALAN. *The Fight Over a Suitcase and the Memories It Carries*. New York Times, September 16, 2006.
- ROBERTS, GLENYS. *Movie-makers Fight over Coco's Life Story — from Chanel No. 5 to Nazi Spy*. Prada's Meadow, June 9, 2007, www.forum.purseblog.com.
- ROSS, LILLIAN. *The Strong Ones*. New Yorker, September 28, 1957.
- SALSMAN, RICHARD M. *The Cause and Consequences of the Great Depression, Part 1: What Made the Roaring '20s Roar*. The Intellectual Activist 18, no. 6 (June 2004): 16.

- SAVIGNEAU, JOSYANE. *Le Vel' d'Hiv avant le désastre*. Le Monde, October 31, 2008.
- SCHULTZ, JEFF. *Paris Memories Horrible, Indelible*. Atlanta Journal-Constitution, August 7, 2005, B1.
- SISCHY, INGRID. *The Designer Coco Chanel*. Time, June 8, 1998.
- SKIDELSKY, ROBERT. *The Remedist*. New York Times, December 12, 2008.
- Strong Nerves*. Time, June 19, 1936.
- Studies Cosmetic Needs*. New York Times, August 18, 1940.
- Style Creator Tells How to Become 'Chic.'* Los Angeles Times, March 18, 1931, A1.
- THURMAN, JUDITH. *Scenes from a Marriage: The House of Chanel at the Met*. New Yorker, May 23, 2005.
- Tradition Upheld by Noted Star and Style Creator Praises Modes?* Los Angeles Times, December 2, 1931, 7.
- TRESCOTT, JACQUELINE. *Detention Camp Archive Donated by Red Cross to Holocaust Museum*. Washington Post, July 3, 1998, D-2.
- UPDIKE, JOHN. *Qui qu'a vu Coco?* New Yorker, September 21, 1998.
- WHITAKER, ALMA. *Sugar and Spice*. Los Angeles Times, March 29, 1931, 21.
- WIEDER, THOMAS. *Découverte du projet de 'statut des juifs.'* Le Monde, October 5, 2010, 10.
- WILDMAN, SARAH. *Paris' Dirty Secret*. Jerusalem Report, November 1, 2004, 26.

КНИГИ

- ABRAMOVICI, PIERRE. *Un rocher bien occupé. Monaco pendant la guerre 1939-1945*. Paris: Editions du Seuil, 2001.

- ALANBROOKE, FIELD MARSHAL LORD. *War Diaries*. London: Weidenfeld & Nicolson, 2001.
- ALLARD, PAUL. *Quand Hitler espionne la France*. Paris: Les Éditions de France, 1939.
- AMBROSE, STEPHEN E. *The Supreme Commander: The War Years of General Dwight D. Eisenhower*. Garden City, N. Y.: Doubleday & Company, 1969.
- AMOUROUX, HENRI. *La Vie des Français sous l'Occupation*. Paris: Librairie Arthème Fayard, 1990.
- Annuaire de la Magistrature*. France: Sofiac, 1996.
- ARTHAUD, CHRISTIAN. *La Côte d'Azur des écrivains*. Aix-en-Provence: Édisud, 1999.
- ASSOULINE, PIERRE. *Simenon: A Biography*. Translated by Jon Rothschild. New York: Alfred A. Knopf, 1997.
- Atelier vidéo-histoire du Lycée Jean-Baptiste-Say*. Paris, carrefour des résistances. Paris: Paris-Musées, 1994.
- BARTH, JACK. *International Spy Museum Handbook of Practical Spying*. Preface by Peter Earnest. Washington, D. C.: National Geographic Society, 2004.
- BEDFORD, SYBILLE. *Jigsaw*. London: Penguin Books, 1990.
- BEDFORD, SYBILLE. *Quicksands: A Memoir*. London: Penguin Books, 2006.
- BEEVOR, ANTONY, AND COOPER ARTEMIS. *Paris After the Liberation 1944-1949*. London: Penguin Books, 2007.
- Berg, A. Scott. *Goldwyn: A Biography*. New York: Riverhead Trade, 1998.
- BLOCH, MICHAEL. *The Secret File of the Duke of Windsor: The Private Papers, 1937-1972*. New York: Harper & Row, by arrangement with Bantam Press in Great Britain, 1988.
- BOTHOREL, JEAN. *Louise, ou, la vie de Louise de Vilmorin*. Paris: Éditions Grasset & Fasquelle, 1993.

- BREWARD, CHRISTOPHER. *Fashion*. New York: Oxford University Press, 2003.
- BRISAUD, ANDRÉ, FABRICE LAROCHE, JEAN MABIRE, FRANÇOIS D'ORCIVAL. *Histoire secrète de la Gestapo, 4 vols*. Geneva: Éditions Farnot, 1974.
- BROWN, FREDERICK. *For the Soul of France: Culture Wars in the Age of Dreyfus*. New York: Alfred A. Knopf, 2010.
- BROWNELL, WILL, and RICHARD N. BILLINGS. *So Close to Greatness: A Biography of William C. Bullitt*. New York: Macmillan Publishing Co., 1987.
- BROWNING, CHRISTOPHER. *The Origins of the Final Solution*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2004.
- BUISSON, PATRICK. *1940-1945 Années érotiques: Vichy ou les infortunés de la vertu*. Paris: Éditions Albin Michel, 2008.
- BULLOCK, ALAN. *Hitler: A Study in Tyranny*. London: Penguin Books, 1962.
- BURRIN, PHILIPPE. *France Under the Germans: Collaboration and Compromise*. New York: The New Press, 1998.
- CADOGAN, SIR ALEXANDER. *The Diaries of Sir Alexander Cadogan, O. M. 1938-45*. New York: G.P. Putnam's Sons, 1972.
- CALLIL, CARMEN. *Bad Faith: A Forgotten History of Family, Fatherland and Vichy France*. New York: Alfred A. Knopf, 2006.
- CATHERWOOD, CHRISTOPHER. *Winston Churchill: The Flawed Genius of World War II*. New York: Berkeley Publishing Group, 2009.
- CAVE BROWN, ANTHONY. *Bodyguard of Lies*. New York: Harper & Row, First Edition, 1975.
- CHARLES-ROUX, EDMONDE. *Chanel*. London: Jonathan Cape, 1976.

- CHARLES-ROUX, EDMONDE. *Le Temps Chanel*. Paris: La Martinière/Grasset, 1979.
- CHARLES-ROUX, EDMONDE. *L'Irrégulière ou mon itinéraire Chanel*. Paris: Grasset, 1974.
- CHAUVY, GÉRARD. *Histoire secrète de l'Occupation*. Paris: Editions Payot, 1991.
- CHRISTOPHE, FRANCINE. *Guy s'en va. Deux chroniques parallèles*. Paris: l'Harmattan, n.d.
- CHRISTOPHE, FRANCINE. *Une Petite Fille privilégiée*. Paris: l'Harmattan, n.d.
- CLINE, SALLY. *Zelda Fitzgerald: Her Voice in Paradise*. New York: Arcade Publishing, 2003.
- COINTET, JEAN- PAUL. *Expier Vichy: L'Épuration en France, 1943–1958*. Paris: Perrin, 2008.
- COLES, S. F. A. *Franco of Spain*. London: Neville Spearman Limited, 1955.
- COLLINS, LARRY, and DOMINIQUE LAPIERRE. *Is Paris Burning?* New York: Warner Books, 1991.
- COWLES, VIRGINIA. *The Beginning of the End Flight from Paris: June 1940. In Reporting World War II, Vol. 1: American Journalism 1938–1944, Library of America*. New York: Penguin Books, 1995, 53–62.
- CROWE, DAVID M. *Oskar Schindler*. New York: Basic Books, 2004.
- DE CHAMBRUN, RENÉ. *Mission and Betrayal*. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1993.
- DEGUNST, SYLVIANE. *Coco Chanel: Citations*. Paris: Éditions du Huitième Jour, 2008.
- DELAY, CLAUDE. *Chanel solitaire*. Paris: Éditions Gallimard, 1983.
- DOERRIES, REINHARD R. *Hitler's Intelligence Chief, Walter Schellenberg*. New York: Enigma Books, 2009.

- DOERRIES, REINHARD R. *Hitler's Last Chief of Foreign Intelligence: Allied Interrogations of Walter Schellenberg*. Portland, Ore.: Frank Cass Publishers, 2003.
- DREYFUS, JEAN-MARC, SARAH GENSBURGER. *Des camps dans Paris*. Paris: Librairie Arthème Fayard, 2003.
- DUBOIS, ANDRÉ-LOUIS. *À travers trois Républiques*. Paris: Plon, 1972.
- DU PLESSIX GRAY, FRANCINE. *Them*. London: Penguin Books, 2006.
- DUTTON, RALPH, and LORD HOLDEN. *The Land of France*. New York: Scribner's, 1939.
- EDER, CYRIL. *Les Comtesses de la Gestapo*. Paris: Grasset, 2006.
- EDWARDS, MICHAEL. *Perfume Legends: French Feminine Fragrances*. Carlsbad, Calif.: Crescent House Publishing, June 1998.
- ESCOFFIER, A. *L'Aide-mémoire culinaire*. Preface by Michel Escoffier. Paris: Flammarion, 1919 Re-édition.
- ETHERINGTON-SMITH, MEREDITH. *Patou*. London: Hutchinson & Co., 1983.
- EVERETT, PETER. *Matisse's War*. New York: Vintage Books, 1997.
- FARAGO, LADISLAS. *The Game of the Foxes*. London: Pan Books Ltd., 1973.
- FIELD, LESLIE. *Bendor, the Golden Duke of Westminster*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1986.
- FIEMEYER, ISABELLE. *Coco Chanel: Un parfum de mystère*. Paris: Petite Bibliothèque Payot, 1999.
- FLEISCHHAUER, INGEBORG, and BENJAMIN PINKUS. *The Soviet Germans Past and Present*. New York: St. Martin's Press, 1986.
- FLÜGGE, MANFRED. *Amer azur. Artistes et écrivains à Sanary*. Paris: Éditions du Félin, 2007.

- FOULON, CHARLES-LOUIS. *André Malraux et le rayonnement culturel de la France*. Brussels: Éditions Complexe, 2004.
- FRY, VARIAN. *La liste noire*. Translated by Edith Ochs. Paris: Éditions Plon, 1999. Originally published as *Surrender on Demand*, New York: Random House, 1945.
- GALANTE, PIERRE. *Les Années Chanel*. Paris: Mercure de France, 1972.
- GALANTE, PIERRE. *Mademoiselle Chanel*. Chicago: Henry Regnery Company, 1973.
- GALLET, DANIELLE. *Mme de Pompadour ou le pouvoir féminin*. Paris: Librairie Arthème Fayard, 1985.
- GIDEL, HENRY. *Coco Chanel*. Paris: Éditions J'ai lu/Flammarion, 2000.
- GLASS, CHARLES. *Americans in Paris: Life and Death under Nazi Occupation, 1940–44*. London: Harper's Press, 2009.
- GOLD, ARTHUR, and ROBERT FIZDALE. *Misia*. London: Macmillan, 1980.
- GOŃI, UKI. *The Real Odessa*. London: Granta Books, 2002.
- GRANDJONC, JACQUES, and THERESIA GRUNDTNER. *Zones d'ombres, 1933–1944: Exil et internement d'Allemands dans le Sud-Est de la France*. Aix-en-Provence: Alinea, 1990.
- GREEN, NANCY L. *Ready-to-wear and Ready-to-work: A Century of Industry and Immigrants in Paris and New York City*. Durham, N. C.: Duke University Press, 1997.
- GREENE, GRAHAM, and HUGH GREENE. *The Spy's Bedside Book*. New York: Bantam Books, 2008.
- GRIFFITH, ALINE, COUNTESS OF ROMANONES. *The Spy Wore Red*. New York: Random House, 1987.
- HAEDRICH, MARCEL. *Coco Chanel*. Paris: Pierre Belfond, 1987.

- HASSELL, AGOSTINO VON, and SIGRID MACRAE. *Alliance of Enemies*. New York: Thomas Dunne Books, St. Martin's Press, 2006.
- HIGHAM, CHARLES. *The Duchess of Windsor: The Secret Life*. Somerset, N. J.: John Wiley & Sons, Inc., 2005.
- HIGHAM, CHARLES. *Trading with the Enemy*. New York: Delacorte Press, 1983.
- HODSON, JAMES LANSDALE. *Through the Dark Night*. London: Victor Gollancz Ltd., 1941.
- HOFFMAN, TOD. *The Spy Within*. New York: Random House, 2008.
- HOISINGTON, WILLIAM A., JR. *The Assassination of Jacques Lemaigre Dubreuil*. London and New York: RoutledgeCurzon, Taylor & Francis Group, 2005.
- INGRAO, CHRISTIAN. *Croire et détruire — les intellectuels dans la machine de guerre SS*. Paris: Fayard, 2010.
- JENKINS, ROY. *Churchill*. New York: Plume, 2002.
- JOSEPHS, JEREMY. *Swastika Over Paris*. New York: Arcade Publishing, 1989.
- KAHN, DAVID. *Hitler's Spies: German Military Intelligence in World War II*. Cambridge, Mass.: Da Capo Press Edition, 2000.
- KAPLAN, JUSTINE, ED. *Bartlett's Familiar Quotations, 70th Ed.* New York: Little, Brown and Company, 2003.
- KARBO, KAREN. *The Gospel According to Coco Chanel: Life Lessons from the World's Most Elegant Woman. Illustrated by Chesley McLaren*. Guilford, Conn.: Globe Pequot Press, 2009.
- KARSKI, JAN. *Mon témoignage devant le monde. Histoire d'un État clandestin*. Paris: Robert Laffont, S. A., 2010.
- KERSAUDY, FRANÇOIS. *De Gaulle et Roosevelt, le duel au sommet*. Paris: Perrin, 2004.

- KIRKLAND, DOUGLAS. *Coco Chanel: Three Weeks 1962. Foreword by Judith Thurman*. New York: Glitterati Incorporated, 2009.
- KITSON, SIMON. *The Hunt for Nazi Spies: Fighting Espionage in Vichy France*. Chicago: University of Chicago Press, 2007.
- KLADSTRUP, DONALD, and PETIE KLADSTRUP. *Wine and War: The French, the Nazis, and the Battle for France's Greatest Treasure*. New York: Broadway Books, 2002.
- KRAUZE, JAN, DIDIER RIOUX. *Le Monde: Les Grands Reportages, 1944–2009*. Paris: Éditions Les Arènes, 2009.
- KUROWSKI, FRANZ. *The Brandenburger Commandos: Germany's Elite Warrior Spies in WWII*. Mechanicsburg, Pa.: Stackpole Books, 2005.
- LAWFORD, VALENTINE. *Horst*. New York: Alfred A. Knopf, 1984.
- LAZAREFF, PIERRE. *Deadline: The Behind the Scenes Story of the Last Decade in France*. Translated by David Partridge. New York: Random House, 1942.
- LEESE, ELIZABETH. *Costume Design in the Movies*. New York: Dover Publications, 1991.
- Livre Troisième: Des crimes, des délits et leur punition, Code Pénal et Code de Justice*. Paris: Armée de Terre. Paris: Librairie Dalloz, 1994.
- LLOYD, ALAN. *Franco*. New York: Doubleday & Company, 1969.
- LUCE, CLARE BOOTHE. *Europe in the Spring*. New York: Alfred A. Knopf, 1940.
- MADSEN, AXEL. *Chanel: A Woman of Her Own*. New York: Owl Books/Henry Holt and Company, 1990.
- MANCHESTER, WILLIAM. *The Last Lion: Winston Spencer Churchill: Alone 1932–1940*. Boston, New York, London: Little, Brown and Company, 1988.

- MARCUS, STANLEY. *Minding the Store*. Denton, Tex.: University of North Texas Press, 2001.
- MARRUS, MICHAEL R., and ROBERT O. PAXTON. *Vichy France and the Jews*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1995.
- MARTY, ALLAN T. *A Walking Guide to Occupied Paris: The Germans and Their Collaborators*. Unpublished manuscript.
- MEYER-STABLEY, BERTRAND. *Les Dames de l'Élysée. Celles d'hier et de demain*. Paris: Librairie Académique Perrin, 1999.
- MITCHELL, ALLAN. *Nazi Paris: The History of an Occupation, 1940–1944*. New York: Berghahn Books, 2008.
- MONTAGNON, PIERRE. *La France dans la guerre de 39–45*. Paris: Pygmalion, 2009.
- MORAND, PAUL. *L'Allure de Chanel. Illustrations by Karl Lagerfeld*. Paris: Hermann Éditeurs des sciences et des arts, 1996.
- MORAND, PAUL. *Journal inutile, 1968–1972*. Paris: Éditions Gallimard, 2001.
- MURPHY, ROBERT. *Diplomat Among Warriors*. New York: Doubleday & Company, 1964.
- NIERADKA, MAGALI. *Waiting Room by the Mediterranean: Marta and Lion Feuchtwanger in French Exile*. N. P., n.d.
- NORWICH, JOHN JULIUS. *The Duff Cooper Diaries 1915–1951*. London: Wiedenfeld & Nicolson/Orion Publishing Group, 2005.
- OUSBY, IAN. *Occupation: The Ordeal of France 1940–1944*. London: Pimlico, 1999.
- PADFIELD, PETER. *Himmler: Reichsführer-SS*. London: Macmillan London, 1990.
- PAXTON, ROBERT O. *Vichy France: Old Guard and New Order, 1940–1944*. New York: Alfred A. Knopf, 1972.

- PAXTON, ROBERT O., and MICHAEL R. MARRUS. *Vichy France and the Jews*. New York: Basic Books, 1981.
- PEYREFITTE, ROGER. *Les Juifs*. Paris: Flammarion, 1965.
- PICARDIE, JUSTINE. *Coco Chanel*. London: Harper Collins, 2010.
- PORCH, DOUGLAS. *The French Secret Services: From the Dreyfus Affair to the Gulf War*. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1995.
- POURCHER, YVES. *Pierre Laval vu par sa fille*. Paris: Le Cherche midi, 2002.
- POZNANSKI, RENÉE. *Jews in France during World War II*. Waltham, Mass.: Brandeis University Press, 2002.
- PRYCE-JONES, DAVID. *Paris in the Third Reich*. London: William Collins Sons & Co., 1981.
- RECTOR, FRANK. *The Nazi Extermination of Homosexuals*. New York: Stein & Day Publishers, 1981.
- REESE, MARY ELLEN. *General Reinhard Gehlen: The CIA Connection*. Fairfax, Va.: George Mason University Press, 1990.
- REILE, OSCAR. *L'Abwehr, le contre-espionnage allemand en France de 1935 à 1945*. Paris: Éditions France-Empire, 1970.
- RICHELSON, JEFFREY T. *A Century of Spies: Intelligence in the Twentieth Century*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- RIDLEY, GEORGE, with FRANK WELSH. *Bend'Or, Duke of Westminster*. London: Robin Clark, Namara Group, 1985.
- ROBERT-DIARD, PASCALE, and DIDIER RIOUX. *Le Monde: Les Grands Procès 1944–2010*. Paris: Éditions Les Arènes, 2010.
- ROULET, CLAUDE. *Ritz: A Story That Outshines the Legend*. Paris: Quai Voltaire, 1998.
- ROUSSEL, ÉRIC. *Le Naufrage*. Paris: Gallimard, 2009.

- ROUSSEL, ÉRIC. *Paris libéré!* Paris: Gallimard, 2002.
- SACHS, MAURICE. *La décade de l'illusion* Paris: Gallimard, 1950.
- SADOSKY, LOUIS, and LAURENT JOLY. *Berlin 1942: Chronique d'une détention par le Gestapo*. Paris: CNRS Editions, 2009.
- SCHEIJEN, SJENG. *Diaghilev: A Life*. New York: Oxford University Press, 2009.
- SCHELLENBERG, WALTER. *The Labyrinth*. Translated by Louis Hagen. New York: Harper & Brothers, 1956.
- SCHWARBERG, GÜNTHER. *The Murders at Bullenhuser Damm*. Translated by Erna Baber Rosenfeld with Alvin H. Rosenfeld. Bloomington: Indiana University Press, 1984.
- SHIRER, WILLIAM L. *Berlin Diary*. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 1941.
- SHIRER, WILLIAM L. *The Rise and Fall of the Third Reich: A History of Nazi Germany*. New York: Simon and Schuster Paperbacks, 1990.
- SMITH, RICHARD HARRIS. *OSS: The Secret History of America's First Central Intelligence Agency*. Guilford, Conn.: The Lyons Press, an imprint of The Globe Pequot Press, 2005.
- SPOTTS, FREDERIC. *The Shameful Peace: How French Artists and Intellectuals Survived the Nazi Occupation*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2008.
- STEEGMULLER, FRANCIS. *Cocteau: A Biography*. Boston: David R. Godine, 1992.
- TEMPLEWOOD, VISCOUNT. *Ambassador on Special Mission: Sir Samuel Hoare*. London: Collins, 1946.
- THOMPSON, DAVID. *A Biographical Dictionary of War Crimes Proceedings, Collaboration Trials and Similar Proceedings Involving France in World War II*. Written and compiled for the Grace Dangberg Foundation, Inc.

- http://reocities.com/Pentagon/bunker/7729/FRANCE/French_Trials.html, 1999–2002.
- TRACHTENBERG, JOSHUA. *The Devil and the Jews: The Medieval Conception of the Jew and Its Relation to Modern Anti-Semitism*. Philadelphia: Jewish Publication Society, 2002.
- VAUGHAN, HAL. *Doctor to the Resistance: The Heroic True Story of an American Surgeon and His Family in Occupied Paris*. Dulles, Va.: Potomac Books, 2004.
- VAUGHAN, HAL. *FDR's Twelve Apostles: The Spies Who Paved the Way for the Invasion of North Africa*. Guilford, Conn.: The Lyons Press, an imprint of The Globe Pequot Press, 2006.
- VEILLON, DOMINIQUE. *La Mode sous l'Occupation, nouvelle édition revue et augmentée*. Paris: Éditions Payot & Rivages, 2001.
- VEILLON, DOMINIQUE. *Vivre et survivre en France 1939–1947*. PARIS: ÉDITIONS PAYOT & RIVAGES, 1995.
- VERHEYDE, PHILIPPE. *Les mauvais comptes de Vichy: L'aryanisation des entreprises juives*. Paris: Perrin, 1997.
- VILMORIN, LOUISE DE. *Mémoires de Coco*. Paris: Éditions Gallimard, 1999.
- VREELAND, DIANA. *DV*. New York: Alfred A. Knopf, 1984.
- Waite, Robert G.L. *Vanguard of Nazism: The Free Corps Movement in Postwar Germany, 1918–1923*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1952.
- WALLACH, JANET. *Chanel: Her Style and Her Life*. New York: Nan A. Talese/Doubleday, 1998.
- WISTRICH, ROBERT S. *Who's Who in Nazi Germany*. London: Routledge, 1995.
- ZDATNY, STEVEN. *Fashion, Work, and Politics in Modern France*. New York: Palgrave Macmillan, 2006.

ВЕБ-САЙТЫ

www.ancestry.com

www.camp-de-drancy.asso.fr

http://www.essortment.com/all/perfume/french_rlot.htm

www.fmd.asso.fr

www.jpost.com

www.larousse.fr

www.lemonde.fr

www.lexpress.fr

www.meteo-paris.com/chronique/?d=1943

<http://pagesperso-orange.fr/d-d.natanson/etoile.htm>,

Mémoire juive et éducation

www.press.uchicago.edu

<http://pubs.acs.org/doi/abs/10.1021/cr950068a>

www.sanarysurmer.com/culture/index.html

www.suite101.com/content/icons-chanel-no-5-perfume-444263

www.thepeerage.com

www.usmbbooks.com

Именной указатель

- Абеска, Брюно 263, 268, 269
Абец, Отто 136, 164, 237–238, 244, 274, 318, 343
Абец, Сюзанна 136, 237–238
Александр I, король Югославии 150, 151
Аллар, Поль 152, 164
Альберт, принц 177
Альмасанская, герцогиня 251
Амио, Феликс 70, 262–264, 267, 268, 338, 357, 418
Апдайк, Джон 259, 416, 419
Арден, Элизабет 363
Арлетти 192, 272
Арон, Робер 316
Ахенбах, Эрнст 274
- Бадер, Теофиль 63–64, 68
Бадинтер, Робер 357
Бадольо, Пьетро 283, 294, 295, 427
Баланчин, Джордж 101
Баллок, Алан 362
Бальзан, Этьен 24–27, 50, 85, 186, 207, 210, 211, 350

- Бедо, Шарль 192, 285
Бедо, Ферн 192, 231, 235–236, 285, 413
Бедфорд, Сибил 112, 139, 317, 397, 401
Бейкер, Жозефина 190
Бейт, Сара Аркрайт (Вера) 69, 73, 78, 85–86, 90, 99, 183–185,
285, 294, 296–305, 323–328, 331, 406, 427, 429, 433
Бендор, см. Гросвенор, Хью, герцог Вестминстерский
Берар, Кристиан 121, 173
Бергман, Ингрид 264, 418
Бернадот, граф Фольке 311
Бёмельбург, Карл 298
Бёрджесс, Гай 371
Битон Сесил 117, 359, 366, 384
Биттер, Уильям 289
Бланке, Курт 261, 357, 416–417
Блант, Энтони 321
Блонделл, Джоан 117, 130, 131
Блум, Леон 146, 167–169, 171, 172, 182, 183
Бо, Эрнест 58–61
Боан, Марк 367
Богарт, Хэмфри 264, 418
Боденхаузен, Криста фон 144
Бомон, графиня Эдит де 287
Бомон, граф Этьен де 52, 98, 121, 137, 174, 315
Боннар, Пьер 32
Бонсержан, Жак 238
Брак, Жорж 45, 52, 102
Браун, Люси 140, 142, 155, 403
Браун, Энтони Кейв 281
Брахич, Вальтер фон 107, 216, 243
Бреннкендорф, граф фон 110
Бринкман, фон 110
Бринон, Фернан де 237
Бриссон, Фредерик 363

- Буллит, Уильям К. 206, 208
Буске, Мари-Луиз 163, 212, 219, 221
- Вааг, Александр 285–287
Валери, Поль 31, 57
Вердавен, М. 158–159
Вердура, граф Фулько делла 136, 137
Веер-Розенкранц, баронесса 279
Вертхаймер, Антуан 264
Вертхаймер, Жак 263, 267–270
Вертхаймер, Жермена 264
Вертхаймер, Жюльен 66, 67
Вертхаймер, Мадлен 264
Вертхаймер, Матильда 264
Вертхаймер, Поль 68, 70, 262, 264
Вертхаймер, Пьер 63, 65, 68–70, 262–264, 267–269, 355–357,
359–361
Вертхаймер, Эмиль 66, 67
Вертхаймер, Эрнест 66
Виктор Эммануил III, король Италии 283, 427
Виктория, королева 95
Вильгельм II, германский кайзер 291
Вильморен, Луиза де 349
Вильсон, Вудро 38, 44
Виндзорская, герцогиня 173, 192, 370
Виндзорский, герцог 77, 96, 157, 176–178, 192, 196, 198, 260,
320, 321, 370
Вионне, Мадлен 174
Висконти, Лукино 367, 376
Войцеховский, Леон 53
Вольтер 168
Вофрелан Пискатори, барон Луи де 17–18, 104, 233, 242–
254, 257, 261, 277, 299, 311–313, 319, 330–345, 348, 350, 371,
414–416, 434

- Вриланд, Диана 77, 133
Вуд, Эдвард (лорд Галифакс) 96
Вьюар, Эдуар 32
- Гайяр, Жорж 143–144
Гайяр, Пьер 139, 144, 159–161, 401
Галант, Пьер 11, 13, 44, 124, 175, 353–354, 357, 367, 412
Галифакс, лорд 280, 425
Гарбо, Грета 123
Геббельс, Йозеф 12, 71, 138–139, 152, 193, 203, 204, 233, 242, 243
Гейдрих, Рейнхард 257, 291
Генно, Жан 194
Геньерон, граф Жан-Рене де 312
Георг V, король Англии 80, 82, 157
Георг VI, король Англии 177, 198
Геринг, Герман 12, 42, 98, 138, 143, 151, 152, 203, 216, 231, 233, 240, 241, 263, 338, 357
Гесс, Рудольф 216
Гидель, Анри 279
Гизан, Анри 282
Гиммлер, Генрих 18, 270, 271, 280, 282, 288–290, 292, 295, 308, 311, 344, 350, 351, 390, 425, 431
Гитлер, Адольф 40, 41, 42, 44, 71, 96, 106, 107, 115, 138, 140, 143, 148, 150–151, 152, 156, 164, 177, 178, 179, 182, 183, 191, 193–194, 195, 196, 197, 198, 203–204, 209, 211, 212, 215, 216, 218, 223, 231, 242, 243, 245, 252, 257, 259, 260, 262, 271, 274, 276, 277, 280, 282, 289, 307, 308, 310, 321, 362, 370
Гитри, Саша 322
Гогенлоэ, принцесса Штефани фон 95–96
Годебска, Мария (Мися) см. Серт, Мария (Мися)
Гойнинген-Гюне, Георгий 117
Голд, Артур 36, 458
Голдвин, Сэмюэль 117–120, 123, 124, 131

- Голль, Шарль де 14, 15, 16, 195, 210, 214–215, 229, 243, 256, 258,
265, 273, 276, 282, 313–316, 320, 373, 434
- Грегор, Нора 129
- Грейг, Роберт 125
- Грессер, Отто 240–241
- Грис, Хуан 52
- Гросвенор, Хью, герцог Вестминстерский (Бендор) 18, 25,
73–97, 99–101, 104, 105, 106, 118, 132, 136, 137, 170, 183, 196,
197, 249, 260, 277, 279–280, 305, 350, 365, 393, 394, 457, 462
- Грюмбах, Лилу Маркан 365, 367, 370
- Грюмбах, Макс 64
- Гутенберг, Альфред 115
- Гурса, Жорж (Сем) 28
- Даллес, Аллен 282, 288, 307, 420
- Дали, Сальвадор 118, 173, 179, 367
- Данн, леди 80
- д'Аркур, Антуанетта 163
- Дарлан, Франсуа 272, 273, 274
- Деволь, Жанна 20–21
- Декостер 201
- Делэ, Клод 365, 393, 456
- Демилль, Сесил Б. 145
- Ден, Хуберта фон 370
- Деникс, Эрнест 144
- Деон, Мишель 349
- Дессоффи, барон Жак 200
- Дессоффи, баронесса Элен 158–162, 199–200, 202, 229, 404, 408
- Дёррис, Рейнхард 352, 456
- Диккен, Леонардо 199, 200, 202
- Дильс, Рудольф 152
- Динклагге, барон Ганс Гюнтер фон (Шпатц) 11, 13, 14, 16–
19, 39–43, 107–116, 139–144, 150–164, 198–203, 213, 216,
226, 227, 229–231, 233–237, 242–247, 249, 260–261, 276–279,
283–290, 293–295, 298, 299, 302, 304, 305, 307, 308, 310, 317,

318, 322, 328–329, 332, 334, 339, 341, 344–347, 348, 350, 353–355, 358, 370, 377, 387, 389, 390. 396, 401–403, 408, 409, 412, 414, 416, 423–428, 434, 438

Динклагге, Георг Карл фон 41

Динклагге, Герман фон 41

Динклагге, Лорри Валерия Эмили фон 41, 111, 278, 347

Динклагге, Максимилиана фон (Кэтси) 107–113, 116, 139, 140,

142, 144, 153, 159, 162–163, 199, 202, 317–319, 397, 404, 432

Дитрих, Марлен 173, 361

Дмитрий Павлович, великий князь 48, 54–59, 62, 64, 73, 79,

106, 117, 175, 186, 392

д'Обазин, Этьен 21, 235

Долин, Антон 53

Дольфус, Энгельберт 150

Домье, Оноре 168

Донован, Уильям Дж. (Дикий Билл) 270, 420

Дорси, Геба 11

Дрейфус, Адольф 64

Дрейфус, Альфред 23–24

Дрюмон, Эдуар 24

Дюбуа, Андре-Луи 221

Дюбонне, Андре 231, 273

дю Лак, отец 24

Дягилев, Сергей 32, 34, 45, 50–52, 75, 97, 100–101, 233

Елизавета, герцогиня Йоркская 92, 339–340

Елизавета II, королева Англии 350

Жакоб, Макс 52, 102

Жакийяр, Ж. 201

Жанна 192, 198, 367

Жермена 192, 198, 234, 311, 320, 433

Жид, Андре 45, 237

Жуандо, Кариатида 237

Жуандо, Марсель 237

Жюин, Альфонс-Пьер 273

Зихель, Петер М. 268–269, 421

Золя, Эмиль 168

Ириб, Поль 121, 126, 145–148, 175, 183, 186, 187, 277

Кали 35

Канарис, Вильгельм 138, 289, 302, 307–308, 433

Караян, Герберт фон 312

Кейс, Маргарет 129, 180, 181

Кембридж, Маргарет, маркиза Кембриджская 70

Кеннеди, Жаклин 373

Кеппел, миссис Джордж 105

Кирдорф, Эмиль 115

Клэдстрап, Дон 241, 460

Клэдстрап, Пити 241, 460

Клэр, Ина 124, 130, 131

Ко, Жан 370

Кокто, Жан 45, 52, 53, 58, 75–76, 97, 102, 121, 173, 175, 177, 180,
191–192, 233, 234, 237, 276, 309, 313, 322, 374

Кольбер, Клодетт 123

Котон, Шарль 113–114, 139–140, 143, 157, 401

Коуард, Нозл 192

Кохно, Борис 100, 101

Кребс, Жермена (мадам Гре) 174

Кросби, Нина 77

Купер, Дафф 16, 320, 340, 433

Куттер, Уильям 41, 155

Кучманн, Вальтер 288, 299, 300, 344, 425

Кэдоган, лорд Александр 324

Кэйпел, Артур (Бой) 26–30, 35, 43, 57, 94, 145, 186, 350, 390, 400

Кэмерон, Рой 281

- Лаборд, Леон де 25, 26
Лабрюни, Габриэль Паласс 94, 149, 163, 170, 186, 211, 213, 219,
230, 260, 319, 320, 368, 369, 370, 378, 382, 387, 392, 394, 398,
402, 405, 406, 407, 410–413, 424, 431–433, 436, 438
Лаваль, Пьер 16, 136, 218, 219, 222, 237, 238, 244, 259, 273, 422
Лазарев, Пьер 164, 405
Лафайет, Мари-Жозеф дю Мотье 273
Леви, Клод 269
Ледебур-Вихельн, граф Йозеф 18, 235, 236, 283–288, 388, 397,
403, 423, 424, 425, 429
Леже, Фернан 102
Леклерк, генерал см. Отклок, Филипп де
Леклерк, Фернан-Поль 332–341, 343, 344, 434
Ле Корбюзье 45
Ленин, Владимир Ильич 38
Ле Пен, Жан-Мари 24
Ле Пен, Марин 24
Лери Жанна 26
Лефевр, мадам 219
Линдберг, Чарльз 291
Лифарь, Серж 97, 98, 100, 101, 121, 179, 187, 233–234, 309, 312,
313, 315, 322, 367, 431
Локсли, П. Н. 324, 433
Ломбарди, Альберто 99, 184, 185, 296, 305, 326, 328, 406, 427
Ломбарди, Вера см. Бейт, Сара Аркрайт (Вера)
Ломбарди, Джузеппе 296
Лондондерри, леди Эдит 96
Лонсдейл-Брайанс, Джеймс 280, 424
Лоран, Анри 76
Лорансен, Мари 45, 137
Лус, Анита 173
Лэнг, Фрэнсис
Люс, Клэр Бут 180–181, 197, 206, 460

- Люс, Генри 180
Люксембург, Роза 41, 390
- Маггеридж, Малькольм 321
Маклин, Дональд 371
Маль, Луи 375
Мальро, Андре 373
Манн, Томас 108
Манон 169, 206, 212
Мария Павловна, великая княгиня 56
Маркус, Стэнли 362–363
Марэ, Жан 121, 175, 180, 191–192
Мдивани, Русудан (Русси) 120–121, 399
Мейер, барон Адольф Гейн де 83
Мийо, Дариус 76
Миллер, Генри 45
Миль, Эрве 349
Мильмо, Хеленус Патрик 281
Миронне, Франсуа 364–366, 368–370
Модильяни, Амедео 45, 52
Мольер 168
Момм, Теодор 39, 40–41, 276–278, 286, 289, 290, 293–295, 310,
331, 350, 351, 352, 353, 389, 390, 423, 424, 426–428
Монро, Мэрилин 373, 419
Моран, Поль 30, 83, 188, 236, 309, 320, 323, 349, 461
Моран, Элен 236
Мориак, Франсуа 45
Моро, Жанна 373, 375
Морю, Вероник 268–269
Муссолини, Бенито 44, 156, 171, 177, 184, 206, 283, 295, 296,
297, 328, 427–428
Мюнш, Шарль 312
Мясин, Леонид 101

- Наполеон III, император Франции 41
Натансон, Мария (Мися) см. Серт, Мария (Мися)
Натансон, Таде 31
Нибур, Герман (доктор Анри Нойбауэр) 18, 247–249, 337–
340, 343, 345
Нидда, Круг фон 144
Нижинская, Бронислава 53
Нижинский, Вацлав 34, 45, 65, 101
Николай II 41, 54
Ноттерман, Альберт 248, 337, 343, 345
Нозй, Мари-Лаура де 98, 163
- Обер, Анжель 206, 212
Онеггер, Артюр 312
Орик, Жорж 179
Осби, Иэн 237, 461
Отклок, Филипп де (генерал Леклерк) 15, 313–314, 328
- Паласс, Андре 28, 94, 186, 195, 210, 211, 214, 219, 222, 230, 246,
248, 250, 254, 260, 333, 341–343, 348, 391, 411, 415, 435
Паласс, Габриэль см. Лабрюни, Габриэль Паласс
Паласс, Катарина 210, 211, 212, 411
Паласс, Элен 186, 211
Папен, Фриц фон 289, 426
Парели, Мила 129
Пельтри, Эно 242
Першинг, Джон Дж. (Черный Джек) 38
Петен, Филипп 13, 16, 209–210, 212, 213, 215, 217–220, 225, 238,
272–274, 422
Пий XII, папа римский 206
Пикассо, Пабло 45, 48, 50, 52, 58, 76, 165, 373
Пилсудский, Юзеф 115
Плесси, Бернар дю 114
Плесси, Татьяна дю 114, 228–229

- Плесси Грей, Франсин дю 114, 457
Полиньяк, маркиз Мельхиор де 77
Помпиду, Жорж 11, 13, 367, 373
Помпиду, Клод 11, 12, 367, 369, 373
Понсонби, Лилия 105–107
Пруст, Марсель 32
Пуаре, Поль 145
Пфайфер, Эрих 283, 285, 287
Пэйоль, Поль (*в примечаниях*) 403
Пфистере, Герберт 370
Пэкстон, Роберт О. 12–13, 461
- Рабле, Франсуа 239
Равель, Морис 45
Распутин, Григорий 55, 392
Ратибор-Корвей, Аделе фон 202
Ратибор-Корвей, принц Эрнст 261, 416
Ренар, мадам 168–169
Ренуар, Жан 129
Ренуар, Пьер-Огюст 32, 350
Реверди, Генриетта 53
Реверди, Пьер 48, 52, 53–55, 64, 67, 95, 102–104, 188, 311–312, 332, 374, 439
Рейно, Поль 210
Рём, Эрнст 150
Риббентроп, Йоахим фон 203, 216, 231, 288, 307
Риссер, Ганс 203
Риссер, Гильда 203
Риц, Мари-Луиз 231
Розенберг, Альфред 153
Роль, майор 110
Роммель, Эрвин 310, 430
Ротермер, лорд Гарольд Хармсворт 79, 96
Ротшильд, баронесса 163

- Роули, Вайолет 83, 90
Роуэн, сэр Лэсли 324
Рошфуко, граф и графиня Габриэль де ла 333
Рузвельт, Сара Делано 131
Рузвельт, Франклин Делано 115, 131, 156, 208, 239, 256, 272,
282, 304, 323
Рундштедт, Герд фон 310, 430
- Саломон, Алида Лия 113, 114
Сандрар, Блез 102
Сартр, Жан-Поль 195, 257, 370
Сеймур, Дэвид 167
Сейриг, Дельфин 374
Сен-Лоран, Ив 367
Серр, Роже 17–19, 330, 332, 335, 337, 339, 343, 416, 435
Серт, Мария (Мися) 31–33, 35, 37, 43, 49, 52, 61, 100, 101, 120–
121, 124, 128, 175, 176, 179, 212, 221, 260, 322 323, 350, 399
Серт Хосе-Мария 32, 35, 43, 44, 120–121, 234, 315
Сиварейд, Эрик 210
Симпсон, Уоллис *см. также* Виндзорская, герцогиня 96,
157, 173, 177, 178,
Синьяк, Поль 168
Скьяпарелли, Эльза 118, 173–174, 175, 180
Сноу, Кэрмел 129, 205, 359
Сноуден, леди Этель 96
Соколова, Лидия 53
Сорель, Сесиль 33
Ставрид, Ив 263, 268, 269
Стайн, Гертруда 44
Сталин, Иосиф 183, 215, 239, 282, 304, 305, 306, 325
Стравинский, Игорь 34, 45, 48, 49, 50, 51, 52, 55, 179, 186
Суонсон, Глория 117, 125, 127, 131
Сэнки, леди Урсула Филмер 305
Тейлор, Элизабет 373

Тиссен, Фриц 115
Тициан 43
Томас, Герберт Грегори 265–270, 357, 362, 371–372, 418, 419–420
Тревор-Ропер, Хью 281
Троцкий, Лев 38
Тулуз-Лотрек, Анри де 32

Уилсон, генерал 325
Уоллак, Дженет 91, 365
Уоллес, Брайан 250, 254, 299
Устинов, Клоп 281

Фейхтвангер, Марта 108
Феллоуз, леди 48
Фермерен, Эрих (*примечания*) 426
Фимайер, Изабель 43, 390, 457
Фиппс, Эрик 151
Фицдейл, Роберт 36, 458
Фицджеральд, Зельда 46
Фицджеральд, Фрэнсис Скотт 44, 46
Флэннер, Дженет 134
Фокин, Михаил 101
Франко, Франсиско 177, 234, 250
Франсуа, Люсьен 360
Франсуа-Понсе, Андре 150
Фрик, Вильгельм 232

Хакон VII, король Норвегии 198
Хаксли, Мария 112
Хаксли, Олдос 108, 112
Ханессе, генерал 238–239
Ханк (немецкий журналист) 144
Хармсворт, Альфред 79
Хассель, Ульрих фон 280

- Хемингуэй, Эрнест 46, 48
Хепбёрн, Кэтрин 123, 363–364
Хертц, Мелани 142
Хилл-Диллон, полковник 324, 326, 331, 433
Хольтиц, Дитрих фон 313
Хор, Сэмюэль 304
Хорст, Хорст П. 117, 346, 348, 354
Хэвилленд, Оливия де 13
Хэмпшир, Стюарт 103, 281
Хэнки, Генри 301, 302, 383, 429
Хюнтцигер, Шарль 216
- Чемберлен, Невилл 177, 179, 183, 198, 425
Черчилль, Клементина 89, 90
Черчилль, Рэндольф 25, 88, 89, 133, 149, 177, 304, 328, 429
Черчилль, Уинстон 16, 25, 70, 78, 81, 85–91, 133, 143, 149, 156,
157, 177, 178, 183, 196–198, 217, 253, 256, 272, 277–280, 282,
284, 285, 290, 293, 294, 296, 297, 299, 300, 302–306, 320, 323–
326, 338, 358, 383, 384, 393, 395, 408, 421, 427–430, 432, 433
- Шазо, Жак 370
Шамбрюн, Жозе Лаваль де 219, 237–238, 273, 258, 413, 422
Шамбрюн, Рене де 14, 135, 136, 147, 219, 233, 238, 272–274, 319,
320, 356–359, 387, 422–423, 437
Шанель, Альбер 21
Шанель, Альфонс 21, 187
Шанель, Антуанетта 21, 46–47
Шанель, Габриэль (Коко) 11–439
Шанель, Джулия-Берта 21, 28
Шанель, Люсьен 21, 187
Шарль-Ру, Эдмонда 13, 14, 53, 127, 146, 183, 200, 255, 271, 295,
380, 387, 393, 395, 396, 401, 406, 408, 412, 415, 428, 432, 433,
437, 438, 455–456
Шевалье, Морис 190, 322

- Шелл, Роджер 133
Шелленберг, Вальтер 18, 19, 133, 139, 278, 280–282, 288–295,
298–302, 305–306, 308, 311, 319, 326, 328, 331, 339, 344, 349–
353, 362, 426–429, 431, 433
Шелленберг, Ирена 351, 352, 353
Шёнебек, полковник фон 111, 142, 162
Шибер, Вальтер 290, 293, 294,
Шиллингер, Ганс 346
Ширер, Уильям Л. 165–166, 169, 204, 216, 281
Шляйер, Рудольф 238
Шнайдер, Роми 373, 376
Шпатц *см.* Динклагге, барон Ганс Гюнтер фон
Шпеер, Альберт 231, 290, 293
Шпитци, Рейнхард 300, 301, 302
Шрёдер, Курт фон 115
Штайхен, Эдвард 117
Штауффенберг, Клаус фон 289, 307–308
Штрогейм, Эрих фон 123, 128
- Эбди, леди Ия 78, 91, 367, 393
Эванс, Мэдж 117, 130, 131
Эдвардс, Альфред 32
Эдвардс, Мария (Мися) *см.* Серт, Мария (Мися)
Эдрих, Марсель 14, 22, 182, 233, 256, 458
Эдуард VII, король Англии 70
Эдуард VIII, король Англии *см.* Виндзорский, герцог
Эйзенхауэр, Дуайт 271, 283, 304, 310
Эйхман, Адольф 257, 259
Элиот, Т. С. 132
Эльмигер, Ганс-Франц 196, 198, 205
Эсквит, леди Марго 96
- Юсупов, князь Феликс 55, 392

corpus 182

Хэл Вон

В постели с врагом

Тайная война Коко Шанель

Главный редактор ВАРВАРА ГОРНОСТАЕВА

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Ведущий редактор ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРСКАЯ

Ответственный за выпуск МАРИЯ КОСОВА

Технический редактор ТАТЬЯНА ТИМОШИНА

Корректоры ИРИНА МОКИНА, ОЛЬГА ИВАНОВА

Верстка МАРАТ ЗИНУЛЛИН

ООО "Издательство Астрель",
обладатель товарного знака "Издательство Corpus"
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, 3а

Подписано в печать 03.09.12. Формат 84×108 1/32
Бумага офсетная. Гарнитура "OriginalGaramondC"
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2
Тираж 5000 экз. Заказ № 6225/12.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 953000 – книги, брошюры.

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение
всей книги или любой ее части воспрещается без письменного
разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО "ИПК Парето-Принт", г. Тверь, www.pareto-print.ru

По вопросам оптовой покупки книг
обращаться по адресу:
г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Тел.: (495) 615-01-01, 232-17-16

